

Родная № 1(15)' 2011 **ЛАДОГА**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясенов В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ *Лиляна* (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ *Николай Петрович* (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ *Валерий Николаевич* (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ *Сергей Викторович* (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО *Николай Иванович* (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО *Виктор Гаврилович* (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ *Геннадий Викторович* (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ *Владимир Николаевич* (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ *Чеслав Станиславович* (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ *Аркадий Григорьевич* (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН *Владимир Николаевич* (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ *Юрий Михайлович* (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ *Виктор Иванович* (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ *Валерий Леонидович* (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ *Андрей Юрьевич* (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ *Наталия Алексеевна* (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ПОЧАТЕК *Изидор* (Словакия) — журналист-международник, публицист.

ЧАВЧАВАДЗЕ *Елена Николаевна* (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА

Интервью с Георгием Сергеевичем Полтавченко — полномочным представителем Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе	5
---	---

ПРОЗА

Эдуард Анашкин. Кто поцеловал меня в Рождество? <i>Рождественский рассказ</i> ...	15
Светлана Замлелова. Простые истории.....	174
Юрий Беляев. Последний сон Императора	232

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Маргарита Дмитриева. Рождество в Царской Семье	19
Дмитрий Rogozin. День Желтка	59
Илья Глазунов. Душа вымершего города.....	76
Наталья Нарочницкая. Как Британия пыталась «упразднить» германскую историю	97
Андрей Сахаров. Тайны Императорской Семьи. <i>Реальности существующей легенды (Император Александр I и старец Феофор Козьмич)</i>	220

ПОЭЗИЯ

Андрей Ребров	27
Станислав Куняев	72
Игорь Тюленев.....	210
Любовь Берзина.....	215
Николай Зиновьев	245
Виктор Дронников.....	251

СОДРУЖЕСТВО к 20-летию СНГ

Интервью с Андреем Юрьевичем Молчановым — членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, председателем Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств	32
---	----

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Никита Михалков. Право и правда. <i>Манифест Просвещенного Консерватизма</i> ...	38
Борис Подопригора. Уроки Победы	90

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Казин. Свободный консерватизм и русская идея. О «Манифесте» Н. С. Михалкова	55
Игорь Андрушкевич. Коренные противоречия западной цивилизации.....	238

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Валентин Распутин. Коренная порода нации.....	69
Чеслав Кирвель, Инна Бусько. Образование как фактор национальной безопасности: сюжеты для России	115

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Новые лики терроризма..... 102

Поэзия дипломатов

Сергей Лавров 133

Евгений Примаков 138

Владимир Казимиров 141

Пути познания

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов).

Пресыщение или воздержание. *Медицина и религия* 146

Михаил Быстров. Окончательный исход философии из Афин в Иерусалим..... 191

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы..... 153

Лестница

Елена Шаляпина. «С Рождеством Христовым, чада Божии!».

К 130-летию со дня рождения святителя Николая Сербского (1881–1956) 159

Вопросы творчества

Юрий Микулин. «Post scriptum»..... 167

Архимандрит Иоанн (Экономцев). Исихазм и проблема творчества 180

Знакомый голос

Михаил Бондарев. «Поднимается в небо Андреевский флаг...». *Стихи и песни* 248

Родная речь

Василий Белов. Спасем язык — спасем и Россию..... 256

Памятослов

Григорий Калужный. Третья оборона Севастополя.

80 лет со дня рождения В. В. Кожина (05.07.1930–25.01.2001) 259

Петербургский писатель

Евгений Лукин. Немолчная флейта.

О поэзии Виктора Иванова..... 278

Искусство

Валентина Ефимовская. «Служить земле своей».

О петербургском живописце Владимире Смирнове 281

*Интервью
с Георгием Сергеевичем
Полтавченко —
полномочным
представителем
Президента Российской
Федерации в Центральном
федеральном округе*

«Родная Ладога»: *Уважаемый Георгий Сергеевич! Позвольте поздравить вас от имени редакции и читателей журнала «Родная Ладога» со светлым Рождеством Христовым! Что бы вы хотели пожелать нашим читателям?*

Г. С. Полтавченко: В первую очередь я хочу поблагодарить редакцию журнала «Родная Ладога» за возможность поделиться с вашими читателями некоторыми размышлениями о нашем Отечестве, о путях возрождения России на основе духовно-нравственного оздоровления всего общества.

В преддверии светлого праздника Рождества Христова хочу пожелать читателям журнала мира и спокойствия в душе, здоровья и благополучия их родным и близким.

«Родная Ладога»: *Представители редакции журнала «Родная Ладога» в комплексе мероприятий Пленума Союза писателей России, который проходил летом юбилей-*

Георгий Сергеевич Полтавченко — родился в 1953 году в Баку. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, Высшие курсы КГБ СССР и Санкт-Петербургский финансовый техникум. Работал инженером НПО «Ленинец». Затем проходил военную службу на различных оперативных и руководящих должностях в органах безопасности. В 1992–1993 годах — начальник Управления налоговых расследований при Государственной налоговой инспекции по Санкт-Петербургу. В 1993–1999 годах — начальник Управления Федеральной службы налоговой полиции России по Санкт-Петербургу. В 1999–2000 годах — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Ленинградской области. С 2000 года — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе. Член Совета Безопасности РФ. Имеет государственные и церковные награды.

ного 2010 года в Курске под девизом «Нам дороги эти позабыть нельзя», приняли участие в историческом Крестном ходе с древнейшей русской святыней, упоминающейся с XIII века, Курской-Коренной иконой Божией Матери. Мы знаем, что вы являетесь председателем Попечительского совета по возрождению Коренной Пустыни и еще в 2009 году обратились к Русской Зарубежной Православной Церкви о предоставлении святого образа для поклонения верующим в России. Расскажите, пожалуйста, о подготовке этого события, о Вашей деятельности на посту председателя Попечительского совета, о возможных перспективах возвращения Курской Коренной иконы Божией Матери в Россию.

Г. С. Полтавченко: Пребывавшая почти 80 лет в изгнании, чудотворная икона Божией Матери «Знамение» Курская-Коренная вернулась, пусть и на короткое время, в место своего обретения.

Принесение Иконы Божией Матери «Знамение» стало возможным в результате многолетних усилий священноначалия Русской Православной Церкви по объединению двух ветвей Матери-Церкви, завершившихся подписанием Акта о каноническом общении, и увенчало усилия Попечительского совета по комплексному возрождению монастыря «Коренная Пустынь», который мне было доверено возглавить. Усилиями органов государственной власти, крупнейших предпринимательских структур, пожертвованиями тысяч оставшихся неизвестными жертвователей обитель воссоздана в первозданном виде. Радуют взор восстановленные Соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы, Белая гостиница, Игуменский корпус, братские корпуса, храмы и колокольня, введены в строй современные инженерные сети. И я рад, что в этом великом совместном делании есть и толика моих трудов.

Искренне считаю, что эта работа способствовала тому, что Икона Божией Матери «Знамение» вновь пребывала в месте своего обретения и сотни тысяч верующих смогли поклониться главной святыне Курского края.

Поклониться чудотворному образу в дни его пребывания в России стремились не только москвичи и куряне, жители близлежащих регионов, но и ближнего, и дальнего Зарубежья. Были делегации из Австралии и Новой Зеландии. Все это является свидетельством возвращения нашего народа к своим культурно-историческим истокам, желанием исповедовать религию предков и подтверждением слов Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Свой лик Царица Небесная снова обратила к нашей стране».

«Родная Ладога»: Вы награждены премией общественного признания «Духовный радатель Курского края». Расскажите, за что вы получили эту почетную награду? И еще один попутный вопрос. В своем выступлении при получении этой премии вы говорили о необходимости и существенной возможности возрождения русского села, которое, по вашему мнению, может прокормить не только собственный край, но и быть экспортером сельскохозяйственной продукции. Как это связано с духовно-нравственным возрождением обществ?

Г. С. Полтавченко: Считаю, что эта награда по праву принадлежит всем членам Попечительского совета по комплексному возрождению Рождества Пресвятой Богородицы мужского монастыря «Коренная Пустынь», и признателен жителям Курского края за столь высокую оценку нашей деятельности.

Говоря о возрождении села, хотел бы проиллюстрировать этот вопрос конкретным примером. Мы с вами были участниками X юбилейной Курской Коренной ярмарки.

Ярмарка, известная с XVIII века и прославившая Курск в качестве «южных торговых ворот России», является одним из ярких примеров сохранения и развития многовековых традиций, гармоничного единения духовной и экономической составляющих культурно-исторического наследия нашей страны.

Возрожденная Курская ярмарка получила широкую известность в России, ближнем и дальнем зарубежье, стала местом проведения многосторонних деловых встреч и переговоров, презентации продукции передовых технологий, заключения соглашений об экономическом сотрудничестве в различных отраслях.

Учитывая высокую значимость Курской Коренной ярмарки в деле возрождения культурно-исторических традиций и развитии межгосударственного социально-экономического и гуманитарного сотрудничества, прежде всего, с приграничными регионами Украины, в связи с моим обращением на имя Председателя Правительства Российской Федерации, проведение ее включено в перечень мероприятий федерального значения.

На ярмарке были представлены тысячи производителей сельскохозяйственной продукции из многих регионов нашей страны. Радует то обстоятельство, что по ряду показателей производства свинины и мяса птицы мы в ближайшем будущем сможем обойтись без импорта, а в перспективе начать и экспорт этой продукции. На этот процесс, естественно, оказывает влияние и духовно-нравственное возрождение и обновление села.

Центральный федеральный округ уникален по количеству памятников историко-культурного наследия нашей страны, именно здесь формировалась российская государственность и православная цивилизационная культура.

В современных условиях, когда быстрыми темпами идет процесс возвращения верующим православных святынь и осуществляется строительство новых храмов, необходимо думать о том, кто и с каким чувством войдет в церковную ограду.

Первое, на чем, как мне кажется, необходимо сосредоточить наши совместные усилия, — реализация программ духовно-нравственного образования и воспитания подрастающего поколения. Защита духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни осуществляется в различных формах: созданием органами государственной власти, органами местного самоуправления и централизованными религиозными организациями центров духовно-нравственного воспитания, включением православно-ориентированных курсов и предметов в региональный и школьный компоненты образования во всех субъектах, входящих в состав округа.

Преподавание «Основ православной культуры» осуществлялось во многих общеобразовательных учреждениях субъектов Центрального федерального округа. В четырех субъектах ЦФО предмет ОПК включен в региональный компонент образования (Белгородская область — 100 % учащихся, Владимирская область — 19 %, Курская область — 55 %, Тверская область — 25 %). В настоящее время ОПК, история мировых религий и основы светской этики преподаются во всех субъектах ЦФО.

Актуальные вопросы духовно-нравственного воспитания и образования и выполнения поручения Президента Российской Федерации Д. А. Медведева о введении комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» были рассмотрены на традиционных IV Образовательных чтениях Центрального федерального округа «Взаимодействие семьи, школы и Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи».

Уже с 1 апреля 2010 года эксперимент по преподаванию новых предметов начался в трех областях: Костромской, Тамбовской и Тверской для двадцати пяти тысяч учащихся, более половины которых выбрали «Основы православной культуры», что определяется конфессиональными предпочтениями самих жителей Центральной России. Кроме того, ведется работа по сохранению в региональном и школьном компонентах преподавания православно ориентированных культурологических курсов («Истоки» в Костромской области, «Духовное краеведение Тамбовщины») на всех этапах обучения, а не только в сроки, определенные экспериментом.

Кроме того, мне бы хотелось остановиться на очень важном направлении совместной с Русской Православной Церковью деятельности, связанном с судьбой учреждений культуры, образования, социальной сферы, работающих в стенах монастырей и храмов, возвращаемых Церкви. Важно, чтобы процесс передачи имущества религиозным организациям способствовал культурно-просветительской деятельности, чтобы музеям и библиотекам предоставлялись возможности создания экспозиций в новых зданиях, отвечающих всем современным требованиям.

В то же время не могу не сказать и о последствиях мирового экономического кризиса, повлиявшего и на экономику нашего государства.

Россия как страна с открытой рыночной экономикой не могла не ощутить удар мирового финансово-экономического кризиса. Кризисный 2009 год регионы ЦФО, как и страна в целом, прошли без серьезных социальных потрясений. Не произошло предрекаемого всплеска преступности, число зарегистрированных преступлений в прошлом году даже снизилось. Несмотря на заметное падение производства (его объемы ЦФО сократились в 2009 году более чем на 15 %), реальная заработная плата снизилась в целом по округу всего лишь на 2 %. Государству не только удалось выполнить все взятые в предкризисный период социальные обязательства, но и реализовать антикризисные меры по стабилизации рынка труда и созданию рабочих мест, поддержке предприятий. Все это в корне отличается от положения дел в лихие 90-е, когда граждане, включая пенсионеров, выживали, что называется, как умели.

С другой стороны, кризис ярко продемонстрировал уязвимость нашей экономики, особенно обрабатывающих отраслей промышленности, высветил структурные диспропорции. Как известно, от кризиса наиболее пострадали регионы, в структуре хозяйства которых преобладает промышленное производство. К таким относятся и субъекты Федерации в составе ЦФО. У нас выпуск в промышленности, в обрабатывающих секторах упал больше, чем в целом по России. Не стала исключением и промышленность Курской области. В ее обрабатывающем комплексе из-за снижения заказов автопрома и обороной промышленности индекс производства в прошлом году составил 89,9 % (четвертый результат среди регионов ЦФО). Вместе с тем,

в кризисный год региону удалось увеличить объемы выпуска в химическом производстве, производстве электро- и электронного оборудования. В пищевой промышленности объем производства вырос почти на 6 %, чему способствовали осуществленное ранее развитие сырьевой базы и техническое перевооружение.

К сожалению, в текущем году восстановление экономики наших регионов, да и страны в целом, идет медленными темпами. Необходимо выйти на более интенсивный рост производства за счет повышения конкурентоспособности отраслей, модернизации производства, внедрения инноваций.

«Родная Ладога»: *Какова тенденция реализации национальных проектов в области молодежной политики в Центральном федеральном округе России, может ли это быть связано и с духовным возрождением России?*

Г. С. Полтавченко: Исходя из практики реализации государственной молодежной политики регионального и федерального уровня, еще в октябре 2000 года были выделены ключевые проблемы в работе с молодежью:

- недостаточность комплексного правового обеспечения молодежной политики;
- вопросы занятости молодежи, особенно первого трудоустройства;
- недостаточное финансирование региональных проектов из федерального бюджета;
- отсутствие реальных механизмов повышения социальной активности молодежи, реального включения молодых людей в общественные процессы;
- проблемы патриотического и духовно-нравственного воспитания.

Для тех, кто действительно показал себя, продемонстрировал свои амбиции и желание двигаться вперед, в ЦФО реально создаются условия для того, чтобы молодой человек раскрылся как можно раньше, чтобы общество узнало о его достижениях, и чтобы его усилия оказались обществом востребованными.

В соответствии с решением Совета федерального округа у нас реализуется программа «Молодежь Центрального федерального округа».

Комплексный подход, выделение наиболее значимых направлений работы, учет региональных особенностей позволили привлечь внимание руководителей к молодежной проблематике. Очень важно, что к этой работе были привлечены и областные общественные палаты, т. е. представители гражданского общества. Анализ показывает, что у нас созданы определенные условия для социализации молодежи, развития творческого потенциала юношей и девушек, гражданско-патриотического воспитания молодого человека, противодействия социальным деформациям в обществе. Это в полной мере соответствует задачам, поставленным Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым по духовно-нравственному воспитанию молодежи.

Серьезное внимание мы уделяем и организации досуга нашей молодежи: Межрегиональный фестиваль студенческих театров эстрадных миниатюр (СТЭМ) (г. Брянск); фестиваль современного танца «Черный кот» (г. Рязань); Международный фестиваль-конкурс солдатской военно-патриотической песни «Афганский ветер» молодежи стран СНГ (г. Старый Оскол); Международный фестиваль патриотической песни «Мелодии солдатского сердца» (г. Тамбов); Всероссийский фестиваль современного мо-

лодежного и эстрадного танца «Осколданс» (Белгородская область), Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «Роза ветров» (г. Москва), фестиваль и Школа авторской самодеятельной песни им. Ю. Визбора «Распахнутые ветра», региональные туры всероссийского конкурса «Студенческая весна», региональные туры и всероссийские финалы Международных молодежных дельфийских игр.

Мы возродили проведение хорошо зарекомендовавших себя слетов участников молодежных клубов военно-патриотической направленности, военно-спортивных игр молодежи, походов молодежи: традиционные — «Зарница», «Орленок»; новые — «Звезда», «Щит и меч», «Тропа разведчика», «Комбат», «Витязь», «Защитник Отечества», «Победа» и другие. Интерес представляют и межрегиональные мероприятия, в которых принимают участие представители нескольких областей округа. Это — марш-бросок «Куликово поле», сборы Центра вневойсковой подготовки «Каскад», оборонно-спортивные молодежные лагеря. Традиционными стали встречи ветеранов войны и воинской службы и молодежи. Более 300 тысяч подростков с увлечением занимаются в военно-патриотических объединениях, клубах, которые созданы в областях и районах округа.

Мы уделяем особое внимание на подготовку и проведение образовательных молодежных лагерей и форумов, лагерей студенческого и молодежного актива.

Наиболее значимые: открытый образовательный форум «Патриот», молодежный лагерь «СМОЛА», Всероссийский лагерь общественной организации «Молодая гвардия Единой России — Гвардия 2020», Всероссийский форум «Селигер», фестиваль молодежных клубных и общественных объединений Центрального федерального округа «Увлечение» (Ивановская область); Международная ярмарка школьных кампаний (Тульская область); выставка научно-технического творчества молодежи «НТТМ» (г. Москва); Международный фестиваль славянской молодежи «Дружба—2009» (Брянская область); фестиваль детских и молодежных общественных объединений Центрального федерального округа «Содружество» (Тверская область); лагерь для студенческой молодежи ЦФО (Костромская область); сбор вожатых и руководителей детских организаций Центрального федерального округа «Звездный» (Воронежская область); Международный студенческий фестиваль «СТАТУС» (Ярославская область).

Конечно, всего этого явно недостаточно. Об этом говорит только одна цифра. В России по данным ФСКН более 5 млн. наркоманов. Получается, что каждый 30-й житель нашей страны отравляет свою кровь. Среди наркоманов более 80 % — это дети и молодежь. Это характерно и для территорий ЦФО. Около 40 % школьников знают, где и как достать наркотические вещества. Значительная часть детей школьного возраста не осуждают экспериментирование с наркотиками, считая их потребление признаком «сильной» молодежной жизни. При этом средний возраст первой пробы снизился с 17 до 14 лет. Особенно тяжелое положение в округе складывается в Москве, Московской, Тверской, Воронежской областях. Около 5 % опрошенной молодежи употребляют наркотики внутривенно. При этом 70 % потребляющих опиаты делают это не менее двух раз в месяц. Если сейчас активно не вмешаться в ситуацию в сфере употребления наркотиков, то через 20—30 лет мы можем получить катастрофически высокую долю неполноценного населения.

«Родная Ладога»: *В этой связи хотелось бы поговорить об акции «Поезд в будущее», проводимой в рамках Всероссийской антинаркотической программы. Ведутся ли сегодня работы в продолжении этой акции? Какова степень интеграции по этому вопросу с Русской Православной Церковью?*

Г. С. Полтавченко: Данная акция направлена на развитие у подростков и молодежи позитивного мышления, построения гармонических взаимоотношений личности и общества, уважительного отношения к собственному здоровью и будущему. Основной целью акции является формирование у молодежи и взрослых систем подлинно общечеловеческих ценностей, поддержка молодого поколения, созидающего новую Россию — сильную, богатую, высоко духовную державу.

«Пассажиры» этого агитпоезда занимаются профилактикой наркомании в регионах, причем работают не только с молодежью. Они помогают педагогам и социальным работникам обнаружить новые направления и ресурсы в работе с подростками и семьями «группы риска», родителям — получить консультации у специалистов по всем вопросам, связанным с воспитанием детей и семейными взаимоотношениями, младшим школьникам — сформировать негативное отношение к вредным привычкам и научиться говорить «нет» в жизненных ситуациях, когда надо проявить твердость.

К участию в программе привлечены государственные и общественные организации, как центральные, так и в регионах, реабилитационные центры, фонды и ассоциации, заинтересованные в формировании здорового образа жизни, ведущие спортсмены, представители современной рок- и поп-культуры.

Всего в мероприятиях акции за шесть лет приняло участие более двухсот тысяч человек (спортивные соревнования; семинары с участием студентов высших и средних учебных заведений, школьников; итоговый концерт-диалог).

Очень важно то, что Всероссийская антинаркотическая акция «Поезд в будущее», зародившись в Центральном федеральном округе, реально превратилась в долгосрочную, постоянно действующую программу, все шире охватывающая различные регионы России, что достигнута главная задача акции — привлечение внимания общественности к проблеме профилактики наркомании среди молодежи, акция всколыхнула молодежную среду, широкие слои общества.

«Родная Ладога»: *2010 год был назван Годом Учителя. Одним из значительных мероприятий в рамках программы этого года стал XIV Всемирный Русский Народный Собор, проходивший по теме «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества». В связи с вашим участием в торжественном открытии Собора хотелось бы знать ваше мнение по поводу роли учителя в реализации названных задач. Приняты ли во внимание Правительством эти рекомендации, составленные на основе предложений непосредственных участников процесса образования: учителей школ общеобразовательных, духовных, высших; писателей, деятелей культуры и искусства?*

Г. С. Полтавченко: 2010 год должен запомниться нам не только как Год Учителя в Российской Федерации, но и как год начала проведения

масштабных преобразований, направленных на реализацию национальной инициативы «Наша новая школа», утвержденной Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым. За минувшие годы в округе очень много сделано в рамках приоритетного национального проекта в области образования, но основная суть всероссийской инициативы, предложенной Президентом РФ, — в «создании школы, способной раскрывать личностный потенциал детей, воспитывать в них интерес к учебе и знаниям, стремление к духовному росту и здоровому образу жизни». Кроме того, ее успешная реализация «должна способствовать подготовке детей к профессиям с учетом задач модернизации и инновационного развития страны».

Особенная ценность «Новой школы» прежде всего в том, что ее успешная реализация зависит не только от государства и органов управления образованием, но и от всего общества в целом. Большая роль в этой деятельности принадлежит Общественному совету ЦФО, общественным объединениям, которые оказывают значимую помощь по реализации нововведений, ждущих российскую школу.

Глубокая духовность русского образования с самых древних времен определяла его высокий нравственно-воспитательный характер, способствовала созданию удивительно чистой, действенной и сильной культуры. И, именно, русские литература и искусство, основанное на этом образовании представляют собой на протяжении многих столетий необыкновенную целостность, отражающую единство и крепость народного духа, проникнутого нравственным просвещением.

Инновационные преобразования школы находятся в прямой зависимости от учителя, в руках которого реализация социального заказа государства. Сегодняшний педагог — важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила. Осваивая мир в разных формах его проявления, он переходит от фрагментарности кругозора к целостному мировоззрению. С энтузиазмом берясь за далеко не всегда выполнимые задачи, педагог создает потенциал будущего развития страны.

Мы каждый год говорим о взаимодействии важнейших институтов нашей жизни — школы, семьи, церкви, государства.

Семья призвана воспитать из младенца, явившегося на свет, человека, умеющего любить, радоваться, чувствовать и познавать мир.

Школа помогает ввести человека в общественную жизнь, снабжает его необходимыми знаниями, приобщает к культуре своей страны, воспитывает ответственного гражданина и патриота.

Церковь же, что очень важно, приобщает человека к целостной мировоззренческой и культурной традиции с определенной системой нравственных норм, высших духовных ценностей. В этой связи духовно-нравственное воспитание, как результат деятельности государства и всех заинтересованных структур общества, призвано решать задачу становления истинно человеческого в человеке, раскрыв в нем духовное начало, определяющее его поведение и весь образ жизни.

«Родная Ладога»: *Недавно вы наградили одного из творческих лидеров современной русской литературы Ю. М. Ложица, члена Союза писателей России. В связи с этим событием хотелось бы знать, какое место вы отводите сегодня писателям, работающим в национально-*

патриотических традициях, в решении социальных и культурно-воспитательных задач?

Г. С. Полтавченко: Выбор претендентов на награждение премией Центрального федерального округа, в соответствии с Положением, осуществляет творческо-экспертная комиссия, в которую входят известные деятели культуры и искусства, такие как народные артисты СССР В. Лановой, М. Кольцова, народные художники России З. Церетели, В. Нестеренко, Д. Белюкин, писатели В. Ганичев, А. Лиханов, композитор В. Казенин, музыковед С. Бэлза и другие.

Премии I степени в номинации «За произведение литературы за 2010 год», действительно, удостоен Юрий Михайлович Лощиц — известный прозаик и публицист, являющийся одним из видных современных историков и биографов. Его книги из серии «ЖЗЛ» — «Григорий Сковорода», «Гончаров», «Дмитрий Донской» выдержали десятки изданий общим тиражом несколько миллионов экземпляров и признаны одними из лучших исследований в своей области. Он также известен как исследователь славянской культуры и переводчик. Ранее премию округа в этой номинации получили видные российские писатели: В. Боков, В. Поситров, Г. Попов, С. Куняев, А. Дементьев.

На мой взгляд, классическая формула: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» давно определила позиции отечественной литературы. И мы благодарны писателям, исповедующим эту традицию, за верность и последовательность. Их голоса были слышны на самых важных литературных и общекультурных событиях, происходивших в стране: в Брянске на 200-летию Тютчева, в Рязани — на Есенинских праздниках, в станции Вешенской — на Шолоховских днях, в Михайловском — на Пушкинском юбилее, в Дагестане — на празднике «Белые журавли» Гамзатова.

Все эти годы писатели напоминали России о непреходящем значении тургеневского Спасского-Лутовинова, толстовской Ясной Поляны, лермонтовской Тамани, некрасовской Карабихи, блоковского Шахматова, Смоленска Твардовского и Исаковского, фатьяновских Вязников.

Существенный вклад внес Союз писателей России в работу Всемирного Русского Народного Собора, оказав помощь Русской Православной Церкви в формировании важнейшей социальной доктрины.

К сожалению, средства массовой информации еще очень мало и слабо освещают деятельность ведущего творческого Союза страны. Но в России существует свой особый духовный телеграф — Россия знает и слышит имена Валентина Распутина, Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Василия Белова, Владимира Кострова, Егора Исаева, Виктора Лихоносова и многих других своих любимых писателей.

Хочется также с благодарностью обратиться к именам наследников литературного творчества наших великих классиков Толстого и Бунина, Фета и Тютчева, Тургенева и Чехова. Это они сегодня берегут и умножают богатства культуры Центральной России, хранят ее славные исторические и военные традиции. Я имею в виду: Виктора Дронникова из Орла, Владимира Молчанова из Белгорода, Виктора Смирнова из Смоленска, Владимира Дедкова из Курска, Ивана Евсеенко из Воронежа, Бориса Шальнева из Липецка, молодых литераторов: Константина Паскаля из Рязани, Марину Струкову из Тамбова, многих других, живущих в центре России.

Конечно, Союз писателей — сообщество свободных и независимых творцов, но, определяясь в нашем сегодняшнем бытии, важнее всего наметить точку опоры, определить общие незыблемые ценности.

Думаю, что такой точкой опоры было и есть для всех нас Российское государство. В свое время очень точно сформулировал отношение к своей Родине один из выдающихся православных мыслителей Евгений Трубецкой. «Заслуживает осуждения, — говорил он, — не только антигосударственное, анархическое, но и безучастное, равнодушное отношение к государству. Раз государство признается положительной ценностью, с христианской точки зрения, великий христианин обязан за него бороться». Так понимали задачу государства и его ценность величайшие святые, в том числе и Сергей Радонежский. Мне кажется, что именно этой позицией руководствуются многие писатели, работающие в национально-патриотической традиции. Их гражданская позиция вызывает огромное уважение.

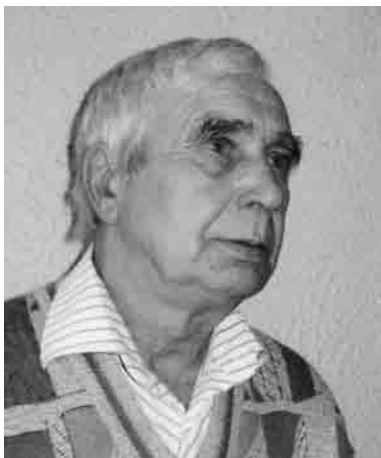
С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

ПРОЗА

Эдуард АНАШКИН КТО ПОЦЕЛОВАЛ МЕНЯ В РОЖДЕСТВО?

*Рождественский
рассказ*

Эдуард Константинович Анашкин — родился в 1946 г. в Читинской обл. Окончил сельскохозяйственный техникум, затем учился в Ульяновском педагогическом институте. Работал столяром и плотником, слесарем по ремонту вагонов и рабочим кирпичного завода, секретарем сельского Совета, учителем истории в школе и заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты. Двадцать пять лет проработал чабаном в совхозе «Майский» Самарской обл. Сейчас работает кочегаром. Печатался в центральных газетах и журналах. Автор многих книг прозы. Член СП России. Лауреат многих литературных премий. Живет в селе Майское Самарской области.

Детский дом стоял на пригорке. Он был хорошо виден со всех сторон нашего небольшого поселка. Звали его «Зеленый остров». В степи, где находился поселок, зелени было мало. А детский дом утопал летом в зелени — стройные березки окружали его со всех сторон. Была здесь и аллея выпускников, высокие тополя тому свидетельство. Когда началась эта традиция, никто не знал, но уходящий из детского дома всегда сажал дерево, а кто-то из новичков брался за ним ухаживать. И становятся они между собой как бы братьями. И оттого, наверное, что родство это было очень крепкое, вся территория детского дома утопала в зелени.

...Я иду в свой детский дом. Сегодня меня выписали из больницы, где я пролежал больше двух месяцев. Я соскучился по ребятам, по своей комнате, по нашим воспитателям и по Бате — нашему доброму директору Виктору Николаевичу. Даже по новенькому — Вовке Скворцову, который появился в мое отсутствие и о котором мне, конечно, рассказали.

Мороз пощипывает щеки, нос, уши, но я почти его не замечаю. По дороге наших не видно, сейчас все в школе, а малыши играют в своих комнатах.

У резных красивых ворот остаиваюсь. Нужно достать конфеты, печенье, яблоки, которые у меня припрятаны. Все это мне приносили в больницу, но я понемногу оставлял, готовился к выписке.

Вот и наш корпус. Очень хочется быстрее распахнуть двери и зайти. Но я не спешу. По нашим неписаным правилам, первым делом каждый старшеклассник должен заглянуть к малышам — у них свой двухэтажный кирпичный дом. Я свернул к зданию. После сильных морозов, которые сейчас начали отпускать, окна домов, где жили малы-

ши, заросли ледяными узорами. Однако то там, то здесь на стеклах темнеют маленькие проталинки — «гляделки». Особенно их много появляется утром в выходные дни. Все ждут родителей, знакомых и друзей. Неважно, кто придет. Главное, воспитательница или няня зайдет в комнату, улыбнется и тихо скажет:

— К тебе пришли...

Но сейчас редко к кому приходят. Мы, старшеклассники, не любим выходные дни. Они самые грустные, самые длинные даже для нас. Для малышей — тем более.

Я вошел в коридор. Здесь было несколько ребят, которые что-то мастерили. Только один безучастно стоял у окна, выходящего во двор, и смотрел в «гляделку». Я догадался: это был новенький.

С криком: «Сережа пришел!» — ребяташки бросились ко мне. Но раньше всех около меня оказался новенький.

— Ты ко мне пришел? — тихо спросил он. — Ко мне, да? Я — Вовка Скворцов. — Его синие глаза горели надеждой.

— Сережка, Сережка, идем к нам, — радостно и нетерпеливо кричали малыши, таща меня куда-то за руки.

Я протянул новенькому большое красное яблоко.

— Спасибо. Я не хочу. Я жду маму.

— Сережка, — не унимались малыши, — пошли к нам! Он «фонарик».

«Фонариком» у нас в детском доме называют того, кто вечно сидит у входной двери и ждет.

— Идем с нами, — проговорил я и взял его за руку. Он поднял курчавую голову, и я увидел, какой он голубоглазый, этот новенький.

— Не надо. Я не пойду... Я буду здесь ждать маму.

— Ты плачешь? Почему?

— Нет, я не плачу. Я... я просто стону глазами.

— Как это — стону?

— Я буду ждать и стонать, стонать глазами.

Он вдруг круто повернулся и бросился по коридору в свою спальню. «Фонарик», — грустно подумал я.

В те дни Вовка Скворцов все время плакал. Утром горнист трубит подъем — на зарядку надо бежать, а новенький плачет в постели. Все на завтрак идут, а он опять забьется в уголок и всхлипывает.

Я ежедневно приходил к нему. Старался, как мог, отвлечь от невеселых мыслей. Но все было бесполезно: он ждал родителей.

Я уже знал о нем все. Наш директор разрешил мне посмотреть вовкино личное дело. Родители у него погибли в автомобильной катастрофе. Вовку при столкновении выбросило в открытую дверцу, он ушибся, но уцелел. Отца с матерью похоронили без него. А когда его выписали из больницы, то направили к нам. Родственников у Вовки не оказалось. Сирот таких, как Вовка, в детдоме можно пересчитать по пальцам. У остальных есть родители. Да и у меня где-то есть отец. Он пишет мне письма, и Виктор Николаевич, когда отдает их мне, почему-то отводит взгляд в сторону. Письма я не читаю. Не распечатывая, рву на маленькие квадратные кусочки и пускаю в окно. Я не могу отвечать человеку, который нас с мамой бросил. Я помню, как он пьяно куражился над матерью. Хотя она часто болела. А когда она

слегла, он уехал от нас. Я каждый день бегал к ней, надеялся, верил, и она дрожащей рукой теребила мне волосы и говорила: «Потерпи, милый, все будет хорошо». И вот я остался один.

У нас в детдоме воспитатели и нянечки часто говорят, что детское сердце отходчиво. Не знаю. Может быть. И мне иногда хочется, чтобы я получал не письма от отца, а чтобы он приехал сам. Поэтому мне была понятна Вовкина тоска, и я взял над ним шефство.

Однажды в воскресенье я взял с собой Вовку на лыжную прогулку. День был торжественно хорош. Огромные снежинки, кружась, опускались на землю. Мы вышли к полотну железной дороги. Здесь, на разъезде, ни один поезд не задерживается долго. Мне всегда казалось, что поезда похожи на спешащих по важным делам людей — встретятся, о чем-то перемолвятся гудками — и опять разбегаются каждый своей дорогой.

Тук-тук, тук-тук... Стучат на стыках колеса поездов.

Я смотрю на Вовку и замечаю, с какой грустью провожает он их глазами. Я знаю: его отец был машинистом.

Тук-тук, тук-тук... Стучат колеса. У Вовки большие, полные слез глаза.

— Пошли! — дергаю я его за рукав. Он нехотя идет за мной, часто останавливаясь. — Ты не расстраивайся, мы часто будем сюда приходить, — обещаю я, чтобы как-то сгладить свою грубость. Он с благодарностью смотрит на меня.

...Елок к Новому году привезли несколько. Самая лучшая всегда для малышей. Она стоит в гостинной — зеленая, пахнущая смолой и хвоей. Мы, старшеклассники, знаем, что ночью должно произойти чудо. Завтра утром елка окажется в игрушках, блестящих шариках и конфетти. Наш Батя всегда говорил нам, ребятам постарше: «Вы у меня уже совсем самостоятельные. А вот малыши... Нужно научить их смотреть на мир добрыми глазами. Чтобы они оттаяли от обиды. Они, как маленькие разноцветные паруса в ожидании ветра. И мне хочется, чтобы наполнял эти паруса ветер ласковый, добрый, сказочный».

Так говорил Батя.

После отбоя кого-то из воспитателей наряжают Дедом Морозом. А ближе к полуночи мы будим малышей — их надо еще будить по ночам. И на обратном пути стараемся провести их мимо зала, где Дед Мороз колдует над елкой. Сколько потом разговоров!

— Я сам видел. Сам! Дед Мороз елку украшал. С бородой, в шапке...

— А я, я видел Новый Год! Он совсем маленький, огоньки развешивал.

А утром, когда малыши убирают постели, под подушками обнаруживают гостинцы. Так было и на этот раз.

Я подошел к Вовке. Он счастливый сидел на постели и улыбался во всю ширь своими синими глазами.

— Я спал, спал, а потом вдруг проснулся. Гляжу... Дед Мороз подарки всем под подушку кладет. Настоящий! В снегу весь. Мне даже холодно стало. А потом он ушел. Приоткрыл дверь и ушел. А может, растаял?

Весь день Вовка был радостно возбужден, всем показывал свой подарок — плюшевого кота, веселился с детворой вокруг елки. И у меня на сердце было легко и спокойно: к двери он не подошел ни разу. В день Рождества Христова Вовка отмочил номер на весь детский дом. К нам приехали шефы с завода — привезли книги и теплые вещи. Мы их ждали давно, и

когда они приехали, все высыпали во двор помогать. Только малышей не выпустили, и они облепили «гляделки». Другие толпились у дверей.

Один лишь Вовка забрался на подоконник. Глаза в этот момент у него были тусклыми и равнодушными. Он сидел на подоконнике и не обращал никакого внимания на суету. Пожилая женщина — из шефов — спросила:

— Ты что, маленький, грустишь? А еще такой красивый мальчик. Или обижают тебя здесь?

— Обижают, тетенька, обижают, — проглатывая слезы, пробормотал Вовка. — Заберите меня с собой, а? Заберите?..

Было видно, что она не сразу справилась с волнением.

— Как же я заберу тебя, дурачок? У меня свои детки есть. Ты не плачь. Я поговорю насчет тебя...

Когда шефы уехали, в детском доме срочно собрался совет самоуправления. Собрались командиры всех отрядов. Батя сказал, что случилось ЧП. В детском отряде обидели новенького...

— Ты добровольно взял шефство над новичком, — обличал меня председатель совета Коля Гаврик. — Но, похоже, тебе нет до него дела...

И здесь Вовка, который до этой минуты безучастно сидел здесь же, с ревом бросился ко мне на шею:

— Я не хотел... Я нечаянно соврал. Не знаю, почему соврал...

Тем и закончилась эта проработка. Но я-то знал, почему соврал Вовка. Я знал, что как бы здесь у нас не относились к нему хорошо, настоящее «хорошо» где-то далеко, за семью замками. В прошлом? В будущем? Если б знать, как распечатать эти замки!..

Когда я собрался уходить в свой отряд, Вовка остановил меня.

— Не уходи, пожалуйста. У нас в комнате рядом со мной пустая кровать. Остайся!

Он так посмотрел на меня, что я не мог отказать, хотя за нарушение режима у нас спрашивали строго. Вовка долго ворочался, вздыхал.

— Ты почему не спишь? — шепотом спросил я. Он затих, затем осторожно поднял голову.

— Сережка, поцелуй меня.

— Что? — я ошарашено приподнялся на кровати.

— Меня мама всегда целовала перед сном.

В комнате было неестественно тихо. За окном опрокинулось огромное ночное небо, усеянное звездами. Легкий ветерок раскачивал тонкую ветку березы, и она с хрустальным звоном ударила о стекло.

Выскользнув из-под одеяла, я подошел к Вовке и неумело чмокнул его в шею.

Я уже начал засыпать, когда кто-то неслышно подкрался ко мне и осторожно поцеловал меня в щеку. Я замер и долго лежал не шелохнувшись, боясь спугнуть нечто важное, огромное, давным-давно забытое. Я почувствовал себя неодиноким, счастливым, сильным.

Наверное, я тоже был «фонариком».

Прошло уже много лет. Я стал отцом, дедушкой. И до сих пор не пойму, не знаю: кто же меня поцеловал тогда, вечером в Рождественский праздник: детдомовец Вовка или Ангел?

История и современность

**Маргарита
ДМИТРИЕВА**

РОЖДЕСТВО В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). Сфера исследовательских интересов посвящена культурным интересам семьи Романовых. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Русские цари трепетно и сердечно относились к празднованию Рождества. Сам образ их жизни, великие события их правления были глубоко связаны с этой датой. Вспомним Царя Александра Первого и его «рождественскую» победу над французами в войне 1812 года!

А в старинные времена Царь Алексей Михайлович Тишайший рано утром в рождественский сочельник делал «тайный выход» в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавал милостыню тюремным сидельцам, чтоб у всех был праздник! Чтоб все с праздником были! В канун повечерия являлся он в Успенском соборе Кремля к *действию многолетия* — в белой шелковой шубе с кованым золоченым кружевом¹. Красив был и благостен.

Начать летоисчисление в России с Рождества Христова, а не от Сотворения Мира предписал Петр Первый — указом от 20 декабря 1699 года. А день «новолетия», «по примеру всех христианских народов», велел отмечать 1 января.

Петр по природе был артистичен, дерзновенен, желал, чтобы народная радость выплескивалась на улицу в дни государственных праздников и в церковные дни. Так, в ознаменование Нового года, велел пускать ракеты и зажигать огни.

Именно Петр положил традицию украшать зимний город еловыми деревьями.

Петр в указе писал: «По улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых против образцов, какovy сделаны на Гостином Дворе».

¹ *Зарин А. Е.* Царские развлечения и забавы за 300 лет. СПб., 1991. — С. 59–60.

А «людям скудным» предлагалось «каждому, хотя по древцу или ветве, на ворота или над храминою своей поставить, а стоять тому украшению января в первый день»².

С этой традицией Петр познакомился во время путешествия по Европе. Там ели, еловые веточки и веночки выставлялись не в домах, а на улицах. Так было и в России. Еще бы! ставить елку в зале! — танцующая толпа петровской «Ассамблеи» смела бы ее со своего пути!

Рождество Петр выезжал славить сам. Об этом писал датский посланник Юст Юль: «Обыкновенно от Рождества и до Крещения царь со знатнейшими своими сановниками разъезжает по Москве и славит у важнейших лиц, т. е. поет различные песни сначала духовные, а потом шутовские и застольные. В каждом доме, где собрание *славит*, царь и все лица его свиты получают подарки. Пока продолжается *слава*, сколько ни хлопочи, никак не добьешься свидания ни с царем, ни с кем-либо из сановников. Они не любят, чтоб к ним в это время приходили иностранцы»³.

Как пишет исследователь, на протяжении всего XVIII века нигде после Петра ель не фигурировала в качестве элемента новогоднего или святочного декора: ее образ отсутствовал в новогодних фейерверках и «иллюминациях», столь характерных для «века просвещения»⁴.

А Рождество во дворце встречали другими потехами.

Елизавета Петровна Святки справляла по старинным русским обычаям. Придворные должны были являться ко двору костюмированные, но без масок. Императрица и сама рядилась, чаще всего в мужское платье. А еще Государыня любила петь с девушками святочные песни. На Рождество 1761 года в два часа пополудни Государыня умерла на 53-м году жизни, исповедовавшись и причастившись.

Преемница Елизаветы, Екатерина Вторая так любила отмечать православные Святки, словно родилась в России. В Эрмитаже играли в жмурки, фанты, кошки-мышки, пели песни. Екатерина очень любила танцевать «русскую», — ни один бал не проходил без этого танца!⁵

В ряду забав были святочные игры. Такую игру описывал воспитатель Цесаревича Павла Петровича, замечательный офицер Порошин: «Справа, взявшись за ленту, все в круг стали. Некоторые ходили в круг и других били по рукам. Как эта игра кончалась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один за другого и гоняли третьего. После того пели “заплетися, плетень”, плясали по-русски, плясали польский менуэт и контрдансы. Императрица Екатерина во всех этих играх сама участвовала и по-русски плясала с Никитой Паниным. Великий князь Павел Петрович тоже много танцевал. В начале увеселения вышли из внутренних государственных покоев ряженные. Их посадили за круглый стол, подносили пунш»⁶.

² Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. — СПб., 2002. — С. 63.

³ Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. — СПб., 1993. — С. 100–101.

⁴ Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. — СПб., 2002. — С. 63.

⁵ Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы. СПб., 1991. — С. 89.

⁶ Там же.

При Павле Петровиче празднование Рождества превратилось в некий семейный праздник. В восемнадцатом веке семья как некий институт не представляла для российских венценосцев главной, ведущей ценности, но именно Павел стал образцовым семьянином, а его семейство сделалось примером для последующих поколений Романовых. От природы Павел был наделен всеми качествами, необходимыми для создания счастливой семьи⁷. Он был чутким отцом, настрадавшись от той дистанции, которую создала меж ним и собой его мать, Екатерина Вторая.

Он благословлял своих детей перед сном, разрешал присутствовать при утреннем одевании. Остались интересные записки о Павле его сына, Николая Первого: «Отец часто нас проводывал, и я очень хорошо помню, что он был чрезвычайно весел с нами. Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался. Это происходило в собственной его опочивальне. Он тогда бывал в белом шлафроке и сидел в простенке между окнами»⁸.

* * *

Праздник *рождественской елки* как таковой возник в царствование Николая Первого, стараниями его супруги Александры Федоровны, прекрасной Алекс.

Первая елка в Царском Доме была устроена 24 декабря 1817 года в Москве, в Кремле, где Августейшая Чета — Николай Павлович и Александра Федоровна проводили зиму. Праздник рождественской елки устраивали потом каждый год, уже в Петербурге, после Всенощного бдения, в Ротонде или в Концертном зале Зимнего Дворца.

После пожара Зимнего в 1837 году семья переместилась на некоторое время в Аничков.

Николай никогда не любил «елок», он считал, что от них случаются пожары, но уступал Александре Федоровне, которой «елочные» приготовления напоминали Пруссию.

Александра Федоровна с удовольствием погружалась в мир святочных ожиданий, в тихий мир мечты и надежды. «Она имела нежную детскую душу, ее моральный кодекс была лира поэта»⁹, — писала об императрице фрейлина Анна Тютчева.

Итак, все смотрели на хозяйку-распорядительницу в ожидании чуда. «Нас всегда собирали во внутренние покои Ее Величества, там, около закрытых дверей Концертного зала все дети между собою боролись и толкались, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал»¹⁰. В восемь часов вечера Александра Федоровна звонила в колокольчик, двери открывались, и дети вбегали в зал.

⁷ *Лейтес. И.* Частная жизнь российского Гамлета. «Павел I. Мир семьи» в Федеральных архивах // Газета «Культура». № 3. 20–26 января. 2005.

⁸ Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары. — М., 2002. — С. 76–77.

⁹ *Тютчева А. Ф.* Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М., 1997. — С. 208.

¹⁰ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М. 1997. — С. 287.

Елок было несколько. Каждому ребенку царского круга предназначалась своя елка.

Императрица по очереди подводила каждого к своему столу и вручала приготовленные для него подарки. Подарки были изящные, дорогие, но с пользой, — для развития талантов и способностей.

Все дети в Царской Семье занимались музыкой, живописью, танцами, некоторые мальчики — столярным делом. Поэтому преподносились акварели, гравюры, альбомы с картинками, книги, инструменты для столярных работ, наборы для рисования.

Были и значительные подарки. Так, юной Великой Княгине Ольге Николаевне к Рождеству была подарена ее первая «обстановка» — письменный стол с креслом. Этот подарок был сохранен Ольгой Николаевной, королевой Вюртембергской, до ее старости¹¹.

Августейшие родители старались исполнить самые заветные желания детей.

Так, например, самый младший в семье, Великий Князь Михаил Николаевич мечтал научиться играть на виолончели и на одну из рождественских елок получил в подарок этот инструмент.

Из дневниковых записей 12-летнего Великого Князя Константина Николаевича от 24 декабря 1840 года: «Я с ужасною радостью встал, потому что сегодня будет елка! И за уроками, и вне уроков я только о том и думал... В 8 мы пошли к Мамá. Она пошла окончательно распорядиться с подарками. Мы ждем в Помпеанской комнате.

От нетерпения у нас почти конвульсии, как вдруг линг, линг, линг! Колокольчик зазвонил, и мы бежим каждый к своему столу. Ах, какие миленькие подарки я получил!»¹².

Александра Федоровна любила в святочные дни катания в санях. Ездили, например, на Елагин остров; в большие двенадцатиместные сани, запряженные шестериком или восьмериком, садилась Императрица с гостями старшего возраста, а в прицепленные к этим саням вереницей, многочисленные, совсем низенькие маленькие саночки, на две персоны, садилась молодежь, попарно, кавалер с дамой. По городу вся эта вереница двигалась обыкновенным аллюром, но как только выезжали на Каменноостровский проспект, лошади пускались в карьер, и весь длинный поезд мчался, что есть духу, по всем островам до Елагина, где во дворце был приготовлен завтрак, потом катались с гор, а вечером танцевали»¹³.

После смерти Великой Княгини Александры Николаевны в 1844 году Августейшие Родители, Николай и Александра, перестали участвовать в святочных гуляниях. Итак, программа рождественских празднований могла меняться в зависимости от тех событий, которые переживала Семья.

Елка устраивалась и для взрослых. Баронесса Мария Петровна Фредерикс вспоминала: «...Разыгрывалась лотерея между всей свитой, государь обыкновенно выкрикивал карту, выигравший подходил к Ее величеству и

¹¹ Сон юности: записки дочери императора Николая Первого, великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары. — М., 2002. — С. 183.

¹² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 76. Л. 133 об.

¹³ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М. 1997. — С. 302.

получал свой выигрыш-подарок из ее рук. С тех пор, что я себя помню, я всегда присутствовала на этой елке и имела тоже свой стол и свои подарки. Елку со всеми подарками потом привозили домой, и я долго потешалась и угощалась от нее»¹⁴.

Наступление нового календарного года в Царской Семье практически не отмечалось. Правда, 31 декабря около одиннадцати вечера на собрании у Императрицы подавали шампанское, поздравляли друг друга, после чего каждый удалялся к себе в комнаты¹⁵. Утром 1 января совершался молебен.

После смерти Николая Павловича святочные елки, безусловно, устраивались, но у этого праздника возникла как бы печальная тень.

Новая хозяйка Зимнего, Императрица Мария Александровна, была без фанатизма верующим человеком, болеющим за судьбу России. Она органично чувствовала себя русской, ее даже обвиняли в «излишнем» славянофильстве. Она дружила с «панславистами» Достоевским и Тютчевым, привила любовь к древнерусским иконам своему сыну, Великому Князю Александру Александровичу, хорошо знала русскую историю. Она старалась сохранить тот вкус и традицию, который привнес в дворцовую жизнь Николай Первый, и устраивала праздник Рождества, как это было при нем.

Мария Александровна умела не только весело праздновать, но и молиться. После веселых Святков двор слегка «выдыхался» к празднику Крещения, фрейлины смотрели на Водосвятие из окон Зимнего, а Мария Александровна, несмотря на слабое здоровье (у нее были больные легкие) в тонкой вуали на голове спускалась к Неве на молебен¹⁶.

* * *

В первое Рождество после свадьбы Великого Князя Александра Александровича (будущего императора Александра Третьего) в Аничковом была устроена елка для бедных детей. Толпа детей поднималась по парадной лестнице Аничкова в ярко освещенный Танцевальный зал, где стояла громадная, украшенная подарками ель.

Праздник состоял из игр и угощения для ста мальчиков и девочек. После угощения Цесаревич велел повалить елку, чтобы дети сами смогли выбрать игрушку на память. Перед уходом каждый ребенок получил в подарок полушубок, обувь, теплую одежду, белье или платье. Кроме того, каждой семье в виде подарка полагалась одна сажень дров. После этого Рождественские праздники для бедных детей стали ежегодными, однако местом их проведения до декабря 1880 года был дворцовый манеж¹⁷.

Душевно щедрый Александр Третий считал своей семьей не только Императрицу Марию Федоровну и детей, но также великое множество родственников, тысячи слуг, лакеев, придворной челяди, солдат, моряков, чле-

¹⁴ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М. 1997. — С. 302.

¹⁵ Там же. — С. 139.

¹⁶ Тютчева А. Ф. // Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М., 1997. — С. 249.

¹⁷ Цит. по: Барковец О. Личные архивы императора Александра Третьего и императрицы Марии Федоровны. Государственный архив Российской Федерации // Александр Третий в Гатчине. — СПб., 2001. — С. 59.

нов придворного штата и всех, кто имел право доступа во дворец. И всем им полагалось дарить подарки.

Нужно сказать, что эти подарки были иногда настоящим подспорьем для тех семей, которые испытывали впоследствии материальную нужду. Это было маленькое состояние! Сами елочные игрушки, которые позволялось брать с елки, были дорогими произведениями искусства. Безусловно, царские подарки бережно хранились, с ними старались не расставаться, но, все же, это был незаменимый «сберегательный банк».

Рождество любили встречать в Гатчине.

Александр Третий глубоко чтит память покойного Павла Первого и был сердечно привязан к Гатчинскому дворцу. К Сочельнику все уже было готово. После полудня во дворце наступало всеобщее затишье. Все русские слуги стояли возле окон, ожидая появления первой звезды. В шесть часов начинали звонить колокола Гатчинской дворцовой церкви, созывая верующих к вечерне.

«После службы устраивался семейный обед. Все мы, даже Ники, которому тогда уже перевалило за двадцать, ждали лишь одного: когда же уберут никому не нужный десерт, а родители встанут из-за стола и отправятся в банкетный зал. Но и дети, и все остальные должны были ждать, пока Император не позвонит в колокольчик. И тут, забыв про этикет и всякую чинность, все бросались к дверям банкетного зала. Двери распахивались настежь, и мы оказывались в “волшебном царстве”¹⁸ — вспоминала Великая Княгиня Ольга Александровна.

Три дня спустя елки нужно убирать из дворца. Дети занимались этим сами. В банкетный зал приходили слуги вместе со своими семьями, а Царские дети, вооруженные ножницами, взбирались на стремянки и снимали с елей все до последнего украшения. «Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из них были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы, до чего же были счастливы и мы, доставив им такую радость!»¹⁹

Вообще, готовить подарки друг другу во дворце было трудно, и без собственной смекалки и фантазии было не обойтись! Согласно этикету, ни один из членов Императорской семьи не вправе был заходить в магазин ни в одном городе.

Владельцы магазинов должны были сами присылать товары во дворец. В этом тоже была серьезная проблема. Если у продавцов что-то покупали к празднику, они продолжали присылать это из года в год.

Живя почти безвыездно во дворце, Царские Дети не имели ни малейшего представления о том, какие появляются в магазинах новинки. Великая Княгиня Ольга Александровна писала: «По-настоящему солидные магазины в то время не рекламировали своих товаров. Но даже если какие-то из них и рекламировали их, мы, дети, все равно их рекламу не смогли бы увидеть. *Приносить газеты в детские — было строго-настрого запрещено.* Подарок, который я всегда дарила Папá, был изделием моих собственных

¹⁸ Цит. по: Барковец О. Личные архивы императора Александра Третьего и императрицы Марии Федоровны. Государственный архив Российской Федерации // Александр Третий в Гатчине. — СПб., 2001. — С. 59.

¹⁹ Цит. по: В. К. Ольга Александровна. Мемуары. Перевод с английского В. В. Кузнецова. 1996.

рук: это были мягкие красные туфли, вышитые белыми крестиками. Мне было так приятно видеть их на нем»²⁰.

* * *

Рождество при Николае Втором встречали также радушно, сердечно, с подарками и благотворительностью. Дневник своего первого года царствования Николай Александрович завершал словами: «Сейчас наступает Новый год! Дай Бог, чтобы он прошел так же мирно, тихо и счастливо для нас и для матушки России»²¹. Особенно любили праздновать в Царском, уже с детьми, все вместе.

Горестный ответ лежит лишь на последнем, Тобольском Рождестве.

С начала декабря Царственные Пленники начали готовиться к празднику. Разучивали пьесы на французском и английском языках.

Александра Федоровна рисовала подарочные закладки для Евангелия, вязала с детьми жилеты в подарок Свите. Николай Александрович по вечерам читал вслух «Дворянское гнездо».

Готовили елку и для себя, и для людей. Рождественскую всенощную служили поздно, в 10 вечера, потому что священник должен был в начале отслужить в соборе, а потом прийти к Семье. «Бедные люди, грустные праздники», — отозвалась Императрица об этих днях в дневнике.

«В 12 часов была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех, устраивали елки. Во время чая — до 5 часов — пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами до 5 часа. После обеда была елка Свите и всем людям, а мы получили свою до 8 часов», — это из дневника Николая Александровича.

Великая Княжна Ольга Николаевна в письме к М. С. Хитрово делилась своими впечатлениями: «У нас стоит в углу залы елка и издает чудный запах, совсем не такой, как в Царском. Это какой-то особый сорт и называется “бальзамическая елка”. Пахнет сильно апельсином и мандарином, и по стволу течет все время смола. Украшений нет, а только серебряный дождь и восковые свечи, конечно церковные, так как других здесь нет. Всенощная была около 10 вечера, и елка горела. Красиво и уютно было. Хор был большой, и хорошо пели, только слишком концертно»²².

В само Рождество после службы был устроен молебен иконе Абалацкой Божией Матери, привезенной накануне по распоряжению епископа Гермона из Абалацко-Знаменского мужского монастыря, находившегося в двадцати шести верстах от Тобольска.

Потом рисовали, читали, отдыхали. Николай Александрович расчищал снег во дворе. Было и хорошо, и грустно.

В праздник был инцидент, омрачивший светлые дни. Дьякон на Божественной Литургии провозгласил многолетие Царской Семьи. Солдаты с руганью требовали смены священника. Надзор стал еще более строгим. А сплоченность Семьи еще более крепкой.

²⁰ Ольга Александровна была наделена к тому же замечательным живописным даром. Она рисовала милые жанровые картинки, цветочные композиции и раздаривала их. В эмиграции было устроено несколько выставок работ Великой Княгини.

²¹ Дневник императора Николая Второго. — М., 1991. — С. 122.

²² www.tzar-nikolai.ortodoxy.ru

Оставалась надежда, любовь, вера. Отсутствие дворца, роскоши, блеска ничуть не лишило их человеческого достоинства. Впервые Романовы праздновали Рождество так аскетично, но это лишь ярче обнаружило их независимость от земного богатства, их данную свыше царственность. Они оставались царями и среди нищеты. Ведь самый великий Царь на земле родился в простых яслях, в Вифлееме, но победил зло людское и дал спасение миру.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

Андрей РЕБРОВ «СВЕЧАМИ И ЛАДАНОМ ПАХЛИ СНЕГА...»

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 году в Ленинграде. В 1993 году стал одним из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском (где получил благословение на творчество) и других монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь правления СП России, член Императорского Православного Палестинского Общества, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

На церковных окнах —
ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею
тянет из-под рам, —
Будто бы на облаке
возлетает с ельником,
С белою оградой
православный храм.

Раздышу молитвою
изморозь оконную —
От простора белого —
аж в глазах черно...
А вдали над речкою,
над долиной звонною,
Как звезда Господняя
теплится окно...

Елочки завьюжены
и сторожки заперты,
Тропка запорошена —
никого на ней,
Только легким-легкие
светятся у паперти
Два следа от Ангельских
маленьких ступней.

Но запели певчие,
сотворив знамения,
И запели сиверком
зимние поля —
Будто бы со знаменным
и с метельным пением
Устремилась к Вышнему
русская земля.

У РОЖДЕСТВЕННОЙ ЕЛКИ

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры —
Не просто полые шары —
А населенные планеты.

Там детских грез чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных —
В неугасимые светила
Невинно преображены.

И, как сгущенный — до сверканья,
Овеществленный в форму свет —
Шпиль — над еловым мирозданием —
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред елкою, в сторонке —
Весь в чистых, радужных слезах —
Лик обомлевшего ребенка,
Его нездешние глаза.

СВЯТОЧНОЕ

Блекнет день,
 исполнясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере яблоневых веток
Созревает новая луна.

На дворе — мороз, но временами
Чудится, что в законной мгле
Сладко пахнут горными садами
Яблоки, не собранные нами, —
Маленькие луны на земле.

КОНЬ МЕДНЫЙ

*Светлой памяти
Митрополита Иоанна (Снычева)*

Вздымает снега вихрь мятежный,
С Невы к Исаакию гоня.
И словно в пене,
 в ключьях снежных
Поводья медного коня;

И чудится: еще усилье —
И лопнет вросшая узда.
И разорвутся сухожилья
Эпох,
 и ярый конь тогда,

Сквозь вьюгу северной столицы,
Рванется в дали,
 весь дрожа,
И Всадник царственной десницей
Его не сможет удержать,

И, одержим земной свободой,
Помчит в разрыве временном.
И прыгнут в ужасе народы
Перед российским скакуном.

И только старец,
 Христа ради,
Своею кроткою рукой
Коня мятежного осадит.
И заживится вековой

Разрыв.
 И конь медноплеменный
Деяньем старческой мольбы
Вернется к Всаднику смиренно...
И снова станет на дыбы.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Когда ты привычно бредешь от Невы
По линии Первой, взирая на крыши,
То видится — Ангел с церковной главы
Летит над Васильевским выше и выше.

Взмывает в блистаный надневский простор...
Но вдруг исчезает за башенкой старой —
Быть может, в крошечный спускается двор,
«Во образе тайном» идет по бульвару.

И если когда-нибудь встретишься с ним
На жизненной линии, сродной с окрестной, —
Поверишь, что город всечасно храним
Грядущим сквозь век Петербуржцем небесным.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛЬВЫ

Я иду по мостам между каменных львов,
Что дружны мне с моих первых детских шагов,
Что под снегом сейчас, как в берлогах, сонливо,
Сторожат Петербург, словно в древности — Фивы.
И наверное, снится завьюженным львам
О песчаных сугробах, подобных векам.

* * *

Лучатся выси в мареве морозном, И в синей мгле мерцает сад ночной. И зарастают изморозью звездной Куранты колокольни крепостной.	Но зазвучали недра часовые, И светлый снег посыпался с ветвей, И чудится — частицы звуковые Снежинками искрятся в синеве.
---	--

МГНОВЕНЬЕ ВЕЧНОСТИ

Без четверти три...
Ночь глубинно светла.
И стрелки часов
на мгновенье
Недвижно простерлись,
как птичьи крыла
В высоком паренье.
И солнечно вспыхнул огарок свечной,
Подобно просвету в глуби временной,
И замер
на миг
ход сердечный...
Как будто измученный Ангел дневной,
Смертельно уставший от жизни земной,
Прореял
в сверкнувшую Вечность.

* * *

Крепчайшей стужей пьяним И протрезвев немало, Поэт с приятелем своим Спешил Сенатской с бала.	Вещал о деспоте-царе, О темном рек народе, О перестройке в декабре... Иль что-то в этом роде.
Хоть друг его и брел, почти Ослепнув от метели, Но звал, не ведая пути, К какой-то светлой цели,	Поэт же рядом, чуть скользя, По льдистой шел дорожке, Вздыхал и думал о друзьях, Властях и женских ножках.

ГОГОЛЬ. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Мертвые души» объаты огнем...
Но не закончен сюжет:
Тлеющий том,
став бессмертным костром, —
Строчка — за строчкой,
листок — за листком —
Пресуществляется в свет.

* * *

Засыпал стекла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется норою.
И растворяю в поле я окно,
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.
Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

* * *

...И черный лес дымится, как зола,
И пламенеют выпуклые воды,
И православных храмов купола
Как языки огня — до небосвода!

Подъяв над долом зарные крила,
Исполненные кротости и силы,
Как грозный Ангел Божий — Стратилат,
Взбраняет мир всходящее светило.

Грозна и свята утренняя Русь!
Не оттого ль в глазах ее народа
Такая удаль страшная и грусть,
Студеный огонь и пламенные воды?

И трепетное таянье свечи,
И царственное щедрое даянье...
Калил и души наши, и мечи
Рассветный смертный пламень покаянья.

* * *

Хоть ран моих срослись края
И нет рубцов на коже —
Вся в синяках душа моя,
Синей небес погожих.

Знать, и прадедовы глаза
Синели с той же силой,
Когда вздымал под небеса
Он ворога на вилах.

И не от тех ли встречаемых лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

* * *

Рождественским снегом покрыты соборы.
И солнце играет в родных небесах.
И кажется, будто в глубоких затворах
Печерские старцы творят чудеса.

И вдруг, востепенувшись от первого звона,
Мохнатые шапки роняют на лед
Сединами зим убежденные кроны,
Сединами лет убежденный народ.

Метали поклоны белицы-березы,
Склонялись и ветви, и сотни голов,
И, чудилось мне, отступили морозы,
И душу согрела молитвенность слов.

То в храме тропарь гулко братия пела,
И отзвук его долетал из леска.
Снегами и елями пахло в приделах,
Свечами и ладаном пахли снега.

А звоны летели над долгим простором,
Пушистым и белым, как Божий убрус.
И вторили им и сердца, и соборы,
И шапки роняла притихшая Русь.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

СОДРУЖЕСТВО к 20-летию СНГ

*Интервью с Андреем
Юрьевичем Молчановым —
членом Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации,
председателем Комитета
Совета Федерации
по делам Содружества
Независимых Государств*

Андрей Юрьевич Молчанов — доктор экономических наук. Почетный строитель России. Родился 24 сентября 1971 г. в Ленинграде. В 1993 г. окончил экономический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, в 1998 г. — Российскую Академию государственной службы по специальности «Государственное и муниципальное управление». В 1993 г. основал и до 2007 г. возглавлял ОАО «Группа ЛСР». В 2007 г. назначен помощником министра здравоохранения и социального развития РФ, в 2008 г. — избран членом Совета Федерации ФС РФ от Ленинградской области. Женат, четверо детей.

«Родная Ладога»: Здравствуй-те, Андрей Юрьевич! Следующий 2011 год — год 20-летия Содружества Независимых Государств. Вполне очевидно, что основой для интеграции является экономика стран Содружества. Как развивается межпарламентское сотрудничество, которое формирует правовую базу такого экономического взаимодействия?

А. Ю. Молчанов: Основной задачей является претворение в жизнь Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года. Особую значимость имеет работа над проектом Договора о зоне свободной торговли. В ходе неформального саммита Глав государств, состоявшегося летом 2010 года, руководители шести стран Содружества подтвердили свою заинтересованность в скорейшем завершении этой работы. С другой стороны, уже активно реализуется проект ЕС «Восточное партнерство», также предполагающий создание зон свободной торговли со всеми европейскими странами Содружества, кроме России.

Одним из важнейших приоритетов внешней политики Российской Федерации, сформулированных Президентом Российской Федерации является создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.

В текущем году парламентами стран Таможенного союза проделана большая работа по своевременной ратификации подписанных документов, в том числе, Таможенного кодекса трех стран. Необходимо было разработать и утвердить огромный блок международных соглашений. Таких документов разработано 74, из них 61 документ по состоянию на начало ноября с.г. уже ратифицирован. По инициативе нашего Комитета на Бюро Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС специально рассмат-

ривался вопрос о своевременной и синхронной ратификации документов, необходимых для функционирования Таможенного союза, а также о приведении национальных законодательств в соответствие с международными договорами, принятыми в рамках Таможенного союза.

Несомненна заинтересованность в расширении границ Таможенного союза. Стремление примкнуть к нему выражает Киргизия и Таджикистан. Логика подсказывает, что выгода была бы большей для всех государств — членов Таможенного союза, если бы к нему присоединилась Украина. Комитет Совета Федерации по делам СНГ, используя двусторонние и многосторонние контакты с парламентариями этих стран, проводит линию на расширение рамок Таможенного союза.

«Родная Ладога»: За пределами России в ближнем и дальнем зарубежье проживают более 25 миллионов наших соотечественников. Мониторинг состояния их прав и свобод — одно из главных направлений деятельности Комитета Совета Федерации по делам СНГ. Какие задачи здесь еще предстоит решить?

А. Ю. Молчанов: Мы прилагаем немалые усилия для создания качественной правовой базы по данной тематике. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» был принят еще в 1999 году. Он сыграл важную роль в работе с соотечественниками. Однако к 2010 году данный закон уже не отвечал новым требованиям, что и послужило причиной для принятия его в новой редакции. Так был сделан значительный шаг вперед в области совершенствования законодательного обеспечения взаимодействия России со своими зарубежными соотечественниками. Большую работу по подготовке проекта закона проделала межведомственная рабочая группа, взявшая за основу предложения нашего Комитета.

Во время работы над поправками в данный Федеральный закон в среде российских соотечественников, в особенности в странах СНГ, шли острые дискуссии. Были учтены многие предложения общественных организаций соотечественников, высказанные на соответствующих государственных и региональных конференциях. В новой редакции было изменено определение понятия «соотечественники за рубежом». Закон в качестве основного критерия принадлежности к соотечественникам ввел принцип личного выбора, культурной и духовной самоидентификации человека, а также его принадлежность к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации.

Наиболее значимой поправкой стала новая статья 11¹ Федерального закона, которая декларирует право соотечественников на получение российского гражданства в упрощенном порядке. Однако, полноценная реализация данной нормы возможна после внесения соответствующих изменений в статью 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». Сейчас мы работаем над такими изменениями.

Совершенствование законодательства в области взаимоотношений с соотечественниками должно сопровождаться качественным ростом соответствующего финансового обеспечения данной работы. Однако в 2011 году финансирование Программы по работе с соотечественниками составит лишь 293 млн. рублей. В текущем году объем ассигнований из федерального бюджета на эти цели составил 389 млн. рублей.

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной в 2008 году, поддержка соотечественников является приоритетным направлением, при этом проблемы сохранения этнокультурной самобытности соотечественников, поддержки русского языка на пространстве СНГ с каждым годом становятся все более актуальными, требующими не уменьшения, а увеличения финансирования.

Актуальной остается проблема увеличения бюджетных мест для обучения в вузах России студентов из государств-участников СНГ. Ежегодно Российская Федерация предоставляет квоту в 10 тыс. мест на бесплатное обучение иностранных студентов в российских вузах. Для стран СНГ эта квота составляет менее 3500 мест. Примерно половина из этого количества мест резервируется для соотечественников. Этого количества явно недостаточно с учетом того, что многие страны Запада выделяют громадные средства на обучение молодежи из стран СНГ в европейских вузах. В странах Центральной Азии в этом направлении также активно работает и Турция. Ведь фактически речь идет о подготовке будущей политической элиты стран СНГ с соответствующей политической, исторической и идеологической ориентацией.

Необходимо также отметить, что европейские страны и Турция предлагают более привлекательные условия для студентов из стран СНГ, оплачивая им не только само обучение, но и проезд, а в ряде случаев — проживание.

В связи с этим Комитет готовит предложения об увеличении квот на бесплатное обучение иностранных студентов из стран СНГ в вузах России, в первую очередь, за счет вузов приграничных областей. Это позволит не только сохранить рабочие места для профессорско-преподавательского состава (в ближайшие годы из-за демографического спада начала 1990-х годов в Российской Федерации будет усугубляться проблема недобора студентов), но и обеспечит как минимум лояльное отношение к России большой группы молодежи из стран СНГ, получившей российское образование.

«Родная Ладога»: Андрей Юрьевич! Известна ваша многолетняя бескорыстная помощь и поддержка по восстановлению Государева Феодоровского собора в г. Пушкине, церкви святого великомученика и целителя Пантелеймона, храма священномученика Антипы, церкви святой равноапостольной великой княгини Ольги.

В Подпорожском районе Ленинградской области состоялось открытие храма Преображения Господня в деревне Пидьма, восстановленного при вашем решающем участии. В декабре 2010 года завершатся работы на строительстве Храма преподобного Амвросия Оптинского подсобного хозяйства Успенского подворья Оптиной пустыни в Сосновом Бору Ленинградской области.

К сожалению, подобного рода информацию нам — журналистам и писателям, — приходится собирать буквально по крупицам. Ибо такова традиция нашего русского православного меценатства — делать богоугодные дела от чистого сердца, а не ради саморекламы. Несомненно, что подобные деяния способствуют формированию целостного морально-нравственного климата в нашем регионе. Ведь не секрет, что и исполнительная, и законодательная ветви власти Ленинградской области тоже активно работают и сотрудничают с Санкт-Петербургской Епархией РПЦ.

А. Ю. Молчанов: Это не удивительно, так как по данным Управления Министерства юстиции в Ленинградской области зарегистрировано более двухсот православных религиозных организаций.

Одними из самых знаменательных событий в жизни Ленинградской области последних лет были архиерейские визиты Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в храмы Санкт-Петербургской епархии на территории Ленинградской области:

- храм Казанской иконы Божией Матери в пос. Вырица Гатчинского района по случаю дня памяти преподобного Серафима Вырицкого;

- Невский лесопарк, где возводится этнографический парк «Богословка» и реконструируются погибшие памятники русского деревянного зодчества, Екатерининский храм в поселке Мурино, где были проведены масштабные восстановительные работы и строительство нового приходского дома, в котором будут размещаться храм на 200 человек, крестильня, учебные классы, библиотека и собор Архистратига Божия Михаила в поселке Токсово по случаю освящения креста строящегося храма-колокольни и приходского геронтологического центра имени императрицы Марии Феодоровны;

- Тихвинский Свято-Успенский мужской монастырь г. Тихвина Тихвинского района по случаю пятилетия возвращения Тихвинской иконы Божией Матери на родную землю, чему в свое время активно содействовали губернатор и правительство Ленинградской области.

В рамках создания системы социального партнерства с Русской Православной Церковью осуществлялось:

- проведение совместных с Санкт-Петербургской епархией мероприятий, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (экспозиция Ленинградской области на пасхальной выставке в Санкт-Петербурге в апреле 2010 года, экспозиция Ленинградской области на выставке «Православная Русь — к Дню народного единства в Москве в 4-8 ноября 2010 года);

- 9 июля 2010 года в Тихвинском районе области прошли традиционные масштабные торжества по случаю празднования Дня явления иконы Тихвинской Божией Матери;

- 10 июля 2010 года во Всеволожском районе Ленинградской области прошел масштабный областной праздник «День семьи, любви и верности», в рамках которого проведен фестиваль национальных свадебно-семейных обрядов. Участниками празднования стали более 2500 человек;

- празднование 770-й годовщины победы Александра Невского в Невской битве над шведами 11 июня 2010 года и реализация других мероприятий в рамках программы «Александр Невский — Имя России» в сфере духовного и патриотического воспитания молодежи;

14 июля 2010 года в Старолadoжском историко-архитектурном археологическом музее-заповеднике состоялся XVIII областной театрализованный праздник «Венок Славы Александра Невского». Праздник в честь святого благоверного великого князя Александра Невского отмечается в России с 1990 года.

Руководство Ленинградской области оказывает содействие в восстановлении Свято-Троицкого Александрo-Свирского мужского монастыря Санкт-Петербургской епархии, находящегося в Лодейнопольском районе Ленинградской области. На сегодняшний день проделан большой объем работ по

восстановлению объектов монастыря. Как известно, полностью восстановлены и обустроены храмы, корпуса и территория Преображенского комплекса обители.

В целом необходимо отметить, что власти Ленинградской области оказывают активную помощь и поддержку в устроении приходской жизни епархии (выделение земельных участков, восстановление объектов культурного наследия, развитие социального служения приходов и епархиальных структур, реализация социально значимых проектов, передача зданий, имущества и т. п.).

«Родная Ладога»: Уважаемый Андрей Юрьевич! Ленинградская область вышла на принципиально новый уровень партнерских отношений с сопредельными странами, участвуя в программах приграничного сотрудничества с Финляндией, Эстонией и Латвией. наших читателей интересует этот важный аспект вашей деятельности, как представителя Правительства Ленинградской области в Совете Федерации, и как Председателя Комитета Совета Федерации по делам СНГ.

А. Ю. Молчанов: 18 ноября 2009 года состоялась встреча на высшем уровне в г. Стокгольме «Россия и Европейский союз». В рамках этой встречи Министром регионального развития Российской Федерации В. Ф. Басаргиным от имени Правительства Российской Федерации было подписано пять соглашений между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о финансировании и реализации программ приграничного сотрудничества в рамках европейского инструмента соседства и партнерства.

Данные соглашения впервые создают правовую основу для решения конкретных задач приграничных территорий на основе сотрудничества российских регионов с сопредельными регионами стран Евросоюза. Положениями соглашений устанавливаются органы управления программами приграничного сотрудничества, порядок контроля их реализации, регламентируются финансовые взносы Сторон, меры по предотвращению нарушений, мошенничества и коррупции в процессе реализации программ. Товары и транспортные средства, ввозимые участниками программы на территорию ее реализации и используемые в целях выполнения контрактов, освобождаются от таможенных пошлин, налогов и сборов.

В практическом плане реализация программ направлена на повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности приграничных регионов государств-участников программ, улучшение состояния окружающей среды, повышение уровня жизни и благосостояния населения приграничных территорий.

Подписав данные соглашения, Российская Федерация фактически впервые взяла на себя обязательства выделить на цели приграничного сотрудничества весьма существенные средства. Общий бюджет программ составляет более 271 млн. евро, из них доля России составляет 103,7 млн. евро.

Ленинградская область и город Санкт-Петербург участвуют в реализации двух таких программ приграничного сотрудничества.

В Программе «Юго-Восточная Финляндия — Россия» их партнерами являются регионы Финляндии: Южная Карелия, Южное Саво, Кюменлааксо. При реализации этой Программы особый упор будет сделан на экономическое развитие приграничных территорий и повышение качества жизни

проживающего здесь населения. Для ее реализации ЕС выделяет 36,2 млн. евро, Россия — 18, 1 млн. евро.

В Программе «Эстония — Латвия — Россия» помимо Ленинградской области и Санкт-Петербурга участвуют северные и восточные регионы Латвии и Эстонии. На первом плане здесь стоят задачи социально-экономического развития этих приграничных территорий, решение общих проблем и продвижение сотрудничества между людьми. ЕС выделяет 47,8 млн. евро, а Россия — 16 млн. евро.

Исключительно важным для приграничного сотрудничества является правовое регулирование такого сотрудничества. В то же время правовое обеспечение многопрофильного приграничного сотрудничества, в которое в той или иной мере вовлечены более половины всех субъектов Российской Федерации и множество муниципальных образований, не возможно путем внесения отдельных поправок в действующие законы. Сложность и взаимосвязанность решаемых в данной сфере вопросов требует системного подхода и принятия специального федерального закона.

31 марта 2010 года членами Совета Федерации В. С. Бабичевым, А. Ю. Молчановым, С. Ю. Орловой, С. М. Киричуком и группой депутатов Государственной Думы внесен проект федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации». Он был принят в первом чтении уже 30 июня 2010 года.

Этот закон призван организовать приграничное сотрудничество как важное направление международных связей нашей страны, имеющей 20 стран-соседей, с 16 из которых Россия граничит по суше.

Сегодня полномочия в сфере приграничного сотрудничества имеют федеральные органы власти и органы власти субъектов Федерации. Их нет только у основных участников этой деятельности — муниципальных образований. Закон достраивает эту властную вертикаль, уточняет полномочия властей всех уровней, определяет цели, задачи и принципы сотрудничества, создает схему взаимодействия между разными уровнями власти.

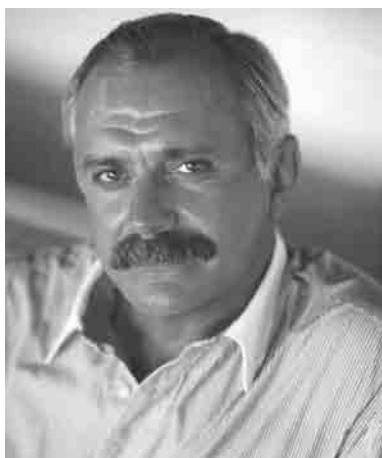
Кроме того, закон позволит создать условия для «запуска» процесса реализации международных договоров. Приведу только один пример.

Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 года Россия ратифицировала в 2003 году и два ее протокола — в 2008 году. Суть этих документов: сотрудничество должны осуществлять местные власти на основе межмуниципальных соглашений, для координации этой деятельности они могут создавать совместные органы, а весь процесс должен осуществляться в соответствии с национальными законодательствами сторон.

В России названная Европейская конвенция не реализуется в полной мере по следующим причинам:

- органы власти приграничных муниципальных образований не наделены полномочиями в сфере приграничного сотрудничества по вопросам местного значения, не установлен порядок их участия в этой деятельности;
- не установлен порядок заключения, согласования и учета межмуниципальных соглашений;
- не определен статус совместных межмуниципальных органов и их компетенция.

Все эти вопросы урегулированы в законопроекте «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации».

Никита МИХАЛКОВ

ПРАВО И ПРАВДА

*Манифест Просвещенного
Консерватизма**

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Актер, режиссер, народный артист России. Президент Российского фонда культуры, президент Союза кинематографистов России, президент Московского международного кинофестиваля. Лауреат многочисленных премий. Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО; в 2007 году избран председателем Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Имеет многочисленные государственные и церковные награды. Руководитель студии «ТРИТЭ», где в течение 20 последних лет снимал все свои фильмы. Живет в Москве.

*Печатается в сокращении

В каждом периоде российской истории есть белые и черные страницы. Мы не можем и не хотим делить их на свои и чужие. Это наша история! Ее победы — наши победы, ее поражения — наши поражения.

Мы убеждены — перестав делить прошлое, мы обретаем настоящее и гарантируем будущее. Исторически Государство Российское развивалось, следуя тысячелетнему пути: от «Святой Руси» к «Великой России».

Киев! Владимир! Москва! Петербург-Петроград! Москва!

Вот пять этапов жизни Отечества нашего, судьбы Родины нашей.

Киев — начало «Святой Руси». Князь Владимир крестил русских людей в православную Христову веру.

«Святая Русь» расцвела во Владимире попечением и подвигами Великого Князя Андрея Боголюбского и, окрепнув в череде столетий, стала сердцем Московского царства.

В ту пору вера органично входила в быт, а быт в веру. Государственная идеология была неотделима от православного мирозерцания, от симфонии Царства и Священства. Вся жизнь в Церкви — вот аксиома Москвы, исторический корень того мироощущения, которое принято называть церковно-консервативным.

Петровские реформы выводят гражданскую и государственную жизнь России за церковную ограду. «Великая Россия» знаменовала собой Россию Имперскую. Миру был явлен Петербург, девизом которого станут слова наказа Екатерининского: «Россия есть государство европейское». На место Патриарха заступил Синод. Симфония властей преобразилась. Вся жизнь в государстве — вот аксиома Петербурга,

исток того российского мирозерцания, которое принято называть государственно-консервативным.

Российская империя повторяла путь империи Византийской. Волей императоров все больше становилась она «Великой Россией» и все меньше оставалось в ней «Святой Руси». Указами самодержцев вершились «государственные преобразования», проводились политические, экономические и судебные реформы, способствовавшие «гражданскому освобождению».

В начале XX века революционная общественность подняла на щит лозунг «Вся жизнь в гражданском обществе» и вывела людей на улицы Петрограда. Это стало началом мировоззрения, которое принято называть либерально-демократическим.

В 1914 году, защищая православную Сербию, Россия вступила в Мировую войну, закончившуюся для нее чередой революций, сокрушивших многовековую монархию.

Пережив Гражданскую войну и эмиграцию, императорская Россия превратилась в Советский Союз — «Великую Россию без Святой Руси». «Вся жизнь в партии» — вот аксиома советской России и основа той идеологии, которую принято называть коммунистической.

С середины 1920-х годов страна стала работать и жить «на пределе возможностей». Жизнь превратилась в борьбу за существование. Советские люди постоянно ощущали себя окруженными внутренними и внешними врагами. Основанный на страхе политический режим сопровождался массовым энтузиазмом и личной жертвенностью. Были пройдены тяготы коллективизации и индустриализации. Пережиты ужасы и боль ГУЛАГа. Ликвидированы безграмотность, беспризорничество, бандитизм. Побеждены нищета, болезни и голод. Был совершен народный подвиг победы в Великой войне, после которой наша страна, в очередной раз рывком преодолев экономическую разруху, первой освоила космос.

Однако, в конце 1960-х годов достигнув максимума от того, чего можно было достичь при советской форме государственного устройства и социалистическом режиме, «советский народ», на плечи которого выпали неимоверные тяготы мобилизационной работы, — надорвался. Пафос коммунистической идеологии и потенциал советской государственности были исчерпаны. Большевицкий эксперимент вступил в завершающую фазу. На теневых прилавках «административного рынка» начался демонтаж централизованной системы советского государства и права, сопровождавшийся разложением партийной элиты, деградацией социалистической общественности и распадом системы ценностей советского человека.

В середине 1980-х годов началась перестройка, а в 1991 году Советского Союза не стало. Последний акт был разыгран быстро и стремительно, так же как и в 1917 году. Казавшаяся незыблемой власть рухнула в три августовских дня...

В то время мы не отдавали себе отчета в том, что принимаем участие в событиях, имеющих всемирное значение. В событиях, в результате которых будет осуществлено не только переустройство отдельно взятой страны — Советского Союза, но будет совершен политический и экономический передел мира. Это была геополитическая революция. В итоге мы вступили в XXI век, проживая уже не в «Святой Руси» и не в «Великой России», а на территории Российской Федерации. У нас новые государственные границы:

на Кавказе — как в начале XIX века, со Средней Азией — как в середине XIX века, и, что намного драматичнее для нас, с Западом — как в 1600 году, то есть после царствования Ивана Грозного. От Советского Союза, мы, граждане Российской Федерации, унаследовали 75% территории и 51% населения. Более 20 миллионов наших соотечественников оказались за границами России и, в сущности, стали эмигрантами.

Такова цена, заплаченная русским народом за обретенную в конце XX века государственную независимость и личную свободу...

Что делать?

Наступил XXI век... Можем мы сегодня, положив руку на сердце, сказать себе и людям: да, мы удовлетворены всем, что происходило и происходит в России? Думается, что нет!

Современный общественный строй, представляющий собой гремучую смесь из догоняющей Запад либеральной модернизации, произвола «местных начальников», всепроникающей коррупции, не устраивает большинство россиян. За «парадом» экономических реформ и «фасадом» либеральных институтов по-прежнему скрываются традиционные, архаичные общественные отношения. Эйфория либеральной демократии закончилась! Пришла пора — делать дело!

Первое, что нам необходимо, — это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе — обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье — рост «благополучия для всех». Четвертое — восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое — гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье.

Чтобы добиться этого, нам следует:

- возродить силу и мощь российского государства;
- поддержать становление новых для России структур гражданского общества;
- восстановить и укрепить нравственный авторитет власти;
- обеспечить динамичный и устойчивый рост экономики;
- заложить основы правосознания у граждан, воспитать в них чувство уважения к закону, труду, земле и частной собственности.

Но прежде всего мы должны поверить в нашу Россию, укрепить дух нашей нации, восстановить позитивный образ нашей страны во всем мире. Россияне ждут сегодня от нас именно таких реформ и таких перемен. Мы считаем, что решение задач по обеспечению политической стабильности и экономического роста страны и превращение России в конкурентоспособную мировую державу возможно при условии, если государство и гражданское общество придут к согласию и совместно сформулируют Общенациональную миссию и Программу развития России в XXI веке.

Для достижения этого «согласия» нам требуется переосмыслить роль и значение главных факторов материального производства: ТРУД, ЗЕМЛЮ, КАПИТАЛ И ЧЕЛОВЕКА, рассмотрев их с точки зрения духовного единства ПРАВА И ПРАВДЫ. Для того чтобы увидеть материальный мир и человека через ПРАВО И ПРАВДУ, необходимо новое мировоззрение, спо-

собное одновременно воспринимать как всеобщие тенденции глобального развития человечества, так и локальные особенности развития наций, народов и личностей. И такое универсальное мировоззрение есть, мы называем его просвещенно-консервативным.

Просвещенный консерватизм — это позитивное умение осмыслить прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и верной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его. Мировоззрение просвещенного консерватизма, представленное как система принципов и идей, образует теоретическую основу российского консервативного движения и задает теоретический вектор для разработки полноценной Программы действий.

Просвещенный консерватизм как идеология позволяет последовательно и эффективно проводить в жизнь динамичностабильную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на достижение глобальных целей и решение конкретных задач политического, экономического и социального развития нашей страны.

Просвещенный консерватизм и просвещенные консерваторы — кто они?

Просвещенный консерватизм есть консерватизм истинный. Он не имеет ничего общего с «реакционностью», «застоем», «охранительством» и «нежеланием перемен».

Русский мыслитель Николай Александрович Бердяев дал яркую и точную характеристику его основных начал:

«Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва этой связи, соединяет будущее с прошлым. Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к истокам жизни, связывает себя с корнями. Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем живет энергия не сохраняющая только, но преобразующая».

В России, как и в Западной Европе, историческими предшественниками истинного, или просвещенного, консерватизма были свободомыслящие аристократы-государственники.

Александра Сергеевича Пушкина князь Петр Андреевич Вяземский величал «либеральным, или свободным, консерватором». Николай Васильевич Гоголь на страницах книги «Выбранные места из переписки с друзьями» предстает перед нами как просвещенный российский консерватор.

К просвещенным консерваторам принадлежат выдающиеся представители государственной бюрократии, пережившие свой звездный час в эпоху царствования императоров всероссийских Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II.

Все они были убеждены, что сильное государство, осуществляющее реформы во благо своего народа, является надежным залогом для процветания Великой России.

Митрополит Филарет (Дроздов), автор Манифеста 1861 года, освободившего крестьянство России от многовековой крепостной зависимости, является ярким примером церковного деятеля просвещенно-консервативного направления.

Весомый вклад в разработку теоретических основ «просвещенного консерватизма» во второй половине XIX и в первой половине XX века внесли русские мыслители К. Н. Леонтьев, Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин и Н. Н. Алексеев.

Мировая и отечественная история учит: все важнейшие реформы, направленные на модернизацию, успешно осуществлялись только в том случае, если они проводились государственными, общественными и церковными деятелями России центристской, просвещенно-консервативной ориентации.

Наши избиратели

Парадоксально, но на сегодняшний день в России избирателями революционной по своей сути партии КПРФ продолжает оставаться огромное число лиц, которые в стабильных условиях, как правило, являются главной опорой «партии консерваторов».

Именно за консерваторов в цивилизованных странах голосовали и голосуют лица с техническим и естественнонаучным образованием — инженеры и техники, учителя и врачи. Классные специалисты и квалифицированные рабочие, обладающие собственным жильем, небольшими накоплениями и живущие трудом своих рук, также предпочитают голосовать за консерваторов. Большинство военных и сотрудников силовых структур, как правило, отдают свои голоса консерваторам.

Люди, предпочитающие консерваторов, опираются на закон и порядок; им свойственно чувство гордости за свою страну; они требуют уважения к своему человеческому достоинству. Большинство избирателей проживает не столько в центре, сколько в регионах. Просвещенный консерватизм, в хорошем смысле слова, провинциален. У него действительно общенациональный, всероссийский масштаб. В движении просвещенного консерватизма четко выражена созидательная, объединительная тенденция.

Основные идеи, принципы и ценности просвещенного консерватизма

Атмосферой и жизненной средой государственного и общественного развития России должна стать не революционная ломка или контрреволюционная месть, а политическая стабильность и экономический рост, основой которых является просвещенный консерватизм.

Мы убеждены, что основа политического единства, экономического процветания, социального благополучия и культурного процветания России лежит в теории и практике просвещенного консерватизма. И мы постараемся донести эту мысль до каждого человека.

Мы будем пропагандировать и распространять идеи и ценности просвещенного консерватизма среди национальной элиты и в народных массах, среди всех слоев населения, во всех регионах России, на всех уровнях государственной власти и общественного самоуправления, а также среди наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье.

Современный российский консерватизм — это новационный учет государственных, общественных и национальных традиций «Святой Руси» и «Великой России», сложившихся в течение нашей тысячелетней истории.

Идеология просвещенного консерватизма впитала в себя:

- фундаментальные духовные основы православия и традиционных для России религий;
- имперские нормы, принципы и механизмы государственного строительства;
- принципы, нормы и обычаи российского и международного публичного и частного права;
- предреволюционный опыт российской парламентской практики и партийного строительства;
- традиционные для России формы земского и городского самоуправления.

В своей исторической традиции российский консерватизм последовательно включает в себя четыре составляющие: церковную, монархическую, советскую и либеральную. На современном этапе в силу политических и правовых причин он проявляет себя, преимущественно, как консерватизм либеральный, или свободный, главная задача которого, по словам Петра Струве, состоит в том, чтобы:

«Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться на основах либерализма, понимаемого как вечная правда человеческой свободы, положенная в основание реформ Екатерины Великой, Александра I, Александра II, знаменовавших гражданское устройство нашей Родины, и консерватизма, понимаемого как великая жизненная правда охранительных государственных начал и любовная преданность святым истокам и великим подвигам сынов Отечества нашего, уроки которых нам преподали св. Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Петр Великий, Пушкин и Сперанский».

Мы убеждены, что цели просвещенного консерватизма достигаются только объединенными усилиями нации и личности, консолидированными действиями государства и гражданского общества, согласованными решениями и действиями президентской, законодательной, исполнительной и судебной властей.

Идеология и мировоззрение просвещенного консерватизма базируются на определенных принципах и ценностных установках.

Главные из них:

- верная мера везде и во всем, следование справедливому закону и божественному порядку, заповеданному в ПРАВДЕ;
- развитая и сбалансированная система публичного и частного ПРАВА;
- симфония духовного и материального производства в жизни нации;
- укрепление вертикали власти и расширение горизонтали культуры и жизни гражданского общества;
- гармоничное согласование внутренней и внешней политики и экономики;
- регулируемая рыночная экономика или гибкое сочетание «рынка и плана»;
- развитая культура правосознания, воспитанная на привычке соблюдения и уважения всеобщих идеалов, принципов и норм континентального права и особенных правовых обычаев народов;
- лояльность к власти, умение достойно подчиняться авторитетной силе;
- персонификация власти и предпочтение личной ответственности перед коллективной безответственностью;

- признание греховности человеческой природы и неразрывной связи человека с окружающим его материальным миром;
- обретение и сохранение собственного достоинства и свободы, уважение и признание чужого достоинства и свободы;
- соблюдение чести, признание долга, почитание ранга;
- бережное хранение традиций и творческое восприятие новаций;
- любовь к родине и служение отечеству;
- память и поминание предков, забота о потомках, попечение о детях и родителях;
- предпочтение эволюции перед революцией, осторожность перемен;
- следование прагматической логике жизненных обстоятельств и здравому смыслу;
- любовь к своему народу, нации и культуре наряду с уважением и интересом к многообразию жизни других народов, наций и культур;
- неприятие радикализма, односторонности и чрезмерности обобщений, недоверие к уравниловке и жесткому централизованному планированию.

Культура

Культ определяет культуру, а культура воспитывает нацию. Она формирует личность, организует общество и конституирует государство. Культура обнимает собой весь мир окружающих нас вещей, свойств и отношений.

В основе ценностей и интересов просвещенного консерватизма лежат духовные идеалы. Оценка личности, нации, общества и государства через «духовный кристалл» культуры является условием их просвещенно-консервативного понимания. Главными заботами для просвещенного консерватора является как сохранение жизни каждого человека, так и продолжение жизни всего рода человеческого. Физически уничтожить человека легко, а сохранить его духовно — трудно. Поэтому просвещенный консерватизм уделяет громадное внимание вопросам культуры и науки, образования и воспитания. Быть консерватором — значит быть человеком:

- который любит Бога и ближнего своего;
- который помнит о предках и заботится о потомках;
- который бережно относится к окружающему миру и думает о нем как о живом существе;
- который сохраняет, развивает и преумножает культуру, науку и образование.

Сегодня мы столкнулись с экспансией ложной культуры. С культурой, представляемой как вещь и потребляемой как товар. С «культурным ширпотребом», которым можно овладеть при самых незначительных способностях, без всяких интеллектуальных усилий и по самой дешевой цене. Мы должны противостоять ложной культуре и противопоставить ей культуру истинную.

Традиция

Личности, нации и государству в России необходимы стабильные условия существования, а стабильность — сестра традиции.

Человек с устойчивой психикой и здравым рассудком, как правило, консервативен. Он хочет жить и умирать так, как жили и умирали его отцы и деды. Консерватизм стар, как стара человеческая природа. Как и она, он в конечном счете определяется традицией, то есть сохранением и передачей от поколения к поколению навыков и умений, знаний и верований, ценностей и идеалов. Традиция — это волна, текущее духовно-материальное единство бывших, настоящих и будущих поколений.

Революция как принцип и способ решения политических, экономических, культурных и социальных проблем нами отвергается. Мы отрицаем ее не только в прямой форме — как кровавый бунт и тотальное насилие — но и в скрытом виде — как ползучее государственное разложение, хроническую общественную болезнь и духовное обнищание человека.

Пришло время сказать: «Революции закончены — забудьте!»

История

Консервативное мышление не только традиционно, оно исторично.

Любовь к Отечеству воспитывается не патриотическими выкриками, а глубоким чувством и знанием родной истории. В том числе «близкой истории»: истории области, города, района, улицы, дома, в котором мы живем, в котором до нас жили предки, а после нас будут жить потомки. Любовь к Отечеству требует от каждого из нас ежедневного ученичества, личного труда познания нашей Родины. Просвещенный консерватизм — не слепое сохранение отжившего и смертного. Наша цель — борьба с распадом, органический рост, передача смысла через преемственность поколений. История понимается нами как единство прошлого, настоящего и будущего времени.

Мы убеждены, что утверждение нового не должно превращаться в кровавый разрыв со старым. Истребление древних святынь не должно оправдываться строительством новых храмов. «Созидай, не разрушая!» — наш исторический девиз. Народы и люди, забывшие свою историю, обречены на исчезновение. И не следует забывать, что мы осознаем себя русскими, а не немцами, французами или англичанами прежде всего благодаря нашему прошлому.

Нация

Нация для просвещенных консерваторов — это духовно-материальное единство всех граждан России, культурно-языковая общность народов, проживающих на ее территории.

По Божьей Воле сложившийся в России тысячелетний союз многочисленных народов и племен представляет собой уникальную русскую нацию. Нам свойственно особое сверхнациональное, имперское сознание, которое определяет российское бытие в системе особенных — евразийских — координат. Ритм нашего развития и территория нашей ответственности измеряются континентальными масштабами. Россия-Евразия — это не Европа и не Азия, и не механическое сочетание последних. Это самостоятельный культурно-исторический материк, органическое, национальное единство, геополитический и сакральный центр мира.

Непонимание роли и места, которое занимала, занимает и призвана занимать в мире Россия по меньшей мере опасно, а по большому счету — гу-

бительно, потому что ведет к гибели православной цивилизации, исчезновению русской нации и распаду российского государства. Мы не должны и не можем допустить этого! С теми, кто этого не понимает и не признает, нам не по пути!

Родина и Отечество

Всякий нормальный человек любит Родину и почитает Отечество.

Александр Сергеевич Пушкин в своем письме к Петру Яковлевичу Чаадаеву выразил это чувство просто и ясно:

«Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, как нам Бог ее дал».

Примечательно и то, что написал Пушкин эти слова по-французски...

Просвещенному консерватизму чужд патриотизм квасной, который так же далек от патриотизма истинного, как и национальное беспамятство. Истерики национальной исключительности, крикливый шовинизм в лучшем случае — глупость, в худшем — провокация.

Национальный вопрос

Мы убеждены, что национальное чувство каждого народа требует к себе сочувственного и уважительного отношения.

Народных культур в России множество. Все они равноможны друг другу. Ни одна не выше и не ниже другой. Каждый народ живет по-своему: по-своему рождается и умирает, по-своему радуется и печалится, по-своему возносится и падает духом. У каждого народа свой инстинкт и дух, своя судьба, отраженная в его национальной культуре. Национальная гордость — верное и крепкое начало народного пути; горячее чувство, драгоценное в творческом отношении. Истинный гений — национален. Великая культура — неповторима.

Здоровый просвещенный национализм — национализм полиэтнический и поликультурный. Это свободный, творческий, в настоящем смысле слова созидательный национализм. В нем нет комплекса инородства. Он не боится соперничества и поглощения чужеродными элементами. Напротив, он способен впитывать и творчески перерабатывать их в себе. Именно такой тип национализма создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности.

Личность

Личность является не средством, а целью общественного и государственного развития.

Однако, говоря о высоком статусе и выдающейся роли личности в истории, мы имеем в виду именно личность, а не оторванных друг от друга индивидов, существующих вне общества и государства. Для нас человеческая личность — органическое единство Я, ТЫ и МЫ. Она рассмат-

ривается нами в свете Промысла Божьего и через призму общественных отношений.

Идеологи российского консерватизма, как свободные творческие личности, могут и должны выступить сегодня в роли общественных и политических лидеров нашей страны, а просвещенно-консервативное движение должно стать кузницей кадров для руководителей Нации и Государства, которые в XXI веке смогут взять на себя ответственность за жизнь и судьбу нашего Отечества — России.

Семья

Гражданами мы становимся в обществе, подданными — в государстве, а людьми — в семье. Любовь к Родине и Отечеству зарождается в нас от любви к матери и отцу. В семье мы приобщаемся к родному языку, обучаемся правилам поведения, осваиваем культуру быта.

Мы убеждены: спасем и сохраним от бед, невзгод и напастей российскую семью — спасем и сохраним Россию и русского человека. Охрана материнства, отцовства и детства — наш социальный приоритет. Мы надеемся, что такая социальная политика получит поддержку не только большинства граждан и общественных организаций нашей страны, но и российского общества в целом.

Признавая общегражданское равенство полов, мы, тем не менее, всегда учитываем особенные душевные и физические различия мужчин и женщин. Мы будем поддерживать и укреплять в общественной и государственной сфере все то, что позволяет женщине оставаться женщиной, а мужчине — мужчиной.

Мы будем делать все для того, чтобы возродить и поддержать в современном мире традицию большой, многодетной, целостной семьи, в которой присутствуют три поколения: родители, дети и внуки.

Наши старики должны быть не только обеспечены необходимыми средствами социальной помощи со стороны государства, но и окружены в своей семье любовью и заботой, теплотой и уважением.

Наши дети должны быть защищены от физического насилия, духовного сектантства, беспризорности, порнографии и наркотиков не только государством и обществом, но и своей семьей и в первую очередь нами — родителями.

Свобода

Главной гарантией личной свободы и публичной независимости является братская человеческая солидарность.

Братская солидарность, взаимопомощь и служение общему делу ограничивают индивидуальный произвол человека, но не противоречат его личной свободе.

Наш идеал — социальное братство — союз свободных людей, равномошных в обретении гражданских прав и несении гражданских обязанностей.

Внутренняя свобода, или ПРАВДА, — дар Божий. Она сопряжена с нравственной ответственностью и требует от человека жизни «по совести».

Внешняя свобода, или ПРАВО, — не только способность человека поступать так, как ему заблагорассудится, но и публичная обязанность отвечать за свои поступки в границах установленных обществом и поддерживаемых государством обычаев и норм.

Нарушение внутренней и внешней свобод человека недопустимо и должно охраняться Церковью и Государством.

Государство

Мы — последовательные государственники.

Подобно нации и личности, государство базируется не только на материальных (политических и экономических) измерениях, но и несет в себе духовный, нравственный смысл.

Государство — это культура в форме служения Отечеству.

Государство как государственность и нация — есть духовное единство народов и граждан, сознающих и признающих братскую солидарность, охраняющих и поддерживающих ее любовью и жертвенным служением.

Государство как государственный аппарат — есть волевая сила, которая может и должна регламентировать действия граждан и неправительственных организаций, устранять общественный и индивидуальный произвол, бороться с терроризмом и препятствовать развитию национальной розни. Мы выступаем за четкое разграничение полномочий и сфер ответственности центра и регионов.

Более половины налоговых средств может и должно поступать в местные бюджеты, оставаться на уровне города, поселка, района и направляться на решение реальных проблем конкретных людей. Справедливое разделение полномочий и сфер управления, прав и обязанностей, доходов и расходов повлечет за собой и персональную ответственность руководителей всех уровней перед законом, страной и народом.

В широкой автономии местного самоуправления мы видим не ослабление власти, а новый способ ее эффективной организации в системе общественно-государственных координат. В этом проявляется единство народа и власти, единство, опирающееся на местные традиции, соединенные с глобальными новациями.

Мы убеждены, что участие каждого гражданина и всего гражданского общества в государственном строительстве жизненно необходимо.

Основное задание современной России состоит в том, чтобы найти и сохранить такую форму государства, «при которой дух гражданской корпорации насытил бы форму государственного учреждения».

Такой формой государства является гарантийное государство или государство с положительной миссией.

Гарантийное государство обеспечивает проведение в жизнь стабилизирующей социально-политической программы, способствующей экономическому росту страны. Отличительной особенностью этой программы является то, что она положительно воспринимается государством, гражданским обществом и частными лицами, придерживающимися различных политических взглядов и убеждений.

Это в настоящем и полном смысле слова общенациональная социально-политическая программа.

Ее главная цель состоит в утверждении национального идеала — единства ПРАВА и ПРАВДЫ как основы политической мощи, экономического процветания России и роста личного благополучия российских граждан.

Ее главные задачи заключаются в реализации идей:

- симфонии государства и гражданского общества;
- союза личности, нации и государства;
- гармонии труда, земли и капитала;
- равномошности «прав и свобод народов» и «прав и свобод человека».

Правовое выражение и юридическое оформление идея гарантийного государства должна найти в Основном Законе государства — Конституции России.

Принципиальное отличие новой Конституции России от ныне действующей состоит в том, что она должна быть основана не только на Декларации прав человека, но и на Декларации прав народов.

Гарантийное государство — это новый государственно-общественный тип организации власти.

Гарантийное государство принимает на себя перед своими гражданами следующие обязанности:

1. Гарантийное государство обязано обеспечить государственный суверенитет страны, заповеданный Богом и завоеванный подвигами предков, возродить единое политическое, экономическое, правовое и культурное пространство исторической России и сохранить русский язык как язык межнационального общения на евразийском континенте.

2. Гарантийное государство обязано при определении формы правления, формы государственного устройства и политического режима, а также при разработке долгосрочной и среднесрочной стратегии развития страны исходить из традиционного для России культурно-исторического типа цивилизации.

3. Гарантийное государство как верховная президентская власть — обязано разрабатывать и проводить в жизнь единую общенациональную политику России, основанную на традиционных для нее идеалах и ценностях и преследующую новационные интересы российского государства, гражданского общества и личности.

4. Гарантийное государство обязано при решении любых внутренних и внешних проблем исходить из обеспечения национальной безопасности России и защиты интересов российских граждан, и только из них.

5. Гарантийное государство обязано разработать и принять такую систему ПРАВА, которая, регламентируя содержание и форму политической и экономической деятельности государства, гражданского общества и личности, обеспечивая законность и правопорядок в стране, исходит из того, что российское право есть особенная часть семьи континентального права и в качестве таковой принимается российским правосознанием как строгая, но справедливая ПРАВДА.

6. Гарантийное государство обязано создать политические и правовые условия для интенсивного роста российской экономики и обеспечить глобальное лидерство России в четырех сферах: земле, воде, воздухе и космосе.

7. Гарантийное государство обязано построить такую систему государственного контроля и управления, которая будет способствовать организации

производства и потребления товаров и услуг, позволяющих на порядок поднять уровень жизни, в десятки раз увеличить доходы российских граждан и заставить их забыть о том, что такое материальная нужда и бедность.

8. Гарантийное государство обязано предпринять все необходимые меры для того, чтобы раз и навсегда искоренить из нашей жизни такие понятия как терроризм, коррупция и организованная преступность.

9. Гарантийное государство обязано, в конечном счете, рассматривать материальное производство как средство для производства духовного, которое является для него целью. Внутренняя политика страны должна предусматривать механизмы для реализации приоритетного развития духовного производства, в первую очередь: науки, культуры и образования.

10. Гарантийное государство обязано разработать и реализовать такую национальную политику, которая воплощала бы в себе идею возрождения личного и гражданского достоинства русского человека и народа, традиционно составляющего в России абсолютное большинство, но в то же время не ущемляла прав и свобод других народов Российской Федерации.

Гарантийное государство — это государство Общего дела и Общего делания.

Мы верим, что ему принадлежит будущее.

Политика

Обеспечить жизнь и деятельность гарантийного государства может только новая политика.

Политика — это воля к власти. Это искусство брать, удерживать и главное передавать власть. Это способность и умение политического движения и партии готовить и выдвигать лидера, способного стать не только главой государства, но и лидером нации. Просвещенный консерватизм опровергает расхожее мнение о том, что политика — грязное дело плутов и казнокрадов. Мы считаем, что политикой могут и должны заниматься лучшие люди страны, честные, порядочные и образованные граждане, ставящие интересы общества и государства выше личной выгоды и корысти.

Нам как воздух необходима политическая гвардия, главным смыслом существования которой является любовь к своей Родине и служение своему Отечеству. ПРАВО и ПРАВДА — вот лейтмотив деятельности для настоящего российского политика. В будущем в России должны остаться три политические партии, могущие реально бороться за власть: консервативная, либеральная и социалистическая.

Внешняя политика России должна стать логическим продолжением ее внутренней политики в глобальном масштабе. Российским государственным деятелям и дипломатам пора начать мыслить не масштабами района, города, области или страны, а материками и континентами.

Геополитика в России должна получить приоритет над политикой, геоэкономика над экономикой, а геокультура над культурой.

Довольно смотреть на себя и мир, стоя на коленях. Пришла пора вернуть достоинство, обрести уверенность, встать на ноги — и спокойно, с ровным дыханием отстаивать собственные национальные интересы.

Мы вновь должны стать едиными и сильными, а Россия — Великой.

В этом был, есть и будет главный смысл российской политики.

Армия

Особенная роль в жизни нашего народа принадлежала и принадлежит армии. Будучи носителем волевой силы и нравственной мощи государства, армия призвана обеспечить обороноспособность страны и безопасность ее граждан.

Как воплощение института единоначалия, армия должна быть построена иерархически и проникнута воинской дисциплиной. Храбрость, отвага, личное мужество с давних времен были главными качествами русского воина, чтившего славную традицию доблестного служения Родине и Отечеству. Однако за перестроечное десятилетие военная профессия усилиями псевдодемократов стала считаться в обществе чуть ли не презренной, а солдаты и офицеры заняли в обществе положение изгоев и парий.

С этим пора кончать!

Армия — это культура в форме службы Отечеству. Офицерский корпус, в первую очередь гвардия, должны получить от Церкви и Государства духовную и материальную поддержку. Военная профессия должна вновь стать престижной и желанной, а звание солдата, защитника Отечества — гордым и высоким. Армия должна получить все, что нужно для эффективной обороны страны, будь это обычное или высокоточное оружие, новейшее стратегическое вооружение или все то, что необходимо для информационных и сетевых войн. Для нас смысл реформирования армии состоит не только в переводе ее на контрактную основу, но и в возрождении высокого воинского духа ее частей и подразделений, который испокон века позволял ей побеждать на полях сражений многочисленных и сильных врагов.

Армия должна превращать наших юношей в настоящих мужчин, способных защитить себя, свою семью и Отечество. Она должна научить молодого человека достойно подчиняться и ответственно руководить. Она должна воспитать в нем чувство долга и чести, стать для него школой мужества, отваги и личной ответственности.

С такой армией — мы будем непобедимы!

Власть

Власть есть свободно принимаемая и добровольно поддерживаемая народом сила, основанная на нравственном авторитете и представленная в избранной личности.

Слабая власть — не власть, а самообман и обман. Власть, не вызывающая уважения, — не власть. Власть социально бессильная — источник бедствий и разрушения.

Россия — государство великое и огромное; перед ней всегда стояли, стоят и будут стоять грандиозные цели и долговременные задачи.

Надо, наконец, понять и раз и навсегда усвоить, что Россия — континентальная Империя, а не национальное государство. У России другой масштаб, другая мера, другой темп и ритм бытия. Нам нельзя торопиться. Воля и вера, знание и сила, мудрость и терпение — вот верный рецепт для любой российской власти, а тем более для власти, занимающейся реформами.

Мы убеждены — тот, кто ратовал и ратует в России за скорые реформы, тот не понимает природы российской государственности и подрывает корневое бытие нации, личности и государства.

Российская государственная власть должна быть мудрой, сильной и терпеливой, или ее не будет вовсе.

А чтобы быть мудрой, сильной и терпеливой, власть в России должна стать единой властью государства, гражданского общества и личности.

Вспомним слова Ивана Александровича Ильина:

«России нужна власть сильная, но дифференцированная. Сильная, но выдержанно-правовая. Сильная, но не просто бюрократическая. Сильная, но децентрализованная. Воински закреплённая, но лишь в виде последнего аргумента. Полицейски ограждённая, но не преувеличивающая компетенцию полиции».

Верховная власть всегда имела в России исключительное значение. У нас от главы Верховной власти, от его личных нравственных качеств зависело многое, если не все.

Слова Константина Петровича Победоносцева, сказанные наследнику российского престола в 1876 году, и сегодня могут быть спокойно обращены к Президенту Российской Федерации:

«Вся тайна русского порядка и преуспевания — наверху, в лице верховной власти. Там, где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвигнет на дело, ваше послабление и роскошь зальют всю землю послаблением и роскошью. Вот что значит тот союз с землею, в которой вы родились, и та власть, которая вам суждена от Бога».

Наряду с верховной президентской властью в России существует власть высшая, управляющая. Она конституционно разделена на три ветви: законодательную, судебную и исполнительную.

Торжество закона и порядка в стране опирается на наличие у граждан развитого правосознания, духовных идеалов, нравственных ценностей и моральных норм, разделяемых личностью, гражданским обществом и государством.

Государственная власть — это личная жертва, приносимая на алтарь Отечества!

Информация и коммуникация

Информация и коммуникация — это капилляры власти.

Сеть свободного информационного и коммуникационного общения покрывает собой сегодня весь мир. От того, каковы форма и содержание этого общения, на каком языке, в пространстве и времени какой культуры оно будет вестись, зависит жизнь и судьба людей и народов в современном мире.

Мы считаем, что виртуальное общение, массовая коммуникация и информационный обмен может и должен происходить на двух уровнях:

- на первом, региональном, уровне общение должно носить поликультурный характер и быть многоязычным;

- на втором, глобальном, уровне, оставаясь многополярным, общение в Интернете должно вестись на русском и английском языках.

Для того чтобы это произошло, России необходимо духовно и материально возродиться.

Нам надо преодолеть психологию аутсайдеров. Перестать радоваться открытию у нас иностранных заводов по сборке автомобилей, аудио- и ви-

деоаппаратуры и других промышленных товаров. Хватит осваивать зады индустриального мира. Пора слезть с сырьевой иглы, прекратить тупо торговать невосполнимыми природными ресурсами. Необходимо возродить сознание и бытие великой континентальной державы. Начать жить в глобальном мире по законам постиндустриального — информационного общества.

Мы не нация торгашей, мы нация героев!

Собственность и финансы

Собственность порождает власть, а власть гарантирует собственность.

Мы против абсолютизации любой формы собственности. Мы считаем, что собственность в любой форме должна служить человеку, обществу и государству. В России в сфере собственности существовал и должен существовать исторически обусловленный баланс в отношении между ее формами. Частная собственность должна сосуществовать наряду с государственной, общественной и иными формами собственности. Равно с другими она должна обеспечиваться правом и гарантироваться государством.

Государственная собственность традиционна для России. На протяжении столетий она была политической и экономической основой стабильности страны. Вотчинное землевладение крепко связало между собой собственность и власть. Дворяне получали земли во владение, пользование и распоряжение, служа Царю и Отечеству. При Петре Великом государство строило заводы и передавало их частным компаниям. Масштабное железнодорожное строительство в XIX веке велось на государственные субсидии и под государственные гарантии.

Частная собственность также не новость для России. Мы считаем ее эффективным и необходимым элементом хозяйствования. Роль частной собственности в государственном строительстве и общественном обустройстве значительна и велика. Из мира собственности мы выделяем прежде всего недвижимость — дом как место обитания семьи и земельную собственность, передаваемую из поколения в поколение.

ЗЕМЛЯ не может и не должна быть обычным товаром. ЗЕМЛЯ — «товар особенный», поскольку она является наряду с ТРУДОМ и КАПИТАЛОМ основным фактором материального производства (причем невосполнимым). А в духовном смысле ЗЕМЛЯ всегда была, есть и будет для нас «матерью, которой не торгуют».

Экономика и финансы

Экономика и, в особенности, финансы не должны абсолютизироваться и являться самоцелью. Они должны быть средством для эффективного роста производства и устойчивого развития человеческой личности.

Экономические преобразования в России в XXI веке должны обрести целостный, системный характер.

Призыв к потреблению без границ, дополненный лозунгом «Забудь про все — и развлекайся!» разрушителен и порочен. Он ведет человека и человечество в тупик деградации и самоуничтожения.

Мы трезво оцениваем издержки глобализации. Мы осознаем реальные опасности, которые несут миру диктат транснациональных корпораций и спекуляции международных финансовых групп. Мы против слепого поклонения золотому тельцу. «Деньги, делающие деньги», не знают меры, ведут к росту инфляции и мировому финансовому кризису.

Мы являемся сторонниками социальной рыночной экономики, предполагающей, что в определенное время, в определенном месте и при определенных обстоятельствах возможна и необходима координирующая, регулирующая и гарантирующая роль государства, особенно в тех секторах экономики, которые играют решающую роль для пополнения государственного бюджета, обеспечения общественного мира и согласия, сохранения целостности и суверенитета Российской Федерации.

Мы — за протекционистские меры государства, защищающие отечественного производителя. Поддерживая национальный капитал и российские производства, ориентированные на внутренний рынок, мы считаем возможным вступление России в ВТО на тех условиях и в то время, когда это будет для нас выгодно.

Мы за прогрессивное налогообложение. Богатые должны делиться с бедными. Однако это не значит, что успешный предприниматель, добросовестно платящий налоги труженик и социальное государство должны плодить и содержать профессиональных дармоедов.

Заключение

Занимаясь вопросами государственного строительства и общественного обустройства России, мы, российские консерваторы, делаем ставку на формирование новой, подлинной общественно-государственной элиты, возникновение крепкого, хозяйственного, корневого среднего класса, становление свободной и ответственной человеческой личности.

Мы считаем нашей главной задачей — качественный отбор людей, «идущих во власть», и мы сделаем все для того, чтобы обеспечить высокий нравственный авторитет власти, который в итоге складывается из нравственного авторитета конкретных лиц, призванных руководить государством.

Мы требуем профессионализма и порядочности от всех должностных лиц, которые нашим государством управляют. Мы ждем от них последовательности, решительности и ответственности в проведении политических, экономических и правовых реформ.

Занимаясь государственным и партийным строительством, способствуя самоорганизации гражданского общества, мы всегда должны помнить, что наша главная цель и забота — человек.

И да поможет нам Бог!

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАЗИН

СВОБОДНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И РУССКАЯ ИДЕЯ

*О «Манифесте»
Н. С. Михалкова*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

Идее консерватизма не повезло в России. По целому ряду причин, начиная от особенностей национального характера (широк русский человек) и кончая гигантскими евразийскими размерами страны, наша отечественная культура и политика предпочитала часто крайние решения, беспощадные революционные ходы. Так было, к сожалению, и в 1917, и в 1991 гг. И в начале XX века, и в его конце усилиями радикал-либералов и радикал-революционеров (крайности, как известно, сходятся) разрушалась не просто Империя (в первом случае царская, во втором — советская), а фактически сама Россия. В обоих случаях это стоило народу огромных жертв. До сих пор мы не знаем, при каком общественном строе мы живем последние двадцать лет — строй этот каким-то поразительным образом соединяет в себе черты империи, демократии, капитализма и социализма. Достаточно вспомнить наш двуглавый государственный герб в сочетании с республиканским триколором и советским по мелодии гимном.

Опубликованный недавно «Манифест» известного российского кинорежиссера, председателя Союза кинематографистов России Н. С. Михалкова одной из своих центральных задач и ставит прояснение этой ситуации, знакомя читателя с понятием просвещенного консерватизма. На место уже ставшей привычной для нас «гражданской войны идей» здесь предлагается другой взгляд — умеренный, цивилизованный, в хорошем смысле этого слова «разумный», отвергающий непримиримые противоречия между «белым» и «красным», традицией и модернизацией, безответственной свободой и тоталитарным произволом. Кстати говоря, именно такой позиции в культуре и реальной политике при-

держивались почти все крупнейшие отечественные мыслители и писатели в зрелые годы своей жизни — например, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, И. А. Бунин, знаменитые русские философы Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, Л. А. Тихомиров, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, наиболее последовательные реформаторы России М. М. Сперанский, М. Т. Лорис-Меликов, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин. Последним по времени известным русским консерваторм был А. И. Солженицын, ровно двадцать лет назад предложивший стране вместо тогдашнего «либерал-большевизма» свой программный документ под названием «Как нам обустроить Россию». Тогда он не был услышан.

Чего же хотят просвещенные консерваторы? Говоря кратко, прежде всего национального созидания, а не разрушения под флагом того или иного «единственно верного учения». Разрушить, как известно, просто — попробуй потом построить. Совершенно очевидно, что либеральный проект в России нереален. Его и в помине не было в «лихих девяностых», нет и сейчас. Народу действительно надоело «выслушивать декларации о политической независимости, внимать призывам к индивидуальной свободе и верить сказкам о чудесах рыночной экономики», когда половина страны живет в бедности, четверть в нищете, а «наши» миллиардеры выкидывают миллионы долларов на крейсерские яхты и английские футбольные клубы. Чтобы избежать этого опасного во всех смыслах положения, нужны право и правда — право граждан единой страны на свободное и справедливое распределение власти и богатства, и право каждого из них и всех вместе спросить с тех, кто эту правду-справедливость игнорирует. Не принудительного равенства социализма или дикого рынка криминального капитализма хотят патриоты-консерваторы — они устами Н. С. Михалкова предлагают такое устройство общества, где духовный авторитет в лице Церкви, государственная власть в лице Президента и Народ в форме гражданского общества стали бы частью единого целого, элементами общей (солидарной, «симфонической») социальной структуры.

Чтобы достигнуть этой цели, «Манифест» предлагает ряд шагов, первыми из которых называет возрождение мощи российского государства, поддержание новых для России структур гражданского общества, восстановление нравственного авторитета власти, обеспечение роста экономики, воспитание у граждан чувства уважения к закону, труду, земле и частной собственности. Но прежде всего — пишет автор «Манифеста» — «мы должны поверить в нашу Россию, укрепить дух нашей нации, восстановить позитивный образ нашей страны во всем мире».

Вот это верно. Без любви и уважения к Отечеству ничего не будет. Не секрет, что многие деятели современного компрадорского капитала (и выражающие его интересы политики и журналисты) рассматривают Россию не как Отечество, а как место расположения своего бизнеса, а «отечество» у них там, где меньше налоги. С другой стороны, и радикальные коммунисты готовы принести Родину в жертву своей утопической теории, целиком осуществимой разве что в каком-нибудь фаланстере. Интересно, что и упреки Михалкову со стороны этих вроде бы противоположных лагерей схожие — оба называют его барином, заботящимся прежде всего о привилегиях представляемого им «нового дворянства» постсоветской эпохи. Я не говорю уже о профессиональных пересмеш-

никах на наших «независимых» радио и телеканалах — эти принялись травить «царя Никиту» лично...

А вот это уже ошибка. Во-первых, Михалков, нравится это кому-либо или нет — действующий представитель (может быть, последний) того самого, частью расстрелянного, частью вытесненного из России после 1917 года православного русского дворянства, многие из состава которого «спят в Донском монастыре», как поется в известной песне А. Городницкого. Именно этому сословию обязана Россия немалым числом достижений за тысячу лет своей истории. Во-вторых — что еще важнее — содержание мысли имеет самостоятельное значение, независимо от личных достоинств и недостатков формулирующих их людей. И надо прямо сказать, что в документе Михалкова важен не столько сам автор, сколько объективная суть предложенных им (и стоящими за ним идеологами) решений, которые, на мой взгляд, целиком соответствуют интересам и перспективам нашей страны, если мы действительно желаем вытащить ее из болота, затянувшего ее в результате непродуманных радикально-либеральных преобразований.

Взять хотя бы центральный, как учили классики, вопрос о власти. «Власть — формулирует «Манифест» — есть свободно принимаемая и добровольно поддерживаемая народом сила, основанная на нравственном авторитете и представленная в избранной личности». Для России это совершенная истина. Русский человек (и русский народ в целом) не любит формальные общественные институты и не поклоняется правам человека — он любит ту самую правду, которую «Манифест» предлагает соединить с правом. Можно сколько угодно называть это «отрыжкой XIX века», но это так. Президентом в России должен быть не просто прагматичный чиновник, а действительный лидер нации. Перед современной Россией, наследницей великих империй, стоит достойная ее задача — сохранить православную цивилизацию в нехристианском (и частью антихристианском) глобализирующемся мире. Против этого многие — «оранжевые», «желтые», «розовые». Чтобы не бояться реальных и виртуальных «маршей несогласных», Российскому государству придется опереться на такие аргументы, перед которыми окажутся бессильны разрушители всех мастей. Человек (как и цивилизация) — это то, во что они верят. В случае России предметом веры являются прежде всего православные духовные ценности, которые консерваторы предлагают осмыслить как высшие национальные критерии и цели. Быть знаменитым некрасиво; еще более отвратительно быть миллиардером среди нищей страны. Точно также державность как принцип не должна заслонять того факта, что держится она только доверием народа, чувствующего в его деятелях — и прежде всего в олицетворяющем его носителе верховной власти — Божью руку. Понятно, что менять все это каждые четыре года (как того требуют прописи либеральной демократии) было бы чистым безумием. В отличие от Запада, наши партии не столько политические или даже экономические, сколько мировоззренческие — какая страна выдержит регулярную смену мировоззрения и всего строя жизни в ритме избирательного цикла? Пусть в России будут три, как это предлагает Михалков (или две, как в США) основных партии, пусть у нас каждый человек сам выбирает свое место в духовном, культурном и хозяйственном пространстве (при условии законной частной собственности) — в любом случае стране нужен принцип объединения,

способный вместить в себя многие существующие в ней религиозные, национальные и экономические уклады. На Западе таким принципом служит выгода, рыночный расчет, вписанный в привычный законопослушный рационализм. Для России этого мало. России нужна Верховная власть не потому, что она «тысячелетняя раба» (о «проклятом царизме» при Советах говорили так же часто, как сейчас о «проклятом коммунизме»), а потому, что в глубине души она хочет служить чему-то более высокому, чем польза, комфорт, плюрализм и т. п. Рай на земле — это выдумка идеологов новоевропейского прогресса, начиная с эпохи Просвещения (философия либерального гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живет мыслью, что власть и культура в государстве должны исходить не от грешной «одиноким толпы», а от Бога. Тело России действительно болеет, но дух еще жив. Как заметил в свое время В. С. Соловьев, идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности. Вся история России — включая катастрофический XX век — свидетельствует о Божьем Замысле Святой Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется еще много думать о России.

Завершая эту небольшую статью, хочется еще раз присоединиться к одному из ключевых положений «Манифеста»: «Мировая и отечественная история учит: все важнейшие реформы, направленные на модернизацию, успешно осуществлялись только в том случае, если они проводились государственными, общественными и церковными деятелями России центристской, просвещенно-консервативной ориентации. А «разруху в стране и головах», принесшую и приносящую России тяготы, невзгоды и испытания, творили и творят проповедники радикального прогресса и неистовые вожди либеральных буржуазно-демократических и пролетарских революций». Будем надеяться, что на этот раз (после всего, что произошло с нами за последние двадцать лет) голос патриотического «царского пути» будет услышан — иначе, как писал в начале XX века замечательный русский публицист В. В. Розанов, мы можем оказаться в таком обществе, где «будут писаться только либеральные статьи, произносятся только либеральные речи. Скучновато. Ах, как скучновато станет тогда везде...».

История и современность

Дмитрий РОГОЗИН

ДЕНЬ ЖЕЛТКА

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году указом Президента назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Член Совета по внешней и оборонной политике. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

История — это наркотик и сильнейший антидепрессант. Но одно дело листать, позевывая, фолианты профессиональных историков или наслаждаться по ТВ льюиной гривой и артистизмом отдельных из них, и совсем другое — выцарапывать из чудом сохранившихся архивов документы, знакомящие вас с вашей же родословной, с тайной происхождения вашего рода, а значит, и с вашей личной тайной.

Уверен, что многие из нас, узнав, что в наших жилах течет кровь Великих Предков, Защитников рода, племени и всего тысячелетнего Отечества, Богатырей и Творцов, Граждан, которыми подобает гордиться их потомкам, сами меняли свое отношение к жизни, себе и своей стране, становились чище и благороднее. Иваны, родства не помнящие, — разве не они сносили храмы и дорогие русскому сердцу отеческие камни, разве не они сочли чванливо, что история России если и начинается, то непременно с них самих, а до них и не было ничего, кроме «кровавого царизма» и каких-то там «блаженных» да «пожарских»?

Нет, надо знать свой Дух и Корень, знать, откуда пришли мы и какая судьба уготована Богом стране нашей. Без этого — никак нельзя. Нельзя любить Россию, не зная, что у нее есть не только милые сердцу березки и овражки, но и душа ее и боль ее. Березки и овражки встречал я и на чужбине, в той же Европе, где я сейчас живу, да России иной нет нигде. Такую вторую не сыщешь. Историю — ее не повторишь. И не исправишь.

ПРУССИЯ

Судьба — вещь забавная и шутница отменная. Когда в мае 2002 года,

за два месяца до назначения меня в Калининградскую область, я впервые прилетел в этот российский анклав на Балтике, то почувствовал себя как-то странно — будто бы бывал я здесь не раз. Все вокруг казалось мне до боли знакомым и давно уже мною обжитым. Сосны на Куршской косе, тяжелый дюнный песок на отмели холодного моря, высокие юбочки облаков, изящно соединенных воздушным танцем Лебединого озера — все это мое, родное. Только чиновный народ какой-то ненастоящий, пришлый и особо эту землю не берегущий. А вот я чувствовал себя в Калининградской области в полной душевной гармонии. Мне здесь все нравилось — даже тысячи пауков, облепивших окна и входную дверь коттеджа на Куршской косе, где нас расселили на время командировки. Дело в том, что зацвел залив от необычно теплой погоды, и всякие мелкие жучки-паучки на радостях приступили к тотальному размножению и колонизации прибрежных санаториев и пансионатов — несмотря на протесты моей жены и прочих туристов.

Говорят же, что существует такое понятие, как Зов крови. Эта генетическая память пробивается сквозь поколения и века. Даже черепашки, рожденные в яйцах в песчаных дюнах, знают, что первым делом надо забежать в убегающую волнами водичку. Там их среда обитания. Там их родной дом. Вот и я в Восточной Пруссии оказался вдруг дома. И вскоре я узнал почему.

В начале XIII века на исторических землях балтов и балтийских славян впервые появились немецкие крестоносцы. Католическую веру и папскую власть они насаждали в привычной для себя манере — огнем и мечом. Особую жестокость в отношении языческих племен проявил Орден меченосцев. За тридцать лет своего самостоятельного существования и последующего слияния с тевтонами и ливонцами этот Орден «прославился» физическим истреблением древнего балтийского племени пруссов — хозяев этой земли, давших ей свое имя.

Нашествия меченосцев, а затем и тевтонов на прусские земли сопровождались массовыми казнями язычников и сожжением их городов и деревень. Выжженная земля заселялась немецкими крестьянами-колонистами, а чудом выжившему или, точнее, оставленному в живых прусскому населению запрещалось вступать в брак и заводить потомство.

Естественно, с такой «лучезарной верой» и такими «методами убеждения» соглашались далеко не все пруссы — многие из них бежали в соседнюю Литву и уже оттуда продолжали бороться с захватчиками. Те, кто решил остаться, то и дело поднимали восстания против крестоносцев. Восстания, как правило, жестоко подавлялись.

История моего рода связана именно с этими бурными временами — моментом первого столкновения европейского Востока и Запада. Фамилия Миткевич имеет прусские корни, а ее родоначальниками стали три прусских князя. Спасаясь от меченосцев, они привели свои семьи и дружины в Гродно — на территорию современной Белоруссии. Должно быть, они принимали деятельное участие в формировании Великого княжества Литовского — объединения славяно-литовских племен, дожившего до XVIII века и в основном вошедшего в состав Российской империи. Так, мечтая об освобождении своей родной земли от жестоких захватчиков, они дали жизнь роду, в котором практически все без исключения были воинами, умом и мечом добывавшими честь себе и славу Родине. Гербом рода Миткевич-Жолток является так называемый герб «Калинова», который в свою

очередь происходит от герба «Прус» — с изображением занесенной к небу рыцарской руки в доспехах с обнаженным клинком, напоминающим о кровавой сече с меченосцами.

Позже, в 1568 году, король Сигизмунд Старый за «боевые подвиги» пожалует боярину Даниле Миткевичу-Жолтку земли на краю польско-литовской Речи Посполитой — в Рогачевской волости (нынешний Рогачевский район Могилевской области Белоруссии). Оказавшись на рубежах Московского царства, представители нашего древнего дворянского рода пустили корни и в Смоленской губернии.

Кстати, о происхождении второй части фамилии нашего рода — Жолток — я узнал лишь тогда, когда восстановил все эпизоды знаменитой Грюнвальдской «битвы народов» 1410 года — сражения крестоносцев-тевтонов с объединенным польско-литовско-русским войском. Сражения, решившего судьбу Европы.

ДЕНЬ ЖЕЛТКА

— Мой юный друг, сегодня главный день в твоей жизни! Запомни его. Все запомни: запахи, этот влажный ветер, голоса и хрип коней, запомни звон мечей и крики людей. Краски: белые плащи с черными крестами — это цвета твоего врага. Запомни их. Это твоя мишень, но и ты для них — мишень. Вспомни все, чему я тебя учил. Уклоняйся от лобовой атаки тевтонов. Твоя кольчуга не выдержит удара их копий и мечей. Будь умней своего врага, но и его цени высоко. Гордиться нужно победами над сильным врагом. Коварный враг всегда занижает свою мощь, хочет казаться слабее, чем есть на самом деле. В сегодняшней схватке победит тот, кто уважал своего врага и не стеснялся учиться у него. Запомни это. И последнее, что хочу тебе сказать: если ты попадешься крестоносцам, то знай: шанса выжить у тебя нет. Лучшее достойно принять смерть на поле боя, чем стать посмешищем. Это самое страшное. Ты можешь быть звонким или тишишим, лютым зверем или добрым самаритянином, но нельзя быть смешным. Тевтоны — враги твоего рода. Двести лет твои предки были вынуждены жить вдали от своей родины только потому, что меченосцы отобрали у тебя и твоих предков твою родину. Они отравили твоего отца. Но теперь тебе выпал шанс отомстить им! Готов ли ты к этому?

— Да, мой князь! — Степан Миткевич старался не выдавать наставнику своего волнения, но на сей раз ему это плохо удавалось. Казалось, он весь пылал. О, если б видел его отец, в какого красавца витязя превратился его мальчик, как ладен он в седле боевого коня, как горят его глаза, распаленные страстью скорой сечи, как крепко сжимает рука топорщице до звона заточенного клевца.

Великий Князь Литовский внимательно смотрел на своего ученика. Этого молодого рыцаря, выросшего в родовом Гродненском замке вместе с его родной дочерью Софьей, Витовт любил как родного сына. И теперь он готовил его, наверное, к самому важному заданию, от выполнения которого вполне зависел исход всей битвы с крестоносцами.

— Тевтоны своим высокомерием давно заслужили смерти, и сегодня она встретит их на этом поле. Но сначала дадим им хорошенько

пожариться на июльском солнце. Они в тяжелых латах с утра стоят в боевых порядках, а мы в лесу. Выходить пока не будем. Смотри, как земля у кромки леса размокла от ночного ливня. Коннице будет сложно взбираться на холм. Под тевтонами земля сухая, но до них еще нужно добраться. Ты все помнишь, о чем мы с тобой давеча говорили?

— Мой господин, все помню. Вместе с татарами атакую первую линию тевтонов, разведу, где заготовили немцы свои «волчьи ямы», вызываю контратаку арбалетчиков и отступаю.

— Да, и не смей увлекаться боем! Немец — боец опытный. Находясь в Ордене, я тактику тевтонов изучил довольно. Когда скажу, татарская конница по твоему сигналу ринется на первую линию, где у тевтонов в обозах спрятана артиллерия. Она окажется под градом ядер, но выживет, если только сможет быстро миновать линию огня. Смотри, вон там за палисадом они установили свои пушки. Скажу тебе, сын мой, я еще никогда не видел столько пушек на поле боя. Представь, как трудно и долго наша тяжелая конница будет преодолевать холм, взбираясь на возвышенность. Расчет крестоносцев прост — расстрелять большую часть конницы еще до того, как она вступит в бой. Если конница не выдержит, она развернется и сомнет свою вторую наступающую линию. В этой свалке свои потопчут своих. Но для того я и позвал татар из Киева, чтобы они как ветер проскочили первую опасность.

— А хан знает, что наступать ему придется через «волчьи ямы» и пушки?

— Про пушки знает. А вот про «волчьи ямы», заготовленные тевтонами для нас, татарам не говори. Не стоит их предупреждать. Пусть провалятся в них да выбираются скорей. Им это несложно будет сделать — не то что закованному в латы рыцарю. Ты потому в атаке подотстань немного, скачи поодаль да отмечай в голове, где основные опасности ждуть нас будут. Про ядра не забывай, под обстрел не попадай! Все понял? И сними ты этот желтый плащ! В первой атаке он тебе ни к чему, слишком на татарском фоне выделяться будешь, глаза уж больно режет. Сверни. Как вернешься, разрешу надеть, а сейчас не смей! И вообще, зачем он тебе?

— Мой князь! — молодой рыцарь буквально взлетел на коня и, встав во весь рост в стременах, распустил на левом плече узел от привязанного к спине тугого свертка. Это была рыцарская накидка. Ярко-желтый плащ из тяжелой ткани с вышитым на нем фамильным гербом рода Миткевичей упал с его плеч:

— Я буду сражаться в этом желтом плаще, ибо нет у проклятых тевтонов права узурпировать папские знамена! Посмотри, князь, неужто не понятно, зачем крестоносцы привезли на поле столь много знамен и хоругвей? То есть Знак Благословения их войска Святым Престолом! Под черно-желтым стягом собрали они своих братьев со всего западного мира и идут убивать нас, как и убивали наших отцов и дедов, будто мы идолопоклонники, а не верные христиане. Дозволь мне не снимать сию накидку в знак того, что Господь с нами и Вера Христианская ведет нас на праведный бой за свою землю и честное имя!

— Прекрасные слова, мой юный друг! Пусть будет по-твоему. А сейчас скачи к татарскому хану. Скажи ему, чтоб был готов к ата-

ке на фланг крестоносцев, как только солнце встанет в зените, но без моего сигнала чтоб ни одна конская голова из лесу не показывалась. Скачи! Господь с тобой, мой мальчик! — Витовт, довольно ухмыльнувшись, проводил глазами вмиг удалившегося молодого рыцаря. На минуту он застыл, погрузившись в тревожные думы, но увидев показавшего из леса в сопровождении оруженосцев внука Дмитрия Донского — молодого русского князя Юрия Мстиславского, направил к нему своего коня. Вместе они направились к заброшенному амбару, видневшемуся у края опушки.

У его ворот Ягайло — кузен и друг Витовта — в окружении свиты и духовенства — посвящал воинов земских хоругвей в рыцари. Этот обряд посвящения король польский совершал перед каждым новым сражением, успокаивая свои нервы и вселяя бодрый дух в своих вассалов.

Братья молча обнялись. Они, конечно, понимали, что вторгшись в пределы Тевтонского Ордена, союзное польско-литовско-русское войско бросило крестоносцам вызов. На кон было поставлено само существование их балто-славянских государств.

Да, к войне Витовт и Ягайло готовились тщательно. Поляки собрали изрядное войско, серьезно подготовили обозы к походу в земли Ордена. Их король привел с собой 20-тысячную армию, в основном конную. Поляки шли под хоругвями Краковской шляхты, как самой многочисленной и настроенной на победу.

Витовт же собрал под своими хоругвями весь цвет мужества своего Великого княжества. В то время как под командованием Коронного Гетмана Польши стояли тысячи католиков, готовых умереть за свою землю, в литовском войске преобладали православные воины — смоленские русские полки, литвины, белорусы, пруссы, бежавшие от тевтонского истребления, — всего около двенадцать тысяч богатырей. К тому же Витовту удалось заключить союз с Ордой, выставившей на поле брани около двух тысяч легких татарских конников под командованием старшего сына хана Тохтамышша. Пехота же в основном состояла из крепостных холопов-язычников. Эти землепашцы из Жемайттии, вооруженные кто кольями, кто дубинами, имели с тевтонами особые счеты — за разорение своей земли, за поругание святынь, за истерзанных и угнанных в полон детей и женщин. Перед боем литовские пехотинцы решили твердо — крестоносцев в живых не оставлять, всех предать смерти. Не обладая имущественной самостоятельностью, холопы не могли брать выкуп за пленных крестоносцев. Потому их руки были совершенно развязаны и чесались от желания передуть ненавистных извергов.

Конечно, они не ведали, в битве какого исторического значения им суждено сразиться. Да и не было на Свете такого воина, кто бы думал об истории и лаврах, взойдя на поле, где сойтись ему придется в смертельном поединке со страшным по силе врагом. Да, они были готовы умереть за Честь и Родину, но надеялись в этой сече выжить.

* * *

— *Есть ли новости от Великого Князя? Чего мы ждем? Мои бабы рвутся в бой!* — хан Джелал Ад-Дин, собравший свою конницу на крайнем правом фланге войск Великого княжества Литовского, щурил глаза на молодого Миткевича. Животное под юным витязем хрипело и рвалось вперед, будто заразившись от своего седока азартом предстоящей битвы.

Степан потрепал коня за гриву и легко прыгнул с него на землю. — *Князь просил ждать. Князь знает крестоносцев. Среди них он провел столько лет, что всем нам стоит слушать не только его команды, но и советы! Скажи, хан, помнишь ли ты о нашем уговоре? Ты атакуешь первым. Твоя задача — проскочить линию огня и подавить пушкарей. На вторую линию тевтонов силы не тратить, а вымани их лучше на встречный бой.*

— *Ты еще будешь учить моих славных воинов, как действовать в бою?* — татарин расхохотался. Его почти женский смех вдруг сорвался на пронзительный визг. Сидевшие в седлах стражи-монголы дружно поддержали гоготом своего предводителя. — *Передай Великому Князю, что Джелал Ад-Дин-хан сделает так, как мы с ним договорились. Я приведу крестоносцев под его копья и пушки в обозе, а немецких пушкарей изрублю и в котле сварю, если хоть одно их ядро попадет в моих всадников. Но пусть и Витовт не забудет об обещании, данном хану Тохтамышу! Так и передай!*

Миткевич взлетел на коня и, пришпорив его, помчался в расположение своей Гродненской хоругви. Завидев лихого земляка в ярко-желтом плаще, рыцари встретили его приветственными возгласами. В этот час последнего ожидания все были рады друг другу, ибо сейчас в рядах своих каждый был действительно свой.

* * *

— *Смотри, брат, по-моему, у нас гости!* — Витовт заставил польского короля обернуться. Два всадника, держа в руках тевтонское бело-желто-черное знамя и папское бело-желтое знамя, отделились от первой линии крестоносцев и неспешной рысью стали спускаться к ставке Ягайло, расположившейся у заброшенного амбара. Приблизившись вплотную к свите польского короля и Великого Князя Литовского, они оголили свои мечи и вонзили их перед собой в сырую землю. Один из парламентаров поднял забрало головного шлема, украшенного страусиным пером, и хриплым голосом закричал: *«Нас послал магистр Ульрих фон Юнгинген! Не прячьтесь по лесам и болотам, выходите на битву. Если вам мало места на поле, то мы можем отойти!»*

Это был вызов к смертельному бою. Тевтоны больше не хотели ждать. Они были готовы драться. Второй парламентар поднял правую руку, и по его сигналу первые шеренги тевтонов отошли назад на сотню метров.

— *Какое невиданное благородство!* — рассмеялся Витовт. — *Этот маневр мне знаком. Магистр, должно быть, думает, что мы клюнем на эту приманку, обидимся и сломя голову бросимся в атаку. Смотри, Ягайло, тевтоны отступили туда, где заранее приготовились к обороне. Там у них пушки в обозах. Ты обратил внимание, что, отходя, они слегка расступались перед поваленным на пашню сеном?*

— *Не вижу, ничего не вижу,* — король тщетно всматривался в передовые шеренги конных немецких рыцарей.

— *Там ямы, брат, заложенные кольями и присыпанные сверху для маскировки сеном. Это они для тебя землянки приготовили, чтоб твои рыцари в них отдохнули! Ты их пока не видишь, но сейчас татары тебе их покажут!* — Литовец залился смехом. — *Давай обнимемся, брат! Вызов брошен. Мы отрежем этим бешеным тевтонским псам головы!* —

Кузены обняли друг друга за плечи, Витовт прищипорил коня и в сопровождении оруженосцев сорвался с места. Ему нужно было спешить. Сражение начиналось, и первый шаг должен был сделать именно он.

— *Юрий!* — Витовт подозвал к себе Князя Мстиславского. — *Миткевич от татар вернулся?*

— *Да, он в своей Гродненской хоругви.*

— *Скажи ему, пусть скачет к Хану. Пора! Господь с нами!*

Мстиславский развернул коня, хлопнул себя перчаткой по левой груди и радостно умчался прочь.

Сейчас, сейчас. Господи, как бьется сердце! Ну, где же вы? А вот. Пошли...

«*Лау-лау, еохуу!*» — татары ринулись в бой. Их легкая конница вмиг пересекла пространство, отделявшее неприятелей, и по касательной врезалась в самый левый фланг крестоносцев. Татарские стрелы отлетали от тяжелых лат первой линии тевтонов, не причиняя им видимого ущерба, но по всему было видно, что такого начала боя крестоносцы никак не ожидали. Их пушкари явно замешкались с первым залпом. Возможно, им было жаль тратить ядра и выстрелы на эту летучую конницу. В конечном счете это стоило им жизни.

Несмотря на то, что первые татарские всадники все же провалились в заготовленные тевтонами «волчьи ямы», им удалось оттуда быстро выбраться. Следующая же волна татар обошла ямы и накрыла тевтонских пушкарей. Охранявшие артиллеристов арбалетчики не смогли помочь своим погибающим товарищам — в завязавшейся в артиллерийских обозах рукопашной невозможно было отличить, где — свой, а где — чужой. Тевтоны мрачно наблюдали за тем, как татары рубят молящих о помощи пушкарей.

Закончив кровавый пир, укрывшись за обозами, татары тут же ввязались в перестрелку с пажам-арбалетчиками. Но не прошло и пары минут, как они вновь вскочили на своих быstroногих коней и, изображая панику, рванули прочь от крестоносцев. Увлеченные погоней, оказавшейся западней, конные арбалетчики-оруженосцы помчались за ними. Это была их смертельная ошибка. На полном скаку они смогли выпустить в спины своих неприятелей лишь по одной стреле. Перезарядить арбалет на скачущей лошади, в пылу боя, вынув одну ногу из стремени, и с ее помощью оттянуть струну и вновь зарядить арбалет — нет, эта задача оказалась им не по силам. Зато татарам стрельба из лука в преследующего их врага, поглощенного заряджением своего бесполезного в тот миг оружия, доставляла массу удовольствия.

Погоня за татарами захлебнулась. Немногие уцелевшие в этой скоротечной схватке арбалетчики-оруженосцы смогли вернуться из атаки к своим рыцарям. Командующий левым флангом армии тевтонов Маршал Фридрих фон Валленрод был взбешен. Бой еще не успел начаться, а войска Ордена уже лишились оруженосцев, призванных обеспечивать защиту рыцарей!

Наконец, Маршал поднял жезл. Забили в литавры, заиграли трубы. То был знак к наступлению тяжелой рыцарской конницы. Сомкнув ряды, братья-крестоносцы ринулись на войска Витовта. Железная армада копытами закованных в латы коней затрясла землю, вырывая из нее гигантские комы сырой глины. Тяжелая, раскаленная на солнце лавина надвигалась на ошестинившиеся копьями первые линии обороны армии Великого княжества Литовского.

Взмывшие на скаку белые рыцарские плащи образовали отсвечивающий на солнце воздушный шлейф, несущий в атаку черные орденские кресты.

Вернувшись вместе с татарами из набега на тевтонскую артиллерию, молодой Миткевич уже мечтал о новом бое. Но то, что он увидел — стремительно сползающую с холма черную лаву крестоносцев с развивающимися плащами и орденскими знаменами, — сильно его взволновало. «*Выдержать! Устоять!*» — закричал он что есть мочи стоявшим подле него пехотинцам-литвинам. Но через мгновение сила железного удара конницы тевтонов смяла легковооруженных пеших воинов.

Рыцарское копьё проскочило мимо головы витязя всего в нескольких сантиметрах, едва задев латы левого плеча и порвав надвое его желтый плащ. По инерции тевтон еще пролетел на своем коне пару метров и врезался всем своим корпусом в Миткевича. Рыцарь был грузен, и Степан чуть не потерял равновесие от глухого удара лат крестоносца. Враг оказался настолько близко, что витязь почуял запах его пота. Миткевич выгнулся в седле и, не обращая внимания на слетевший с головы шлем, нанес по спине рыцаря мощный удар клевецом. Топор пробил латы спины и перерубил позвоночник. Тевтон рухнул на землю. Витязь оттолкнул его овдовевшего коня ногой, и именно это спасло его от нового удара — на сей час от меча паж убитого им рыцаря. Лезвие скользнуло по его бедру и, отрикошетив вниз, силой своей инерции увлекло за собой нападавшего. В этот момент Миткевич сумел вновь поднять клевец и, замахнувшись, тут же обрушил всю мощь боевого топора на затылок паж. Безжизненное тело немецкого воина-слуги легло рядом с его рыцарем.

Витязь поднялся в седле и оглянулся вокруг. Повсюду тевтоны теснили войска Витовта, хотя те и оказывали яростное сопротивление. Крестоносцы наседали с холма, и все новые их линии усиливали натиск на княжеские хоругви. Лишь три русских смоленских полка стояли как вкопанные на месте. Они прикрывали левый край литовских войск — ближний к стоящей поодаль польской армии Ягайло, который только сейчас начал вводить против стоящих перед ним крестоносцев свою конницу.

Смоляне гибли под мечами и копьями тяжеловооруженных тевтонов, но с занимаемых позиций не сходили. На этом участке фронта шла сплошная сеча. Скрежет и звон металла, воинственные крики, испуганное ржание тысяч лошадей и стоны людей — все это превратилось в один вой, укутавший поле брани.

Неожиданно единый строй тевтонов дрогнул. Под напором наваливающихся сзади товарищей часть крестоносцев увлеклась преследованием дрогнувших литовских хоругвей и сдвинулась далеко за холм. Напоровшиеся же на сопротивление смоленских полков тевтоны застыли на месте, будто бы налетели на скалу. Рыцарский кулак разжался. В образовавшуюся брешь устремились татары. На сей раз в их руках оказались уже не луки со стрелами, а арканы. «*Лау-лау!*» — ловкие азиаты набрасывали петли на шеи рыцарей и сбрасывали их с седел. На земле скованную латами добычу уже поджидали крестьяне-литвины. Сподручными средствами — кто дубинами, кто трофейным оружием, кто своим кинжалом, а кто просто ногами — они добивали тевтонов, а сбившиеся в кучу лошади затаптывали их в глину.

Но тут в войсках поляков случилось несчастье. Миткевичу, бившемуся в расположении смоленских полков, показалось, что на соседнем фланге —

в войсках Ягайло произошло что-то непоправимое. Приободренные звуками труб и радостными криками скорой победы, тевтоны взвинтили темп сечи. Удары их мечей становились от раза к разу все тяжелее — будто у немцев открылось «второе дыхание».

Внезапный порыв крестоносцев был вызван гибелью от удара копья польского знаменосца. И хотя его большой королевский штандарт с белым орлом был тут же подхвачен стоявшими рядом с ним слугами Ягайло, тем не менее, тевтоны восприняли это как Божий знак и начали петь псалмы в благодарность Пресвятой Деве Марии за скорую победу. Это был самый опасный момент всей битвы.

— *Степан! Я сзади! Не оборачивайся! Я иду к тебе!* — Миткевич услышал крик Князя Витовта. Несколько воинов-исполинов из его стражи прорубали сквозь тевтонов коридор к его ученику, сражавшемуся сразу с двумя крестоносцами. Один из гигантов, вооруженный алебардой, со второго ряда стаскивал немецких рыцарей с коня, второй — с помощью шестопера — гвоздил их к земле.

— *Эй, желток! По плащу твоему желтому, мальчик мой, узнал тебя. Слушай внимательно. Мы свою задачу выполнили, но королю Ягайло сейчас худо. Не придем ныне на помощь ему, сомнут крестоносцы его войска и потом все вместе за нас возьмутся. Бери свою Гродненскую хоругвь, бери всех, кто еще в седле держаться может, и заходи в тыл тевтонам, что при Великом Магистре в резерве стоят. Атаковать вторую линию бубновых будешь с холма. Солнце тебя в спину подгонять будет, потому есть у тебя преимущество в начале атаки. Сумеешь им воспользоваться — победа будет за нами. Давай! Пошел!*

— *Да, мой Князь!* — Миткевич рванул коня и, перескочив через бьющуюся в агонии тевтонскую лошадь, вылетел из схватки. Разорванная желтая накидка как знамя реяла за ним. Через несколько минут собранный им конный отряд уже заходил за спину тевтонскому резерву.

Поле битвы стало похожим на осетинский пирог. Тыл поляков был атакован резервом тевтонов, а у них самих в тылу появились литвины. Тевтоны оказались в «котле».

Предчувствуя скорую и неминуемую гибель, рыцари бились отчаянно и обреченно, рыча как дикие звери. Они погибали, даже не прося о милосердии, ибо знали, что за их злодеяния прощения и плена им не будет. Они сами лишили себя такой милости и дрались, желая лишь забрать с собой на тот свет как можно больше язычников и православных воинов Витовта.

«*Я убью Великого Магистра! Я убью Великого магистра!*» — скрежетал зубами Миткевич. Он все ближе пробивался к свите крестоносцев, отбивавшей от наседавших литвин главу Ордена рыцаря Ульриха фон Юнгингена. Наконец, молодой витязь достиг седла могучего оруженосца, прикрывавшего спину Магистра, и молниеносным ударом клевца сшиб его с коня.

Юнгинген, чуя опасность, обернулся. Было видно, что он уже ранен или оглушен — на его шлеме глазная прорезь была искорежена лезвием меча. Великий Магистр, казалось, безучастно смотрел на приближающегося к нему Миткевича. «*Все кончено!*» — сказал он по-немецки и медленно, с достоинством поднял на противника свой меч. Через мгновение боевой топор витязя раскрошил его шлем и череп. «*Все кончено*», — повторил Миткевич, наблюдая, как медленно оседает на коня поверженный враг, как

заваливается он на бок и, застряв ногой в стремях, волочится по земле за уходящим прочь конем. *«Все кончено!»*

СЕМЬЯ

Отец умер в конце марта. Мы все — мама, сестра, тетка, я и моя жена — стояли рядом с ним. Когда он перестал дышать, доктор с грустными глазами накрыл его лицо белой простынею.

Маму мы сразу забрали домой. Быстро собрали и вынесли на мороз все их вещи. Мама вспомнила, что забыла в палате, где остывало тело, какую-то сумку. Я зашел туда и первый раз в жизни почувствовал, что присутствие мое в комнате с покойником меня никак не беспокоит. Это мой батя лежал рядом. Мой большой друг.

— *Отец, я так и не успел рассказать тебе про Грюнвальдскую битву. Ты так и не узнал, откуда в нашей фамилии появилось забавное прозвище «Жолток». Но это не так важно! Важно другое. Отец, спасибо тебе за то, что ты был в моей жизни! Мы все гордимся тобой — я и мой сын. Вырастут внуки, и мы расскажем им о тебе. Ведь это так важно, когда у тебя есть отец!*

Август 2010 г.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Валентин РАСПУТИН КОРЕННАЯ ПОРОДА НАЦИИ*

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

* Печатается в сокращении.

Загадочная русская душа до сих пор представляет тайну не для одних лишь иностранцев, усаживающих ее под развесистую клюкву, но и для нас, судящих о ней с пространной приблизительностью. Вот уже два века, начиная с Радищева и Чаадаева и заканчивая нашими современниками как из левого, так и из правого лагерей, русский человек никак в себя не укладывается. Разноречивые суждения о нем всем нам хорошо знакомы. Для одних он — существо безвольное, склоняющее свою выю под любое ярмо, нетрезвое, недалекое и т. д. И не объясняется этими первыми, как такое пьяное и «растительное», малоподвижное во всех отношениях существо построило Империю в шестую часть суши, прошло победными парадами в Варшаве и Вене, Париже и Берлине, создало могучую индустрию и могучую науку и первым полетело в космос. Вторые обращают внимание как раз на это, на могучую деятельность русского человека, и обходят молчаливым периодом его затишья, вялости и анархии. Третьи, чтобы как-то согласовать те и другие начала, предлагают теорию затухания наций, по которой выходит, что русские сейчас и находятся в периоде такого угасания. Да, были, мол, времена великих подвигов и побед, но тысячелетний срок, отпущаемый историей для активной жизни наций, миновал, наступила пора органической старости.

Тут и являются несоответствия.

Семьсот лет назад, когда о затухании нации не могло быть и речи, Русь лежала в тяжелом

и молчаливом рабстве и, казалось, даже не помышляла об освобождении. Но явились вожди — полководец и пастырь — и точно из небытия собралась она на Поле Куликово и отстояла себя. Триста лет назад, когда о национальной дряхлости тоже не приходилось говорить. Смута продолжалась не менее двадцати лет, и неизвестно, существовала ли Россия в те полтора года, когда на престоле сидел чужеземец, — все было в шатаниях, разброде, несогласиях и взаимоистреблении. Но только ополчение Минина и Пожарского двинулось на Москву — словно током пронизало разметанный в распре народ, и больше он уже не сомневался, чью взять сторону. С Суворовым ходили крепостные людишки с задавленным сознанием и волей, как пытаются внушить нам, — а какие распрямлялись богатыри! К Кутузову на Бородино на подмогу отступающей армии выступило народное ополчение из мастеровых и холопов. В последнюю Отечественную чуть ли не половину войска составляли мужики из подъяремной колхозной деревни, которую не перестают сравнивать с крепостничеством...

«Поехали!» — Юрий Гагарин

Знаменитая триада, незыблемость которой для полноценной жизни всякого государства прошедшие сроки лишь подтвердили, остается и сейчас основным условием спасения России. Вера, Власть, Народ. В старой России это звучало: Православие, Самодержавие, Народность. Монархия пала, вера подверглась гонениям, круг национальных, исторических, художественных и бытийных ценностей, питающих

народ, был сознательно сужен и выхолощен. Народ перешел в услужение новой государственной системе. Это не то же самое, что служение Отечеству. Иногда они совпадали, как в Великую Отечественную, но чаще разнились. Усталость нашего народа, которую нельзя не видеть, объясняется еще и тем, что слишком много сил и жертв он отдал в XX веке порядку, оказавшемуся нежизнеспособным по той причине, что он не мог считать Россию своей духовной Родиной. Свободы, как спущенные с цепей разъяренные псы, сделались способом разрушения государственности. Все это нам слишком знакомо, и все это горит в нас нестерпимой мукой, чтобы продолжать перечисление бед.

Если бы каким-то чудом удалось сейчас получить зримую, в рост, картину нашего общего дома, она напугала бы нас более, чем мы представляем... Вся непомерная тяжесть здания вдавилась в плечи народа. Его неподвижное напряжение, его застывшая мука невольно заставляют пугаться: жив ли он, не превратился ли он в окаменевшего атланта, согбенного и бесчувственно держащего своды полуразрушенной громады? Нам недосуг бывает оглянуться, что там, за нашими спинами, какие думы вынашивает брошенный на произвол судьбы недавний наш кормилец, которому отказано и в этом праве — быть кормильцем... Но кто он такой, что за человек заступил нынче на несчастную стезю жизни в России, мы представляем плохо. Долго запрягал, не разучился ли он вовсе запрягать, чтобы изменить горькую свою долю?

Никогда и нигде, кроме легкомысленной строки в советской энциклопедии, за народ не принималось все население страны. В прежние времена из него исключались высшие сословия, справедливо оставляя в народе тружеников и носителей национального сознания и национального задания. Так и мы сегодня должны сказать, что народ — это коренная порода нации, неизъявленная ее часть, трудящаяся, говорящая на родном языке, хранящая свою самобытность, несущая Россию в сердце своем и душе. Если бы случилось так, что не стало России, он бы, этот народ ее, долго еще, десятилетия и века спустя, ходил по пустынным землям и чужим городам и неутешно выкликал ее, собирал бы по крупичкам и обломкам ее остов.

Он жив, этот народ, и долготерпение его не следует принимать за отсутствие. Он не хочет больше ошибаться. Не забыл он, к каким последствиям приводило массовое участие низов в крестьянских волнениях и революционных бурях, боится порывов, могущих вызвать самоистребление, к радости наших врагов. Он ничего не забывает: народ — не только теперешнее поколение живущих, но и поколения прошлых, сполна познавших опыт минувшего, но и поколения будущих, вопрошающих о надежде. В этих трех ипостасях — прошлого, настоящего и будущего — только и можно сполна познать правду, которой суждено выстоять России.

Есть надежда, что недалек тот час, когда, подхватив гагаринскую готовность к величайшему из подвигов, вновь на всю Вселенную прозвучит это слово: «поехали!»

ПОЭЗИЯ

Станислав КУНЯЕВ

«В ОГНЕ ПОБЕД, В ДЫМУ КЛЕВЕТ...»

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

* * *

Пишу не чью-нибудь судьбу —
свою от точки и до точки,
пускай я буду в каждой строчке
подвластен вашему суду.

Ну что ж, я просто человек,
живу, как все на белом свете.
люблю, когда смеются дети,
шумят ветра, кружится снег.

Мое хмельное забытье,
мои дожди, мои деревья,
любовь и жалость — все мое,
и ничему нет повторенья.

А все же кто-нибудь поймет,
где грохот времени, где проза,
где боль,
где страсть,
где просто поза,
а где свобода и полет.

* * *

Вновь странствуя в отеческом краю,
сбирая память по мельчайшим крохам,
я, русский человек, осознаю
себя как современник всем эпохам.

Пускай их тяжесть давит на плеча,
но я их вырву из тенет забвенья,
когда, то восклицая, то шепча,
мне говорят родные поколения:

— Не подводи полузабытых нас,
и без того судьба была сурова,
но, может быть, придет желанный час
и наши муки воплотятся в слово.

Изломаны огнем и клеветой,
мы выжили, как куст чертополоха,
который вдруг увидел Лев Толстой,
чтобы поведать о судьбе простой
Хаджи-Мурата, кончившего плохо!

* * *

Слева Псков, справа станция Дно,
где-то в сторону Старая Русса —
потому-то и сладко, и грустно
поглядеть на прощанье в окно.

В тех краях продолжается путь,
где когда-то, беспечно болтая,
колокольчик, легенда Валдая,
волновал истомленную грудь.

Опускается красный закат
на дома, на подъемные краны,
и летят вдоль дороги туманы,
и бегут облака наугад.

Здравствуй, русско-советский пейзаж,
то одна, то другая примета.
Колокольчик... Приятная блажь...
здравствуй, родина... Многая лета!

В годы мира и в годы войны
ты всегда остаешься собою,
и, как дети, надеемся мы,
что играем твоею судьбою.

* * *

Россия — ты смешанный лес.
приходят века и уходят —
то вскинешься ты до небес,
то чудные силы уводят

бесшумные реки твои,
твои роковые прозренья
в сырые глубины земли,
где дремлют твои поколенья.

* * *

Как сотни лет тому назад,
кричит петух в рассветной сини
и дышит в окна старый сад
дыханьем тлена и теплыни.

На родине такая тишь,
которой в мире не осталось,
и только в ней ты растворишь
свою февральскую усталость.

Когда, вскипая у окна,
сирень к тебе протянет ветви,

обрывки золотого сна
обволокут тебя, как в детстве.

Но что за дело до тебя
реке, распутице, равнине?
Они, все сущее любя,
тебя случайно сохранили.

Земля не ведает утрат,
и нет — но это не жестоко —
в своем отечестве пророка,
как сотни лет тому назад.

* * *

Церковь около обкома
приютилась незаконно,
словно каменный скелет,
кладка выложена крепко
ладною рукою предка,
простоит немало лет.

Переделали под клуб —
ничего не получилось,
то ли там не веселилось,
то ли был завклубом глуп.

Перестроили под склад —
кто-то вдруг проворовался,
на процессе объяснялся:
дети... трудности... оклад...

Выход вроде бы нашли —
сделали спортзал, но было
в зале холодно и сыро —
результаты не росли.

Плюнули. И с этих пор
камни выстроились в позу:
атеистам не на пользу,
верующим не в укор.

Только древняя старуха,
глядя на гробницу духа,
шепчет чьи-то имена,
помнит, как сияло злато,
как с причастья шла когда-то
красной девицей она.

ТРИ ГОЛОСА

«Споили нас!» — «Вы сами виноваты!»
«Сгноили нас!» — «Вы сами виноваты!»
«Растлили нас!» — «Вы сами виноваты!»
Так, значит, жди возмездья и расплаты.

Но как, однако, зло объединилось!
И почему в своем родном краю
душа болит и, словно Божью милость,
о честной смерти Родину молю?

Не миновать какой-то новой жертвы
во имя новой веры и любви,
об этом воют мировые ветры,
но — жертва, значит, снова на крови!

А Белое клокочущее море
бьет в берега, и пена волн седых
шуршит и шепчет: «Ты забыл, что горе
тому, кто соблазняет малых сих!»

* * *

Мы — дети страшных лет России...

А. Блок

В бору шумит весенний ветер,
его дыханье все влажнее...
Мы — тоже дети страшных лет,
И неизвестно, чьи страшнее.

Когда в дыму горел вокзал
и мать металась вдоль перрона —
я сам от смерти уползал
и, как щенок из-под вагона,

Выглядывал на белый свет
«в его минуты роковые»...
Да что там! Не было и нет
благих и безмятежных лет
у нашей матери — России.

В огне побед, в дыму клевет,
в объятьях славы и разора

мы жили... Но глядел весь свет
на нас, не отрывая взора.

Опять весна и синева!
Гуляют по сосновым чащам
ветра, и старая трава
горит в огне животворящем.

Не пряча глаз — взглядишь в судьбу:
увидишь знак преодоления,
начертанный на чистом лбу
у молодого поколения,

Живи, мой сын! На белый свет
гляди пристрастными глазами,
прокладывая в пространстве след
и знай: вы дети новых лет!
Каких? — вы разберетесь сами!

* * *

Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть, и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин или там патриот —
просто призрачный сад на Садовой,
бор сосновый да сумрак лиловый,
темный берег да шрам пустяковый —
это все лишь со мною уйдет.

Все, что было отмечено сердцем,
ни за что не подвластно уму.

Кто-то скажет:

— А Курбский? А Герцен? —
все едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови —
не оставил в ней места для гнева —
лишь для горечи и для любви.

* * *

Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
не отпущение грехов.

Быть добрым не всегда удобно,
принять не просто вывод тот,
что дробно-дробно, добро-добро
умел работать пулемет,
что смысл истории в конечном
в добротном действии одном —
спокойно вышибать коленом
добру не сдавшихся добром!

* * *

Никогда не желал отличать
правду жизни от правды искусства,
потому и привык отвечать
словом на слово, чувством на чувство.

Я фальшивых бумаг не плодил
и за все в этом мире суровом,

как умел, не торгуясь, платил
неразменными чувством и словом.

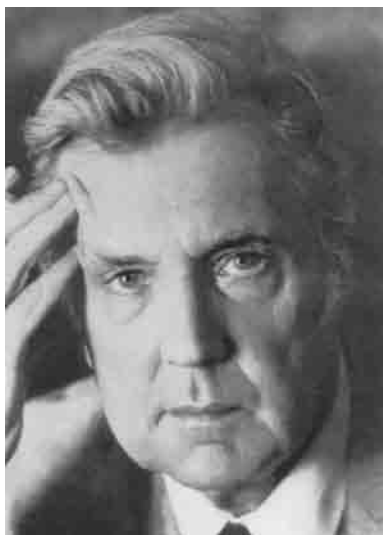
Если кто недоволен — прости
за наивные эти минуты,
но другого не вижу пути
и другой не имею валюты.

* * *

Гуляет ветер в камыше,
пылит разбитая дорога,
шумит река, и на душе
так хорошо и одиноко.
Прощай, веселая пора,
случайно выпавшая милость,
как дым угасшего костра,
ты в синем небе растворилась.
Что говорить! Конечно, жаль
живую грусть осенней воли,

и остывающую даль,
и отцветающее поле.
Но чтоб не очень тосковать,
чтобы перенести разлуку,
я научился понимать
одну жестокую науку:
я научился каждый час,
который родиной дается,
любить как бы в последний раз,
как будто больше не придется.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Илья ГЛАЗУНОВ ДУША ВЫМЕРШЕГО ГОРОДА

Илья Сергеевич Глазунов — родился в 1930 г. в Ленинграде. Ректор Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Действительный член Российской академии художеств, профессор, народный художник СССР, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер «Золотой медали Пикассо» награды ЮНЕСКО за вклад в мировую культуру. Лауреат премии Джавахарлала Неру, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

Много, кажется, сегодня сказано, рассказано, расследовано, «выведено на чистую воду», выяснено о страшных днях блокады нашего города. Современные историки, не представляющие степени этого смертельного испытания, не имеющие с ним кровной, генетической связи, цинично, холодно и лицемерно пытаются досконально исследовать факты, по своему «рыночному» мировоззрению оценить события, обязательно найти виновных, заклеить предателей, подсчитать чужие прибыли и убытки. Кажется, и факты достоверны, но событие искажено, а история не правдива. Потому что не учтен общий вектор человеческого духа, не исследованы в этих примитивных изысканиях судьба и подвиг каждой, отдельной человеческой души. Что не открылось историкам, как ни странно, удалось живописцу. Конечно, не простому, не обыкновенному, а выдающемуся, создавшему не одно сложнейшее историческое живописное полотно. И не ясно, то ли художественная одаренность помогла так образно написать эти щемящие блокадные воспоминания, то ли, наоборот, личная трагедия и космический масштаб увиденных человеческих страданий, о которых рассказывает Илья Глазунов, способствовали формированию с детства обостренного духовного взгляда его как художника.

Пожалуй, мало кому удавалось с такой точностью, правдивостью (имеем право это подчеркнуть, как потомственные петербуржцы — от редакции) передать наблюдения и переживания человека, вынесшего самую страшную, первую блокадную зиму 1941–1942 годов. Названия улиц, образы домов, имена людей делают воспомина-

ния не только достоверными, но и как будто обладающими сценической перспективой. При всей своей трагедийности, оправданной мрачностью, рассказ, содержащий образы известных старинных картин, книг, поэтические отрывки, не оставляет ощущения безысходности. Наоборот, он уверенно выводит читателя к сегодняшним дням, к осознанию того непреложного закона, что истинным петербуржцем может называться не тот, кто с недавних пор проживает в этом городе и предъявляет ему свои меркантильные требования, а только тот, кто принес ему жертву: кровью, как родня Ильи Сергеевича, или трудом и потом, или верным служением. Отрывки из нового издания книги Ильи Глазунова «Россия распятая» мы публикуем по личному разрешению автора.

БРАГ В ПРЕДМЕСТЬЯХ

Ленинград неузнаваем, улицы перегорожены баррикадами, изрыты траншеями. Дома раскрашены пятнами, чтобы с воздуха их можно было принять за деревья. В парках стоят зенитные пушки, нацеленные в небо. Витрины заколачивают досками и засыпают песком. Окна заклеены белыми крестами бумажных полос. Очереди, очереди, очереди... Черный дым горящих продовольственных складов застлал свинцовое небо. «Бадаевские склады горят, теперь конец — голод!» — шептали в очереди женщины.

Люди несут аэростаты. Медный всадник засыпан песком и заколочен досками... В парадных дежурят жильцы с красными повязками на рукавах. Всюду патрули.

Вечером дежурные осматривают, у всех ли «затемнение», не видно ли где в окнах предательской полоски света. Говорят, что на окраинах города патруль, увидев свет, стреляет по окнам без предупреждения. Где-то на Петроградской, рядом с нами, поймали шпиона, дававшего сигналы ракетами с чердака дома. Всех от стара до мала обучают тушить «зажигалки», на крышах постоянное дежурство жильцов, организованных в команды МПВО.

Во время Первой мировой войны мой отец, как я уже писал, после училища ушел на фронт добровольцем. В эту войну он глубоко переживал за свой «белый билет». Военкомат признал его непригодным. Он, как и мать, решил ни в коем случае не уезжать из Ленинграда, несмотря на то что нам все советовали эвакуироваться в Среднюю Азию. Мы с отцом, как и в мирное время, изредка заходим в наш любимый букинистический магазин на углу Большого и Введенской. Там все как до войны. Сосредоточенные лица заметно поредевших книголюбов, шуршание старых пожелтевших страниц, и всюду только что вышедшая из печати книга «Большие надежды» Диккенса. Говорят, что весь тираж остался в городе — вывозить некуда, город окружен, немцы совсем близко. На обложке маленький мальчик, держась за руку пожилого мужчины, смотрит на отходящий вдаль корабль. Паруса надул ветер. Кто-то уплывает навсегда и далеко...

Все ближе подкрадываются голод, горе и смерть. Скоро зима. Темнее и длиннее ночи, небо усыпано мириадами звезд, непроглядную тьму осенней холодной ночи время от времени разрезает длинный нож прожектора, ищущего вражеские самолеты. Все меньше народа на улице. Люди даже дома не снимают зимних пальто. Окна занавешены старыми одеялами. Тревоги, тревоги, тревоги... Сирена жутко воет в тесном дворе нашего дома. Все

мчатся в бомбоубежище. Мы решили не прятаться — говорят, все равно бесполезно в случае прямого попадания бомбы. А бывает, что зальет подвалы водой, и заживо погребенные люди тонут под развалинами дома. Сидим в узкой передней, куда не долетят стекла, если по ним ударит взрывная волна. Все ближе и ближе ухают бомбы. Качается и гаснет лампа. Дядя Кока после бомбежки всегда шел туда, где упала бомба. Я однажды пошел с ним — бомба попала в соседний с нами дом на Пушкинской. Дядя суетился среди плачущих, стонущих и мечущихся в дыму людей, помогая санитарам и команде МПВО. Проходя мимо, он указал мне на лежащую среди осколков стекла и кирпича обугленную книгу. Ветер перелистывал ее страницы. На черном от взрыва снегу, равнодушная к тому страшному, что было вокруг, лежала счастливая обнаженная, ждущая ласк Даная Тициана.

Немцы — совсем близко. Линия фронта проходит по окраинам города, сжимая его железным кольцом блокады. По радио чересчур спокойный голос диктора, выдавая волнение, читает обращение к ленинградцам: «Враг ломится в ворота Ленинграда! Передаем обращение...»

ГОЛОД

Близится новый, 1942 год. Иногда к нам приходит из далекого острова детства — Ботанического сада — мамина сестра, тетя Лея, долго и неподвижно сидит, отдыхая после дороги от Аптекарского острова до Большого проспекта Петроградской стороны. Муж ее при смерти, ей часто снится еда, роскошные столы, ломящиеся от яств, источающих аромат только что зажаренной дичи, пирогов, горячего кофе. Она берет тарелки в руки и спешит к мужу, протягивая ему дымящуюся еду, и... просыпается. На улице морозное солнце. Но у нас всегда темно — надо много сил, чтобы на ночь занавесить окно, утром снять с него одеяло... Решили не снимать вовсе, да и дует без одеяла сильнее, так и живем в темноте, как в ледяной пещере. Изредка топим маленькую «буржуйку», оставшуюся еще со времен Гражданской войны. Воды нет, все замерзло, мы пьем растопленный снег.

В квадрате двора, если поднять голову (а это требует так много энергии!), видно морозное синее небо. Возвращаюсь в нашу пещеру, набрав кастрюлю снега. Мама смотрит в потолок неподвижно и страшно. Холодея, спрашиваю, глядя в ее открытые неподвижные глаза: «Ты спишь?» Ее глаза оживают, она чуть слышно отвечает: «Не бойся, я не умерла — я думаю о тебе, что с тобой будет без меня, тебе ведь только одиннадцать лет».

Голод вначале обостряет восприятие жизни. Голова ясная, но очень слабая. Полузабытье. Иногда в ушах звон. Удивительная легкость перехода из одного состояния в другое. Оживают и материализуются образы прочитанных книг, увиденных людей, событий. Теперь вовсе не хочется есть. Состояние постепенно становится сходным с наркотическим оцепенением. Временами теряешь сознание... Как долго тянется время! Слышна близкая канонада. Иногда взрывы совсем рядом. Потом удаляются. Будто кто-то ходит по городу и ударяет палкой по крышам. Смерть замораживает нас своим холодным дыханием... А вот и новый, 1942 год!

Милая мама! Даже сейчас, когда для всех было мучением и подвигом дойти до магазина в нашем же доме (многие не возвращались из этого пу-

тешества), где давали по карточкам по 125 граммов хлеба, мама решила сделать мне, как всегда, елку.

Никогда не забуду эту елку 1942 года! Ветка воткнута в старую бутылку из-под молока, завернутую в белый лоскуток. На ней — несколько старых довоенных игрушек. Нашли случайно одну свечку, завалившуюся на дно коробки, разрезали ее на четыре части. Закутанные в платки, шарфы, опираясь на палки, из соседних комнат медленно пришли неузнаваемые родственники — как будто они явились на новогодний маскарад, надев жуткие маски... Зажгли свечки... На минуту наступила тишина, нарушаемая легким потрескиванием крохотных огоньков... И вдруг все заплакали. Первая — мама. Все смотрели на слабо освещенную елочную ветку, на вершине которой красовалась рождественская звезда. А слезы, отражая огни свечей, текли и текли... Это была последняя минута, когда мы все были вместе.

Все страшные дни Ленинградской блокады, неотступно и пугающе, ясно стоят непроходящим кошмаром в моей памяти. Многое я не помню из-за состояния голодных обмороков небытия. Первым в нашей квартире умер мой дядя Константин Константинович. Помню, был январь, я открыл дверь в его комнату и увидел пустую постель, закиданную тряпьем. Горела «буржуйка». В пальто с вылезшим мехом (хорошее поменяли на хлеб), освещенная пламенем догорающих ножек стула из красного дерева, ко мне повернула голову его жена — Инна Мальвини. Оглядев их маленькую комнату со все теми же китайскими рукописями на столе и встретившись со взглядом с портрета Ван Дейка, я спросил: «А где же дядя Кока?» Бесстрастно разгребая отломанной ножкой стула угли в печурке, труба которой выходила в топку старой печи в углу комнаты, жена дяди тихо сказала, глядя на красные, в седом пепле сторовших книг угли: «Он умер, и его утром увезли на Серафимовское». В моей памяти пронеслись мгновенные обрывки образов довоенной жизни, когда мы с дядей Кокой, одетым в старый, горчичного цвета макинтош, который он носил с выправкой белого офицера, сидели на берегу Карповки, заросшем лопухами, недалеко от стен оскверненного храма, где был похоронен Иоанн Кронштадтский. Все та же Петроградская любимая сторона. У берега все дно реки поросло водорослями. Под водой они казались лесом, волнуемым ветром, а мы, словно великаны, с высоты смотрели на странную жизнь подводного царства. Дома, видя, как дядя сверху вниз на листах бумаги пишет черной тушью китайские иероглифы, я не переставал восхищаться премудростью столь далекого от нас мира Древнего Китая. «А как по-китайски написать “Илья”?» — спросил я у дяди Коки. Погруженный в свою работу, он, не подымая глаз и, видимо, не склонный читать мне лекцию о китайских иероглифах, быстро нарисовал: “2”. «Можно и так. Китайское и европейское значение букв и их прочтение не совместимы... Посмотри-ка лучше вот эту книгу с рисунками, юному художнику это полезнее. Там не надо объяснений — она как кинолента». Нарисованные очень давно на рисовой бумаге и действительно понятные своим глубоким реализмом, эти, как сегодня сказали бы, «комиксы» складывались в гармошку и повествовали, иногда с большим юмором, о приключениях изображенных китайских персонажей. Линия рисунков была строгой, живой и очень линейной...

В полумраке тонула холодная комната, где гаснущие угли освещали все тот же стол, заваленный китайскими рукописями и книгами, над которыми

все тот же портрет моего прадеда К. К. Флуга работы П. А. Федотова и старинная копия с портрета Ван Дейка, и пустую кровать, на которой никогда уже не будет спать мой странный, ранимый, непоколебимый в ненависти к Совдепии и такой добрый дядя Кока... У него не было детей...

* * *

Каждый умирал страшно и мучительно. Отец — с протяжными и нестерпимо громкими криками, от которых леденела кровь и поднимались дыбом волосы. Он лежал лицом кверху на кровати, в пальто и в зимней шапке, надвинутой на лоб. «А-а-а-а!» — кричал он на высокой ноте, не переставая. Пламя коптилки, дрожавшей в маминой руке, жуткими крыльями теней заматалось по стенам, потолку и отразилось желтым тусклым блеском в закатившихся белках отца, который продолжал кричать на той же высокой ноте и смотрел стеклянным взглядом в потолок. Долгое время потом каждую ночь меня преследовал этот жуткий протяжный крик, и я вскакивал, в ужас срывая с себя шарф, которым мама укутывала меня на ночь поверх зимнего пальто...

Через пятнадцать минут отец замолк и, не приходя в себя, умер — после «голодного психоза», как определил доктор, сам еле державшийся на ногах от слабости. Доктор этот, несмотря на вызовы, больше никогда не приходил в нашу квартиру...

— Бабушка! Бабушка! Ты спишь? — говорил я, боясь своего голоса в темной пещере комнаты. Закрывая рукой пламя коптилки от сквозняка открытой двери, я старался разглядеть бабушку. Мне показалось, что из-под полузакрытых век она пристально посмотрела на меня. Холодея от ужаса, больше всего боясь тишины, я с усилием подошел к постели и положил руку на ее лоб. Он был холоден, как гранит на морозе. Я не понимаю, как очутился рядом с матерью, лежащей в старом зимнем пальто под одеялом. Стуча зубами, прошептал:

— Она умерла!

— Ей теперь легче, чем нам, мой маленький, — сказала тихим шепотом мать, — от смерти не уйти, мы все умрем — не бойся!

...Отец и все мои родные, жившие с нами в одной квартире, умерли на моих глазах в январе — феврале 1942 года. Мама не встает с постели уже много дней. У нас четыре комнаты, и в каждой лежит мертвый человек. Хоронить некому и невозможно. Мороз почти как на улице, комната — огромный холодильник. Поэтому нет трупного запаха. Я добрался однажды с трудом до последней комнаты, но в ужасе отпрянул, увидев, что толстая крыса скачками бросилась в мою сторону, соскочив с лица умершей две недели назад тети Веры Григорьевой...

Крошечное пламя коптилки. Могильно тихо. Если включить радио, то играет бравурная веселая музыка. Но чаще в тишине мерно тикает метроном. Это значит — объявлена тревога. Бегут темные тени по потолку. Сознание обрывается, день и ночь сливаются в одну линию, в одно состояние мертвенного равнодушия ко всему. Жизнь так жизнь, смерть так смерть.

Мама и тетя Ася решили первой похоронить бабушку. Хоронили только за хлеб. Они долго уговаривали толстую до войны, а теперь неузнаваемо тощую, как скелет, добрую тетю Шуру, дворничиху, взять вместо 350 граммов хлеба 250 (два дневных пайка) и 100 рублей. После долгих уговоров

она согласилась. Бабушку зашили в простыню. На углу простыни было вышито «Е. Ф.», то есть Елизавета Флуг. Затем дворничиха веревкой, крест-накрест, как мумию, привязала бабушку к моим детским санкам.

Через несколько дней я, как всегда, вышел во двор, чтобы набрать чайник снегу. Во дворе у соседнего подъезда стояла грузовая машина. Люди выносили из подъезда окоченевшие трупы, вернее, скелеты, обтянутые зеленовато-сизой кожей. Некоторые были раздеты, некоторые в грязном нижнем белье, другие в пальто, запорошенные снегом, с перекинутыми через плечо противогазными сумками — их смерть застала на улице. Жуткий склад помещался прямо под лестницей, в парадном подъезде. Трупов было много, их, как дрова, перебрасывали через борт машины, а гора все росла и росла. Я уже собирался уходить, коченея от холода, как вдруг увидел, что из-под лестницы выносят зашитый в простыню труп, привязанный к знакомым детским санкам. Сердце сжалось болью ужасной догадки... Я рванул к машине и успел прочесть две буквы, вышитые на углу простыни: «Е. Ф.».

* * *

За нами пришли, чтобы на машине перевезти на Большую землю. Дядя был на Северо-Западном фронте. По его просьбе машина, которая привезла в военный госпиталь медикаменты, возвращаясь на фронт, должна была взять нас. Дядя не знал, что мой отец — его брат — уже умер. Из нашей семьи осталось двое: мама и я. Мама не могла даже пошевелиться, глазами следила за чужими людьми, пришедшими за ее единственным сыном. «Я поправлюсь и приеду к тебе», — тихо говорила она. Глаза ее были полны слез, которые она пыталась скрыть. «Я плачу потому, что мы расстаемся... На месяц. Не больше, только на месяц», — говорила она, как будто убеждая себя. Мама попросила меня принести из шкафа маленькую коробочку. Там, как я знал, была медная иконка, о которую ударилась пуля турецкого солдата. Если б не она, то пуля пробила бы грудь моего деда на Балканах во время Русско-турецкой войны. «На, возьми, на счастье... (Эта маленькая медная позолоченная икона Матери Божией всегда, по сей день со мной.) Я всегда с тобой. Мы скоро увидимся». Сквозь слезы, которые лились не переставая, как непрерывный осенний дождь, я смотрел на ее святое для меня лицо.

Меня взял за руку чужой человек. Пробираясь среди высоких сугробов, я долго оглядывался назад. Лицо дома казалось мне мучительно грустным. Штукатурка кое-где была отбита осколками, стены закопчены трубами «буржук», выходящими прямо из форточек и дымящими, как отверстия пещеры доисторического человека.

В ту зиму стоял невероятный мороз. Мы шли по пустынному снежному городу. Где-то на окраинах глухо гроыхали взрывы, стлался дым зажженных вражескими «зажигалками» домов. Трагично и причудливо: на уцелевшем выступе детская кровать с заметенным пургой одеялом, а над ним под слоем снега полочка книг...

А вот и набережная. Зенитные орудия, как комариные хоботки, нацелились в серое небо. Люди черными запятыми медленно двигались по льду Невы. Мы тоже спешили. Если начнется налет или обстрел, лед — самая ненадежная опора.

Меня привели на квартиру дяди, откуда мы должны были отправиться в долгий и опасный путь. Там было, как всегда, по-музейному тихо и торжественно. Пока шофер собирался в дорогу, я рассматривал знакомые с детства картины. Своему дяде я обязан не только спасением жизни, но и во многом — познанием мира русского искусства. Много лет бывая в этом доме на берегу Невы, недалеко от Летнего сада, я преисполнялся любовью и гордостью за наше великое русское искусство. Горят люстры, отражаясь в глухом блеске красного дерева. Книги плотными рядами стоят на полках шкафов. Каждая из них полна дивных образов, прекрасных творений русских художников-мыслителей...

Но в тот момент, когда, сидя в холодной комнате с высоким петербургским потолком и огромными окнами, я ждал машину, перед моими глазами была картина Рериха «Вестник». В тот мартовский серый день она запомнилась мне навсегда. Скованная морозом голубая земля. Вдали на холме, в мерцании лунного света притаился замок, полный ожидания и предчувствий неумолимо близкой беды. Его бойницы и узкие крепостные окна смотрят на спешащего гонца, согнутого порывом жгучего холодного ветра. Его плащ как крыло птицы. Наперекор всему он дойдет до замка. Он уже близко. О чем поведает этот вестник спящему граду? Какие тайны раскроет и какие катастрофы предотвратит в этом холодном пустынном мире?..

ЧЕРНЫЕ ПОЛЫНЫ

В грузовой машине, открытой холодному, словно доходящему до костей ветру, бабушка — мать отца, тетя Тоня — сестра отца, я и санитар с дочерью, моей ровесницей, чудом, как и я, оставшейся в живых после смерти всех родственников. После выгрузки медикаментов для военного госпиталя в Ленинграде машина должна вернуться на Валдай, где расположено медицинское отделение Северо-Западного фронта, главным патологоанатомом которого был Михаил Глазунов. Белоснежные просторы, проносящиеся перед глазами, возвращали меня опять и опять в черную пещеру нашей квартиры, где осталась моя бедная мама. Теперь я думаю, почему они — родственники отца — не взяли ее с собой? Или они были уверены, что она умрет во время дороги? А вдруг бы выдержала, добралась бы до Большой земли?..

Ленинград остался позади. В небе над самой головой идет воздушный бой. Самолет стремительно падает вниз, оставляя длинный хвост черного дыма. Это наш самолет. «Тра-та-та-та», — строчат, как на швейной машинке, самолеты, гоняясь друг за другом в смертельной схватке.

Скоро ли Ладога? Ладога — это вопрос: быть или не быть живым? Враг держит под огнем всю Дорогу жизни, как звали ее ленинградцы. Сколько человеческих жизней поглотили холодные черные воды Ладоги под раскрошенным снарядами льдом!

Машина мчится все быстрее и быстрее. Свистит ледяной ветер в ушах. Кругом снежная бесконечная пустыня, уходящая в низкое серое небо. Я, не знавший, что мы уже час едем по льду Ладожского озера, робко попросил на минуту остановить машину. Шофер, обернувшись на миг, бросил короткое ругательство. По выражению его лица я догадался, что мы испытываем судьбу: под нами лед Ладоги. А вот и вода! Она близко, у самой дороги,

черная рябь еще не успела покрыться льдом — значит, обстрел был совсем недавно. Шофер, то и дело выглядывая из машины, мчащейся на предельной скорости, смотрит в небо. Дорога делает зигзаги. У замерзшей полыни полузанесенные снегом трупы, обломки машин и ящики. Но вот показались домики! Какое счастье — Большая земля! Спасибо, Дорога жизни, для нас ты оправдала свое название!

Шофер останавливает машину на берегу, улыбается и дрожащими руками прикуривает: «Повезло. Попали в минуту ихнего передыха. Я по дороге насчитал — до нас машин десять пошли под лед! Да вот, слышите, опять летят!»

Наша машина понеслась дальше от берега, от нарастающего гула немецких эскадрилий... У станции, на снегу, огромные толпы страшных, как живые мертвецы, людей ждут поездов на Большую землю. Неужели и мы так же выглядим? Как печальны и одиноки сожженные деревни с обугленными трубами кирпичных русских печей, полузасыпанных снегом!

Запомнилась одна из таких деревень, затерянных в тихвинских перелесках. Ветер свистит в голых, кроваво-красных вербных прутьях. И вдруг среди обугленных труб и гонимого ветром пепла согбенная старушечья фигура, неподвижная, как окаменевшее горе. Почему она здесь, одна-одиношенька? Пришла ли к себе домой и увидела угли да черный от гари снег? Или, наоборот, последняя из уцелевших жителей деревни не может проститься и наплакаться над порушенной жизнью? А может быть, идти больше некуда и не к кому?... И слезы, упав на одежду, превращаются в льдинки. Сколько таких матерей на изуродованной русской земле!

* * *

Вот и древний Валдайский монастырь. Он так знаком по пейзажам Колесникова и Горбатова, которые висели в оставшейся далеко-далеко квартире дяди на Литейном проспекте.

Дядя после ранения — похудевший, в военной форме; кругом белые халаты. Накрыли стол — поставили пшеничную кашу и масло, огромные куски черного хлеба. Он ни о чем не спрашивал, смотрел на нас такими глазами, каких я никогда у него не видел. «Как маленький старичок, а руки-то какие опухшие, совсем доходяга...» — услышал я соболезнущий шепот двух медсестер, принесших кашу. Корочка хлеба упала на пол, я с трудом опустился под стол и поднял ее. Когда я вновь с трудом залез на стул, увидел, как все стали по одному выходить из комнаты, а у дяди Миши глаза были влажные от слез. «Вам всем надо немедленно лечь в госпиталь, — сказал он. — Машина ждет».

...Госпиталь, где мы очутились, вспоминается как гнетущий сон. Ночью, сжавшись под одеялом, я слушал, как в тишине, нарушаемой стонами раненых, бредил человек, лица которого никто не видел из-под маски бинтов. Только глаза, воспаленные и большие, смотрели в потолок. Ночью он бредил: «Огонь! Атака! Огонь! Атака! Я — небо, я — небо!..» Сестра, дремавшая на скамеечке, спешила к нему... Говорили, что он чудом спасся после тарана, успев выпрыгнуть из горящего самолета. Рядом со мной лежал молчаливый молодой лейтенант. До войны он был артистом. Его красивое лицо с темными провалами глаз, как в гриме Пьеро, бесстрастно и безжизненно. У него были оторваны обе ноги, и весь он забинтован, как

мумия. Он не оживлялся даже на минуту, когда ему приносили письма. И, не читая их, просил складывать себе под подушку... Глаза, смотрящие в потолок, застыли в напряженной мысли. Однажды, проснувшись, я увидел, что его койка занята другим...

Теперь моим соседом оказался веселый украинец с усами. Он часто общался со мной, но, кроме слова «хлопчик», я не понимал почти ничего. Его это не смущало, и он любил поговорить со мной. Он быстро выписался.

Прошел месяц. Я чувствовал себя окрепшим и почти здоровым. Пришла весна — таял снег, бурлили весенние потоки. Снова под ногами ревели колеса, проносились мимо села, деревни, весенние леса и дышащие влагой черные пашни. Здесь не было войны. Дома в деревнях не разрушены, воронок от бомб нет. Здесь глубокий тыл. Далеко за спиной осталась война.

ДУША ВЫМЕРШЕГО ГОРОДА

*Это — древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.
Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.*

А. Блок

Наконец — Ленинград! Эшелон немного не доехал до вокзала. С чемоданом иду пешком по путям. Помню наказ проводницы: «Не попадайся, парнишка, у вокзала кому не надо: воротят назад — и пиши пропало. Хлопот не оберешься». В Ленинград еще осенью 1944 года въезд без пропусков запрещен. Благодаря суматохе у ворот вокзала, поднятой при проверке документов, мне, из-за малого роста и возраста, удалось пройти незамеченным в ворота и — вот Ленинград-Товарная... Иду пешком.

Меня догоняет сослуживец дяди, тоже приехавший в Ленинград на этом же поезде. Он походил на белого офицера, с ровными усиками. Довез меня до Инженерного замка: «Теперь, молодой человек, вас ждет Ксения Евгеньевна. Адрес не забыл? Это наш ведомственный дом Военно-медицинской академии. По набережной — за Летним садом».

Конечно, я помнил дом, откуда в кошмарную блокадную зиму меня увозили в эвакуацию. Тетя Ксения меня встретила сухо. Сказала, что я должен жить у тети Леи Монтеверде: «...Как ты и хотел сам. Мы уже узнавали, — продолжала она, — и второе твоё желание, о чём мечтала и твоё мать, исполнимо. Если ты совсем не разучился рисовать». (А в Кабоже в последний год я не очень много рисовал, больше мечтал о Суворовском училище.)

«Скоро начнутся экзамены в среднюю художественную школу при Академии художеств. Надо вовремя подать документы».

Я вышел на улицу очень подавленный, со щемящей тоской, которую усиливала такой родной и такой чужой город.

На трамвае по пустынному городу я поехал в Ботанический сад. Когда лязгающий по рельсам, совсем как довоенный, красный трамвай (если не

ошибаюсь, «двойка») остановился у «Стережущего» напротив мечети — выскочил из пустого вагона и в сумерках дошел до квартиры Мервольфов. Я очень хотел видеть своих двоюродных сестер, сказать им, что я вернулся. Вот он, серый огромный дом у Сытного рынка. Знакомые каменные плиты под ногами. Кое-где между ними пробивается трава. Мрачный двор, глухая темная лестница. Она вспоминается радостной, довоенной, когда люди несли по ней елки, готовились к празднику. У двоюродных сестер всегда было уютно и оживленно. Интересно, цело ли то большое лото «Сказка о золотой рыбке», которое доставляло нам столько радости в детстве? Живы ли открытки с кадетами в форме русской армии? На лестнице ни души. Четвертый этаж. Почти темно. Звоню. Никого. Еще раз звоню. Тишина могильная. Нажимаю на ручку двери (раньше она была почти на уровне глаз — теперь смотрю на нее свысока). Дверь медленно и легко отворяется внутрь. Ни души. Почти бегом скатываюсь вниз на улицу, где дует петроградский осенний ветер.

Я с детства боялся темноты, испытывая перед нею какой-то непонятный страх, подобный тому, который появляется в глухой лесной чаще, когда садится солнце...

Где же мои сестры, и почему открыта дверь?.. Легонький чемодан не мешал мне пройти знакомым путем от улицы Бескова, дом 17, к дому на Большом проспекте, где прошло мое детство. В сумеречном небе — борение облаков, садилось солнце, заливая ущелья знакомых улиц дымно-красным тревожным закатом. Карповский мостик, народу уже почти не видно. Скрежещет на повороте у больницы Эрисмана трамвай. Бреду словно во сне — так далеко остались грустные поля и нивы печальных деревень. Огромной суетной декорацией отложилась в памяти Москва с яркими букетами салютных огней над Кремлем, празднующим все новые и новые победы над немецко-фашистскими захватчиками...

А вот и Ботанический сад. Не иду, как до войны, в чугунные строгие ворота, а обхожу вдоль ограды до улицы профессора Попова. Шумит ветвями уже почти в темноте старый безлюдный парк. Зажигаются грустные окна в домах. Боже, что будет со мной в этом городе-кладбище моего детства? Так мал и одинок человек в равнодушно-холодном мире...

Встреча с тетей Асей и дядей Колей Монтеверде была трогательна и незабываема... После нее улеглись, стали улетучиваться неотступно преследовавшие меня мысли, что я никому не нужен, никто не ждет меня, что я всех отягощаю и что будущее зависит только от прихоти моей страшной и горькой судьбы... Около года я прожил в Ботаническом саду у дяди Коли и тети Аси, которая отгородила мне в своей комнатке угол за книжным шкафом. Я интуитивно чувствовал, что, естественно, стесняю их своим присутствием, не соответствую по своему отроческому темпераменту любящим друг друга бездетным пожилыми интеллигентам, их устоявшемуся за многие десятилетия быту. По моей инициативе я перебрался к сестрам, которых тоже, как сейчас помню особенно ясно, стеснил, заняв из двух комнат одну десятиметровую, которую превратил в мастерскую с терпким запахом масляных красок и растворителей.

После школы ходил обедать к тете Асе. Забегая вперед, скажу, что, когда скончался дядя Коля, из общежития академии на Литейном дворе, где я жил в одной комнате с двенадцатью сокурсниками, учась на первом

курсе, вновь вернулся в БИН — Ботанический институт, где тетя Ася поселила меня в крохотный кабинет дяди. Это была уже другая квартира, коммунальная, состоявшая из двух маленьких комнаток и расположенная на первом этаже того же дома — часть бывшей квартиры известного ученого-ботаника академика Комарова. Там я и прожил до переезда в Москву с одинокой тетей Асей, которая, глядя в окно на осенние закаты, писала нежные стихи об ушедшей жизни, о весенних бушующих волнах Финского залива, о цветах необычных и тихих и вечной любви...

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

У Сытного рынка на Петроградской стороне в трехкомнатной квартире на улице Бескова, дом 17, кв. 70 (поразившей меня в день моего приезда своей пустотой — вот почему и не запиралась дверь!), жили мои двоюродные сестры, потерявшие, как и я, в блокаду родителей, о которых читатель уже знает. Алла училась в восьмом классе и приходила домой только вечером. Нину, служившую в одной из воинских частей МПВО, отпускали домой только по субботам — «быть в отгуле». Ходила она в военной гимнастерке с погонами. У нее была упругая грудь, грустные карие глаза и твердый характер.

Щемящее и безысходное чувство рождала эта холодная, мрачная квартира, в которой мне позднее было суждено прожить пять лет. Именно в такого типа «доходных домах» жили «униженные и оскорбленные» герои Достоевского. Война смела внешнее благополучие дома и обнажила его жутковатую петербургскую суть. Находясь совсем близко от своего старого дома, я не находил в себе сил *зайти* даже во двор. Но однажды, набравшись мужества, я все-таки вошел под арку нашего дома на углу Большого и улицы Калинина, Ничего не изменилось, только двор показался мне гораздо меньше, чем раньше. Окна верхних этажей отражались в огромных, напоминающих слезы, лужах, волнуемых ветром.

Я долго смотрел на окна первого этажа, где мы жили. Вот наша комната, вот бабушкина. Окно комнаты, в которой умерла моя мать. Вдруг из открытой форточки этого окна кто-то окликнул меня по имени — я узнал женщину из соседней квартиры, которую, очевидно, вселили в опустевшую нашу. Не отдавая себе отчета, я повернулся и бросился прочь со двора.

Я знал, что всех, кто жил на Петроградской стороне, хоронили на Серафимовском кладбище. Очевидно, и мои родители были похоронены там. Это была окраина города — дорога на Черную речку дуэли Пушкина. Набережные изрыты огородами. Среди гигантских пустырей пасутся козы, из глухой блеклой травы и крапивы поднимаются кое-где случайно уцелевшие руины стен с развеваемыми ветром обрывками старых обоев. Деревянных домов почти нет, их разобрали на дрова. А вот и Серафимовское кладбище — огромное поле, ограниченное линией далеких городских окраин с дымящимися трубами и фабричными корпусами. Среди полей, как островок, кладбищенский лес и маленькая деревянная церковь Серафима Саровского. Множество старых крестов и оградок...

Неподалеку от дороги рыли могилу, выбрасывая наружу комья желтой вязкой глины. Склонившись над ямой, я спросил, где находятся могилы погибших в блокаду.

Могильщик в грязном мокром бушлате, стоя на дне ямы, поднял кверху свое изрытое оспой лицо и, утерев рукавом пот, сказал:

— Пойдешь прямо мимо церкви, увидишь траншеи; братские могилы — как грядки — там хоронили блокадников...

Стал накрапывать дождь, черные деревья роняли с ветвей холодные капли. Передо мной было огромное поле с едва заметными в траве грядками, уходящими к горизонту, — сотни тысяч ленинградцев были похоронены здесь.

Дождь все усиливался. В тишине откуда-то доносился женский плач, заглушаемый порывами ветра и пронзительным криком паровоза. Деревья уже начинали желтеть в высоте своих крон. Стволы черные — словно от горя...

* * *

Послеблокадный город был тих и безлюден. В мирное время я никогда не слышал во дворах нашей Петроградской стороны шарманки, но теперь на узкие и страшные, как дно колодцев, дворы иногда приходили слепые, изувеченные войной нищие. Я особенно запомнил одного. Его лицо напоминало найденные при раскопках древние, искалеченные безжалостным временем античные головы с отбитыми носами. О бедный русский Гомер XX века! Он был в рваной гимнастерке с ленточками орденов. Я долго шел за ним со двора во двор, слушая его песню; монетки кидали из разных окон, завернув их в обрывки газет.

*Дай руку пожму на прощанье,
В голубые глаза загляну.
До свиданья, мой друг, до свиданья,
Уезжаю на фронт, на войну.
Там в аду орудийного зала,
Под губительным шквалом огня
Я тебя никогда не забуду,
Только ты не забудь про меня...*

Когда наступал холодный, ненастный вечер, в квартире сестер становилось нестерпимо тягостно. Все валится из рук. Вздрагиваешь от скрипа половиц, завывания осеннего ветра. В тишине неожиданно, как пистолетный выстрел, хлопает форточка.

Любимым местом вечернего пребывания моей сестры Аллы стала... оперетта. Я был вначале невероятно шокирован этой непонятной мне страстью — тем более в такое время, после всего пережитого...

Сестра перечисляла мне: на «Сильве» была сорок раз, на «Баядерке» — пятьдесят...

*Тихо и плавно качаясь,
Горе забудем вполне...*

Люди во фраках, дамы с глубокими декольте, смех, брызжущее веселье, шампанское и любовь... У зрителей светлели лица, аплодисменты прерывали много раз спектакль. Как до войны!

...Мы входили в темную квартиру, шли ощупью в кухню и напевали в холодной пустоте. Сестра опять надевала ватиновую подкладку от пальто и

засыпала, накрывшись двумя одеялами и старой, изъеденной молью материнской шубой. На стене мерно, как блокадный метроном, стучали ходики. За окном выл ветер, и черное небо было оживленно-тревожным в стремительном беге ночных облаков... Стекла на кухне дрожали и жалобно звенели, вторя порывам промозглого петербургского ветра. Безысходность!..

* * *

В Ботаническом саду большая оранжерея стояла после бомбежки без стекол, как гигантская пустая клетка для птиц. Замерзшие высокие пальмы уныло высились среди груды битого стекла. В дальнем углу старого, буйно разросшегося за время войны парка, у Невки, там, где свыше двух веков находится самое старое в Петербурге еще шведское кладбище, были разбиты огороды — единственное, что давало возможность пережить долгую зиму. Владельцы огородов, жильцы нашего дома ботаников, дежурили день и ночь, чтобы спасти свой скромный урожай от воров, перелезающих на территорию сада через невысокую чугунную ограду, напротив дома, где когда-то жил Александр Блок, на берегу узкой и коричневой, заросшей зелеными водорослями Карповки.

Однажды, когда я шел по густой аллее осеннего сада, до меня донеслись пронзительный милицкий свисток и крики: «Держи его, держи!» Из-под ветвей огромного куста барбариса выскочил, как затравленный заяц, мальчик лет семи. Я машинально расставил руки. А он, не замечая меня, в ужасе оглядываясь на близкую погоню, ударился головой в мой живот. Остановившись, он снизу вверх умоляюще смотрел на меня глазами, полными слез. У него было такое бледное, худое интеллигентное личико. «Мальчик, не задерживай меня... Я тебе мелочи дам — все, что у меня есть. — Он полез в карман дырявых коротеньких штанишек. — У меня мама больная лежит. Я ничего не украл! Я не вор... Я первый раз. Я больше никогда не буду! Отпусти меня!»

Он говорил, задыхаясь от быстрого бега и слез. В маленькой ручонке, испачканной землей, судорожно сжимал морковку.

«Держи его, он сюда побежал!» — кричали совсем близко за кустом. Из разных концов парка в ответ неслись трели свистков — это отвечали и шли на помощь дежурные с других огородных участков; каждый в отдельности не надеялся на свои силы.

Я показал мальчику дыру в сломанной ограде, через которую он смог выбраться из сада. Он скрылся в тот момент, когда раздвигала кусты погоня. Я долго не мог забыть его горестное личико!

* * *

Война еще не кончилась. Ленинград залечивал раны, нанесенные огнем войны, ушедшей далеко на запад. Скоро будет победа!

Это время навсегда останется в моей памяти, потому что ему я обязан открытием сложного, неповторимого мира — города, имеющего свою душу, противоречивую судьбу, которая волнует, как жизнь любимого человека.

Некогда элегантные газоны скверов и садов были изрыты траншеями и превращены в огороды, опутанные колючей проволокой и забаррикадированные лесом старых ржавых кроватей. Ансамбли дворцов, домов и особняков, прижавшись друг к другу, тихо и грустно смотрели в светлые быстрые

воды Невы. Над Невой кричали чайки, и все так же красовался своей решеткой Летний сад. Лебяжья канавка чиста, как лесной ручей. Стаи малюсеньких рыбок молниеносно бросаются в разные стороны, заведя тень на воде... А вот Инженерный замок, Марсово поле, где некогда были парады императорских доблестных полков.

Нельзя говорить без волнения о прекрасных чертах Петрова града! Тот, кого он хоть однажды овеял своим дыханием и шумом листвы старинных парков, кто видел и ощущал его странную загадочную близость, тот, кому открылись величественные и нежные черты архитектурных гимнов сквозь слезы дождя и тумана, тот, кто видел гонимые по зеленой воде каналов желтые листья, кто заглядывал в грустные глаза окон и на задворки с трепещущим на ветру бельем, — тот навсегда запомнил лик великого города.

Может быть, Петербург, как ни один город в мире, имеет свою особую душу, присутствие некоего одухотворенного индивидуального начала, заключенного в комплексе архитектурных ансамблей, величественно-широкой Неве, мостах, нависших над рябью свинцовых могучих, заветренных волн... Неисчерпаем и бесконечен в своем бытии великий город! Он меняет облик в зависимости от времени года, месяца, дня, часа. Нежная и жестокая весна со звоном ледохода, рождающая тревогу в груди, которую нельзя спрятать в призрачном свете белой ночи. А затем синее, жаркое или холодное и такое короткое лето. Хрупкая нежность улетающей осени покрывает золотым ковром опавших листьев аллеи парков города. И наконец, наступает самое «петербургское время» — холодная мгла, промозглый ветер, качающий фонари.

В который раз проходя в поздний вечер по пустынной длинной набережной, защищая рукой шапку от злого осеннего ветра, я подходил к Медному всаднику, поднимал голову к быстро несущемуся низкому ночному небу и глядел в грозное лицо Петра, изумляясь волевой силе, спорящей с напором стремительных небес.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

**Борис
ПОДОПРИГОРА**

УРОКИ ПОБЕДЫ

Борис Александрович Подопригора — родился в 1955 году в Ленинграде. Закончил Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), а также факультет психологии СПбГУ. Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Занимал должность заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе. В настоящее время — преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам. Постоянный автор периодических изданий и художественных альманахов. Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике». Живет в Санкт-Петербурге.

О Победе, ее цене и об условиях, в которых она была одержана, должен писать прежде всего историк, а не политолог. Увы, ее первичную оценку, то есть ту, которую дали сами победители, приходится защищать сначала в политическом пространстве. Ибо наша Победа принадлежит не только прошлому, как думают историки, но и будущему, на что рассчитывает политолог.

Точка возврата

Не будем спорить, какой год — 17-й или 45-й — имел большее всемирно-историческое значение. Но для нашей страны Победа — по факту — стала главным событием новейшей истории. На этом триумфе, синтезировавшем государственную правоту и народную праведность, строится национальное сознание уже трех поколений. Кстати, философы и историки считают, что приблизительно столько же сохранялась осмысленная память об Отечественной войне 1812 года. Формальная «полукруглость» нынешней даты не затеняет главного: пока живы те, кого можно пригласить в свидетели, никто не докажет эфемерность достигнутого нами в мае 45-го, никто не лишит нас надежды на новый триумф. В этом сущностном, а не политически-прикладном смысле общество должно максимально продлить жизнь поколению победителей. Продлить в том числе за счет политического такта, не опускаясь до пиар-возни вокруг символов победной весны. Тем более что практически все ветераны, смотрящие на нас с экрана, носят негосударственный, но возвращающий

их в молодость, орден Сталина. Значение вождя в их, а не всемирно-исторической победе во многом сводится к максиме: «Чем ближе к Сталину, тем дальше от Гитлера». Скажем жестче: взвинчивание сталинофобии несет в себе и страх перед новыми испытаниями, без которых победы не даются. Нужно ли оговариваться, что не о плахе с топором и прочих ГУЛАГах идет речь, а о динамичной сосредоточенности на *делах*. Без этого общество и государство проживет ровно столько, сколько позволит цена на газ. А в остальном можно сколь угодно рассуждать, что в той войне победил Народ, а не генералиссимус.

Нынешняя эпоха ставит вопросы уже современникам 65-летия. От нас, которым рано или поздно предстоит проститься с последним солдатом Победы, зависит, какой она останется в истории и останется ли вообще. Иными словами, на какую историю будущего мы претендуем? Разумеется, дело не в «красных днях» календаря, тасуемых с периодичностью смен конституций, если не всенародных голосований. Речь идет о нашей идентичности: тот ли мы народ, который сотворил ту Победу? А значит, генетически способен повторить ее в новом цивилизационном формате. Или совсем другой? Конечно, нынешние носители новогреческого (заметьте!) языка могут хоть до второго Пришествия чтить подвиг трехсот спартанцев, а монголы — канонизировать Чингисхана... Но это уже не живая история современников, а часть всемирной мифологии.

Атака на нашу Победу, на ее абсолютность и священность — не что иное, как покушение на нашу идентичность. Или, что гораздо хуже, попытка застолбить смену идентичности как свершившийся факт: победили, мол, советские, а вы, извините, российские... Проще говоря, нас хотят сделать манкуртами, забывшими, от кого мы произошли и какие уроки успели извлечь. Размывание версиями и нюансами существа события, произошедшего 65 лет назад — это не просто исторический коллаборационизм. Это попытка реванша со стороны тех, кто в идейном и духовном смыслах проиграл тогда, но рассчитывает на победу завтра. Не будем себя обманывать: пока существуют государства, мир не станет семьей народов — сколько бы мы ни переименовывали конфронтацию в конкуренцию. А ООН со всем ее международным правом — не мудрый батюшка-арбитр, раздающий всем сестрам по серьгам, а экуменическая богадельня, куда можно лишь прийти поплакать.

Мы не о глянцеваании собственной истории — в ней было всякое. Как и у всех. Но когда нам намекают о непомерности цены Победы, о той вопиющей грязи, которую несет в себе любая война, за этим маячит вопрос: а может, лучше было проиграть? Давайте уж до конца... пиво бы пили немецкое, да и дисциплинировали плюсквамперфектами мозг... Но тогда у нас не было бы даже того выбора, который обещает нынешний стык энергетической и концептуально-информационной эпох. Судя по сегодняшнему влиянию на цивилизационные процессы, мы, как говорят летчики, находимся на точке возврата: или в морально-волевом смысле еще вернемся в май 45-го, или, раскрошив исторический стержень, уйдем в никуда. Без национально-мобилизующей идеи как смысла существования в данном составе нам остается только влачиться... А время предлагает не менее сложный, чем в 40-х, тест на способность побеждать.

Победа — это государство

Конечно, не только мы, но и другие народы мира обладают такими качествами, как отвага и стойкость. А по части прозорливости, практичности и менеджерской хватки многие нас неоспоримо превосходят. Почему же в итоге победили мы, попавшие в начале войны в катастрофическое положение? Размеры и природные богатства страны, численность ее населения, безусловно, сыграли губительную для врага роль. Добавим сюда и нашу предпочтительную мотивированность защитить свою Правду. Защита своего мобилизует лучше, чем отнимание чужого. Но победу одерживает не Челубей или Пересвет, а государственная машина, оказавшаяся у нас эффективнее, чем немецкая. С тем, кто считает, что она была еще и более жестокой, в этом случае спорить не будем.

В конечном итоге мы приходим к одному и тому же: для чего вообще нужно государство? Государство нужно для организации новой Победы. Если она вам не нужна, то вы — бомж или в худшем случае соискатель грин-карты. Но если каждое поколение будет не жить, а выживать во имя следующего, а наша цивилизационная победа — отдаляться с линией горизонта, не превратится ли она в идефикс? Конечно, превратится, если не постигнем военно-штабную логику ранжирования стратегических задач. А ведь к Победе нас привела ее цельность, а не расстрельные директивы вкупе с материнскими благословениями. Что же необходимо?

Во-первых, ввести режим «военного» положения в демографической сфере. Тем более что «инновационные технологии» в этом деле нам точно не понадобятся. Зато возместить жертвенность «сибирских дивизий» ныне должна уже Москва, спасенная ими в 41-м. Для этого если и придется переносить газпромовскую башню, то тогда — в Красноярск или Уренгой с Сургутом, желательно, если какой-то из этих городов к тому времени станет столицей государства Российского. Решительно более масштабного и сложного, чем зона ответственности Октябрьской железной дороги.

Во-вторых, обеспечить «сдерживание по всем фронтам», в данном случае лиха — чужого, но главное — своего, рукотворного. Чужое — это общество потребления и телесных усад, которое у нас объемлет в лучшем случае областные центры. Притом что деревня зримо совершает «революционный» перескок от социалистической бесхозности к пьяному феодализму. Свое лихо?.. Не коррупция ли и чванство знати стали для страны «германским фашизмом и японским милитаризмом»? Как тут насчет законов военного времени, «приказа «ни шагу назад», а то и «смерша»?

В-третьих, и поэтому: экстренная подготовка «командного состава». Слава Богу, не вместо сгинувших в сталинских лагерях да немецких «котлах». Чтобы к власти испытывали не меньшее уважение, чем к георгиевской ленточке, нужен новый тип управленцев. Это должны быть люди с осознанными намерениями и собственными интересами. Со столыпинским чутьем перспективы, демидовско-путиловской хваткой «дело делать, господа, дело!» и жуковской нацеленностью на то, чтобы «взять Берлин» первым. Не начать ли с обязательной службы в армии всех претендентов на государственные посты? С теми исключениями, которые вносит жизнь, а не энтузиазм романтиков и отчаяние бессребреников. Глядишь, тогда позабудется мотив «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты»? А пока со вступления

гражданина во взрослую жизнь он не только разводит государство и общество, но сводит на нет их взаимную ответственность.

В-четвертых, определить направление «главного удара». Скорее всего, им станет формирование доминирующего над всеми класса «собственников будущего». Кто сгодится на эту роль, скажем, оглядевшись и перелистав учебник истории. Пытался же Столыпин наделить железнодорожного проходчика на Дальнем Востоке еще и фермерской функцией с перспективой льготной учебы его самого, но главное — его наследника, готового продолжить дело отца? И не все пошло прахом. Что-то похожее выручит и нас. Дело за Государством, нацеленным на Победу над ленью и обывательщиной. То есть таким обществом, которое изначально состоит из индивидов, мыслящих в лучшем случае ценностями семьи.

ЧАСТЬ 2: «ПОМНИ ВОЙНУ!»

Это скорее догматичное напутствие адмирала С. О. Макарова приобретает особую конкретность, когда речь заходит о дальневосточной военной кампании Советского Союза в 1945 году. Парадокс состоит в том, что последние бои победоносной для нас Второй мировой войны мы не то чтобы забыли, но как будто бы их стеснялись. Разговор об этих «странностях», на наш взгляд, актуальнее очередного подытоживания главной войны XX века. Тем более что о ней предостаточно сказано еще в мае.

Победа, вызвавшая к... стеснению?

2 сентября 1945 года в день подписания акта капитуляции Японии Верховный Совет СССР объявил 3 сентября «Днем всенародного торжества — Праздником Победы над Японией». Этот указ никем не отменен, но почти сразу забыт. Лишь в июле 2010 года принят новый закон, устанавливающий новую памятную дату — «2 сентября — День окончания Второй мировой войны». Парламентское обсуждение нового праздника даже на фоне 65-летия Победы подавалось как отклик на локальную инициативу дальневосточников-сахалинцев или ветеранов флота. А ведь в отечественных летописях, да и культуре как таковой мы ориентируемся прежде всего по событиям военной истории — это наша национальная особенность. В нашем «синодике» значится, например, во многом мифологизированный День победы русского флота над шведами у Гангута. Кстати, оказывается, мы его отмечаем 9 августа — в день, когда в 1945 году началась наша военная кампания на Дальнем Востоке. Или предварительный День победы — «7 ноября — День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в 1941 году»...

Дальневосточная же кампания СССР как никакая другая характеризуется словами «впервые» и «никогда больше». По стратегическому замыслу и его обеспечению, пространственному размаху и темпам нашего наступления, соотношению потерь она не имеет аналогов в военной истории. Управление этой беспрецедентной воздушно-наземно-морской стратегической операцией соответствовало идеальной формуле военного планирования: «бить врага

малой кровью и на его территории». Наступление Красной Армии велось в полосе 4430 километров — расстояние от Северной Норвегии до Южной Греции. Отдельные фрагменты операции и по сей день кажутся фантастикой. Так, Шестая гвардейская танковая армия Забайкальского фронта за первые три дня наступления прошла 450 км и притормозила лишь из-за отставания тылов. Впервые при столь масштабной операции численность наступавших (в боевых частях около 1,2 млн) и оборонявшихся (до 1 млн) была сопоставимой, а не 3 к 1, как того требует военная наука. Ею не то что пренебрегли, но большинство красноармейцев уже познали вкус Победы в Европе. Таких не приходилось ни обучать, ни мотивировать. Дважды победителей в одной войне история, пожалуй, тоже не знала.

Так же впервые, причем в значительной степени скрытно от японцев, осуществлена оперативная (фактически за месяц) переброска почти миллионной группировки из Европы на Дальний Восток. Показательно, что японцы, по существу, до 9 августа были уверены, что численность вновь прибывших — лишь 126 тысяч человек. Именно этот опыт изучается за рубежом как феноменальный пример военного искусства. Притом что и Сталинградская, и Берлинская операции рассматриваются лишь в курсе военной истории. Статистика потерь, в том числе со стороны СССР, все же страдает приблизительностью. Даже в солидных источниках приводятся цифры от 8 тысяч до 36 тысяч (в последнем случае, по-видимому, убитые объединены с ранеными). Японцы же в целом признают, что потеряли 84 тысячи убитыми и ранеными, а 640 тысяч сдались в плен. Вместе с тем ряд отечественных историков полагает, что эта статистика неполная из-за ссылок японской стороны на «неустановленное количество эвакуированных, а также разоруженных и отпущенных по домам (имеются в виду военнослужащие квантунской армии неяпонского происхождения)».

Почему же столь успешной войне отводилось полстранички в школьных учебниках истории? Начнем с глубинных, во многом мифологических причин. Историография, а заодно и «философия победы» во Второй мировой, формировалась в СССР при подчеркивании особо жертвенного вклада наших соотечественников, ставших основой антигитлеровского фронта. На этом фоне относительно бескровная для нас победа над Японией оказалась лишенной пафосно-трагического ареола Великой Отечественной. Не только в научном, но и в «народном» представлении мы «победили как-то не так».

Отсюда, во-вторых: событийный ход всей дальневосточно-тихоокеанской кампании вызывает ряд разнородных вопросов и у нас, и к нам. Даже на пике холодной войны мы признавали не меньшую роль США в победе над Японией, чего лишний раз делать не хотелось. Вспомним, что 2 сентября ее капитуляцию принимал даже не командующий советскими войсками, а генерал, для связи с американцами — неизвестный и сразу забытый, К. Деревянко. Та же конфронтационная эпоха надолго утвердила международное восприятие Второй мировой по формуле: «Москва завоевывала, Запад освобождал». Или — чуть примирительнее: «В Европе победили союзники, на Востоке — англо-американцы». В этих условиях политически гипертрофировался непреложный факт советского наступления на японские владения с последующими территориальными приобретениями СССР. Мы слишком долго искали — что, кроме встречных лозунгов, противопоставить японскому самооправданию, помноженному на западный информационный

менеджмент. А тем временем весь мир уверовал, что «Токио проиграл войну из-за американского превосходства и русского вероломства». Не самая последовательная политика Москвы в отношении южнокурильских островов («вообще-то они наши, но два из четырех можем и отдать»), информационные потери от тридцатилетней конфронтации с Пекином и Сеулом, как и застарелая боязнь открытой полемики, поставили нас в оборонительную позицию по целому ряду дальневосточных сюжетов. Поэтому и про август 45-го мы долгое время вспоминали скороговоркой.

Между тем наша весьма «отстраненная» позиция имела и свои плюсы. Например, не только в академических, но и в политических кругах стран тихоокеанского бассейна (это не только Япония и Китай) жива «инерция памяти»: «когда Вашингтон действует совместно с Москвой, любой третий — лишний». Или — что весьма популярно в китайских, да и южнокорейских аудиториях: «Американцы воевали с Японией почти четыре года, а русские справились с ней за три недели». Скажем больше: основа цивилизационного восприятия нас китайцами задана даже не освобождением Северо-Востока их страны от японцев, а нашим отказом от привычных для Китая иностранных концессий (КВЖД, Порт-Артур). Кстати, большинство японцев ситуативно признают, что основной причиной капитуляции Токио стало вступление в войну СССР, а не атомные бомбардировки, о которых их армия по существу не знала. Ибо «Япония могла сопротивляться столько, сколько просуществовали бы ее сухопутные силы». А квантунская армия, сдавшаяся, что ни говори, нам, а не американцам, считалась последней надеждой Токио. К тому же 50-тысячные потери американцев на Окинаве показали, что их пехота менее успешна, чем авиация и флот, и что собственно Япония может превратиться в зону нескончаемой партизанской войны. Во всяком случае японцы в сравнении с американцами были более готовы к войне на истощение. При любой оценке японских доводов неизменным остается главное: японец далеко не всегда сдавался без боя, но поделать ничего не смог... И это ставит точку в споре о значении нашего вклада в победу.

Назовем и третью причину «избирательности» нашей памяти. С укреплением позиций Н. С. Хрущева не только в научных, но главное — в военно-политических кругах Советского Союза на полвека возобладали участники и исследователи европейских сражений. При этом главный герой войны с Японией Маршал Советского Союза А. М. Василевский отошел от активных дел в немалой степени из-за репутации главного любимца И. Сталина. По сходной причине уже в новой России пытались откреститься от Дня Победы над Японией: ветеранам, мол, хватит и 9 мая, поэтому не будем прославлять еще одну победу с профилем Сталина на медали.

Десант в 2010-й

Трактовка эпизодов 65-летней давности нам важна не только как событийная канва одной из самых эффективных, а заодно и наглядных военных кампаний за всю историю страны. Ими задается правовая база сегодняшнего мироустройства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На пафосе пусть и коалиционной, но абсолютной победы всемирно-исторического значения проще воспитывать молодых соотечественников, явно заждавшихся оригинальных сюжетов — убедительных и политкорректных. Здесь-то мы победили уме-

нием, опытом, а не числом и заградотрядами. Во всяком случае август 45-го не равноценен полумифическим «волочаевским дням» далекой Гражданской и Хасану 1938 года, когда мы весьма предварительно «наломали бока» тем же японцам. Осмысление судьбоносных дат и вех требует их ранжирования и учета географической привязки. Чтобы территория России за Уральским хребтом не оставалась в историческом и культурном понимании — «великим герцогством люксембургским».

Уверенность же в нашей тогдашней правоте «наследственно» укрепило бы нашу волю и аргументацию в спорах не только с японцами. Учреждение ими в 1982 году «дня северных территорий» осталось без последствий со стороны наших союзников по Второй мировой. В этом и наше далеко идущее упущение.

Придание лучше международного масштаба празднику, чем до сих пор эксклюзивному для дальневосточников, не заменит системной политики центра (точнее европейского «полуфланга») в отношении окраин страны. Но это шаг в пользу федерализации. Переоценка роли «флангов» в государственном строительстве представляется все же первейшим в «иерархии» уроков Победы. Сегодня в качестве флангов выступают Калининград и «большой Дальний Восток». Парадокс состоит в том, что 65 лет назад Приморье с Забайкальем лучше соответствовали своему историческому предназначению, чем сегодня — пусть и в иных условиях. Около 14 миллионов наших зауральских сограждан, проживающих на территории, равной 4-ем «Западным Европам», нередко чувствуют себя колонистами в полузабытых факториях. Они по факту лишены того динамизма и веры в будущее, без чего стране угрожает распад на социально неравные части, которые друг другу в лучшем случае не противостоят. Уже поэтому не стоит стесняться Победы...

Так победим. А гордиться пусть будут те, кто извлечет пользу из Победы, которая лишь родилась на ступенях поверженного рейхстага.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

История и современность

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

КАК БРИТАНИЯ ПЫТАЛАСЬ «УПРАЗДНИТЬ» ГЕРМАНСКУЮ ИСТОРИЮ

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». Живет в Москве.

Найдется мало исследований, показывающих, что многое из того, что сделано в Европе после Ялты и Потсдама, направлено было не только против СССР, но и на растворение германского потенциала. Это было одним из стержней британского геополитического мышления и британской «Realpolitik». Именно Британия и в ялтинских переговорах, и в работе созданного в Потсдаме послевоенного механизма старалась устранить потенциал Германии к созданию из географической Центральной Европы — политической «Mitteleuropa».

На всех этапах — в Тегеране, Ялте и на сессиях СМД 1946 года можно проследить потайной диалог между Сталиным и Черчиллем по этим вопросам. Инициатива исходила от британского премьера. Именно Черчилль предлагал «отделить Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден», чтобы эта группа «вросла в то, что он назвал бы Дунайской конфедерацией». Сталин сразу понял конечный замысел Черчилля: под видом расчленения Германии втянуть прилегающие к СССР балканские и славянские земли в собственные новые конфигурации — и напрямую спросил Черчилля, уж не планирует ли тот сделать и «Венгрию и Румынию членом какой-либо подобной комбинации»¹. Западногерманский историк Р. Римек полагает, что Сталин воспротивился плану «вовлечь Южную Европу, прежде всего балканских славян, в западный силовой ареал» вовсе не из-за идеи распространения коммунизма, «не потому, что хотел сделать Южную Европу коммунистической, а потому, что как любой русский го-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается. — М., 1955. — С. 392, 393, 394.

сударственный деятель и любой русский царь он обязан был противостоять таким западным устремлениям»².

Полезно было бы сегодняшним немцам узнать, как Британия старалась «упразднить» германскую историю в процессе реализации решений Ялты и Потсдама.

Прекращение существования гитлеровского рейха уже следовало из принципа полной и безоговорочной капитуляции. Но то, что происходило в различных союзных оккупационных структурах, говорит о стремлении Великобритании формализовать упразднение не гитлеровской, а исторической Германии, пользуясь шансом, который предоставлял крах нацизма. Речь идет о почти мистическом желании раздробления немцев, пронесенное через XX век со времен принца Эдуарда, об идее «упразднения», «ликвидации» «Прусского государства», которую британские делегации настойчиво ставили в повестку дня заседаний союзных органов второго уровня, минуя Совет министров иностранных дел. Его повестка согласовывалась на самом верху и таких вопросов не содержала.

В официальных заявлениях и США и СССР поочередно заверяли в своей ориентации на сохранение мирной и демократической Германии. Документы демонстрируют, как Британия настойчиво стремилась придать некий особый смысл идее федерализации Германии, которая в лексиконе до 1944 года понималась как деление Германии. После того, как план Генри Моргентау (полное расчленение немцев вплоть до присоединения кусков германской территории к другим государствам, интернационализация Рура), чуть не ставший после второй Квебекской конференции (1944) официальной позицией США и Великобритании, все же был отменен, «федерализация» обрела смысл внутригосударственного устройства.

Все союзники, особенно европейские державы-победительницы, желали закрепить на длительное время и обретенные сферы влияния, и свою роль вершителей судеб мира. Все были заинтересованы в слабой, неспособной на новую агрессию и даже подконтрольной им Германии. СССР вовсе не представлял здесь исключения. Более того, в вопросах репараций истощенный и разрушенный СССР был настроен наиболее жестко. Однако настойчивость Британии в «упразднении Прусского государства» носила буквально религиозно-фанатический характер и явно уходила корнями в историческое мышление времен кайзеровской Германии и пира победителей в Версале, который и был предвестником будущей Второй мировой войны.

Советская делегация в целом тормозила принятие такого решения. В интерпретации советской стороны упразднению подлежало то германское государство, что развязало Вторую мировую войну. Будущее немецкое государство не должно было стать «продолжателем личности» (континуитет в международном праве) нацистской империи, и это было обеспечено принципом полной и безоговорочной капитуляции, упраздняющей прежнее государство как субъект международного права. Британия же, неудовлетворенная крахом государственной машины гитлеризма, попыталась ликвидировать немцев как преемственного субъекта мировой истории. США были лояльны Британии, но, судя по документам, не были инициаторами.

² *Riemeck R.* Bilanz eines Jahrhunderts. — Stuttgart, 1997. S. 177.

Поскольку ни на одной из важнейших встреч в верхах, ни в Ялте, ни на Берлинской конференции вопрос об «упразднении Прусского государства» не ставился, британская делегация, судя по документам, пыталась незаметно ввести такую формулировку на уровне третьестепенных органов — в Комитете гражданской администрации Директората внутренних дел Контрольного совета. Стенограммы заседаний Директората внутренних дел, а также Политического директората Контрольного совета, куда Британия передала свой меморандум после того, как советская делегация уклонилась от принятия решения, весьма показательны. Британская делегация в расчете на неискушенность русских военных то доказывала, что «упразднение Прусского государства» — просто шаг по «реализации принципа децентрализации Германии, принятого на Ялтинской и Потсдамской конференциях», то, наоборот, делала широкие обобщения негативной роли Пруссии в немецкой истории и войнах Германии.

«Слово “пруссский” имеет нарицательное значение во всем мире, и было бы значительным вкладом указать в официальном заявлении об уничтожении Прусского государства, — настаивала британская делегация в Комитете гражданской администрации (КГА), представляя свой меморандум. — В течение двухсот лет Пруссия была угрозой для безопасности Европы. Продолжение существования Прусского государства, хотя бы только в названии, может дать повод для ирредентистских притязаний, которые немецкий народ может в дальнейшем попытаться выдвинуть, может укрепить немецкие милитаристские тенденции, а также может способствовать возрождению авторитарной, централизованной Германии, что желательно предотвратить».

Бесхитростный в философии мировой истории советский генерал Курочкин «в принципе не возражал», но, будучи искушенным в политике, заявил, что вопрос относится к компетенции СМВД. Маршал Соколовский указал, что «упразднение» касается будущего государственного устройства и «должно решаться не Командующими зонами, а правительствами». Но яснее всего позиция советской делегации была выражена в Протоколе 31-го заседания КГА 31 мая 1946 года. СССР стоял за упразднение государственной машины гитлеровского рейха и полагал, что «Прусское государство было уже уничтожено» безоговорочной капитуляцией, поэтому советской делегации не ясна целесообразность проекта». На следующем, 32-м заседании советский представитель прямо заявил, что *«этот Комитет призван регулировать вопросы внутренней государственной структуры, а не уничтожать государства»*³.

Тем не менее Британия неустанно и поочередно представляла свой меморандум с законопроектом под следующим названием и с формулировками:

«...Уничтожение государства Пруссии».

«Поскольку желательно обеспечить децентрализацию политической структуры Германии, и уничтожить прусский дух.

«1. Государство Пруссия вместе с его центральным правительством и администрацией уничтожается...»

Как свидетельствует Протокол заседания Координационного комитета, «утверждение закона было задержано советским представителем». Благодаря позиции советской делегации вопрос этот не продвинулся и в Полити-

³ АВВР. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. № 19, п. 4, л. 100, 103, 110.

ческом директорате и был передан в Контрольный совет. К этому времени Британия приступила к односторонним мерам по переименованию и реорганизации подконтрольных ей территорий. «Военная администрация в Германии Британской зоны контроля» издала указ, в котором «ввиду того, что центральное правительство и администрация Прусского государства (ланд Пройссен) фактически перестали существовать, и поскольку имеется намерение в будущем реорганизовать администрацию прусских территорий, расположенных в Британской зоне оккупации... приказывается следующее:

«1. ...провинции Прусского государства или его части, расположенные в британской зоне... и поименованные в первой части приложенного списка, настоящим упраздняются как таковые... и будут носить названия, изложенные во второй части указанного списка...»⁴

На Контрольном совете проект был также отклонен. Маршал Дуглас представлял односторонние действия британской стороны как «чисто административную меру», на что маршал Соколовский указал, что речь идет о «крупнейшем государственном вопросе, не записанном в решениях Берлинской конференции», который подлежит рассмотрению четырьмя державами». Американский генерал Макнарни с этим согласился⁵. Переданный на рассмотрение Совета министров иностранных дел, этот вопрос так и потонул вместе со всем комплексом германской проблемы, которой суждено было стать линией раскола Европы.

Через несколько месяцев после Фултонской речи Черчилля накануне третьего совещания СМВД в Штутгарте прозвучала другая речь — Государственного секретаря США Джеймса Бирнса. Она была закодирована общедемократическими фразами куда больше, чем выступление герцога Мальборо, но отнюдь не в меньшей степени задавала вполне реальную политическую и геополитическую программу. В либеральную доктрину не вписывалось накладывание ограничений на «демократическую Германию», ее надо было связать и растворить, а немцев перевоспитать. В значительной мере этой цели послужили панъевропейские и интеграционные процессы, инициированные параллельно с НАТО. США заявили, что не уйдут из Европы и делают ставку на Германию.

Буквально за три месяца до этой речи, во время второй сессии СМВД в Париже в мае 1946 года, Дж. Бирнс всячески делал вид, что продолжение союзнического сотрудничества еще возможно. Когда Молотов и Вышинский выразили удивление, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей Фултонской речью, «которая была не чем иным, как призывом к новой войне», Бирнс поспешил отмежеваться, сказав, что Черчилль выступал не как член британского правительства, а под свою ответственность, и прикинулся, будто «ни Бирнс, ни Трумэн не видели речи Черчилля заранее»⁶. Черчилль же описал в мемуарах, как показал заранее речь Бирнсу, «пришедшему от нее в восторг».

Подкупая немцев обещанием восстановления и процветания, на фоне чего СССР с его настойчивостью в репарациях выглядел жадным мстите-

⁴ Подробно см. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. — М.: Международные отношения, 2005.

⁵ АВП РФ. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. № 19, п. 4, л. 120–132, 137.

⁶ АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. № 2, док. № 22, п. № 5, л. 30.

лем, США и особенно Великобритания на деле имели концепцию будущей Германии как несамостоятельного и непреемственного ко всей немецкой истории государства. Об этом свидетельствует Боннский договор 1952 года между США и созданной ими же ФРГ, по которому устанавливалось право США размещать на территории ФРГ вооруженные силы и изымалось у ФРГ право на мирное урегулирование. Этот договор не пересмотрен и после снятия четырехсторонней ответственности, объединения Германии и обретения ею полного суверенитета.

Речь Бирнса была программной. Хотя и косвенно, она задавала практически все параметры и направления политики, по которым готовился отход от союзнических обязательств и отношений и саботаж Ялты и Потсдамских соглашений.

США объявили ошибкой свое устранение от Европы после Версаля, которую они «никогда не совершат более»: «Мы намерены интересоваться делами Европы и всего мира. Мы помогли в создании Объединенных Наций, и мы намерены поддерживать Организацию Объединенных Наций всей мощью и ресурсами, которыми мы располагаем». Для Германии был сделан выбор в пользу пряника, который должен был приглушить горечь от утраты самостоятельности.

Они же дали свое толкование решений Потсдамской конференции о «децентрализации политической структуры»: задача, оказывается, состояла в том, чтобы «помешать учреждению правительства, господствовавшего бы над германским народом, вместо правительства, которое откликалось бы на его демократические желания».

Эти заявления не могли не оказать огромного воздействия на немцев, как и тот факт, что программная речь была озвучена не перед союзными структурами, а по германскому радио и адресована самим немцам. Британцы с их декларациями об «упразднении Прусского государства» померкли, и инициатива полностью перешла к Вашингтону. Вовсе не собираясь допустить возрождения самостоятельной Германии, он взял курс на связывание немцев в многосторонних структурах. Одновременно США стимулировали и реваншизм, который наряду с деморализацией и пацифизмом был также естествен в стране, потерпевшей крупнейшую национальную катастрофу и поплатившейся за свои необузданные амбиции очередной утратой не только захваченного, но и прежнего многовекового достояния.

В речи Бирнса уже содержалось первое отступление от четких решений Ялты и Потсдама. Она содержала намек на то, что линия Одер-Нейссе не являлась частью решений Берлинской конференции и подлежала дальнейшему урегулированию: «В отношении Силезии и других восточных районов Германии, передача их Россией Польше для целей управления состоялась до Потсдамской встречи...» США придерживаются линии Керзона, но «размер территорий, передаваемых Польше, должен был быть определен при окончательном урегулировании, причем не только западных, но и восточных границ Польши», что подвергало сомнению статус Западной Украины.

Поворот в международных отношениях перешел в стадию открытого противоборства, и стержнем его стал раскол Европы и Германии с превращением ее зон в инструмент политики, обеспечивающей условия дальнейшего противостояния СССР и блока западных держав во главе с США.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр ВАВИЛОВ

НОВЫЕ ЛИКИ ТЕРРОРИЗМА

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Вавилов — автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. Живет в Москве.

Тяжкое наследие прошлого

К приходу в начале 2009 г. в Белый дом Б. Обамы со «всемирной антитеррористической борьбой», поднятой на щит его предшественником, явно не ладилось. На волне всеобщего неприятия терроризма после чудовищных терактов 11 сентября 2001 г. администрация Дж. Буша присвоила себе право по собственному разумению решать, «кого казнить, а кого миловать» на мировой арене. Под флагом борьбы с международным терроризмом были нанесены удары по талибам в Афганистане и режиму С. Хусейна в Ираке.

Их результаты общеизвестны: влияние талибов не только сохранилось, но и расширилось, а вместо диктаторского режима ненавистного С. Хусейна в Ираке началась война «всех против всех», конца которой не видно. Кроме того, в страну «для защиты суннитов от шиитов» и борьбы с господством «великого шайтана» — Америки пожаловала «Аль-Каида». Как отмечал посол России в Афганистане З. Кабулов, действия боевиков в Ираке, наносившие серьезный урон оккупационным войскам, в свою очередь воодушевили талибов на наращивание своей подрывной активности («Независимая газета», 28.07.08).

Впопыхах начатая США «всемирная антитеррористическая кампания» после авиатаранов 2001 г. привела к серьезному разладу в их отношениях с исламским миром. Неслучайно под занавес администрация Дж. Буша приняла решение воздерживаться от официального употребления в отношении экстремистов таких поначалу не до конца осознанных и продуманных ею терминов, как «шагид» и «муджахид», имеющих для мусульман сакральное значение (The Washington Post, 12.05.08).

Уходя на покой, Дж. Буш в качестве своего едва ли не единственного «достижения» привел отсутствие прямых террористических атак на Америку после 11 сентября 2001 г. (Arab News, 17.01.09). Выходит, все жертвы и разрушения, понесенные «демократизируемым» миром, в том числе и арабскими странами, за восемь лет его правления были подчинены достижению этой по сути эгоистической цели одного единственного государства — Соединенных Штатов.

Да и достигнута ли она на самом деле? Террористическая угроза, как признают и новые, и старые руководители США, далеко не снята с повестки дня международной жизни. Напротив, силовые действия Вашингтона под командой Буша привели к появлению новых террористических очагов, о чем неоднократно предупреждала Россия.

Американские методы унилатерализма и силового давления, продиктованные политическим эгоизмом и опробованные прежде всего на Ближнем Востоке, принесли без преувеличения плачевные результаты.

По данным госдепа США, в 2005 г. в мире произошло 11 157 терактов, жертвами которых стали 74 280 человек, в 2008 г. их было уже 11 770, когда пострадало 54 747 человек. Расширяется их география, совершенствуются методы и способы осуществления. Сбывается устрашающее предсказание Усамы бен Ладена о том, что противостояние Востока и Запада будет длиться десятилетия (www.mgimo.ru, 17.09.09).

Опыт показывает: ближневосточные проблемы, как и общемировые, требуют коллективных подходов и усилий всех заинтересованных сторон, за что с принципиальной твердостью и выступает Россия.

Как констатировал, выступая в марте 2010 г. в одном из подкомитетов палаты представителей конгресса США, директор ФБР Р. Мюллер, если до сентябрьских атак 2001 г. «угроза «Аль-Каиды» в основном исходила из Афганистана и близлежащих к нему районов, то теперь сотрудники спецслужб США отмечают ее рост в Сомали и Йемене, а также в других местах» (The Christian Science Monitor, 17.03.10).

Саудовские власти, к примеру, в том же марте 2010 г. объявили о задержании в результате пятимесячной операции 113 боевиков «Аль-Каиды» (в том числе двух групп смертников), планировавших диверсии на объектах нефтяной промышленности и служб безопасности в Восточной провинции королевства. В ходе расследований были выявлены их связи по Интернету с филиалами этой организации в Йемене, Сомали, Эритрее и даже Бангладеш (The New York Times, 25.03.10). К середине 2010 г. в королевстве было предотвращено 220 покушений на теракты, при этом вдохновительницей и организатором многих из них была арестованная активистка «Аль-Каиды» Х. Аль Кусейир, получившая известность своими проповедями еще в период обучения в одном из саудовских университетов (Arab News, 07.06.10).

Тревоги добавил и опубликованный в апреле текущего года доклад «Института Т. Мора для европейских исследований», согласно которому действия филиалов «Аль-Каиды» все более явно имеют тенденцию к распространению на юг Африканского континента, охватывая Сенегал, Нигер, Мали и другие «проблемные» государства (Asharq Alawsat, далее: А. А., 12.04.10).

Таким образом, слухи о смерти этой организации, появившиеся было в западных СМИ, оказались, как по М. Твену, «сильно преувеличенными»

(The Washington Post, 22.03.10). Подтверждая это суждение, глава объединенного комитета начальников штабов адмирал М. Маллен откровенно признался в июне 2010 г., что в ходе поездки по региону «был поражен степенью слияния «Аль-Каиды» с талибами и другими террористическими группировками». Такую оценку разделил и руководитель национального антитеррористического центра США полковник М. Лейтер (The New York Times, 01.07.10).

Администрация Б. Обамы отдает себе отчет в этом тревожном феномене и считает борьбу с международным терроризмом и транснациональной преступностью с привлечением местных сил одним из главных своих приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности.

Такое взаимодействие можно было бы прогнозировать при установлении между США и их союзниками в исламском мире достаточно высокой степени доверия. А вот его-то на фоне предвзятой и односторонней политики Вашингтона, прежде всего на ближневосточной арене, добиться было весьма не просто.

Поэтому разведсообщество США реалистично оценивает результативность антитеррористической борьбы на ближайшие 20 лет как весьма скептические. Основанием для безрадостного прогноза служат весьма неясные перспективы экономического и политического развития ближневосточных стран, которые стали еще более туманными после вмешательства в дела региона американцев и их союзников. Это позволило главному разведчику США сделать тревожный вывод о том, что условия жизни там «будут и дальше способствовать росту радикализма и вербовке молодежи в террористические группировки». По его предположению, через 15–20 лет известные террористические организации сменятся новыми, которые, однако, «унаследуют организационные структуры ныне существующих, механизмы управления и координации действий, а также систему подготовки, необходимые для осуществления тщательно разработанных терактов» (ИТАР-ТАСС, 01.11.08).

Добавим к этому обоснованному заключению: как мы увидим ниже, террористические ячейки не только «наследуют» уже имеющиеся наработки своих предшественников, но и весьма существенно совершенствуют и модернизируют их, приспособляясь к динамично развивающейся обстановке в отдельных странах и по всему миру. «Аль-Каида» все в большей мере оправдывает свое арабское название, выступая лишь в качестве базы для разработки идеологических основ и направлений главных ударов по уязвимым местам Запада, а исполнители получают все больший простор для своей инициативы и творчества в осуществлении полученных через Интернет директив в виде фетв и проповедей. Дробление террористических сетей, их «фрагментация» делает распознавание замыслов экстремистов все более трудным делом.

Поучительно в этой связи заявление недавнего главы Центрального командования (Сентком) США (охватывает 20 стран Большого Ближнего Востока), командующего коалиционных войск в Афганистане генерала Д. Петреуса, который на основе своего многотрудного опыта заявил в интервью компании MSNBC, что одними контртеррористическими операциями терроризм победить нельзя. Нужны целенаправленные и многовекторные действия целых государств (MSNBC, 07.05.09). Как справедливо отмечалось в

том же докладе «Института Т. Мора», для снижения уровня террористической опасности в странах третьего мира было необходимо «вселить в его молодое поколение веру и надежду на социальную справедливость и успех» (А. А., 12.04.10). А вот этого как раз американцы из-за своего унитаризма и чрезмерной самонадеянности не могли, да и не хотели добиваться.

К началу 2010 г. прогнозы национальной разведки США приобрели еще более тревожный характер: по ее данным, «Аль-Каида» с союзниками готовилась к осуществлению новых крупномасштабных терактов на американской материковой территории в течение предстоявших шести месяцев. Директор ЦРУ Л. Панетта указал на изменение тактики террористов, которые стали все больше привлекать к сотрудничеству лиц, ранее не замешанных в подрывной деятельности и имевших «чистые» документы, в том числе и оформленные в США. В одном Йемене, к примеру, «для изучения арабского языка» находилось около 3 тыс. натурализованных граждан США, многие из которых, по признанию директора ФБР, вполне «могли быть использованы для засылки в Соединенные Штаты для осуществления терактов» (The Christian Science Monitor, 17.03.10).

Такая модернизация имела для террористов и их пособников немалые экономические преимущества, позволяя меньше тратить на подрывные акции.

Новая поросль

К началу президентства Б. Обамы относится появление на мировом террористическом поле новых ядовитых всходов — террористов-одиночек, часто действующих самостоятельно, хотя и не без влияния экстремистской пропаганды. Радикальный ислам становится лишь идеологическим прикрытием для их разнонаправленной подрывной деятельности.

Нередко являясь неплохо образованными и обеспеченными гражданами западных государств и хорошо зная «правила игры» в них, эти элементы практически не различимы для соответствующих спецслужб.

Много шума, к примеру, в марте 2010 г. наделало судебное разбирательство с коренной американкой К. Лароуз, ставшей под влиянием исламистской пропаганды мусульманкой и взявшей боевой псевдоним Джейн Джихад (Священная война). С пятью сообщниками она вербовала через Интернет потенциальных шагидов для участия в джихаде. В августе 2009 г. «шагидка» выезжала в Западную Европу, чтобы подготовить отмщение шведскому художнику — автору разошедшейся по миру и вызвавшей вселенский скандал карикатуры, оскорблявшей пророка Мухаммеда. Большие надежды в плане конспирации она возлагала не только на американский паспорт, но и на свою «немусульманскую внешность» — светлые волосы и голубые глаза («Независимая газета», 19.03.10).

К разряду «весьма опасных индивидуальных инициатив» министр внутренней безопасности США Дж. Наполитано отнесла попытку этнического пакистанца, получившего годом ранее гражданство США, финансового аналитика (!) Ф. Шахзада (кстати, как выяснилось в ходе следствия, активного завсегдатая исламистских сайтов в Интернете) взорвать в начале мая 2010 г. начиненный примитивной взрывчаткой внедорожник на одной из самых оживленных улиц Нью-Йорка — Таймс-сквер (The Times, 03.05.10).

Взрыв не произошел по счастливой случайности: уличный торговец майками вовремя углядел дым из автомашины. Свою роль сыграла и спешная (всего за 5 дней) подготовка пакистанскими талибами новоявленного террориста. Самого его удалось задержать только на борту самолета, готовившегося взять курс на Дубай. Хотя его имя уже фигурировало в списке пассажиров, подозревавшихся в связях с террористами, ему преспокойно удалось пройти паспортный контроль (The New York Times, 23.06.10).

О нарастании угрозы индивидуального террора в США свидетельство-вала и статистика: если в 2002–2008 гг. обвинения в такой подрывной деятельности были предъявлены 81 американцу, то только в одном 2009 г. — 42 (The Washington Post, 24.06.10).

Да и в Европе накапливается все больший взрывоопасный потенциал из доморощенных молодых, слабо образованных и во многом далеких от религиозных высот радикалов, которые уже «на месте» и готовы к бою, движимые обидой и социальным протестом. Для развертывания подрывной деятельности им не нужны паспорта и визы, а также транспортные расходы. Им нужно лишь, да и то не всегда, посоветовать, куда побольнее ударить этих «зажравшихся богачей». Именно эти «одинокие волки», получившие ускоренную подготовку и инструкции по Интернету, осуществили смертоносные удары в Мадриде (2004 г.), Лондоне (2005 г.) и Глазго (2007 г.) (The Washington Post, 08.06.08). Дальше еще опаснее: в середине октября 2009 г. спецслужбы засекли в Интернете сотрудника (алжирского происхождения) Европейского центра ядерных исследований в Швейцарии, который признался в связях с «Аль-Каидой», планировавшей диверсию на одном из ядерных объектов (РТР, 12.10.09).

Как наглядно показывает опыт Великобритании, Нидерландов, Франции и многих других западноевропейских стран, ряды экстремистов ежедневно и ежечасно пополняются за счет плохо устроившейся и потому недовольной иммигрантской молодежи, которая не находит себе желаемого и достойного места в благополучном и закрытом для чужаков западном обществе, заинтересованном в ней и вынужденном (в силу низкой рождаемости среди европейского населения) привлекать ее лишь на непрестижную, неквалифицированную, а следовательно, и малооплачиваемую работу. В последние годы страны ЕС пытаются как-то ограничить и поставить под контроль захлестывающую Запад иммигрантскую волну, однако потребности экономики оказываются сильнее.

В поисках смысла жизни, славы, романтики и приключений молодые люди из бедных иммигрантских семей легко поддаются на демагогические призывы «отомстить Западу за притеснения мусульман, дать достойный ответ на крестовый поход неверных против Ислама и пр.». А СМИ ежедневно в режиме on line подкрепляют подобные призывы богатым и часто визуальным, а следовательно, и наиболее убедительным фактическим материалом.

В силу такой опасной эволюции пополнение рядов «муджахедов» в Ираке, Афганистане, Пакистане и других горячих точках в последние годы все в большей мере идет и за счет притока добровольцев и часто смертников из западноевропейских стран, да и самих США, которые ради «борьбы за веру и справедливость» готовы платить посредникам немалые средства за нелегальный переход границ (The Philadelphia Inquirer, 29.10.08). Не иссякает и встречный поток добровольцев-«интернациона-

листов», прошедших «боевое крещение» в «горячих точках», в Западную Европу и по всему миру.

Проколы спецслужб

В ноябре 2009 г. вся Америка была потрясена бойней (13 убитых и более 40 раненых), устроенной не где-нибудь, а на тexasской военной базе Форт-Худ, и не кем-нибудь, а психотерапевтом (!) палестинского происхождения М. Н. Хасаном 39 лет от роду, незадолго до того произведенным в майоры. Прокричав исламский клич «Аллах наивелик» («Аллагуль Акбар»), он в течение семи минут палил из пистолета по застигнутым врасплох и потому остолбеневшим сослуживцам, проходившим вакцинацию перед тем, как убыть к месту боевых действий (The New York Times, 16.11.09). Как установило следствие, такой импульсивный поступок до того вполне уравновешенного и законопослушного медика во многом объяснялся его нараставшим неприятием военных действий США в Ираке и Афганистане, умело направленным в нужное экстремистское русло видным проповедником «Аль-Каиды» 38-летним А. аль-Аулаки, американским гражданином, сыном бывшего министра сельского хозяйства Йемена.

Свою провоцирующую роль для М. Н. Хасана сыграли и откровенные (с врачом все-таки) беседы с прибывавшими из Ирака и Афганистана военнослужащими, направленными к нему на психиатрическую реабилитацию. Дело в том, что база Форт-Худ — крупнейший (53 тыс. военнослужащих) перевалочный пункт, через который проходят направляющиеся в Ирак и Афганистан подразделения и возвращающиеся оттуда (многие «тронувшиеся умом») ветераны. С 2003 г. на ней было совершено самое большое число самоубийств — более 75 (The Washington Post, 06.11.09). В целом 2009 г. стал печально рекордным по количеству суицидов в армейских рядах (свыше 140), совершенных, по мнению адмирала М. Маллена, главным образом из-за синдрома вовлеченности США в две войны — в Ираке и Афганистане (А. А., 19.11.09).

О воздействии этих бесед на нравы американских солдат красноречиво свидетельствовала брошенная в апреле 2010 г. в Интернет военным разведчиком-аналитиком ВС США (!) Б. Мэннингом и наделавшая много шума по всему миру 38-минутная видеозапись. Она была сделана еще летом 2007 г. из кабины боевого американского вертолета «Апач» над одной из пригородных улиц Багдада (Die Welt, 12.04.10). На ней была запечатлена «боевая операция» двух вертолетов, гонявшихся за прохожими, у одного из которых пилоты углядели нечто похожее на гранатомет. В действительности подозрительный предмет оказался видеокамерой, а среди дюжины погибших — журналист агентства Рейтер и его помощник. Уложив и добив прохожих, экипажи, «на всякий случай», по согласованию с командным пунктом обрушили шквал огня бортовых пушек и на микроавтобус, подъехавший, чтобы забрать убитых и раненых. Особо шокирующее воздействие на зрителей оказали циничные реплики, издевательские смешки и замечания, которые отпускали нажимавшие на пусковые кнопки вертолетчики в адрес своих жертв, среди которых якобы «по вине кокнутого негодяев боевиков» оказалось и двое малолетних детей. Пилоты также злорадно смеялись, когда увидели, как прибывший на место «боестолкновения» американский

броневик умышленно или ненароком раздавил оставшийся на улице труп (The New York Times, 06, 08.04.10).

Горькая правда резко контрастировала с героизированными образами американских «освободителей» в Ираке, выведенными в оscarоносном фильме с претенциозным названием «Повелитель бури».

А за этой записью с помощью того же специалиста-разведчика в Интернете появились новые секретные документы и видеозарисовки, касавшиеся теневых сторон войн в Ираке и Афганистане, которые вызвали шок в Пентагоне и госдепе и серьезные осложнения в отношениях США с зарубежными партнерами, в Пакистане и Афганистане в частности.

В случае с Н. Хасаном его начальники в свое время обратили внимание на возраставшую приверженность палестинца мусульманскому вероучению, за что тот подвергался насмешкам и издевательствам со стороны сослуживцев, особенно после терактов 11 сентября 2001 г. Для охлаждения его религиозного пыла ему вменили в обязанность посещать лекции по исламу и антитерроризму. Однако жуткие воспоминания побывавших в «горячих точках» не стыковывались с теоретическими построениями его наставников. Войны США в Ираке и Афганистане (куда ему в скором времени предстояло направиться) он стал воспринимать как «неправедные войны» не против терроризма, а против мусульман и еще больше укрепился в таком мнении в ходе общения со своим «духовником», все тем же А. аль-Аулаки. Спецслужбы своевременно засекли его подозрительные контакты и частые посещения исламистских сайтов, однако должного внимания им не уделили (The Washington Post, 16.11.09).

К еще одному серьезному проколу американских специалистов по антитеррору можно отнести симптоматичный случай с 23-летним нигерийцем У. Ф. Абд аль-Муталлабом — выпускником университетского колледжа в Лондоне, где он и был завербован «Аль-Каидой». Еще в студенческие годы он возглавил исламское общество в своем учебном заведении, организовывал конференции и семинары, в ходе которых весьма критически высказывался об американской «войне с террором», пытках в Гуантанаме и прочих эксцессах (London Times, 30.12.10).

Его активности спецслужбы Великобритании и США в свое время не уделили должного внимания. В Йемене, куда он отправился «изучать арабский язык», У. Ф. Абд аль-Муталлаб прошел ускоренную подготовку по минно-взрывному делу на одной из тренировочных баз «Аль-Канды». При этом его наставниками были недавние узники американской тюрьмы в Гуантанаме, отправленные в Саудовскую Аравию на «перевоспитание» и затем беспрепятственно перекочевавшие в Йемен, чтобы опять взяться за свое (The New York Post, 30.12.2009). 25 декабря 2009 г. (день католического Рождества, видимо, был выбран намеренно) новоявленный «воин Аллаха» с американской визой в кармане и спрятанной в трусах взрывчаткой без труда прошел наземный контроль и оказался на борту переполненного аэробуса, следовавшего по маршруту Амстердам — Детройт. Когда лайнер пошел на посадку, он к вящему ужасу трех сотен пассажиров попытался активировать припасенную взрывчатку, которая, к счастью, из-за неисправности детонатора лишь загорелась.

После пленения изрядно обгоревшего горе-шагида «Аль-Каида» объявила, что попытка теракта была предпринята в отместку за удары амери-

канцев по ее базам в Йемене, и заявила «об успешном разрушении мифа о «непробиваемой безопасности» Америки» (на это, кстати, указывалось и после авиатаранов 11 сентября 2001 г.). В ходе следствия незадачливый террорист сообщил, что в Йемене была подготовлена целая группа смертников (около 20 человек) для атак на американские авиалайнеры (The London Times, 29.12.09). «Это лишь начало. Я преодолел ваши проверки, и вам нас не остановить», — самодовольно и угрожающе заявил А. аль-Муталлаб на одном из допросов (The Washington Times, 30.12.09). За такой поступок в своем очередном видеообращении сам У. бен Ладен назвал его «настоящим героем» («Независимая газета», 26.01.10).

Примечательно, что духовное напутствие на теракт аль-Муталлаб, по его горделивому признанию, получил от того же А. аль-Аулаки (The Washington Times, 30.12.09). Тот в свою очередь охотно признал факт их духовного общения и поддержал призыв йеменских богословов к правоверным Аравийского полуострова всеми силами противостоять нараставшему военному присутствию и вмешательству США.

Американцы попытались было через йеменские власти заполучить зловредного и, главное, весьма искусного проповедника, чтобы «поставить его на правееж». Ведь со своим прекрасным знанием английского он стал представлять все большую опасность и как «злбный агитатор и подстрекатель» для мусульман, живущих в США. Однако их попытка натолкнулась на категорический отказ вождей его племени Аулак в восточной провинции Шабва выдавать своих соплеменников чужеземцам, тем более «неверным» (The New York Times, 01.02.10). В ответ соплеменники проповедника поклялись защищать его «всеми возможными путями и средствами», а лидеры «Аль-Каиды» поспешили взять его под свою опеку (Le Monde, 16.05.10). Вскоре официальные власти Йемена, опасаясь обострения межплеменных отношений, объявили об удалении имени А. аль-Аулаки из списка разыскиваемых преступников (The Washington Times, 13.04.10), успокаивая американцев, что все равно его найдут и накажут, но за океан не отдадут (Arab News, 08.06.10).

Поиск крайних

В США и Западной Европе «рождественский подарок от «Аль-Каиды» вызвал настоящий переполох: удрученному Б. Обаме пришлось даже прервать семейный рождественский отпуск на Гавайях и дважды за три дня выступать с обращениями к населению, в которых он признал серьезные провалы спецслужб. Ведь имя несостоявшегося бомбиста было заблаговременно занесено в «черный список» ЦРУ (в нем и без него значилось более полумиллиона фигурантов!), хотя в более узком перечне «особо подозреваемых» из 9 тысяч потенциальных злоумышленников оно почему-то обнаружено не было. Позднее этому было найдено подходящее объяснение — он носил-де слишком длинное и трудное для латинской транскрипции имя, компьютер просто не смог его прочитать и дал сбой.

Нигерийцу без особого труда и вопросов удалось получить в Лондоне двухгодичную визу в США и анонимно приобрести в Гане билет на самолет за наличные 2800 долларов, что само по себе уже должно было насторожить спецслужбы, которые якобы задолго до того отслеживали его подозритель-

ные контакты и дискуссии по Интернету. Тем более его отец, преуспевающий банкир, заблаговременно предупредил посольство США в Абудже о подозрительном исчезновении своего заблудшего отпрыска. Несмотря на обилие настораживавшей информации, никаких профилактических мер из-за бюрократических проволочек, несостыковок, да и прямого внутриведомственного соперничества принято не было (The New York Times, 29.12.09). Отбиваясь от настырных журналистов, министр внутренней безопасности США Дж. Наполитано запуталась в комментариях, признав в итоге серьезные недоработки своего ведомства (The New York Times, 30.12.09). Среди полутора десятков спецслужб США согласованности и слаженности в достижении общих целей, видимо, не хватило. Главе национальной разведки США Д. Блэру на фоне нараставшего скандала в мае 2010 г. ничего не оставалось, как отправиться в отставку. Вместо него Б. Обама назначил ветерана разведслужб генерала в отставке Дж. Клэппера (<http://inosmi.ru/usa/20100607/160429959.html>). На этом фоне обострилось извечное соперничество ЦРУ и военной разведки за доступ к «уху президента» (<http://inosmi.ru/usa/20100527/160202557.html>). Пока суд да дело, командующий Сенткомом генерал Д. Петреус распорядился расширить зарубежную деятельность военной разведки США, мягко сославшись на то, что сведения, добываемые ЦРУ, носят «скорее политический, а не военный характер» и для оперативного планирования боевых действий по всему миру не всегда подходят (VoANews, 26.05.10).

Уже задним числом на авиарейсах, следовавших в США, спешно пришлось вводить дополнительные, нередко забавные, меры безопасности: пассажирам, к примеру, за час до приземления запрещалось уединяться в туалетах, укрываться пледами и интересоваться местонахождением воздушного судна над американской территорией. Кроме того, был составлен список стран — «возможных спонсоров терроризма» (в большинстве своем арабских), граждане или поданные которых подлежали особо тщательному предполетному контролю и досмотру с применением, несмотря на возражения правозащитных организаций, «раздевающих догола» рентгеновских и иных мониторов (The London Times, 29.12.09). Такая дискриминация, разумеется, не могла не вызвать решительные протесты внесенных в эти проскрипционные списки стран.

Новые акценты

Кровавый инцидент с Н. Хасаном наглядно продемонстрировал усилившуюся активность экстремистов-идеологов в безбрежном виртуальном пространстве мировых электронных информационных сетей. Неся ощутимые потери на «поле брани», экстремистские группировки все больший упор делают на кибертерроризм, на подстрекательство к подрывной деятельности через Всемирную паутину.

Воздействие интернет-общения на «неустойчивых граждан» США директор ФБР Р. Мюллер выделил в качестве нового опасного и трудно распознаваемого канала пополнения рядов радикалов-боевиков (The Christian Science Monitor, 17.03.10). По мнению аналитиков разведсообщества США, основной упор в своей деятельности международные террористические сети переносят с масштабных и демонстративных акций на подобие 11 сентября

2001 г. с длительной подготовкой и задействованием многочисленных исполнителей на мобильные мини-теракты «одиноких волков» — наскоро подготовленных одиночек, отслеживать которых становится все труднее. Для сравнения приводились следующие данные: если смертоносные авиатараны в Нью-Йорке У. бен Ладен и его подручные готовили два с половиной года, то вычислить по Интернету и подготовить исполнителя пусть неудачной, но напугавшей «рождественской акции» аль-Муталлаба его вдохновители из «Аль-Каиды» смогли за шесть недель (The Christian Science Monitor, 10.03.10).

Вот почему центр тяжести в вербовочно-пропагандистской работе идеологов «всемирного джихада» все в большей степени переносится с личных контактов в мечетях, кофейнях и тренировочных лагерях в виртуальное и слабо поддающееся контролю спецслужб пространство Интернета, открывая перед ними поистине бескрайнее поле деятельности. Неслучайно поэтому специалисты по пропаганде отмечают резкую активизацию в последние годы таких рупоров экстремистов, как медийные центры с романтическими и одновременно весьма емкими названиями «Ас-Сахаб» («Облака»), «Аль-Фаджр» («Рассвет») и десятков других. А материалов для их работы, мягко говоря, не всегда продуманная деятельность американцев и их союзников в отношении мусульманских народов дает каждый день предостаточно.

Для пущей убедительности руководители террористических организаций не чураются открытого диалога со всеми интересующимися их взглядами и целями. Второй человек в «Аль-Каиде» и ее главный идеолог египтянин А. аз-Завахири создал свой форум в Интернете и пригласил желающих без стеснения задавать ему любые вопросы. С декабря 2007 г. по июнь 2008 г. он получил их около 2 тысяч, на одну пятую из которых весьма подробно и аргументированно ответил. Пропагандисты этой организации каждые 3-4 дня размещают на своих сайтах новые видео- и аудиоматериалы на злобу дня. Уже в 2007 г. их число приблизилось к сотне, в пять раз превысив показатель 2005 г.

Американские спецслужбисты были вынуждены признать свои упущения в противостоянии информационно-пропагандистскому наступлению «Аль-Каиды» и других радикальных исламистских группировок, уровень и техническое оснащение которого ушли далеко вперед и оказались вне контроля соответствующих служб США, недооценивших его убедительности. Им, к примеру, так и не удалось обнаружить источник, из которого во Всемирной сети регулярно появлялись видеосюжеты, расходящиеся в миллионах копий, с обращениями У. бен Ладена и других вожakov «Аль-Каиды».

Американские специалисты по контрпропаганде оказались не в состоянии нейтрализовать и идеологическую аргументацию радикальных исламистов. «Просто обескураживает, — расстроено сокрушался министр обороны США Р. Гейтс в ноябре 2007 г., — что «Аль-Каида» лучше, чем Америка, доносит свой мессидж по Интернету» (The Washington Post, 24.06.08). Попытки США осуществлять контрпропагандистские мероприятия без хорошего лингвистического обеспечения и знания особенностей местной психологии на фоне реальных действий западных союзников в Ираке и на Ближнем Востоке в целом легко сводились на нет глубоко законспирированными и

хорошо оснащенными медиасетями «Аль-Каиды» и других террористических группировок, а также вполне легальными СМИ.

В противовес весьма популярной катарской «Аль-Джазире» американцы, к примеру, в 2004 г. затеяли телеканал «Аль-Хурра» («Свободный»), вложив в него к 2008 г. около 350 млн. долларов. Программы этого детища американской пропаганды оказались для арабского зрителя скучными, а в ряде случаев и просто возмутительными. Однажды во время Пасхи ведущий додумался обратиться к мусульманам с приветствием «Христос воскрес»! Как объяснял такие накладки бывший редактор «Аль-Хурры» Я. Табт, «многие попросту не знали, что им нужно делать. Если в эфире случалось что-то, они отшучивались: мол, все равно нас никто не смотрит».

К серьезным политическим промахам канала можно отнести и эпизод с ликвидацией основателя Хамаса шейха А. Ясина точечным ударом израильской ракеты весной 2004 г. В знак протеста все арабские телеканалы прервали вещание, один «Аль-Хурра» продолжал работать, как ни в чем не бывало. После ряда других серьезных промахов телеканал заслужил репутацию «телевизора Буша» и в рейтинге арабских видео СМИ скатился на последнее место (The Washington Post, 23.06.08).

Малый эффект имела и запущенная в 2006 г. программа «информационного контакта» с ближневосточными СМИ, в рамках которой в Лондоне, Брюсселе и Дубае были открыты специальные центры по распространению новостных и иных материалов из США и разъяснению внешнеполитических шагов Вашингтона (А. А., 26.11.09). Повседневная практика американской политики в регионе не оставляла камня на камне от таких «разъяснений», которые нередко использовались ее противниками для очернения информационного имиджа США.

Как справедливо отмечает российский исследователь Д. К. Шишкин, США проигрывают информационную кампанию. Он же вскрывает и основные причины такой неудачи: общий негативизм в отношении как «арабской улицы», так и политической элиты к политике американцев в регионе, симпатии населения к джихадистам, которые, по убеждению большинства в мусульманском мире, сражаются «против христианских захватчиков», пытающихся поставить под свой контроль местные природные ресурсы, претензии политических и бизнес-элит на равноправное место в современной модели мироустройства, подлежащей соответствующей перестройке. И наконец, еще один пункт, который никогда не позволит американцам одержать победу в информационной войне и изменить свой негативный имидж в мусульманском мире. Это устойчивое для всех мусульман убеждение в базовой поддержке США политики Израиля. С этим, прогнозирует автор, «ничего поделать нельзя, и изменить его можно (да и то не сразу), только если США вдруг объявят ультиматум Израилю, что больше имеет отношение к фантастике» (Шишкин Д. К. Изменит ли Б. Обама имидж США в мусульманском мире? // www.iimes.ru).

Верны ли азимуты?

Множившиеся день ото дня тревожные инциденты побуждают аналитиков задаваться вопросом о причинах не спадавшего антиамериканизма в мусульманской среде, да и не только в ней. Думается, журнал «The American

Conservative» пусть несколько упрощенно, но близко к истине попытался найти ответ на этот ставший сакраментальным вопрос. «Хизбулла», — отмечал он в мае 2010 г., — не нападала на американских морских пехотинцев до тех пор, пока мы не направили этих пехотинцев в самую гущу гражданской войны в Ливане [1982 г.]. Ни один иракец не устраивал против нас терактов, пока мы не вторглись в Ирак... Усама бен Ладен объявил нам войну прежде всего затем, чтобы избавиться от массированного американского присутствия на священной саудовской земле, где располагаются Мекка и Медина... Глядя на войны Америки в Ираке, Афганистане и Пакистане, майор Хасан, Абд аль-Муталлаб и Шахзад решили, что то, что мы называем войной с террором, на самом деле является войной с исламом. Все они решили воспользоваться своим доступом, чтобы потребовать возмездия за наши убийства их собратьев-мусульман. Нас атакуют здесь, потому что мы находимся там» (<http://inosmi.ru/usa/20100512/159866553.html>).

Важное значение для эффективности антитеррористической борьбы имеет и реакция самих мусульманских стран, руководители которых, по оценке американского политолога Т. Фридмана, стремятся сосуществовать с экстремистами, как бы говоря им: если вы будете действовать против нас, мы вас арестуем, а если оставите нас в покое и будете воевать где-либо подальше, то без проблем. Поэтому, делает вывод многоопытный обозреватель, только арабы и мусульмане могут вести идейную войну в исламе, в том числе и в «виртуальном Афганистане», состоящем из сотен джихадистских сайтов. А такого желания в исламском мире не наблюдалось. «Команда Б. Обамы, — весьма убедительно отмечает Т. Фридман, — любит рассуждать о том, сколь много у нас союзников в Афганистане. Простите, но нам не надо больше союзников из НАТО, чтобы убить больше талибов или каидовцев. Нам нужно больше арабских и мусульманских союзников, чтобы убить их экстремистские идеи, которые благодаря «виртуальному Афганистану» распространяются все шире, как никогда ранее». Укоренившееся в США, по мнению этого знающего специалиста, особенно после событий 11 сентября 2001 г., отношение к арабам и мусульманам как к объектам, а не субъектам борьбы против исламизма должно быть пересмотрено. «Иначе и они, и мы проиграем в реальном и виртуальном Афганистанах» (The New York Times, 16.12.09).

Осознание необходимости изменения прежних по большей части не оправдавших себя ориентиров американской политики в мусульманском мире на первых порах ощущалось и в Белом доме. Демонстрируя свое миролюбие в отношении исламских стран, администрация Б. Обамы к лету 2009 г. отказалась от использования в официальной риторике скомпрометировавшего себя бушевского термина «глобальная война против терроризма», так как, по словам Дж. Наполитано, «он неверно отражает сущность террористической угрозы для США, которая не обязательно исходит от государств, и воевать с ними незачем» (The Financial Times.30.06.09).

В своей «исторической» речи в Каирском университете 4 июня 2009 г. Б. Обама также старательно избегал навешивания ярлыков «террорист» и «террористическая организация».

Эти перемены в акцентах нашли свое доктринальное отражение в обновленной в конце мая 2010 г. стратегии национальной безопасности. В

мировых СМИ она, на наш взгляд, была несколько преждевременно расценена как «отказ от эпохи Буша» и переход от «унилатерализма к мультилатерализму», к использованию в международных делах «скальпеля вместо молота» и привлечению к борьбе с внешними опасностями других влиятельных мировых акторов (НАТО, ООН, России, Китая и др.) (Le Temps, 28.05.10), чтобы «не перенапрягать свою военную мощь» (The Washington Post, 28.05.10).

Однако наряду с декларированными реалистичными подвижками в американских подходах к мировым кризисам в угоду «ястребам» сохранялись, по оценке МИД РФ, элементы, «привнесенные из прошлых времен» (www.mid.ru 28.05.10). В документе делался упор на военное превосходство США и использование, «хотя и как крайнего средства», превентивных ударов. Как высокопарно отмечалось в предисловии к этому программному документу, «мы должны следовать стратегии национального обновления и глобального лидерства — стратегии, которая восстанавливает основы американского могущества и влияния» (The Washington Post, 28.05.10). Такой великодержавный подход, по сути, не отличался от не оправдавших себя прежних бушевских установок на «перенос битвы на территорию врага и противостояние наихудшим угрозам еще до их появления» (The Washington Post, 05.06.10).

В качестве «пережитка прошлого» в новой стратегии, объявленной Б. Обамой, прозвучала и тема пресловутого «продвижения демократических идеалов и ценностей».

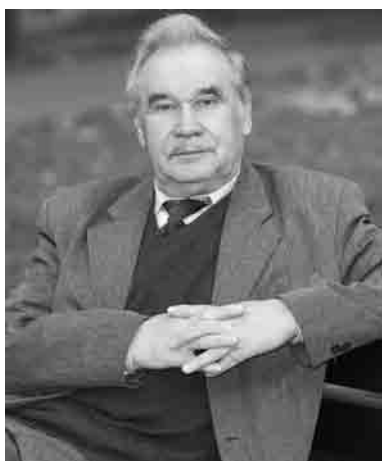
И самое главное — в этом стратегическом документе, как и во времена Буша, не проводилось различий между экстремизмом и национально-освободительными движениями, что позволяло под флагом «антитеррористической борьбы» идти на прямые нарушения международного права и прав человека.

Повседневная практика ближневосточной политики США отчетливо показывает, что широко разрекламированная «перестановка акцентов» пока не нашла своего реального воплощения в жизнь. Генезис и суть внешнеполитического курса США на сохранение и упрочение американской гегемонии в мире, несмотря на все «протянутые руки» Б. Обамы и его окружения к исламскому миру, остаются неизменными.

Такая ситуация побудила газету «Эрэб Ньюс» с разочарованием сообщить в середине текущего года своим читателям, что «возникший было у арабов оптимизм и радужные ожидания обещанных перемен в политике Вашингтона развеялись как дым» (Arab News, 17.06.10).

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав КИРВЕЛЬ

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СЮЖЕТЫ ДЛЯ РОССИИ

Инна БУСЬКО

В последние десятилетия невиданно ускорились социальные ритмы, стремительно происходят социальные изменения, нарастают социальные риски. Глубинные сдвиги, трансформации, произошедшие в мировоззрении и мироощущении людей, определяют судьбы современного общества. XX век отверг привычные опоры существования человека,

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Родился в 1945 г. в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же — аспирантуру. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1977—1980 гг. работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 г. возглавляет кафедру философии в ГрГУ им. Я. Купалы. Автор более 200 научных работ, в том числе книг: «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», «Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно, Беларусь.**

Инна Владимировна Бусько — кандидат философских наук, доцент. Родилась в 1962 г. в пос. Хвоеиск Житковичского района Гомельской области. В 1985 г. окончила Новосибирский государственный университет им. Ленинского комсомола. Работала преподавателем в Новосибирском фармацевтическом училище. В 2002 г. окончила аспирантуру при кафедре философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. С 1998 года работает на кафедре общественных наук Гродненского государственного аграрного университета. Автор более 40 научных публикаций по философии. **Живет в г. Гродно, Беларусь.**

которые признавались в прошлом, не создав новых надежных оснований. Подвергаются пересмотру системы традиционных ценностей, определявших модели человеческого существования в течение веков, продолжается наступление на наследие традиционных религий и даже модернистских идей светского гуманизма. В условиях апологии глобализации, когда прозрачными становятся экономические, финансовые, информационные границы, внимание масс, ставших весьма своеобразной, но (такова реальность) основной социальной силой современности, усиленно привлекается к «глобальным проблемам», «глобальным рискам», «глобальной нестабильности/стабильности». При этом девальвируются понятия национальных интересов, национального развития и достижений, национальных приоритетов. Они либо рассматриваются как уступающие по своей значимости и подчиненные проблемам глобального масштаба, либо наполняются узким этническим смыслом и сводятся к попыткам местечкового этнического самоутверждения. Спору нет, глобальные кризисы и угрозы реальны и опасны для всего человечества. Несомненно и то, что этническое разнообразие культур — важнейший фактор устойчивости антропосферы. Однако, можно ли преодолевать глобальные проблемы махом, сразу на всепланетарном уровне, не решая проблем регионального, локального развития, которое по-прежнему происходит в пределах отдельных государств и их союзов? С другой стороны, выпячивание этнического фактора, особенно если речь идет, как ни банально, о малых по численности народах, оборачивается либо трагическими межэтническими конфликтами, либо комическими преувеличениями этнических достижений и перспектив, за которыми стоят временные и, как правило, частные интересы корпораций конструкторов новых «исторических» народов.

В условиях глобальной войны за ресурсы, территории, финансовое могущество особое значение приобретает информационная война. В стратегии этой войны основными мишенями выступают сильная государственность, цивилизационное своеобразие, духовное самостояние. По одну сторону баррикад в этой войне — структуры и институты, заинтересованные в глобализированном мире, формировании глобальных кластеров власти, которые предоставят бесконечные возможности немногим, по другую — историческая судьба и самостоятельность уникальных цивилизаций и стран, суперэтносов и наций, которые замедляют новый передел мира.

У национальной безопасности множество опор. К ним относятся: сильные современно вооруженные армия и флот, устойчивая семья, в которой подрастают хотя бы 2–3 ребенка, общие для нации историческая память и цели, идеи судьбоносного духовного единства, т. е. национальное сознание. Все эти опоры в России последних десятилетий подвергались и подвергаются разрушению.

Задумаемся: чем можно объяснить настырное навязывание пренебрежения к нации, державности, отворачивания к историческому пути и духовному опыту России, которое прослеживается в преобладающей информационной среде (СМИ, Интернет)? Похоже, за ним скрываются отнюдь не стратегии глобального процветания, но, увы, лукавое продвижение интересов и целей регионов и стран, претендующих на глобальное господство или по крайней мере на особые приоритеты в глобализирующемся мире. Дело в том, что русское национальное сознание не сводилось и до сих пор не сводится к

этническому масштабу. Оно имеет историческую специфику, существенную и для населения России, и для судеб народов, вовлеченных в православное цивилизационное пространство. Специфика эта в том, что русское национальное сознание (а русские в России — государствообразующий народ, стержень нации) по своей сущности государственно-сверхнациональное, поскольку так сложилось исторически, и в то же время духовно-наднациональное, поскольку формировалось в рамках восточно-христианской духовной традиции, причем эти его особенности взаимно полагают друг друга. В историческом бытии государственность и Православие были решающими факторами перешагивания этнокультурных, хозяйственно-бытовых, диалектно-языковых отличий, характерных для восточнославянских народов, что позволяло им совместными усилиями совершать исторические восхождения, объединявшие их и внутренне, и для внешнего мира в единство «русскости» с ее особым культурно-цивилизационным проектом. То есть, если не вдаваться в хитросплетения дефиниций, русское национальное сознание по природе своей не является сознанием узко этническим, оно имеет более широкий масштаб и потенциал: в исторических бифуркациях судеб народов Евразии русь, русские (что в моменты исторических свершений было тождественно восточнославянскому социуму) явились ядром созидания одной из самых успешных в последнее тысячелетие наций и цивилизаций — народов Российского государства в различных его формах и ипостасях (включая Советский Союз). Поэтому вне государственно ориентированной (в подлинном смысле этого слова) идеологии и вне православной традиции русское самосознание стремительно искажается, умалется и становится разрушительно опасным для его носителей и общества в целом. Понимают ли это современные элиты, рвущиеся в глобальную «расу господ»? По всей видимости, понимают. Поэтому цель постепенной стерилизации русского национального самосознания неявно, но последовательно реализуется даже в современной России. В других постсоветских странах это можно объяснить интересами местных узкоэтнических элит, которые грубо и поспешно конструируют новые «нации» малых пространств, движимые зачастую личными амбициями и толчками русофобов с Запада. В самой России правящие элиты перестроечных и постсоветских времен сознательно или неосознанно обеспечивают себе временное место под солнцем, сдавая национальные интересы под давлением странных для гражданина мотиваций вхождения России в глобальный мир любой ценой, в том числе и в качестве его индустриально немогущего и культурно варваризированного сырьевого придатка. Не удивительно, поскольку идея национального (державного) величия может явиться непреодолимой преградой на пути ослабления России, доступа к ее потенциально национальным, хотя и денационализированным корпорациями олигархов, природным богатствам. И хотя в сегодняшней России понятие национальной безопасности как будто бы остается в ходу, в реальности оно, в духе времени, превращается в означающее без означаемого, симулякр, который используется как своего рода обезболивающее в процессах трансформации массовой психологии из державной, национальной в индивидно-примитивную, обывательскую, которая лишает Россию шансов реальной модернизации и цивилизационного возрождения.

Национальная безопасность современной России не может быть обеспечена асоциальной политикой финансовой и сырьевой олигархии, ее не от-

стоит и армейско-оборонная система, если основным бастионом национальной безопасности не выступит в целом информационная сфера, в которой важное место занимает система образования. Увы, в информационном пространстве глобализирующегося мира, частью которого являются институты образования, есть явные доминанты — это рожденные в предпринимательско-протестантской среде Запада индивидуалистические идеалы корыстолюбия и культуры туловища, стандарты безудержного потребления и массовой бездуховности. Но, как ни странно, даже в регионах, которые постоянно ставятся в пример постсоветским обществам, в США и Западной Европе, а также в развитых странах Азии и Латинской Америки социально деструктивные образцы массовой культуры сдерживаются и компенсируются по-разному: где-то идеями патриотизма и мифом эталонности развития (как когда-то в Советском Союзе), где-то — традиционными ценностями, религией. В каждом случае в качестве противовеса, для защиты своих национальных интересов и культуры государство широко использует возможности системы образования и просвещение в СМИ. К примеру, единственный урок, который гарантируется Конституцией в современной Германии — это не урок немецкого или математики, а урок религии. Серьезные ограничения для американизированного массового культурпродукта введены в Южной Корее и Франции. К сожалению, на постсоветском пространстве СМИ, особенно телевидение, сыграв роль основной силы в дискредитации советского проекта, не стали конкурировать в реализации новых, созидательных для социального и личностного развития стратегий. Ведущий программы «Очевидное — невероятное» (на основных каналах российского ТВ даже ее сочли, по-видимому, не соответствующей проектам вхождения России в глобальный мир) известный ученый С. Капица отмечает: «Национальной идеей становится то, что показывают по телевидению. То, что показывают, не нужно лишний раз описывать... Могу сказать, что ни в одной стране такого отношения, как у нас, к просветительской функции ТВ и вообще к морально-воспитательному аспекту нет. Я хорошо знаю телевидение Англии, видел то, что происходит в Америке, во Франции... В США существует грандиозное количество каналов — там можно найти все, что угодно. Но если вы возьмете политику и стандарты главных, основных сетей, то это, конечно же, патриотизм»¹. Можно без преувеличения утверждать: в России возникло состояние информационной среды, явно угрожающее ее национальной безопасности. Увы, система образования — как средняя, так и высшая школа — несет на себе отпечаток общего состояния культуры, постепенно трансформируется в систему подрыва национальных интересов. Еще недавно полностью бесплатная (не все современные студенты готовы в это поверить!) советская система образования обеспечивала достаточно высокий интеллектуальный уровень населения в целом, обладала методиками, дававшими в результате не только специалистов среднего и высшего уровня, но и выдающихся ученых-основоположников всемирно известных научных школ, вместе с чем, надо признать, вполне успешно выполняла и воспитательные функции в соответствии с определенным социальным заказом, одновременно, пусть и через «Моральный кодекс строителя коммуниз-

¹ Бобров А. Фуфлыги, дутики, прыщи // Литературная газета. — 30 июня — 6 июля 2010. — № 26 (6281). — С. 10

ма», отстаивая универсальные морально-нравственные ценности. Теперь же та самая «невидимая рука рынка», которая сама по себе должна была в соответствии с либеральным мифом привести «застойное» советское общество к уровню процветания европейского и американского, разрушила на постсоветском пространстве основные производства, сельское хозяйство, инфраструктуру и железной хваткой держит за горло систему образования.

В целом система образования имеет три основные стороны-функции — интеллектуальную, социализирующую и нравственно-воспитательную. Связаны ли эти функции с вопросами национальной безопасности? Несомненно. Действительно, интеллект нации обеспечивает ее конкурентоспособность по отношению к другим народам в вопросах развития науки, техники, экономики в целом, позволяет поддерживать достойный уровень жизни и цивилизации. Через социализацию решаются проблемы взаимодействия личности и общества, воспроизводится продуктивный для социума и самого себя тип человека, сохраняется личностная и социальная идентичность. Воспитание нравственности придает человеку и обществу подлинно «человеческое лицо», делает отношения между ними ответственными. В России рынок «отрегулировал» — придушил все. Коммерческий дух лишает образование должной взыскательности к обучающимся, поскольку студент-платник выступает источником благосостояния вуза, а от количества учеников в классе зависит зарплата учителя. К дурной бесконечности стремится количество вузов, обучающихся в них и обладателей дипломов о высшем образовании безотносительно к качеству знаний и уровню подготовленности специалистов. Система обучения и контроля знаний трансформируется таким образом, что исчезают всякие надежды на развитие у школьников и студентов самостоятельного критического мышления, умения рассуждать. Что же касается воспитательных аспектов, то их спонтанно, но четко обозначил своей известной репликой один высокопоставленный чиновник образования и науки: производить потребителей и исполнителей. Может быть, подготовку производителей нужного продукта и руководителей (успешных менеджеров) нынешняя российская элита подсознательно связывает с заграничными колледжами и университетами, куда все чаще отправляются на учебу дети верхов? А в Сети уже обсуждаются возможные последствия нового законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», принятого Государственной Думой в третьем чтении 23 апреля 2010 года и одобренного Советом Федерации 28 апреля, по которому бюджетным учреждениям России, в том числе и школам, разрешено зарабатывать деньги. При этом в средней школе полностью бесплатным остается набор основных дисциплин, дополнительные и профессионально-ориентирующие государство будет оплачивать лишь частично, основные затраты лягут на семейный бюджет.

Коммерциализация образования, превращение его в рынок «образовательных услуг» привели к тому, что фактически стремительно снижается интеллектуальный уровень выпускников (как школ, так и вузов). Введение ЕГЭ привело к замещению системного освоения школьных предметов натаскиванием на успешную сдачу тестов. Комментируя востребованность массового высшего образования, министр образования и науки, отмечает, что если «вчера образование было для достаточно четко ограничен-

ного круга лиц», то «сегодня в вузы идут не только те, кто могут, но и те, кто не хотят»². Какими бы сиюминутными мотивами это не оправдывать, неплохо было бы подумать о долгосрочных социальных последствиях деградации уровня образования. Что касается задач социализации и нравственного воспитания, то здесь происходят изменения, очевидно противостоящие интересам нации и общества: перечень изучаемых предметов, часы, отводимые на их изучение, содержание программ воспроизводят принцип «фиги в кармане»: под лозунгами усовершенствования, апелляции к «опыту развитых стран», целями «вхождения в Болонское соглашение», «общеευропейское пространство», «глобальный мир» проводится разрушение той составляющей системы образования, которая связана с формированием гражданина, патриота, нравственной, социально ответственной личности. Если в содержании преподавания отечественной истории дело зашло так далеко, что последовал гневливый окрик «с самого-самого верха», то не стоит удивляться усечению часов на русскую словесность, общему сокращению социально-гуманитарной компоненты образования. Как ни странно, научно-технологическим успехам Финляндии и Германии не препятствует изучение по выбору родителей или школьников основ религиозной культуры или светской этики, но когда был поставлен вопрос о введении в средней школе России предмета, посвященного изучению основ православной культуры, то многие «инженеры человеческих душ», как «физики», так и «лирики», встали дружным фронтом против «мракобесия» и «поповщины», не задумавшись о противоязвесах безнравственности и коррупции, ставших смертельно опасными для российского социума. Сама лихорадочность, перманентность трансформаций в образовании наводит на грустные размышления: система, дающая не только не сиюминутный, но отложенный на десятилетия долгосрочный результат, подвергается экспериментированию в отсутствие обратной связи (с педагогическим сообществом, родителями, обществом в широком смысле слова), без прослеживания последствий нововведений, без ввода долговременных, стратегических для нации критериев и целей образования. Что движет решениями чиновников от образования? Экономия искусственно заниженного госбюджета? Стремление постоянно демонстрировать свою активность ради активности? Осознает ли управляющая элита связь системы образования и вопросов национальной, геополитической безопасности страны?

Сторонники образовательных реформ постоянно апеллируют к глобализационным процессам. Между тем глобализация образования протекает в настоящее время однобоко в форме европеизации и даже американизации, причем фрагментарной, произвольно-усеченной, без учета факторов, которые могут обнулить даже благие нововведения. Все страны, добившиеся существенного экономического развития, начинали с мощной поддержки системы образования и финансирования научных исследований, продолжая и поныне вкладывать в систему образования огромные средства. Так было и в Советском Союзе. Даже в ситуации нынешнего экономического кризиса первым из пяти стратегических направлений в распределении национального 35-миллиардного займа во Франции стало высшее образование.

² Новости образования в России // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2010. — № 1. — С. 3.

Что же теперь в России? Вот как Президент Всероссийского фонда образования, академик РАЕН Сергей Комков комментирует предстоящую школьную реформу: «Все страны мира идут к бесплатному образованию, не только среднему, но и высшему. Большая часть стран Европы идет к этому. В Германии к 2020 году 90 % высшего образования будет бесплатным, а в Японии вообще все высшее образование бесплатно. У нас же к 2020 году, наоборот, 90 % высшего образования будет платным. А теперь хотят еще и за среднее деньги брать. При этом доходы государства вполне достаточны для того, чтобы обеспечить полноценное финансирование. Это фактически говорит о том, что Министерство образования берет курс на сокращение доли расходов на эту сферу в валовом внутреннем продукте. По этому показателю (а у нас он составляет 3,5 %) мы и так отстаем от передовых стран мира. Средний процент обычно — 7–8. В США это 11 %, в Японии — 14 %, в Финляндии — 16,5 %, в Южной Корее и на Тайване — более 20 % ВВП расходуют на образование. А мы катимся в категорию стран третьего, если не четвертого мира, приближаясь к Нигерии, Непалу и т. п.». Создается впечатление, что затраты на образование госуправленцы начинают рассматривать в категориях экономизма как непрофильные вложения.

Среди приверженцев глобализации образования распространенным становится выражение «университет европейского типа», произносимое с особым пиететом. При этом забывается о многовековой истории отечественного образования и общепризнанных выдающихся успехах российской, в том числе и советской науки. А ведь куца история американского образования не идет ни в какое сравнение с историей образования восточнославянских народов. Да на Западе и нет университетов единого типа. Не случайно в Великобритании прижились словосочетания «каменный (кирпичный) университет» и «стеклянный университет». За первым стоят старые университеты, с прочными, не зависящими от чиновничьего рвения и интересов традициями, с высоким качеством знаний. За вторым — университеты новые, высокого статуса не имеющие.

Надеемся, что, внедрив двухступенчатую систему образования в вузе, мы добьемся процветания отечественной экономики, — такая же иллюзия, как идея о том, что под воздействием евроамериканских ценностей все народы мира (нации, этносы) с их бесконечно разнообразными культурами будут трансформированы в некое единое аморфно-всеобщее человечество. В многообразии человеческого духа, многоцветии культур народов — жизненность и сила человеческого рода. Исторически сложившееся деление человечества на культурно-исторические типы, или, как принято сегодня говорить, на различные локальные цивилизации, является непреодолимым препятствием на пути реализации глобального проекта унификации человечества. «Предрасположенность к различиям между культурами — изначальное свойство рода человеческого; человеческая идентичность плюралистична и разнообразна по своей природе — как многочисленны и разнообразны естественные языки и она всегда является разновидностью конкретных форм общественной жизни, но не воплощением единой «человечности»³. Почему бы на такого рода идейной основе не допустить нормальное разнообразие

³ *Грей Д.* Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. — М., 2003. — С. 133.

в формах образования? И если следовать образцам, то лучшим, проверенным временем и собственным опытом. Тем более, что западная цивилизация вступила в полосу эволюционного кризиса и центр мирового развития постепенно смещается на Восток.

Говоря о Болонской декларации, совершенно точно подмечает А. М. Егорычев: «...европейское сообщество при разработке соответствующей стратегии учитывало ресурсы, состояние, национальные и социальные особенности, социокультурные стереотипы своего сообщества, но ни в коей мере не наши, российские»⁴. Наша система образования сложилась в специфических условиях собственной истории, уникального менталитета народа и особой среды местоживания. Существенное воздействие на нее оказали идеалы православного вероисповедания — коллективизм, гуманность, жертвенность ради общего дела. Западное образование складывалось в иных условиях с доминированием протестантской линии вероисповедания с ориентацией на достижение материального благополучия, успех, предполагающий повышение социального статуса, гедонизм как вожденную цель и индивидуализм, означающий, что общие проблемы решаются не на основе душевных отношений, а формальным образом. Не трудно понять, как непросто совместить те и другие ценности. Рассчитывать на то, что наши ученики и студенты перестанут списывать и подсказывать друг другу — такая же оторванность от реальности, как ожидания того, что американские начнут это делать. Кстати, те страны, которые ныне имеют наиболее высокие средние показатели интеллектуального развития учащихся, активно и эффективно используют опыт советской модели образования, как, например, Финляндия в деле организации школьного обучения, а Япония в создании у себя центров, подобных новосибирскому Академгородку. А вот то, насколько национальным интересам постсоветских обществ соответствует академическая мобильность в результате унификации подготовки студентов и взаимного признания дипломов по Болонской конвенции — тема для отдельного разговора, тем более что по ряду специальностей (например, по физике) до сих пор и уровень подготовки российских студентов не уступает лучшим университетам мира, и дипломы котируются всюду⁵. Как отмечает В. А. Сластенин, говоря о будущем общества, «образованность и интеллект все больше относятся к разряду национальных богатств, а духовное здоровье человека, разносторонность его развития, широта и гибкость профессиональной подготовки, стремление к творчеству и умение решать нестандартные задачи превращаются в важнейший фактор прогресса страны. В этих условиях выработка самостоятельной образовательной политики — первоочередная цель и обретение самостоятельности России»⁶.

Что же скрывается за декларациями о благотворном воздействии глобализации на мировой цивилизационный процесс, о необходимости глобализации

⁴ Егорычев А. М. Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2010. — № 2. — С. 34.

⁵ Хохлов Д. Р. О проблемах физической науки и образования в современных условиях // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2010. — № 3.

⁶ Сластенин В. А. Основные тенденции развития современной образовательной политики в Российской Федерации // *Педагогическое образование и наука*. — 2005. — № 3. — С. 20.

образования? Есть ли субъекты у этого процесса? Ответ будет положительным. Существуют силы, крайне заинтересованные в унификации образования, лишении его национальной специфики, умалении роли социогуманитарного знания. Ларчик открывается, когда узнаешь, что высшее образование включено в Генеральное соглашение по торговле и услугам ВТО. «Рынок образовательных услуг. Вот это и есть главное для Болонского процесса», — замечает А. Фурсов⁷. Образование, традиционно решавшее проблему вхождения новых поколений в жизнь общества, превращается в банальный рынок. В сфере же гуманитарного образования «глобализация напоминает культурный империализм — улицу с односторонним движением, по которой транслируются взгляды и ценности, выгодные доминирующей культуре»⁸.

Таким образом, субъекты глобализации оказываются в явно неравных условиях. Выигрывают ТНК и экономически более развитые страны. Для остальных стран глобализация протекает в форме копирования чужеземного опыта. Это догоняющая имитационная модель развития. Из истории известно, что она еще никому не принесла успех. Напротив, этот путь обрекает народы на роль вечных аутсайдеров.

Попробуем разобраться, что же в настоящий момент особенно важно обеспечить в системе образования современной России для защиты ее национальных интересов и создания достойного русской культуры и истории цивилизационного центра в Евразии. В качестве противовеса безжизненной массовой культуре, насаждаемой СМИ, информационным провокациям и дискредитации ценностей национального и цивилизационного своеобразия могут и должны выступить социально-гуманитарные дисциплины. Именно они, в отличие от естественных дисциплин, дают прямой социальный и гуманитарный эффект, позволяют изменить взгляды людей на прошлое и будущее, задать атмосферу социальной интеграции и солидарности. Кстати, в этой сфере есть огромный простор для поиска и творчества, поскольку ее развитие ныне **не на высоте** в странах-лидерах глобализации. Как отмечает Х. Мэнсфилд, «в настоящий момент университеты — движущая сила в негуманитарных науках и препятствие — в гуманитарных и социальных. В этих областях университеты уже утратили ощущение цели и предназначения. Кажется, что профессора неточных наук в последнее время не очень-то уверены в том, что их деятельность приносит какую-нибудь общественную пользу. И эта ситуация типична для всех интеллектуально развитых стран — кризис налицо. ...Профессора гуманитарных и социальных дисциплин в целом не демонстрируют уверенности, когда дело касается актуальных социальных или политических вопросов, — они обсуждают лишь узкоспециальные вопросы и отражают лишь одну сторону политических дебатов»⁹.

Ввиду того, что роль социогуманитарного познания и образования в формировании жизнеустойчивости общества и национальной безопасности

⁷ *Фурсов А.* Новое оружие сильных против слабых? // Москва, 2009. — № 9. — С. 143.

⁸ *Кочетков В. В.* Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации // Вестник Московского университета. — Серия 18. — 2005. — С. 158.

⁹ *Мэнсфилд Х.* Университеты препятствуют прогрессу // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Universitety-prepyatstvuyut-progressu>

государств в ряде стран современного мира явно принижается, необходимо хотя бы кратко остановиться на рассмотрении некоторых реально-жизненных сюжетов, имеющих прямое отношение к данному вопросу.

Сюжет 1. Ю. В. Андропов, долгое время возглавлявший Комитет государственной безопасности Советского Союза, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, т. е. первым лицом государства, вдруг к удивлению всего мира заявил: мы не знаем общества, в котором живем. И не мудрено: как можно было знать общество, если социогуманитарное познание было зажато в тиски государственной идеологии, во все возрастающей степени теряющей адекватность реальным социальным процессам. Неудивительно, что по прошествии нескольких лет после такого признания генсека Советский Союз, обладавший на то время высоко развитым промышленным потенциалом и могучими вооруженными силами, распался как карточный домик.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера — сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в общественном сознании. Почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору в сознании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни армия, ни самый богатый на планете ресурсо-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, в сознании и поэтому был обречен.

Значимость духовной сферы в исторических судьбах народов была отмечена еще в XIX веке Гюставом Лебоном, который писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд, определяются, главным образом, политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. **Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей** (выделено нами. — Ч. К., И. Б.)¹⁰.

Сюжет 2. Поставим вопрос: кто из политиков на постсоветском пространстве в течение последних 20-ти лет учитывал данные социогуманитарных наук, кто из них в своей повседневной деятельности ориентировался на их достижения? Можно определенно утверждать, что большинство из них действовали исключительно ситуативно, занимались «латанием дыр», пытались как можно быстрее решить текущие, сиюминутные проблемы с целью удержаться «на плаву» и иметь возможность переизбраться на новый срок властных полномочий. Само собой понятно, что в этой обстановке далеко не каждому субъекту политического действия удавалось преодолеть состоя-

¹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс // [http: www.israelsshmir / marx132ntm](http://www.israelsshmir/marx132ntm)

ние «временщика» и подняться до уровня стратегического, перспективного характера мышления.

Сегодня, когда в истории резко возросла роль субъективного фактора, который обнаруживает себя в форме усиления влияния различных идеологических доктрин, теоретических проектов и моделей общественного переустройства на судьбы народов и цивилизаций, принимать политические решения на основе интуитивных озарений, «с кондачка», методом «проб и ошибок» чрезвычайно безответственно и опасно. Решения, которые не опираются на глубокое понимание происходящих в мире процессов, не имеют под собой теоретически выверенных оснований, солидной экспертной проработки, разве что случайно могут быть правильными и привести к каким-либо положительным результатам. В принципе, государственных деятелей, которые замыкаются лишь в пространстве политически актуального, оказываются в плену текущих и сугубо прагматических значимостей и не учитывают при этом ценностно-мировоззренческий фон в обществе и реальное состояние общественного сознания, не ориентируются при выработке тех или иных решений на «дальние горизонты», всю палитру добываемых наукой знаний о специфике и характере современной социальной динамики, ждет незавидная судьба. В конечном счете, они так или иначе окажутся в ситуации, подобной той, которая врасплох застигла в начале 90-х годов прошлого века кремлевских геронтократов.

Сюжет 3. Сегодня ситуация с социогуманитарным знанием вообще приобретает драматический характер. Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью в последнее время в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс. Разве запоздалая реакция на глобальный финансово-экономический кризис политиков, предпринимателей и работников социальной сферы не свидетельствует о разрывах в системе отношений властных структур с наукой вообще и социогуманитарным знанием в частности? Попытки решать сложнейшие вопросы управления социальными процессами, пренебрегая добытыми социогуманитарными науками знаниями и опираясь только на принцип политической целесообразности и практический опыт, способны привести к подлинным социальным катастрофам.

Узколобый, утилитарно-технократический подход к социогуманитарным наукам, непонимание их роли в развитии социума в современных условиях нарастания мегарисков, связанных с наличием оружия массового поражения, опустошением земных недр, изменением химического состава жизненной среды, с проблемой сохранения человеческой идентичности, которой угрожает вмешательство в генетическую структуру и психику индивида, ничего иного, кроме серьезного и обоснованного беспокойства, вызывать не может. Не случайно всемирно известные ученые категорически настаивают на необходимости усиления значимости социально-гуманитарных наук в наше чреватое большими социальными потрясениями время. Например, известный французский ученый Клод Леви-Стросс со всей определеннос-

тью заявлял, что XXI век будет или веком гуманитарным, или его вообще не будет. Да и в прошлом роль социогуманитарного познания и образования в развитии и самоутверждении народов и государств была исключительно важной. У Бисмарка, много сделавшего для объединения десятков германских стран в единое государство, были все основания утверждать, что битву при Седане (сентябрь 1870 г.) в ходе франко-прусской войны выиграл школьный учитель.

Сюжет 4. После Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети специалистов-антропологов (обществоведов) от их общего на тот момент количества во всем мире. И они развернули исследования во всех уголках нашей планеты. Был собран колоссальный объем знаний о духовной сфере человека самых разных культур и в самых разных ситуациях. Его соединили затем с новым знанием о сложных системах — синергетикой, моделирующей закономерности перехода «порядка в хаос» и наоборот. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей. И эти технологии были весьма успешно использованы, прежде всего, против Советского Союза¹¹.

Следует особо подчеркнуть, что именно в ходе современных реформ, осуществляемых на основе идеологии нелиберального фундаментализма (который, кстати сказать, ничуть не лучше исламского фундаментализма), оторванность верхов (элиты) от народа беспрецедентно усилилась. С началом всеобщего распространения новейших информационных технологий (формированием «информационного общества»), давших старт глобализации, в этом процессе обнаружились принципиально новые измерения. Возникшие глобальные информационные поля оказались способными действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции сознанием в планетарном масштабе. И что здесь удивительно: первыми жертвами этих открывшихся новых информационных возможностей явились элиты народов, отставших в своем развитии от стран-гегемонов — лидеров глобализации. Современным глобалистским структурам нет нужды воздействовать на сознание всего населения той или иной страны с целью формирования у него нужных для этих структур установок и ориентиров. Достаточным оказывается значительно более простой и менее затратный вариант: добиться желаемого поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на сознание элиты. Так, транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные финансовые ресурсы, и, что очень важно, коммуникативные сети, получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые в силу этого перестают быть, по сути дела, национальными, что хорошо сегодня видно на примере некоторых государств Латинской Америки и стран СНГ. Подвергшись форсированной обработке сознания (формы здесь могут быть самые разные), элита начинает иначе, чем возглавляемое ею общество, мыслить, исповедовать другие мировоззренческие ценности, по-другому воспринимать окружающий мир и реагировать на него. Оторвавшаяся от общества элита утрачивает не только свою социальную эффективность, но и свою общественно

¹¹ Батчиков С. За флажками! // Завтра. — 2009. — № 36 (824).

полезную функцию. Такая возникшая в обществе ситуация уничтожает сам смысл демократии, поскольку исходящие от него импульсы, представления и идеи просто не воспринимаются элитой (она живет в другом мире). Соответственно народ до очередного социального катаклизма перестает влиять на выбор направлений развития и принятие решений. «В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных размеров самой элиты. *С какой скоростью и насколько при этом незаметно для общества протекает данный процесс наглядно демонстрирует пример нашей страны, — пишет российский исследователь М. Г. Делягин, — в которой «демократы» уже к 1998 году, т. е. за семь лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за семьдесят лет своего*»¹².

«Дезертирство элит» (выражение А. С. Панарина) в нашу эпоху — явление сложное, многоаспектное. Но в любом случае оно не только «естественноисторическое», спонтанное. Наряду со всем прочим следует особо подчеркнуть, что это явление вполне сознательно инспирируется и проводится в жизнь. Здесь достаточно сказать, что в современных западных странах, прежде всего США, действует немало «аналитических институтов», «мозговых трестов» и т. д., направленных на *идеологическое программирование* сознания элит стран мировой периферии с целью установления «нового мирового порядка». Задача всех этих центров — научить местные элиты смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», т. е., по сути дела, сориентировать их исключительно на обслуживание интересов наиболее экономически развитых стран. Будучи мощными генераторами идеологии, эти и подобные им аналитические институты «создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов»¹³, разворачивают активную деятельность, подменяющую и дополняющую работу дипломатии и идеологической разведки США и западноевропейских государств. Наиболее ярким воплощением этих институтов, трестов и центров является Совет по внешним сношениям в США. Многие эксперты полагают, что как центр принятия решения Совет по внешним сношениям стоит даже над администрацией США¹⁴.

Результат деятельности «мозговых трестов» — создание во многих государствах «пятых колонн», действующих внутри своих стран и против своих стран. Именно такого рода «пятая колонна» в значительной степени поспособствовала успешному развалу Советского Союза. Очевидно, было создано мощное организационное оружие, которое обеспечивало победу без прямого применения военной силы.

Сюжет 5. В тот период нашей истории, который у нас и за рубежом именовали поначалу «перестройкой», а теперь справедливо именуют «номенклатурным» или «аппаратным» переворотом, чуть ли не во всех периодических изданиях развернулась умело организованная кампания по дискредитации вообще всякого социогуманитарного образования и всякого социогуманитарного знания. Настойчиво навязывалось мнение, что мы,

¹² Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. — М., 2003. — С. 177–178.

¹³ Нарочницкая Н. А. «Аналитические институты» — глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. — 2004. — № 3. — С. 185.

¹⁴ Там же.

наконец, вступаем в эпоху без всяких идеологий, что нам не нужны никакие общественные науки, нужно просто готовить хороших профессионалов, знающих свою работу, и т. д. Дело дошло до того, что в различных инстанциях вполне серьезно обсуждался вопрос о кардинальном сокращении всякой социогуманитарной составляющей в образовательном процессе, в частности был поставлен вопрос об отказе от социогуманитарной подготовки аспирантов как совершенно излишней и отмене экзаменов кандидатского минимума, кроме экзамена по специальности. Правда, нашелся один человек, который восстал против всего этого. Это был ректор МГУ В. Садовничий. Он доказательно обосновал мысль, что в структуре российского образования и системе научных исследований недопустимо всякое игнорирование социогуманитарной составляющей. Напротив, для совершенствования и развития российского образования и системы научных исследований чрезвычайно важно сохранить их фундаментальный характер и направленность. Надо отдать должное Садовничему, он в значительной степени воспрепятствовал процессу духовной кастрации российского образования.

Позже выяснилось, что вся эта кампания была инспирирована и проплачена различными неправительственными организациями, действующими в интересах США и других западных стран. Цель этой кампании — разложить духовно и подорвать безопасность своего пока еще не до конца добитого геополитического противника.

Сюжет 6. Сегодня, как это, собственно, бывало и раньше, мы постоянно сталкиваемся с феноменом порой весьма недружественных отношений между представителями естественных и гуманитарных наук. В свое время этот феномен блестяще описал английский исследователь Чарльз Сноу в своей книге «Две культуры». Будучи по образованию физиком, Ч. Сноу обладал талантом и призванием писателя. Благодаря этой особенности своей биографии он общался и с учеными-естественниками, и с гуманитариями, писателями, художниками, философами. Днем он работал в институте физики, вечером проводил время в литературных клубах. Это позволило ему заметить, что естественники и гуманитарии, его друзья, хотя и обладают одинаковой силой интеллекта, принадлежат к одной расе, вместе с тем живут настолько разными интересами и в такой непохожей психологической и моральной атмосфере, что между ними пролегла непроходимая пропасть, преодолеть которую труднее, чем переплыть океан. Чарльз Сноу пишет: «На одном полюсе художественная интеллигенция, на другом — ученые и как наиболее яркие представители этой группы — физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда, особенно среди молодежи — даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, — непонимание. У обеих групп странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций»¹⁵.

Чарльз Сноу охарактеризовал это явление как две культуры, замкнутые и изолированные одна от другой. Причем представители первой из этих культур делают упрек представителям другой за законченный индивидуализм, субъективизм, а также иррационализм и стремятся показать, к каким тяжелым последствиям это может привести; в то время как представители

¹⁵ Сноу Ч. Две культуры. — М., 1973. — С. 78.

другой стремятся доказать, что естественнонаучный подход к человеческой жизни, который наблюдается у представителей первой культуры, ведет к разрушению духовных ценностей, обеднению личности и в конечном итоге к уничтожению культуры. Ч. Сноу в таком разрыве культуры на гуманитарную и естественнонаучную, а ее лучших представителей — на знатоков чело- века и общества, с одной стороны, а с другой — ученых-натуралистов увидел национальную трагедию Англии, от которой надо срочно избавляться.

В чем же здесь трагедия? Дело в следующем: развитие производства в период индустриализации общества, углубление разделения труда привели к тому, что уделом человека стала узкая специализация. В фабричном производстве это выразилось в том, что человек превратился в придаток машины, т. е. в такого человека, который мог механически выполнять лишь одну функцию, скажем, в течение всего рабочего дня подставлять болванку под пресс и ничего другого. Естественно, такой человек в силу своего объективного положения не может не быть односторонним и частичным. Его труд однообразный и скучный, начисто лишенный творческого начала. Развитие науки также породило профессиональную ограниченность, или, как называл это явление Маркс, профессиональный идиотизм, т. е. формировало людей с гипертрофированным развитием одной узкой умственной способности. Не случайно одно время образ ученого-чудака, беспомощного во всем и глухого ко всему, что выходит за рамки его узкой специальности, стал ходячим комическим персонажем (классический пример — Паганель, энтомолог из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта»). Иногда такого ученого называют даже ученым-дикарем, который невежествен во всем, что не входит в круг его познания. Причем такой ученый, особенно в свете требований, предъявляемых к современным представителям науки, даже опасен, поскольку он является невеждой не в обычном понимании слова, а невеждой с амбицией на образованность. У него постепенно вырабатывается особый тип мышления, замкнутого на узком участке деятельности, неспособного и не стремящегося к самостоятельной оценке общей ситуации в науке и современном мире. Вот этот-то ученый, как и любой другой обыватель и мещанин, может легко оказаться во власти любого ловкого политического демагога, поверить в любой обман и ложь. В этой связи имеет смысл напомнить ситуацию в фашистской Германии. Как могло случиться, что в этой стране с развитой наукой, многочисленными специалистами, преуспевающими в своих областях, конструирующими великолепные машины и оборудование, так быстро восторжествовала идеология фашизма и большинство ученых уверовало в фашистский миф нации, жизненного пространства и пошло по пути сотрудничества с гитлеризмом? Безусловно, немалую роль сыграло здесь и то, что большинство из этих ученых как кроты сидели в тесных норах своей узкой специальности и не отдавали себе отчета в том, что творят, не имели правильного представления об общей социальной картине мира. Альберт Шпейер, бывший министр вооружения гитлеровской Германии, в одном из своих высказываний на Нюрнбергском процессе дал точный диагноз ситуации отсутствия самостоятельного мышления у многих людей XX века. Он сказал: «...в XX веке, величайшем столетии техники, люди научились изготавливать мифы также надежно и с той же целью, что пулеметы или бомбардировщики. Появились искуснейшие специалисты этого дела, мастера мифотворчества. В этом отношении миф расы, или миф

крови, или миф фюрера были, по существу, своеобразным видом оружия, может быть более страшным, чем любой сверхтанк или пушка. Они поражали самый главный участок — человеческий мозг и подчинили себе человека целиком, без остатка».

Правда, тут же он добавляет: «Не состояла ли в этом и моя личная трагедия?» Но оставим это последнее рассуждение на его совести. Шпейер не был жертвой фашистской пропаганды. Он сам был одним из инициаторов фашистского режима и непосредственно участвовал в его идеологическом обосновании. Нас здесь интересует само содержание его высказывания¹⁶.

Дело не только в том, что человек, замкнувшийся на одной узкой специальности, обкрадывает себя, становится частичным и односторонним, легко подверженным иллюзиям и обманам со стороны политиканов, дело еще и в том, что в настоящее время узкая специализация становится тормозом в развитии самой науки. Да и в прошлом все великие открытия, переломные моменты в развитии науки, как правило, были связаны с именами людей, которые были универсально образованными, могли выйти за рамки своего предмета (парадигмы) и шире взглянуть на мир. Не случайно А. Эйнштейн так высоко ценил весьма далекие от физики произведения Ф. М. Достоевского и утверждал, что чтение книг Достоевского дало ему больше в смысле научных прозрений, чем изучение специальных работ по физике.

Современный уровень науки больше, чем когда-либо, требует от исследователя уже не простого знания фактов и умения их классифицировать, а эвристической способности находить новое их освещение в свете разрабатываемых оригинальных концепций, и постоянной перестройки научной картины мира. Сегодня все крупные, поворотного, революционного характера открытия совершаются, как правило, не в рамках какой-либо отдельной, частной науки, а на стыке наук. Сейчас в науке возникло немало разного рода междисциплинарных направлений, интегрирующих в себе целый ряд отдельных дисциплин, появились науки с двойным названием (биохимия, биофизика и т. п.). Прав Г. К. Лихтенберг, который сказал: «Кто ничего не понимает кроме химии, тот и ее понимает недостаточно». А вспомним, что писал А. И. Герцен своему сыну: «Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т. е. того общего очеловечивания, которое именно и называется “гуманитарным”». При специальных занятиях естественными науками тебе будет мудрено сделать многое, но несколько образовав себя чтением или посещением какого-нибудь курса философского, можешь воспитать себя сколько-нибудь в эту сторону. Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела»¹⁷. В контексте этих рассуждений можно привести иллюстрации и другого рода. Как известно, в Советском Союзе одним из наиболее эффективных (элитарных) учебных заведений являлось МВТУ имени Н. Э. Баумана. Это был в полном смысле флагман в подготовке специалистов в области физико-технических дисциплин. Выпускников этого института стремились распределить к себе директора предприятий как гражданского, так и оборонного назначения. Они и впрямь среди выпускников

¹⁶ Сагатовский В. Н. Вселенная философа. — М.: Молодая гвардия, 1972. — С. 90–91.

¹⁷ Герцен А. И. А. А. Герцену // Сочинения. — Т. 9. — М., 1958. — С. 449.

всех вузов страны были наиболее достойными. Однако, как это ни странно может показаться на первый взгляд, из среды этих прекрасно подготовленных специалистов не выявилось впоследствии ни одного крупного ученого с мировым именем, получившего Нобелевскую или какую-либо другую престижную международную премию.

В чем же причина этого явления? Любой, кто даст себе труд поразмыслить над этим вопросом, однозначно ответит: узкая специализация образования. Узкоспециализированный исследователь, ученый, инженер способен на частные новшества, усовершенствования в рамках своей профессиональной деятельности, но он не способен на революционные открытия в науке, за которые получают Нобелевские премии.

Следует остановиться еще на одном моменте. Все мы знаем, что науки обладают способностью служить людям, но вместе с тем фактом является использование их результатов во вред человечеству, когда освобожденные техническим разумом колоссальные природные силы нередко обращаются против самих людей. Убедительным свидетельством этого является трагедия Хиросимы и Нагасаки. Возникает большая социальная проблема — направить научно-технический прогресс на благо человека, научиться управлять достижениями научной мысли. Ученый же, занятый исключительно в узкоспециализированной области, зачастую не ведает, что творит. Один из руководителей Международного союза охраны труда Жан Дорст в своей книге «До того, как умрет природа» пишет: «...степень цивилизации измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Она измеряется также рядом моральных и духовных критериев, мудростью людей, движущих вперед цивилизацию...». Поэтому, чтобы не творить, не изобретать, не конструировать того, что в будущем может повредить человеку и обществу, ученый, в какой бы области он ни работал, должен быть по крайней мере гуманитарно образованной личностью, исходить из понимания целостности мира и хоть в какой-то мере иметь представление о тенденциях и векторах развития современного ему социума.

Сюжет 7. Когда в Советском Союзе был запущен в космос первый искусственный спутник Земли, а через некоторое время — космический корабль с человеком на борту, политики и ученые в США впали в замешательство и даже испуг. Америка была потрясена полетами первых русских спутников. Стало ясно, что Советский Союз создал более совершенную систему образования и подготовки научных кадров, прежде всего физиков и математиков. Среди американских специалистов такого же профиля даже стала популярной шутка: «Или мы должны срочно заняться физикой и математикой, или нам придется учить... русский язык».

Но американцам, видимо, не очень хотелось изучать русский язык. Они решили обойтись своими силами. С этой целью ими была разработана программа «Мерит», к реализации которой они и приступили. В соответствии с этой программой в течение ряда лет из каждого старшего класса всех школ отбирали по четыре наиболее способных и перспективных ученика. Ежегодно таких детей насчитывалось около 600 тысяч. Затем из этой многочисленной массы творчески одаренной молодежи выявляли путем усложненных тестов около 35 тысяч юношей и девушек с наилучшими показателями развития наиболее подходящих для дальнейшей интенсивной учебы. Их обеспечили высокими стипендиями, субсидиями, принимали без экзаменов в лучшие кол-

леджи, им создавали максимально благоприятные условия. Интересно то, что в специальных колледжах, которые были созданы для обучения этих наиболее талантливых молодых людей математике и физике, учебная нагрузка по дисциплинам распределялась весьма странным, на первый взгляд, образом: около 50 % от общего ее объема отводилось на преподавание различного рода социогуманитарных дисциплин, которые, казалось, не имеют никакого отношения к будущей специальности обучающихся. Но еще более удивительным было другое: в общежитиях, где проживали эти студенты, приглашали художников, музыкантов, философов и т. д. без четкого определения их прямых обязанностей. Они должны были создавать определенного рода атмосферу, которая препятствовала заикленности молодых людей на своей узкой профессии, т. е. выступала бы как противоядие в отношении «профессионального идиотизма», или «профессионального кретинизма». Организаторы программы «Мерит» ясно отдавали себе отчет в том, что человек, лишенный широты взглядов, не обладающий высоким общим развитием и обобщающим мышлением, не способен на революционные поворотные открытия в науке. Программа «Мерит» — поучительный пример мобилизации государством интеллектуальных ресурсов общества. Эта программа в немалой степени способствовала успешному развитию в США новых космических технологий. Она, в конечном счете, наряду с прочим, конечно, обеспечила победу Америке в соревновании с Советским Союзом в области освоения космоса.

Сюжет 8. Важно понять, что социально-гуманитарные науки раскрывают причины, механизм и характер происходящих в обществе процессов, мотивы человеческих действий, обосновывают социокультурные ценности, которые определяют тактику и стратегию развития общества, выявляют место и роль в этом процессе науки, экономики и политической деятельности. Существенной их особенностью является использование накопленного опыта для социализации и инкультурации личности, для освоения ею определенных навыков и умений во всех областях профессиональной деятельности: политики, правопорядка, воспитания и т. п. Отсюда ясно, насколько важна для гарантированного развития общества поддержка социогуманитарных наук государством, другими социальными институтами и использование при разработке тактики и стратегии развития важнейших социальных сфер и принятии решений управляющими органами научно обоснованных данных и рекомендаций, касающихся человека и общества.

Задача как раз и состоит в том, чтобы создать условия и возможности общественнознанию исходить все проблемное поле социума — страны, региона, человечества в целом, — выдвинуть альтернативные, конкурирующие модели, раскрыть в богатстве всех определений самые разнообразные проявления общественной жизни. Только имея такого рода познавательную базу, политики, болеющие за судьбы и перспективы развития своих народов, будут в состоянии принимать оптимальные общественно-значимые решения и осуществлять адекватный реальной ситуации исторический выбор путей развития страны и общества.

Не дай Бог, чтобы по прошествии какого-то времени кому-нибудь из наших деятелей пришлось повторить высказывание Ю. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем. Да вот как бы не было поздно.

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Сергей ЛАВРОВ

«СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ МНЕ ПЕЛ...»

Сергей Викторович Лавров — родился в Москве в 1950 г. В МИДе с 1972 г. (по окончании МГИМО). Посол. Работал в Шри-Ланке. Заместитель министра (1992–1994). Постоянный представитель России при ООН (1994–2004). С марта 2004 г. министр иностранных дел. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, другими наградами и почетным дипломом СП России «Ф. И. Тютчев — 200 лет». Живет в Москве.

ПОРОГИ

Профессий мы своих не выбирали,
Эпоха выбирала их за нас.
Изломом исторической спирали
Определилась наша ипостась.

Одной и той же пенистой закваски,
Ершистых,
круто смешанных кровей,
Одни и те же впитывали сказки,
Что пел один и тот же соловей.

Одной рекой сплавляемся до рая —
Всегда так было испокон веков,
Но в той реке проходы выбираем
Из тысячи проток и рукавов.

Вот остров —
можно слева, можно справа,
Налево плёс, пройдем наверняка.
А справа —
там порог, зато там слава.
Но вдруг цена ей слишком высока?

Так как же быть —
налево иль направо?
Хоть цель одна, но разные пути.
А как дошел —
со славой иль без славы —
Забудут все, ведь главное — дойти.

Гудит порог, ломает плот до хруста,
Кипят валы, и страшен водосброс,
Но выбор есть —
успеть уйти из русла
На тот манящий, безобидный плёс.

Промедлил —
и теченьем подхватило,
Теперь уже не выйти из струи.
Порога неразгаданная сила
Сомнения рассеяла твои.

Порог и ты — ни берега, ни брода,
И выбора уже не изменить.
Порог и ты, и слава, и свобода,
И та же цель —
живому проскочить.

Отечество рукою заскорузлой
Всех к раю направляет чередой,
Но можно этот путь пройти по руслу,
А можно и стоячею водой.

И все плывут одним маршрутом главным,
И все дойдут, и все мы будем там.
А как дошел — со славой иль бесславно —
Забудут все. Но не забудешь сам.

СТАРОКОНЮШЕННЫЙ

Староконюшенный, мне юность возврати,
Верни мне неподсудность безрассудства.
Верни все то, что вдруг на полпути
Заставило застыть и оглянуться.

Верни мне веру в стопроцентный шанс,
В непогрешимость мыслей и поступков,
Верни из подворотни резонанс
Походки заблудившейся и хрупкой.

Староконюшенный, верни мою любовь —
Ко мне верни и мне одновременно.
Верни ее из слов пустых и снов,
Избавь нас от нечаянной измены.

Староконюшенный, верни мои грехи,
Их сладость мне дороже отпущенья.
Верни сентиментальные стихи,
Я изменю в них строки посвященья.

Верни мне все, потом за все суди.
Суди, но оставайся, ради Бога,
Не за моей спиной, а впереди,
Не переулком — главной дорогой.

ВЕРШИНА

Что ж, похоже — вершина.
Перекурим давай.
Сквозь лесную малину
Виден пропасти край.

Покорен сороковник,
Где ж венок наградной?
Лавра нет, но терновник
Обступает стеной.

Вверх прошли без запинки —
Ювелирный расчет.
Правда, трудной тропинкой
Нам спускаться еще.

Что внизу там, в распадке,
Там, откуда мы шли?
Сверху глянешь — в порядке
Все в той дальней дали:

Вон мы юны, как боги,
И еще без долгов,
Ну а вот и пороги
Наших рек и домов.

Видишь, вот мы все вместе
Начинаем маршрут.
Слышишь, вот наши песни
Наши дети поют.

Вот кончается праздник,
И запутана масть.
Вот заманчиво дразнит
С высоты своей власть.

Ну а вот у амбара
Власть в похмелье густом
Отдается задаром,
Только мы не берем.

И идем дальше в гору.
Не меняя маршрут,
К той вершине, с которой
Наши реки текут,

Где безлунною ночью
Наш огонь не погас —
К той вершине, короче,
Где мы курим сейчас.

Годы сыпятся стружкой,
Как с косы трын-трава.
Три уже после Пушкина,
До Высоцкого — два.

Вот вблизи сороковки
Чей-то черный билет,
Там обрывки страховки
И увядший букет.

Покурили, как будто
Собираться пора.
Родников перламутром
Провожает гора.

Горевать нет причины,
Только, как ни суди,
Чуть обидно вершину
Оставлять позади.

Но поблажки не просим.
Пыль в висках, в ребрах — бес.
Опускается осень
Вместе с нами с небес.

Вдруг тропа, извиваясь,
Снова вверх поведет,
И вершина другая
Из-за туч позовет.

Не упустим везенья,
Нам его вынь — положь.
Вот в уставших коленях
Унимается дрожь.

Знать, вовеки отныне
Тот же путь напрямик:
Каждый год по вершине,
Каждый день, каждый миг.

СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ

В кабаке, где под пьяную музыку день догорел,
Светлый ангел явился мне вдруг и в глаза заглянул.
Я уже в пьяной музыке так безысходно тонул,
Но тот ангельский взгляд унести меня в небо успел.

И исчезло дрожащее пламя кабацкой свечи,
Мы взлетели над пьяною музыкой и над толпой.
Светлый ангел сказал мне: «Ты что-нибудь светлое спой».
Я сказал: «Светлым песням сначала меня научи».

Молвил ангел: «Учить не умею, я только пою».
«Хорошо, — я сказал, — просто пой, я узнаю ответ —
Как слагаются светлые песни и в чем их секрет».
И ответил мне ангел: «Уважу я просьбу твою».

Светлый ангел запел мне, и долго гитара вела
Этот голос, который взлетал и валился с вершин.
Пел мне ангел о том, как друзья предают без причин,
Как нельзя откупиться от зависти, подлости, зла.

Светлый ангел мне пел про греховное чрево земли
И про то, как порой веру светлую душит молва,
И про то, как любовь убивают простые слова,
И про то, как надежду сырые снега замели.

Замолчал ангел мой, успокоила струны рука.
Я спросил: «Что же светлого здесь, в этих песнях, прости?»
Улыбнулся мне ангел, сказал: «Как устал я в пути.
Извини, но светлее я песен не знаю пока».

...В кабаке продолжали закусывать, пить, не тужить,
Пьяной музыки звуки стегали клиентов как плетью...
Ну а мне светлых песен хотелось, хотелось их петь,
Даже если те песни правдивыми будут, как жизнь.

БЕРЕГА

Я забыл, вспоминать не хочу про вчерашнюю жизнь.
Мне хотя бы с сегодняшней жизнью суметь совладать
И тебя удержать. Но ты тоже меня удержи —
Как ручей в половодье должны берега удерживать.

Мне плевать, как я жил до сих пор. Был я, в общем, ничей,
Все искал, находил и опять ударялся в бег.
Это радость, когда в половодье вскипает ручей.
Это счастье, когда его страсть берегут берега.

И чем туже сжимают ручей берега, тем сильнее
Он течение несет, что взыграло неожиданной весной.
Но расступятся вдруг берега — и затихнет ручей,
Без объятий тугих обернется стоячей водой.

Мне плевать, кто там был, что там было, зачем и почему.
Мне плевать, сколько минуло лет и осталось минут.
Я вливаюсь в тебя в половодье воскресшим ручьем,
И меня, обнимая, твои берега берегут.

ПЕСНЯ О ПЕСНЯХ ДРУЗЬЯМ

А. Д. Терехову

Откуда берется ручей, что начало дает
Стремительным речкам, которыми бредят мужчины?
Из чистых святых родников на далеких вершинах,
Из талого снега, из ливней всю ночь напролет.

Откуда приходят дожди на недели подряд,
Ручей превращая в поток, все способный разрушить?
С высоких небес, где ушедших товарищей души,
Как светлые ангелы, нас от покоя хранят.

А как появляются песни, стихи для друзей?
Из тех же ручьев, по которым мы плыть начинали,
Из речек, которые нас на излом испытали,
Из встречного ветра и долгих, холодных дождей,

Из самых счастливых и самых тяжелых минут,
Из гордых улыбок на темных обветренных лицах,
Из нашей надежды, что все это вновь повторится,
Что женщины наши простят нас и даже поймут.

Нас речки пытаются на прочность водой и огнем,
Ловушкой воронок за каждым крутым поворотом,
Но мы не в обиде — у речек такая работа,
И мы их по-прежнему речками нежно зовем.

И сколько бы мы ни кляли беспощадность стихий,
Опять нас влечет неизвестность речного потока,
Где жизнь мимолетна, свободна, легка и жестока.
И песни все наши — оттуда, и наши стихи.

Все наши стихи, наши песни — про речки опять,
Но стоит ли нас упрекать за упрямство такое?
Ведь речки, признаемся, — самое дело мужское
Из всех, что пока на Земле довелось испытать.

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Евгений ПРИМАКОВ

«ДАВАЙ ПОДОЛЬШЕ ПРОЖИВЕМ...»

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. Автор ряда книг по современной истории Востока. В 1985–1989 годах — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Являлся Председателем Верховного Совета СССР. В 1990 г. входил в состав Президентского Совета. С 1991 г. по 1996 г. — директор Службы внешней разведки России. С 1996 г. по 1998 г. — министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. В 2001 г. избран президентом Торгово-промышленной палаты РФ. Лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

* * *

Другу А. С. Д.

Остановись, прислушайся —
Жизнь рядом бьет ключом.
Не к случаю от случая,
Не в темень кирпичом.

Остановись, послушай тех,
Кто рядом песнь поет
О том, как падал мягкий снег,
О счастье быть вдвоем.

Без дерганья, без критики,
Нацеленной поддых,
Без подлостей политики,
Без мерзостей интриг.

Всем этим мы накушались
И наигрались всласть.
Годами дурью мучались,
Той, что зовется «власть».

Давай подольше проживем
Без шишек, синяков,
Грибов корзину соберем,
Подышим глубоко.

Пойдем к друзьям на огонек —
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

Неужто и отсюда нам
Захочется назад
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд.

Но если так произойдет,
Грош ломаный цена
Мне и тебе, а может, рок
Нам все испытать до дна?

* * *

Комом к горлу, комом к горлу
Прожитые годы.

Время беспощадно душит,
Время лезет в наши души

Комом радости и горе,
Свадьбы и разводы.

Нагло, бессердечно.
Все быстрее и быстрее

Комом смерти, комом роды,
Прожитые годы.

Наступают зимы.
Все мятежники на реях,

Время сушит, время рушит,
Что казалось вечным.

Остальные живы.
Одиночеству навстречу
Выступают зимы.

* * *

Давлю в себе раба — работы нет труднее,
Ведь сразу не поймешь, кого в себе давить —
Того, кто от металлорока сатанеет,
Того, кто осызает поколений нить?

Или того, кто ходуном заходит,
Когда стране пощечины дают,
Хотя себе он места не находит,
Коли облыжно хвалят или безбожно врут.

Давлю в себе раба, работаю в три смены,
Но прежним остаюсь в поступках и делах.
Быть может, наперед запрограммировали гены
До самого конца жить в кандалах?..

* * *

Доктор, как хорошо, что Вы рядом,
Дело даже не в медицине,
Может, важнее на целый порядок
То, что глаза у Вас синие-синие.

Серые, вдруг чуть-чуть зеленые,
Гамма, а не единый цвет.
В них — степное, размашисто вольное
В Прикавказье прожитых лет.

Вы прошли частокोल испытаний
Сквозь начальников-пациентов.
Глаза стали немного печальнее,
Но по-прежнему многоцветны.

Доктор, с Вами мне стало надежнее.
Дело даже не в медицине,
Просто жизнь у всех очень сложная,
А глаза у Вас все-таки синие...

* * *

Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.

Я твердо все решил: мне ничего не надо —
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыхание друга рядом,
Лишь не поймать косою, недобрый взгляд.

Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.

Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

**Владимир
КАЗИМИРОВ**

«ИСКОРКА ДОБРА ДОЛЖНА ОСТАТЬСЯ!»

Владимир Николаевич Казимиров — родился в Москве. Работал в МИДе в 1953–2000 гг. Посол СССР/России в Коста-Рике (дважды), Венесуэле, Тринидаде и Тобаго, Анголе, Гватемале. Служил также в Венгрии и Бразилии. Посол по особым поручениям. Представитель Президента РФ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, двумя орденами Трудового Красного знамени, другими орденами и медалями, а также почетным дипломом СП России «Ф. И. Тютчев — 200 лет». **Живет в Москве.**

НА ВЕТРУ

Встань на встречном ветру,
Словно юнга под шквалом.
И в широкую даль,
Не мигая, взглядишь.
Видишь брезжащий свет
За волной перевала,
Разделившего юность
И зрелую жизнь?!

Ветер бьет нам в лицо,
Ветер волосы треплет...
Так давай же споем
О судьбе ветровой,
Чтоб сердца возмужали,
Чтоб руки окрепли,
Чтобы лучшие чувства
Мы взяли с собой.

Мы железных подков
Не храним на пороге.
Мы мятежное счастье
Находим в пути.
Нам задорные песни
Певать по дороге,
И, от ветра хмелея,
Идти и идти.

Нам жемчужную воду
Плескать у колодцев,
Припадать к ней губами,
Пригоршней черпать.
Нам бродить в лозняках,
Об осоку колоться,
Под пахучею хвоей
В лесу засыпать...

Освежай наши души,
Бушующий ветер,
Пой бодрящие песни,
Чтоб всяк подпевал,
Чтобы звали в огонь,
Чтоб никто не заметил,
Как взойдем мы с тобой
На крутой перевал!

Снова тянет откуда-то
Запахом дымным.
Слышишь — ветром доносит
Порыв грозовой.

Может, завтра же
Хлынут свинцовые ливни
И начнется
Последний, решительный бой.

Может, завтра всех нас
Канонадой разбудит
Захлебнувшийся кровью рассвет —
Значит, наша пора,
Нам идти, чтобы людям
Снова строить и петь
Через несколько лет.

Наше счастье не здесь,
На домашнем пороге —
Там, за днями тревог и невзгод —
Впереди.
Нам идти и идти,
Проклиная дороги,
Прославляя дороги,
Идти.

И, конечно, как знать...
А случись, и не будет
Ни надгробных речей,
Ни поникших знамен,
Ни прощального залпа
Охрипших орудий...
И окопный попутчик
Не вспомнит имен.

Только друг, услышав,
Молча снимет пилотку.
И тревожная юность
Мелькнет наяву,
Да свирепая ярость
Сведет ему глотку,

Да кипящая капля
Падет на траву.

Верю в то, что,
Натруженных век не смежая,
Сквозь железную мглу
К будням строек и книг
Он упрямо пройдет,
За двоих сокрушая,
Чтобы вновь созидать
За двоих.

Так что если не петь мне
Раздольные песни,
Не узреть надо мглой
Торжествующий свет,
Все восполнит тогда
Мой упорный ровесник,
Тоже страстный романтик,
Чудак и поэт.

Встань на встречном ветру
Перед заревом алым.
И в широкую даль,
Не мигая, глядись.
Видишь брезжащий свет —
Ясный день перевала,
Разделившего юность
И зрелую жизнь?!

Освежай наши души,
Бушующий ветер,
Пой задорные песни,
Чтоб всяк подпевал,
Чтобы звали в огонь,
Чтоб никто не заметил,
Как взойдем мы с тобой
На крутой перевал!

ИСПАНСКОМУ ДРУГУ

Едва ли мне больше десятка известно
из слов твоего языка.
Ты понял меня по знакомому жесту —
упрямый кулак у виска.

И общий язык мы искали недолго.
Наверно, подобные речи держали
Рубен Ибаррури, убитый у Волги,
и дравшийся на Гвадарраме волжанин.

Еще не забыты былые обиды,
и требуют жертвы сурового мщенья.
Руины Толедо и камни Мадрида
давно уже ждут твоего возвращенья.

Я мог бы забыть о Гренаде, влюбленный
в разливы пшеницы да в рокот станков.
Но нет — не линяют на наших знаменах
наплывы от крови твоих земляков.

Я мог быть доволен: Россия — большая!
И солнцем, и ветром, и песней богата.
И может, единственно, что мне мешает,
так это невзгоды испанского брата!

Покуда в застенках твои камарадас,
пока каудильо над ними глумится,
сдается тебе, что и радость не в радость,
и тяжело на сердце, и ночью не спится.

И просится сердце в кастильские горы,
где гасят костры на коротких привалах,
где вновь автоматы ведут разговоры,
к надежным ребятам, к ребятам бывалым.

Так пусть же знамена взметнутся, как пламя.
Мы тоже испанские песни поем.
Мы стяги Мадрида храним под чехлами.
Мы ваших друзей на поверку зовем.

А их — миллионы, простых и безвестных.
Несхожи, как лица, у них языки.
Но ты их узнаешь по твердому жесту
приподнятой в братском салюте руки.

* * *

Пусть чиновная свора бесстрастность возводит в обычай,
Пусть умеренный нрав у моих сослуживцев в чести,
Я — плохой дипломат, и притворных придворных приличий
Столько лет не могу научиться блюсти.

Все порывы души пожирает тупое довольство.
Постны лики матерых кликуш и ханжей.
Как смешон, кто сберег это милое детское свойство —
Говорить напрямик, а влюбляться — так в раз до ушей!

Ты боишься, что я упиваюсь тобой все сильнее,
Что лавину не сдержишь гнилыми подпорками лжи.
Разве это порок, если я до сих пор не умею
В полнакала гореть и любить в полдуши?

Я в любви, как в стихах, изъясняюсь на редкость коряво,
И сравнения мои не ласкают изысканный слух:
Как ни терпок рассол, только та же хмельная отравка
Исцеляет на утро свирепый мужицкий недуг.

Ты напрасно меня осторожно к сюрпризам готовишь,
Чтоб спасти от беды, от опутавших сердце теней.
Тут бессильна разлука. И только твоя же любовь лишь,
Помрачившая разум, мне ясность сознания вернет.

* * *

И в зной, и в стужу ледяную
Я, улетаю в край иной,
Мучительно тебя ревную
Ко всем оставшимся с тобой.

За всё и вся, за вечер звездный,
За день прозрачно голубой,
За воздух душный иль морозный,
Вдыхаемый сейчас тобой.

За свет твоих широких окон,
За серебристый голос твой,
За право от тебя о многом
Услышать первым и впервой,

За все, к чему ты хоть причастна,
За каждое мгновение дня,
За то, чем ты живешь сейчас,
Вдали оставшись без меня...

А мне придется, — как ни сетуй! —
Курьеров с почтой торопя,

Копить по письмам да газетам
Скупые вести про тебя.

Да тормозить едва прибывших,
Да, провожая, слать привет,
Как будто я тебя не вижу
Не двадцать дней, а двадцать лет.

Да ликовать, когда до слуха
Дойдет твоя живая речь...
Но чем свинцовее разлука,
Тем светозарней радость встреч!

Я счастлив, что в разъездах дальних
Могу, волнения не тая,
Робеть при мысли о свиданьях
И все же знать, что ты — моя!

Явись мне вновь и вновь исторгни
Все восклицанья торжества!
Тебе — мой сон, мой лепет вздорный,
Тебе — раздумья и восторги,
Моя любовь, моя Москва.

ДРУЗЬЯМ

Ваши фотографии листаю я.
Как мне несказанно повезло
Встретить вас в потемках мироздания —
Всем шальным случайностям назло!
В бесконечности такой огромной,
В дебрях континентов да веков
Разминуться — это ж просто норма!
Затеряться — пара пустяков!
Каждое знакомство будто искорка.
Ну, а дружба — самый яркий знак.

Звездное свечение, воистину
Прорезающее всякий мрак!
Не пора ль счастливо удалиться мне?
Вы — навечно мне бесценный клад!
Голосами вашими да лицами —
Чем еще был этот мир богат?!
А пока звоните и пишите мне.
Не бросайте! Что еще страшней?
Жутко стать последним долгожителем
В темени крошечной — без друзей.

ДРУЗЬЯ НЕ УХОДЯТ

Друзья не уходят. Они остаются без спроса.
Они неразлучны с тобой — даже смерти назло!
У всех катафалков скрипуче стенают колеса,
И жизнь начинает казаться дурным ремеслом.

Друзей не вербуют, но все воздается сторицей.
А дружба мужская не требует клятв и порук.
Не знаю, как часто там истина в спорах рождается,
Но именно в спорах рождается надежнейший друг.

Друзей не скликают. Они появляются тотчас.
Как будто все знали. Себя и других торопя.
Без всяких звонков и запросов. Без рангов и отчеств.
Не ведая даже, что тем поднимают тебя.

Друзей не хоронят. Они остаются как совесть.
Не им ли она и обязана тем, что жива?
Под взглядом друзей коченеешь, нагой и босой весь.
Они не услышат твоих оправданий слова.

Ты, может быть, что-то другое потом не припомнишь.
Но взоры умолкших друзей, как наказания от них...
Друзья не уходят — бросаются молча на помощь!
Чтоб выручить тех, кто в беде — кто остался в живых.

ДОБРИНКА

Прожить бы жизнью сто! А что особого?
Но будь сыта и крохой, голытьба!
Единовременная, как пособие,
Дана — и то не каждому — судьба.

Да к ней в придачу, как тоска извечная,
Дарована обманщица-мечта:
Мол, жизнь твоя, как сполох, скоротечная
Еще не та, еще совсем не та!

Мол, каждая из грёз твоих могла бы
Стать былью и еще одной судьбой.
Но поздно! Липы тянут в окна лапы
Уж не тебе, а тем, кто за тобой.

Что, уходя, оставишь ты на свете?
Пяток деревьев. Да нескладный дом.
Да два упоминания в газете.
Да груду дел, что вечно — на «потом»...

Но искорка добра должна остаться!
Щедра, как сон, и трепетна, как дрожь,
Пойдет добринка по сердцам метаться,
И ты в улыбке друга оживешь.

Пути ПОЗНАНИЯ

**Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

ПРЕСЫЩЕНИЕ ИЛИ ВОЗДЕРЖАНИЕ

Медицина и религия

1. РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Очень сложно сопоставлять медицину наших дней и современную международную классификацию болезней с библейскими временами. В Библии классификация внутренних болезней отсутствует, а медицинские наблюдения весьма условны; они сводятся к тому, что видимо: к кожным болезням, ранениям, переломам, лихорадке, сопровождающей инфекционные заболевания. Все это, а также общие понятия слабости и немощи, возбуждения и припадка. Однако взгляд Библии на медицину для нас все-таки очень важен, ибо он — ориентир для верующего человека.

В библейские времена естественных причин болезней даже не ищут, кроме тех, которые очевидны: ранения, падения, одряхление и слепота

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

при старости, например, как у Бытописателя: «Когда Исаак состарился, и притупилось зрение глаз его, он призвал старшего сына своего Исава» (Быт. 27: 1). Главная причина такого подхода в том, что болезнь обычно рассматривалась как наказание за грехи. Так, увидев слепорожденного, ученики спросили у Иисуса: «Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (Ин. 9: 2). Болезнь могла посылаться Богом прямо: например, перед казнями египетскими «Господь сказал (Моисею): кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли Господь (Бог)?» (Исх. 4: 11).

Болезнь могла возникнуть у человека с Божия соизволения через посредство нечистой силы, как у Иова, когда «отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (Иов. 2: 7). Причиною болезни могла также быть человеческая зависть. Так, у того же Иова мы встречаем: «Глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность» (Иов. 5: 2); а с другой стороны, «кроткое сердце — жизнь для тела, а зависть — гниль для костей» (Притч. 14:30).

Ветхий Завет указывает в качестве причины болезни пресыщение, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, взывает к нам из глубины веков: «Сын мой! В продолжение жизни испытывай твою душу и наблюдай, что для нее вредно, и не давай ей того... Не пресыщайся всякою сластью и не бросайся на разные снеди; ибо от многоядения бывает болезнь, и пресыщение доводит до холеры; от пресыщения многие умерли, а воздержанный прибавит себе жизни» (Сирах. 37: 30—34). Однако в любом случае считается, что в конечном итоге болезнь ниспослана Богом за грехи.

Для религиозного сознания главнейшее заключается в религиозной этике: что значит болезнь для того, кто болен? Почему болезнь, поражая тело, так или иначе задействует и душу человека, в которой следует видеть и образ Божий. И сейчас, хотя целый ряд болезней и сошел на нет, им на смену пришли другие. Потому, несмотря на все колоссальные достижения медицины, верными и поныне остаются слова псалмопевца и пророка Давида: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89: 10). А это — уже религия.

Для правильного понимания этой проблемы, то есть взаимоотношения религии и медицины, невозможно обойти саму основу, а именно библейскую антропологию.

2. БИБЛЕЙСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ТЕЛО, ДУША, ДУХ

Библия не занимается анатомией и физиологией, а прямо и четко указывает на земное в узком, а также в планетарном смысле этого слова происхождение человека: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2: 7).

Известно, что пропорция химических элементов человеческого тела и земли примерно одна и та же. Человек — не инопланетянин, он не пришелец из других миров: он — земля и в землю уходит. Поэтому Екклесиаст и сказал «в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные: потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают

Микеланджело Буонарроти. Сотворение Адама (фрагмент)

рают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суета! Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах» (Екк. 3: 18–20).

Однако, хотя человек и дышит одним и тем же воздухом, что и презренные в Библии свинья и бродячий пес, и больше пяти минут не может прожить без этого воздуха, ибо «одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом», человек был поставлен над миром. Творя человеческую природу, Бог действует особым образом; то, что в богословии называется предвечным Советом Троицы, — как бы сосредотачиваясь, прежде чем эту человеческую природу сотворить: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1: 26–28).

Человек потому способен и призван быть не только в мире, но и стоять над миром, что Сам Бог «вдохнул в лице его дыхание жизни». И вот это живое существо, наделенное образом Божиим, стало называться человеком.

Итак, человек состоит из двух основных элементов: материального тела и духовной бессмертной души.

В Ветхом Завете тело и плоть обозначены одним словом «басар», в греческом же тексте Нового Завета для этих понятий есть два слова: тело (греч.) (на латинском — корпус) и плоть (греч.), то есть примерно то, что теперь в гистологии называется «тканью» и представляет собой нижестоящее понятие — структурную организацию тела. Тело есть совокупность слаженно действующих органов, состоящих из ткани (греч.).

В Библии плоть никогда не рассматривается как нечто дурное по своему существу (о «плотском человеке» апостола Павла скажем ниже). Иов Многострадальный, сетуя, напоминает Богу: «Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня... кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня» (Иов. 10: 9, 11). Плоть вышла из рук Божиих как бы из рук ткача, и Псалмопевец славит Бога: «Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен» (Пс. 138: 13, 14). Тем самым плоть достойна и нашего восхище-

ния, ибо она была воспринята Сыном Божиим: «Слово стало плотию» (Ин. 1: 14). Плоть способна преображаться Духом Божиим. Даже апостол Павел, который в термин «плоть» вносит некоторую смысловую двойственность, говорит: «Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5: 29–30).

В Послании к Евреям (2: 14) апостол Павел еще больше утверждает достоинство плоти: «Как дети причастны плоти и крови, то и Он (Иисус. — *Архиеп. К.*) также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола». Поэтому и в молитвах, связанных с Причащением (до и после него), встречаются не только выражения «тело» Христово, но и «плоть». Например, в молитве перед Святым Причащением святитель Василий Великий обращается к Иисусу Христу: «Безначального Отца соприисносущный Сыне и собезначальный, премногия ради благодсти, в последние дни в плоть оболкийся...» Или же в благодарственной молитве святого Симеона Метафраста говорится: «Давый мне пищу плоть Твою волею... паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце... составы утверди с костями вкупе. Чувств просвети простую пятерицу».

Плоть представляется составной частью нашего телесного существа, когда человек здоров. Об этом говорят в контексте такие библейские выражения, как «плоть и кровь», «кость и плоть», «сердце и плоть». А в болезненном состоянии человека слово «плоть» может обозначать все тело, как, например, у царя Давида: «Чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей» (Пс. 37: 8) или у апостола Павла, когда он жалуется на «пакостника плоти», пишет к Галатам: «Хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего в плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня...» (Гал. 4: 14). Когда же апостол Павел в Послании к Коринфянам о духовном человеке противопоставляет его человеку плотскому, то здесь дуализм не антропологический, а нравственный. Сказать, что человек — плотский, значит характеризовать его с той стороны его земного, телесного, внешнего аспекта, которая дает ему возможность выражать себя только (или преимущественно) посредством этой плоти.

Наше тело, по Библии, не является простой совокупностью плоти и костей, плоти и крови, которой обладает человек во время своего земного существования. Тело не только объединяет все члены, его составляющие, — оно выражает личность в ее главных состояниях. Существование души после смерти даже в Царствии Божием не является полноценным состоянием личности. Поэтому тело должно воскреснуть, как Сам Господь, ибо, по слову Апостола, «тела ваши суть члены Христовы» и «храм живущего в вас Святого Духа» (1 Кор. 6: 15, 19).

В ветхозаветном понимании тело достойно того же уважения, что и плоть, потому что и то и другое выражает человека во всей его совокупности. Новый Завет более подчеркивает достоинство тела. Тогда как плоть возвращается в землю, тело посвящено Господу. Достоинство тела не достигает на земле своей высшей степени: «Иисус Христос уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп. 3: 21), станет «телом духовным» по образу небесного Адама (1 Кор. 15: 44, 49).

Понятие «душа» в библейском смысле этого слова отличается от нашего обыденного понимания. Наше сознание чаще всего представляет человека

состоящим из тела и души, как сосуд с несмешивающимися жидкостями (скажем, с водой и маслом). В Библии душа имеет очень много значений и все зависит от контекста.

В общем же, душа обозначает всего человека: поскольку он оживлен духом жизни, но душа не является «частью», образующей в соединении с телом человеческое существо. Собственно говоря, душа не обитает в теле, а выражается телом, которое, в свою очередь, как и плоть, обозначает всего живого человека. Поэтому понятия «жизнь» и «душа» часто оказываются равнозначными. Душа как субъект совпадает с нашим «Я» так же, как и библейские «сердце» или «плоть», но с большим оттенком внутренней углубленности и жизненной силы. Это «Я» выражается в различных видах деятельности, которые даже не всегда духовны. Так, например, в одной из притч Христовых богатый говорит: «Скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог сказал ему: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя» (Лк. 12: 19–20).

Душа — это символ жизни, но не ее источник. Источник жизни — Бог, действующий посредством своего Духа. «И вдунул (Бог. — *Архиеп. К.*) в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2: 7).

Отличие человека от других тварей в том, что он органично соединяет в себе два мира — материальный и духовный. Потому процесс их разделения, или смерти, так страшен и томителен для человека, что он перестает быть человеком. Несомненно, душа нуждается в теле, а тело в душе. Душа не совершенна без тела, а тело не совершенно без души.

Существует также тесная связь между духом и мозговой деятельностью. Всякая духовная деятельность связана с мозговой; всякая мозговая деятельность имеет духовный аспект. Человеческая душа, используя мозг, замутненный болезнью или пребывающий в состоянии опьянения, не сможет рассуждать здраво. Так же как и самый великий музыкант не смог бы исполнить шедевр на разбитом фортепиано. Душа не будет свободна в своем выборе, если ее парализует плохая работа организма. Существует разрываемая только смертью органичная связь между душой и телом. Через болезнь уже начинает проявляться власть смерти над человеком, и поэтому Библия касается в основном религиозного значения болезней.

3. БОЛЕЗНЬ И ГРЕХ

Испытание болезнью должно возбудить в человеке сознание греха. В просительных псалмах это и отмечается: мольба об исцелении всегда сопровождается признанием грехов: «Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих. Ибо беззакония мои пре-высили голову мою... Смердят, гноятся раны мои от безумия моего» (Пс. 37: 4–6). Однако встает вопрос, является ли каждая болезнь следствием личных грехов болящего? И ответ на этот вопрос не всегда ясен.

Медицина у библейских народов была в ведении жрецов и в известной мере сохраняла связь с магией. Библия своему народу запрещает применение магии, связанной с идолопоклонничеством. Но в Ветхом Завете связь священника с врачом была очень тесной. При религиозном взгляде на болезнь исцеление понималось как знамение того, что человек прощен Богом, «ибо Я Господь (Бог твой), целитель твой» (Исх. 15: 26). В целом медицин-

ские знания были крайне поверхностны: не обнаружено никаких следов существования медицинского образования в библейской Палестине. В Библии до эпохи Царств нет никакого упоминания о врачах. Как и в Древнем Египте, откуда вышли евреи, медицинские обязанности в годы исхода нередко исполнялись священниками. Они осматривали больного в случае проказы, налагали карантин, следили за санитарным состоянием стана и соблюдением личной гигиены. Вся 13 глава Книги Левит посвящена дифференциальной диагностике кожных заболеваний, 14 глава — диагнозу и лечению проказы, 15 глава содержит предписания о чистоте тела мужчины и женщины.

Из 2 Книги Паралипоменон (16: 12) известно, что Аса, царь Иудейский, «в болезни своей взыскал не Господа, а врачей». Летописец упрекает Асу в том, что тот обратился не к Господу, но только к врачам, чтобы исцелиться от болезни, которая была карой Божией.

38 глава Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в свою очередь содержит настоящий гимн медицине: «Почитай врача честью по надобности в нем; ибо Господь создал его, и от Вышнего врачевание, и от царя получает он дар. Знание врача возвысит его голову, и между вельможами он будет в почете. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими... Для того Он (Бог. — Архиеп. К.) и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его: ими он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготавливающий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и через него бывает благо на лице земли. Сын мой! В болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь, и исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце. Вознеси благоухание и из семидала памятную жертву, и сделай приношение тучное, как бы уже умирающий.. И дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен. В иное время и в их руках бывает успех. Ибо и они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни» (Сир. 38: 1–14). А уже следующий, 15 стих гласит: «Но кто согрешает пред Сотворившим его, да впадет в руки врача!» — это значит, просто пусть заболеет. Во всяком случае в еврейском тексте читается: «Кто грешит против Создателя своего, будет надмеваться и над врачом».

В Новом Завете апостол Павел называет Луку «врачом возлюбленным» (Кол. 4: 14).

4. ВИДЫ БОЛЕЗНЕЙ И ЛЕКАРСТВ

Медицинские знания священников, в чьих руках долгое время находилось врачебное дело, были традиционными и эмпирическими. Обряд жертвоприношения давал им некоторые представления об анатомии животных; анатомия же человека едва ли существовала как наука, принимая во внимание ветхозаветные обрядовые запреты, например, притрагиваться к мертвецу, не говоря уже о вскрытии трупа. В Библии очень мало ссылок на анатомические и физиологические факты.

Специфических названий заболеваний также очень мало. В основном употребляются слова: болезнь, слабость, немощь. Конкретно говорится о проказе, парше, лишае, чесотке. Мор, язва или чума часто упоминаются в Ветхом Завете. Бубонная чума была бичом библейских стран.

Выделения или истечения из половых органов являлись причиной ритуальной нечистоты (Лев. 15: 2). Некоторые из них были естественными, некоторые — результатом гонорей и потому инфекционными. Поскольку не было никаких способов их различения, самым безопасным было остерегаться всех этих видов. Не ясно, что знали евреи о венерических заболеваниях.

Слепота была широко распространена в Палестине и соседних странах. Можно выделить две главные болезни: трахома — вирусный конъюнктивит, являющийся до сих пор причиной слепоты на Ближнем и Среднем Востоке, и атрофия зрения, встречающаяся у стариков, как, например, у Исаака (Быт. 27: 1), священника Илия (1 Цар. 3: 2) и других. Слепота лишала человека права на священство, но сострадание к слепым вменялось в обязанность (Лев. 19: 14), а оскорбивший слепца — проклинался (Втор. 27: 18). Упомянутое апостолом Павлом «жало в плоти» (2 Кор. 12: 7) отождествляется с глазной болезнью.

5. ВРАЧ В БИБЛИИ

Что касается методов лечения, то в этом отношении Библия дает крайне скудные факты. Мы читаем об омовениях, помазании маслом, о наложении успокаивающих мазей на раны перед тем, как перевязать их (Ис. 1: 6), о пластыре из смокв, накладываемом на нарыв (Ис. 38: 21), об омовении вином и маслом ран милосердным самарянином (Лк. 10: 34), о согревании тела другим телом, как Ависага согревала престарелого Давида (3 Цар. 1: 2). В Библии очень мало лекарств, принимаемых внутрь. Вино со смирною, предложенное Иисусу на Кресте, предназначалось для облегчения боли. Смирна, или мирра, есть легкое снотворное. Апостол Павел советовал Тимофею употреблять немного вина для облегчения его желудочных болей (1 Тим. 5: 23). Мандрагоры считались способствующими зачатию. Большинство же средств как в еврейской, так и в египетской фармакопее были диетическими, например: мука, молоко, уксус, вино, вода, миндаль, смоквы, изюм, апельсины, мед. Об аптечном искусстве говорится только в смысле приготовления благовоний.

Важнейшей хирургической операцией следует считать обрезание, изначально совершавшееся кремниевым ножом. Евнухи, или кастраты, как правило, не допускались до служения Богу. В эпоху Царств евнухи играли значительную роль при дворе, как вообще при восточных дворах до самого последнего времени. О шиле для покалывания уха говорится в Книге Исход (21: 6): «Пусть господин (Раба. — Архиеп. К.) ...поставит его к двери, или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно». Вот и вся хирургия.

Врачевательное служение Христа Иисуса было принято апостолами как наследие наряду с Его учением. Исцеление больных рассматривалось как первейший долг Церкви в начальную христианскую эпоху. В числе харизм апостол Павел также упоминает «дары исцелений» (1 Кор. 12: 9). По примеру апостолов и пресвитеры Церкви преподают помазание елеем во имя Господне больным, «и молитва веры исцелит болящего» (Иак. 5: 14–15). Но здесь речь идет уже о благодатном воздействии Таинства, а это особая тема.

Скажу только, что со времени Иисуса Христа значение болезни видится не в том, что она должна исчезнуть с лица земли, а в том, что Божественная сила, которая ее в конце концов победит, уже действует на земле. Ибо болезнь, хотя и имеет некий смысл, все же остается злом. В эсхатологических откровениях ее не будет, и листья древа жизни будут исцелять народы. (Откр. 22: 2)

*(по трудам
архиепископа Иннокентия)*

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г. и № 1, 2, 3, 4 за 2010 г.

Откуда же такая сладость греха и горечь добродетели? Может быть, на самом деле грех сладок, а добродетель горька по самому существу своему?

Конечно, нет... Это только кажется так нам, а на деле совсем наоборот. Добродетельные люди в самых страданиях земных находят себе покой и утешение, а злые люди сами мучаются и горько страдают. Чтобы почувствовать горечь греха и сладость добродетели — надо иметь вкус чистый (как говорит архиепископ Иннокентий), а у нас, взрослых людей, его уже нет.

Юным людям, еще не испорченным, все доброе гораздо приятнее, и к нему сердце тянется, а злое все отвратительно. Но, к сожалению, время идет, и наша чувственность берет верх над рассудком, примеры и обычаи заглушают совесть, ко греху привыкаем, и духовный вкус постепенно превращается так, что добродетель горькою кажется, а порок — сладким и приятным.

Далее.

I — Мы уже рождаемся с поврежденными душою и телом и не знаем, и не видим, каким же бывает человек, не поврежденный грехом, нам не с чем сравнить себя, и так как везде и всюду люди одинаковые, нам и кажется, что такое состояние вполне нормально, и ничего не поделаешь, жить ведь надо, ну и живи.

II — Нас нужно долго и много лечить, чтобы освободить от греха, надо много принимать горьких лекарств; жить не так, как хочется, а как «велят» совесть и Евангелие,

надо терпеть различные лишения — в надежде исправиться и получить утешение после — за гробом.

«А тут является грех и говорит: к чему эти лишения? Что тебе мучить себя? Ты таков, каким должен быть; по крайней мере не так худ, как тебе изображают вера и религия. Живи как хочется. Пользуйся всем, чем можно: лови удовольствия и радости, их и так немного».

И человек в самом деле думает: обещают журавля в небе, а вот тут какая ни на есть синица — и в руки. И... дальше понятно.

III — Опыт мог бы показать грешнику ужасные бедствия от греха — но грех так искусно прикрывает эту сторону от человека, говоря: «Конечно, все это бывает, но этого может и не быть; ты примешь надлежащие меры, и на твою долю достанутся только одни удовольствия».

IV — Кроме того, грех имеет удивительную способность разнообразить ядовитую сладость свою, смотря по требованию. Для людей чувственных — плотские удовольствия. Для людей, ищущих радостей душевных — иное: например, скупому — радость при взгляде на кучу денег. Для людей ума — наслаждения умственные. Даже для людей-подвижников есть сладкая отравка: тщеславие и гордость.

V — Что же делает грех с человеком? В чем порча существа человеческого от греха?

«Сладость греха, вкушаемая, обессиливает человека во всем его существе, отнимает от него часть внутреннего чувства и разумного самосознания, неприметно погружает, таким образом, сначала в сон духовный, а потом в душевное оцепенение и мертвенность. Умерщвленный страстями грешник видя не видит, слыша не слышит.

Сколько раз ни восходит над ним солнце благодати, сколько ни слышит он Слово Божие и Христа наставления — все это для него как бы не существует, потому что грех ослепил его ум, заглушил его внутренний слух, подавил в нем совесть, умертвил его дух». Что может быть страшнее такого состояния?..

VI — Практически, на деле, как это выражается?.. Что переживает человек, если захочет освободиться от цепей греха? Великолепный по ясности изображения пример дает нам святой Апостол Павел в своем послании к Римлянам, гл. 7, ст. 14–28. Описывает это состояние сам переживающий его, нисколько не прикрашивая и не убавляя ничего.

VII — Ужас греховных цепей человека, страшное его состояние еще больше и яснее предстанет нам, если мы подумаем о том, что понадобилось Самому Сыну Божию прийти на землю и так страшно страдать на Кресте и умереть, чтобы освободить человечество от греха, проклятия и смерти духовной.

Все это так — немножко понятно становится нам наше горестное состояние. Но все же что нам-то делать? Что нам делать, чтобы не оказаться вне врат рая, нам так желанного?

Господь говорит в Евангелии от Луки: Должно молиться и не унывать (Лк. 18, 1). Тот же Господь Иисус Христос говорит: Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете (Мф. 7, 7–8). А в Евангелии от Марка эти речи о молитве Господь подкрепляет еще таким совершенно ясным и твердым обещанием: Потому говорю вам, все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, и будет вам (Мк. 11, 24).

Как видите, совершенно ясно и понятно, что нужно делать. Молиться с искренней верой в Господа и с глубокой надеждой, что все, чего просили, обязательно будет...

Когда? — вот вопрос... Нам хочется, чтобы как можно скорее, сейчас... А может быть, сейчас-то и нельзя нам дать?.. Быть может, это «сейчас»-то во вред послужит, а не на пользу... Мы ведь это не знаем, а Господь знает...

Но... это замедление в исполнении просьбы сильно соблазняет человека: так и кажется, что и не бывать тому, чего прошу я у Господа... Сейчас не дает, думает человек, значит, и не даст никогда... А раз так, то стоит ли и молиться?.. Уже жара в молитве нет, уже молитва не та, а если так продолжается, то скоро и вовсе молитва исчезнет.

Молитва есть протянутая рука... А если рука не протянута, как узнать, просит человек или нет? И возможно, что такому непросящему действительно мало надежды получить что-нибудь... Вот наше горе!..

Говорим: веры мало — потому и молитвы нет... А вера получается молитвой. Говорим: надежды на Господа нет — а надежда достигается молитвой.

И так все: все доброе у Господа, и получить его можно только молитвой к Господу... А мы не молимся, ссылаясь на то, что нет ничего доброго у меня. И сердце охладевает к молитве, к вере и ко всему доброму...

А кто же в таком случае с удовольствием хихикает, мохнатые лапы свои потирает?!

Молиться и не унывать (Лк. 8, 1), если не скоро наши просьбы исполнятся, — вот что надо крепко помнить!.. И на земной нашей работе не сразу человека выдвигают на лучшее место, а есть испытательный срок, да и не один... Надо посмотреть, чего он стоит, можно ли на него положиться, не будет ли вред для дела, вместо пользы...

И Господь испытывает человека, стоит ли он чего-нибудь... Хотя Господь Бог Всеведущий — вперед знает все о человеке, но Он дает человеку самому испытать крепость и твердость своей веры, своих желаний, своих исканий... Ведь Он же сказал: Не мечите бисера перед свиньями, могут растоптать ногами своими... Ведь то, что мы ищем, — безмерно дороже всяких бисеров, всяких драгоценностей земных.

Как хорошо в притче говорит Господь: человек узнал, что на таком-то участке земли закопано сокровище в земле. Он сразу же решает, идет, продает все свое имущество, все-все, что имеет, и покупает этот участок, и рад, сознавая, что сокровище то он приобрел.

Так и христианин истинный, желая получить Царствие Божие, оставляет все свое, что мешает этому делу, отказывается от своих желаний, собственных привязанностей, себялюбивых мыслей, греховных привычек и упорно, настойчиво добивается своей цели.

Молиться и не унывать, молиться упорно, усердно, настойчиво. Отец Алексей Колокосов говорил своей прихожанке, которая горевала, что любимой дочери ее нет счастья в жизни: «Иди в Казанский собор, припади к иконе Богоматери и проси Ее сделать счастье дочери твоей. Моли упорно, усердно. Говори: Матерь Божия! Сделай мне по просьбе моей, обязательно сделай. Сегодня не сделаешь — завтра приду и послезавтра и дальше буду ходить. Не отстану, не брошу, пока не дашь... Вымолю у Тебя радость доченьке своей...»

Святые подвижники говорят, что человеку неприятна наша настойчивость, назойливость в наших просьбах, а Господу такая настойчивость, та-

кое усердие — очень любезны. Такая упорная молитва наша показывает, что человек искренне хочет получить просимое; что он понимает, как велико и ценно оно и как крайне нужно получить просимое; что он понимает, как без этого дара и жизнь не в жизнь. И конечно, такой человек, когда получит просимое, не бросит его, не обойдется легкомысленно с полученным, а будет беречь и ценить полученное с таким тяжелым трудом.

А это все, по мысли епископа Феофана, доказывает, что человек уже способен, уже готов принять дар Божий. Святые Божии и говорят, что Господь готов дать, рад дать все-все-все человеку, лишь бы человек был способен принять дары Божии. Он будет со страхом и трепетом беречь и хранить полученное — со страхом, как бы не потерять полученный дар. Получишь ли вновь — неизвестно, а если потеряешь — навсегда. Таково учение Церкви Святой. И конечно, вы слышали, и не раз, это учение...

А думали ли мы о том, почему же оно не действует на нас? Послушаем — и опять за свое... На это говорят, что мы не знаем и не представляем всей ценности небесных даров и всего ужаса вечных мучений. Преп. Серафим Саровский говорил одному человеку: «Радость моя!.. Если бы человек знал, какие несказанные радости уготованы Святым Божиим, он бы согласился перенести самые ужасные земные муки, согласился бы всю жизнь пробыть в гнилом болоте с червями, лишь бы не лишиться Царства Небесного...». Он же своему ученику Н. А. Мотовилову дал на самом деле испытать малое время муки адовы, и тот после с ужасом вспоминал о них.

А мы с вами ни радостей Неба, ни ужасов Суда не знаем, не верим учению этому, топчемся на одном месте, не идем ни туда, ни сюда. А как же получить то, чему и не верим даже?..

Господь Иисус Христос сказал: Если можешь сколько-нибудь верить, все возможно верующему. Отсюда ясно и противоположное, что неверующему и ждать нечего.

И еще одного мы не знаем и также этому не верим, а между тем — это великая истина. А что же это?.. А вот что: Щедр и милостив Господь! Долготерпелив и Многомилостив! Не до конца прогневается, ниже во век враждует!..

Я, получивший на своем веку так много дивной милости Божией, всегда с радостью и с искренним чувством благодарности произношу эти прекрасные слова...

Да и всякий из нас так же скажет... Родные мои! Братья мои!.. Сестры мои!.. О если бы вы знали ясно и постоянно чувствовали, как давно жалеет нас Господь!.. С какой любовью и вместе с тоской и сейчас смотрит Он на нас!.. Как Он хочет дать нам все-все-все!..

Если бы это почувствовали, с каким пылом сыновней любви мы бы потянулись к Нему, с какой бы радостью сели у ног Его и слушали в сладость Его дивные речи!..

Как бы нам была дорога молитва — эта беседа с Дорогим, Милым, Ласковым Отцом Небесным!..

Как бы мы бежали в Божий Храм — эту надежную пристань в море житейском — и как бы мы дорожили тем, что пришли сюда! И как бы строго следили за собою в храме, чтобы не оскорбить Господа смехом, разговорами ненужными!..

Какой болью и тоскою наполняется сердце вашего пастыря, когда видишь неблагоговение, благочиние ваше в храме — и только стоишь перед Престолом Божиим со скорбною мольбою: «Отче! прости им — они не понимают, что делают!» А совесть, а Ангел Хранитель с тихим укором в сердце отвечают: «А ты где? Почему не сказал? Почему не научил!» Да они обижаются! Они сердятся, Господи, когда скажешь им! И в чувстве беспомощности своей только упадешь к ногам Господа, и замрет сердце в безмолвной молитве за вас и за себя...

Дорогие мои! Дорожите каждой минутой, проведенной в храме!.. Как тоскуют те, которые за дальностью расстояния не могут побывать в храме!.. Если бы вы знали!

Любовь Божия к нам безгранична!.. Тянитесь к Нему везде и всегда, как тянется цветок к солнышку!.. Он везде и всегда с нами... мы часто отвращаемся, бежим от Него и идем к врагу Господню и нашему. Но Господь наш и тогда бежит за нами, и ждет нас, и зовет нас к Себе...

А вы (знаю) скажете: а как же грехи мои?..

Не грех страшен, страшно нераскаяние. Страшно, когда грешник не хочет каяться... Не слушает глас Отца Небесного: Приходите и рассудимся, и если будут грехи ваши, как багряные, как снег убелю.

Родные мои! Послушайтесь голоса Отца Небесного! Идите к нему, искренне кайтесь, хайте себя, укоряйте себя... Он — Бог кающихся, всех нас пожалует. Только не унывать!.. Унывать нам не указано!.. Согрешили — будем каяться. Как квартиру чистим, так и душу будем чистить часто, вымывать слезами покаянными. И каждый раз что-то новое упадет на сердце — и слава Богу! — хоть по крошечке, хоть помаленьку.

И Господь нам дивно сказал: Не приходит Царствие Божие приметным образом. Царствие Божие — это когда и мысли, и желания, и чувства, и намерения наши — все, все будет угодно Господу...

Не приходит приметным образом. Как закваска в тесте постепенно, помаленьку делает свое дело — и вскисает все... Так и у нас... Помаленьку, постепенно, от исповеди до исповеди, как по вехам — дороге. Бог даст, и дойдем до врат Царствия Небесного...

А если не успею, а если смерть раньше захватит, на полдороге?

Нет! Так не бывает! Только не унывать! Только тянуться к Господу! Только просить и молиться везде и всегда: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Закончим словами иеросхимонаха Парфения Киевского: «Всякому, хотящему спастися, надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он и вразумит, и наставит, и от греха сохранит тебя, а сам по себе ничего не сделаешь. Без Бога ни до порога».

В Слове Божием мы находим такие места:

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся, вдруг, во мгновение ока при последней трубе: ибо вострубит, и мертвые восстанут нетленные, и мы изменимся. (1 Кор. XV, 51–52.)

Ибо всем нам должно явиться пред Судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он сделал, живя в теле, доброе или худое. (Кор. V, 10.)

Ибо сие говорим вам словами Господа, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде: потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем... (Солун. IV, 15–17).

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят! (2 Петр. III, 10.)

СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО

Издание произведений русских мыслителей на сербском языке

Главный редактор сербского издательства «Логос» (Белград) Владимир Меденица — философ, литературовед, издатель, руководитель издательского проекта «Русские богоискатели», автор многих статей по русской философии, литературе, культуре. В подлинном смысле слова Владимир Меденица — это «подвижник русской культуры», по словам известного специалиста по русской философии, заслуженного профессора МГУ М. А. Маслина, Владимир Меденица предпринял совершенно невероятный проект — к 2008 году он издал 110 томов. Среди них философские труды Ф. Достоевского, В. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Федорова, В. Розанова, Д. Мережковского и т. д. «Это просто потрясающе, — говорит доктор исторических наук, профессор, ректор Коломенского государственного педагогического института А. Б. Мазуров, — что один человек смог осилить такой проект по пропаганде русского культурного наследия»¹. Кроме классиков русской мысли Владимир Меденица публикует современных философов, среди которых С. Г. Семенова, А. Г. Гачева, В. В. Варава. Важным событием было переиздание на сербский язык в издательстве «Логос» в 2008 году энциклопедического словаря «Русская философия» (М., 2007) под редакцией профессора М. А. Маслина.

¹ Мы — славяне. Интервью с А. Б. Мазуровым по поводу выхода сборника научных статей «Россия и славянский мир. История, язык, культура», 2008 // <http://uz.colonna.ru/rubric/culture/1037.html>

Елена ШАЛЯПИНА

«С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ, ЧАДА БОЖИИ!»

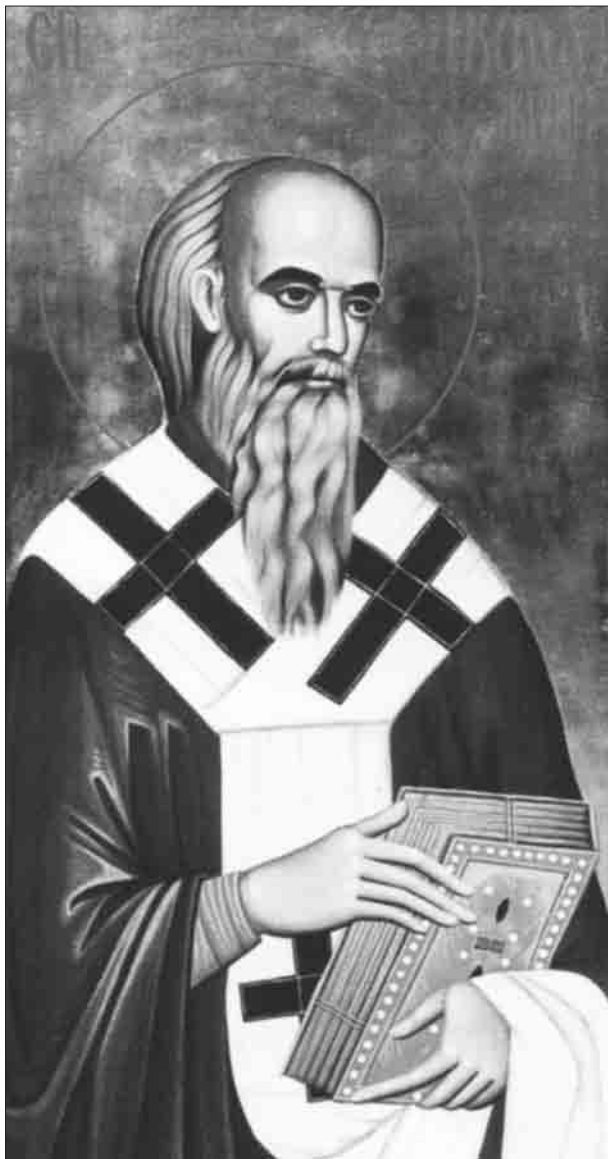
*К 130-летию
со дня рождения
святителя Николая
Сербского (1881–1956)*

Елена Леонидовна Шаляпина — родилась в Ленинграде в 1955 г. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работает библиографом в Центральной военно-морской библиотеке и, одновременно, свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). Живет в Санкт-Петербурге.

В 2011 г. исполняется 130 лет со дня рождения, 55 лет со дня блаженной кончины и 20 лет со дня перенесения честных мощей (из США в Сербию) святого владыки Николая Сербского (Велимировича). В 31-ю годовщину упокоения владыки Николая 5 (18) марта 1987 г. в кафедральном соборе города Шабца состоялось прославление святителя Николая, епископа Охридского и Жичского, в лике местночтимых святых Шабачско-Валевской епархии. А 6 (19) мая 2003 г. Святой Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви единодушно и единогласно принял решение об официальной канонизации епископа Охридского и Жичского Николая (Велимировича) и внес его имя в календарь Святых Православной Церкви. Определением Собора память его совершается 5 (18) марта — в день упокоения и 20 апреля (3 мая) — в день перенесения мощей из Америки в Сербию.

Преподобный Иустин (Попович): «У сербского народа два великих вождя, два великих святителя, два пастыря добрых — святой Савва и святой владыка Николай... Мы смотрим на самые высокие вершины истории нашей, и высочайшая из них — это святой Савва, а за ним — святой владыка Николай Жичский... Начал как молодой иеромонах, а завершил как равноапостольный святитель Охридский и Жичский... Сербская душа томилась немотой, пока не родился владыка Николай и не нашел для нее слова, чтобы она заговорила».

Святитель Иоанн (Максимович): «В конце прошлого столетия привели к одному епископу маленькой тогда Сербии мальчика благословить в семинарию. “Куда нам такой, — сказал Владыка, взгля-

*Чудотворная икона Святителя Николая
Сербского из монастыря Святых Архангелов.
Косово. Утрачена в албанском погроме 2004 года*

что ему лишь второй Златоуст может воздать достойную хвалу, так и епископа Николая может похвалить единственно ему равный».

Преподобный Иустин (Попович) сравнивает святителя Николая со святым Саввой Сербским, называя его «величайшим после святого Саввы». Нужно понимать, кем являлся и является святой Савва для Сербии, чтобы оценить в должной мере такое сравнение, точнее, приравнивание. После святого Саввы — значит, следующий «путеводителю рода сербского крестonosного в веках» (тропарь свт. Николаю Сербскому). А родился будущий святитель в небольшом горном селении Лелич, в крестьянской семье,

нув на ребенка, — зачем посылать такое немоцное дитя? Не выдержит там, помрет, и зря выбросим деньги». Видя, однако, сколь мальчик охоч до учения, владыка все же решил послать его в семинарию... Тот маленький мальчик, такой слабосильный, что боялись его в школу отдать, сделался великий учитель Церкви Православной, проповедник православной веры, мудрый пастырь, духовный вождь Сербии, столп своего отечества, апостол православия в дальних землях. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немоцное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог... (1 Кор. 1, 27–28.) Своими литературными трудами владыка Николай вошел в ряд великих церковных писателей — отцов Церкви. Он является украшением и славой Сербской Церкви и одновременно принадлежит полноте Православной Церкви. Как о святом Иоанне Златоусте сказал святой Прокл,

23 декабря 1880 г. (5 января 1881 г.), накануне Рождественского сочельника. Крещен с именем Никола в приходской церкви Святых Архангелов Михаила и Гавриила в близком монастыре Челие. Учился в начальной школе при этом же монастыре. Продолжил обучение в гимназии города Валево, затем в Свято-Саввской семинарии в Белграде. Учился блестяще, несмотря на трудности. Еще будучи семинаристом, будущий монах и епископ обнаружил склонность к проповедничеству. Когда другие ученики проводили свой досуг где-нибудь на берегу озера, Никола Велимирович проповедовал на лесной поляне, обращаясь к деревьям. Прочитал сверх программы все основные произведения мировой художественной литературы, ознакомился с главными, древними и современными, трудами по философии. Его особенное внимание привлекало родное поэтическое наследие, в первую очередь поэзия Петра Негоша, творчеству которого посвятил (в 1911 г.) монографию «Религия Негоша». В совершенстве овладел русским языком, стремился выучить и другие европейские языки. Впоследствии отлично владел английским, немецким, французским. По окончании семинарии в 1902 г. некоторое время преподает в сельских школах, публикует первые статьи в православных и научно-литературных изданиях. В 1904 г. становится, как лучший выпускник семинарии, государственным стипендиатом и отправляется для дальнейшего обучения за границу. Выбирает Старокатолический институт в Берне, наиболее приемлемое учебное заведение для православных студентов. Заканчивает обучение 28-летний Никола Велимирович диссертацией на тему: «Вера в Воскресение Христова как основной догмат Апостольской Церкви». 1909 год проводит в Оксфорде, где оканчивает философский факультет диссертацией «Философия Беркли», которую защищает уже в Женеве на французском языке (оксфордские богословы не допустили доктора Велимировича за обличение им протестантской ереси к защите готовой диссертации).

По возвращении на родину осенью 1909 г. Никола заболевает дизентерией. Во время болезни, угрожавшей его жизни, он дает обет Богу в случае выздоровления принять монашество и... выздоравливает. Еще не вполне оправившись от болезни, Никола, по благословению митрополита Сербии Димитрия, поступает послушником в монастырь Раковица под Белградом. 17 декабря 1909 г. он принимает постриг с именем Николай, 19 декабря его рукополагают в иеродиакона, а 20 декабря — в иеромонаха. Свою первую проповедь иеромонах Николай произносит в белградском кафедральном соборе в день памяти первомученика архидиакона Стефана. Дар слова молодого проповедника был столь велик, что его речи называли «небоотверзающими» и говорили, что «со времен святого Саввы сербская земля не знала пастыря такой интеллектуальной и нравственной силы». Тем не менее митрополит Димитрий благословляет о. Николая на поездку в Россию, чтобы он там «оправославился» (западное образование оказало на него, конечно, некоторое влияние). Православный дух Святой Руси стал для будущего святителя одной из мощных сил, сформировавших его духовную личность. Все исследователи его биографии и творчества сходятся в том мнении, что из России о. Николай уехал другим человеком. И Россию он полюбил навсегда, хотя пробыл там не дольше года. В дальнейшем он умел найти самые сокровенные слова утешения для своей паствы из числа русских эмигрантов. В 1920-е годы он первым в мире заговорил о необ-

ходимости почитания памяти ныне канонизированных Царя-страстотерпца Николая и его семьи. Он писал (в 1932 г.): «Посмеем ли мы когда-нибудь забыть, что русский царь с детьми своими и с миллионами братьев своих пошел на смерть за правду сербского народа? Посмеем ли умолчать пред небом и землей, что наша свобода и государственность стоят России больше, чем нам? Мораль мировой войны, неясная, сомнительная и с разных сторон оспариваемая, являет себя в русской жертве за сербов в евангельской ясности...» Его проповедь о святом равноапостольном князе Владимире, те его «Миссионерские письма», в которых владыка Николай отвечает своим корреспондентам на вопросы о России, являют не только его искреннюю любовь к русским людям, но и глубокое понимание духовного смысла русской истории. Он сравнивал Россию с Иовом Многострадальным и твердо верил в ее будущую славу.

Во время Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны о. Николай активно участвует в жизни своего отечества, выступает с проповедями и беседами. В 1914 г. уходит добровольцем на фронт в качестве полкового священника. Свое жалованье он перечисляет в пользу государства вплоть до конца войны. В 1915 г. премьер-министр Сербии направляет иеромонаха Николая, как уже известного в Европе духовного писателя и проповедника, с особой миссией в Англию и Америку, отстаивать национальные интересы страны. Эта «командировка» продлилась до апреля 1919 г. Он читает лекции в университетах, колледжах, в самых различных залах и собраниях, проповедует в церквях. Выступает иногда по 5–6 раз в день, встречается с учеными, политиками, церковными деятелями. Архиепископ Кентерберийский назвал его величайшим человеком, какого когда-либо видел и слышал. Главнокомандующий британской армии сказал как-то на встрече с сербскими офицерами: «Вам нечего беспокоиться за исход войны, ведь у вас целых три армии: ваша собственная, мы, ваши союзники и отец Николай». В результате его деятельности появилось несколько английских госпиталей на о. Корфу — месте эвакуации сербской армии, на Салоникский фронт отправилось значительное число добровольцев (из сербских эмигрантов), была собрана немалая материальная помощь для сербских беженцев. Михайло Пупин, православный серб, известный ученый, уже после войны сказал о нем: «То, что в Средние века сделал для Сербии святой Савва меж иными народами, сделал в наше время отец Николай в англосаксонском мире».

25 марта 1919 г. иеромонах Николай был избран епископом Жичским. Это известие застало его в Англии. «Жича — сердце Сербии, здесь в Средние века проходили церковно-народные соборы, коронация первого короля. Здесь живут в основном сербы, и сюда могли поставить только такого патриота, как святитель Николай. Он берег сербские традиции, любил народную музыку, сам написал много песен (в том числе для детей)» (иеромонах Игнатий). С конца 1920 г. владыка Николай возглавляет уже Охридскую епархию. В это время он особенно углубленно изучает труды святых отцов Церкви, каждое лето посещает Святую Гору Афон, причем не только монастыри, но и пещерников, и постников. Владыка хорошо знал преподобного Силуана и других афонских старцев. «Охридский» период — особый. *«С ним происходит новое рождение, полагается начало святого жития. Николай-гений преображается в Николая-святителя, — пишет*

епископ Раишко-Призренский Артемий, — может быть, без этого “охридского перерождения”... он не был бы всенародный Деда Владыка, Святой Деда — новый сербский Златоуст. Златоуст не только по слову и проповедничеству, но и по трудам, по пастырству, по апостольскому и мученическому исповеданию Христа. Владыка Николай, как некогда святой Савва, незаметно стал светлой и святой совестью всего сербского народа... верующие сербы несомненно поняли и приняли владыку как своего духовного вождя, как Божьего пророка и святого».

Жил Владыка скромно. Поселился в старом митрополичьем доме, с балкона которого открывался дивный вид на Охридское озеро. Здесь им были написаны «Охридский пролог», «Гомилии», «Мысли о добре и зле», а также одно из лучших его произведений «Молитвы у озера», которое сравнивают с псалмами Давида. Свою небольшую епархию владыка обычно объезжал в коляске, сам правя вместо кучера. Нередко же отправлялся верхом или пешком. Владыка был очень доступен, люди приходили к нему запросто. О сирых и убогих заботился постоянно. Организовывал бесплатное питание для бедняков, открыл несколько детских домов для детей разных национальностей и вер, в том числе знаменитый «Богдай». Перед Второй мировой войной в этих детских домах нашли приют около 600 сирот и детей бедняков. Вернувшись на Жичскую кафедру в 1934 г., владыка Николай возглавил (с благословения Священного Синода Сербской Православной Церкви) народное «богомольческое» движение. Он писал так: *«...Некоторые про меня говорят: “Николай водит компанию с представителями социального дна. Не хочет он общаться с господами, а все время проводит с крестьянами, рабочими и какими-то там богомольцами...” Может ли быть чаша без дна и может ли удержаться вино в чаше без дна? Не может! А народ держит государство, Церковь, династию, святыню и все, что у нас есть. Народ есть дно, опора, и я — с этим народом. И я люблю свой народ»* («Жича в веках»). В недрах богомольческого движения произошло пробуждение и возрождение монашества. Началось восстановление разрушенных или пустовавших монастырей в Охридско-Битольской и Жичской епархиях, обновление и устройство кладбищ, памятников, колодцев. Своим трудом ради народа и вместе с народом владыка Николай завоевал его душу. К нему письменно и устно обращались за советом многие: священники и монахи, торговцы и ремесленники, офицеры и солдаты, рабочие и крестьяне, старые и молодые, сербы и русские. Без преувеличения можно сказать, что Сербская Православная Церковь до владыки Николая отличается от той, какой стала после него. Он не только привлек к церкви народные массы, но и восстановил духовную элиту (достаточно вспомнить ученика владыки преподобного Иустина (Поповича). После революции в России множество русских эмигрантов, в том числе священники Русской Православной Церкви, нашли в Сербии самое надежное пристанище, а митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Иоанн (Шанхайский) в лице епископа Николая — самого искреннего друга. В то время владыка Николай написал большое количество статей и не раз выступал в защиту русского народа, подчеркивая, что Россия страдает не только за свои грехи, но и за грехи других народов (см. «Миссионерские письма», письма 69, 151).

В Европе началась Вторая мировая война. Капитуляция Югославии застала владыку Николая в Жиче. Оккупационные власти сразу взяли его

под домашний арест. В своих проповедях Владыка называл Гитлера «библейским антихристом» и предрекал ему скорую гибель. Из всех сербских епископов он внушал нацистам наибольшие опасения. Известно личное распоряжение Гитлера «обезглавить верхушку Сербской Церкви, и в первую очередь патриарха Дожича, митрополита Зимонича и епископа Жичского Николая Велимировича». Сам владыка Николай сохранял силу и крепость духа, хотя и страдал безмерно, глядя на то, что творится вокруг. Он не бежал за границу (правительство предлагало ему личный самолет), но остался со своим народом, чтобы разделить его судьбу. В 1941–1942 гг. он претерпел заключение в монастыре Любостыня, в 1942–1944 гг. — в монастыре Войловица (сюда же доставили сербского патриарха Гавриила), а с сентября 1944 по май 1945 г. — в концлагере Дахау (вместе с Патриархом). В лагере святителей держали в отдельном здании с усиленной охраной, и в их обязанности входил вынос параша из бараков. Однажды за этой работой Владыка упал. Охранник хлестнул его кнутом. Рядом случился комендант лагеря, спросивший узников с усмешкой, как им тут нравится. Святейший ответил с негодованием: «Даже слепой видит, что гибель ваша предreshена и что за свои деяния вы примете заслуженную мзду!» Комендант резко спросил Владыку (который отлично знал немецкий): «Что он там болтает?» И Владыка кротко «перевел»: «Его Святейшество Патриарх удивляется совершенству вашей организации и идеальному порядку, нам здесь очень хорошо, но он просил бы вас, поскольку мы все-таки представители Церкви и уже старые люди, освободить нас от этой работы». С этого дня оба узника были освобождены от всех физических работ. *«В лагере так бывало, — рассказывал позднее Владыка, — забьешься в какой-нибудь угол и повторяешь в себе: “Господи! Аз есмь прах и пепел, возьми душу мою!” И душа вдруг возносится на небо, и ты видишь Бога прямо перед собой. Но выдержать не можешь и молишь Его: “Не готов я еще, Господи. Верни меня обратно”. А потом опять сидишь так часами и повторяешь: “Аз есмь прах и пепел, Господи, возьми душу мою”. И снова возносит тебя Господь... Всю свою жизнь, какая мне еще отпущена, отдал бы за один час жизни в Дахау, если б это было возможно».* **Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5, 8).**

В Дахау Владыка написал книгу «Сербскому народу сквозь тюремную решетку». За все же время заключения им были написаны «Феодул», «Индийские письма», «Сто слов о любви», «Сербский народ как раб Божий», «Мудрая игуменья Любостыньская» и другие, владыка исправил сербский перевод Нового Завета (XIX в.), перевел с русского книгу «Моя жизнь во Христе» св. Иоанна Кронштадтского (перевод, к сожалению, не сохранился). Литературного труда владыка Николай не оставлял до конца жизни и оставил по себе богатое наследие, объединенное ныне в 20-томном издании. Писал не только на сербском языке, но и на английском, немецком, русском.

Преподобный Иустин (Попович): «Все, что он написал, — непреходящая, Небесная, вечная драгоценность. Воистину, воспарив умом к великим угодникам Божиим, великим святым писателям Церкви Христовой, за святым Иоанном Златоустом, царьградским светилом, обретем ближайших ему святых владыку Николая, Иоанна Дамаскина, Григория Паламу и немногих еще других... Да если б не сей славный Златоуст

Сербский, разве была бы еще поэзия у сербов и сербства?.. Всякое его слово — песнь, песнь о Вечности».

Владыка Николай был освобожден из плена 8 мая 1945 г. Вернуться на родину, где был установлен богоборческий режим, он не смог. Перед ним лежал тернистый путь эмиграции. Он уезжает в Америку. Невзирая на скорби, на обострившиеся болезни, тоску по родине, владыка Николай и там нашел в себе силы для миссионерской и церковной деятельности, которая была по достоинству оценена православными (и не только) американцами. Его назвали апостолом и миссионером Нового Света, его образ помещен на иконе Собора Святых Северной Америки. С 1951 г. Владыка проживает в русском мужском монастыре святителя Тихона Задонского (куда перешел из сербской Свято-Саввской обители не по своей воле), преподает в семинарии догматику, пастырское богословие, гомилетику. Осенью 1955 г. его избирают ректором семинарии. На этой должности он находился до своей кончины, которая последовала ранним утром 5 (18) марта 1956 г. С вечера Владыка готовился к воскресной Литургии (18 марта было Прощеное Воскресенье), готовился служить в монастырском храме... В ночь с 17-го на 18-е марта неожиданно разыгралась сильная метель. Похоронили владыку Николая на кладбище монастыря Святого Саввы в Либертивилле 27 марта 1956 г.

*Епископ Артемий: «Прозорливый молитвенник, до самозабвения исполненный возвышенной евангельской любовью, владыка Николай был истинным отцом и пастырем словесного стада, которое доверил ему пасти Господь, и воистину без остатка приносил себя в жертву, чтобы защитить его от волков и сохранить в целости. Вся жизнь его была подобна жизни святых. И вполне естественно, что на нем исполнилось евангельское утверждение: **все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы (2 Тим. 3, 12).** Эта чаша не миновала и владыку Николая: он постоянно бывал гоним за свою добродетельную и святую жизнь. Но во всех бедах этот мученик за Христову правду никогда не падал духом, никогда не слабел, никогда не сомневался в “конечной победе добра”».*

12 мая 1991 г. святой владыка Николай Велимирович вернулся в родной Лелич, в свою задушбину — храм Святителя Николая Чудотворца. На встречу его честных мощей собралось до 30 000 верующих из всех сербских краев. Божественную Литургию под открытым небом служил Патриарх Сербский Павел в сослужении многочисленного духовенства. 12 мая 1996 г. было объявлено постановление Синода об открытии монастыря Лелич. На месте родного дома святителя Николая Сербского возведен храм в его честь. 8 мая 2004 г. в Сербии освящен первый в мире монастырь (женский) в честь святителя Николая Сербского. Монастырь расположен на западе Сербии у подножия горы Сокол. По воскресным и выходным дням к святителю Николаю приезжает по несколько автобусов с сербскими школьниками. Ныне, как и во время своей земной жизни, святой Николай Сербский радуется вместе со своим народом. И страдает вместе с ним. 17 марта 2004 г. в результате очередного албанского погрома сербского населения в Косово был разграблен и подожжен келейный корпус монастыря Святых Архангелов вместе с домовою церковью в честь святителя Николая Сербского. В пламени погрома погибла чудотворная икона святого Владыки. Но как сказал

он сам, «сейчас налицо не “албанская Голгофа” Сербии, а ее глобальная Голгофа».

Вспомним и такие его слова: *«А ты, наследник Христов, знай, что гонимые переживут гонителей. Ни одна вера в мире не была гонима так, как христианская, и вчера, и сегодня, и завтра... Для христиан в этом нет ничего неожиданного, ибо все это предвидел и предсказал наш Спаситель и на все обвинения и гонения наперед заповедал верным Своим: радуйтесь и веселитесь!»* (см. «Миссионерские письма»).

В заключение этого краткого обозрения жизни и подвига святого Николая Сербского и ввиду приближающегося праздника Рождества Христова примем в свое сердце слова поздравления: *«С Рождеством Христовым, чада Божии! Вот и наступил Благой день... Рождество — первый христианский Благой день, который осветил своим светом детей Адама и внес радость в их души, первый сладкий день после многих горьких дней безбожия. Рождество — Благой день прежде всего из-за того, что в этот день пришел в мир Благий Царь.... Рождество — Благой день и из-за явленной Христом жизни вечной. До этого дня лишь крошки падали в мир, чтобы напомнить людям о трапезе небесной жизни... Рождество — Благой день и из-за явленной во Христе любви. Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими, — пишет видевший Христа (1 Ин.3, 1). До явления Христа человеческий род не знал о любви Отца к детям и детей к Отцу... Наконец, Рождество — Благой день, ибо с явлением Сына Божия — Царя и Слуги, Господина и Мученика, Любящего и Гонимого, Распятого и Воскресшего — открылись людям сила и мудрость, и благодать, и полнота других Божественных даров. Да откроет и вам Господь зрение духовное, да видите все блага, явленные и принесенные нам рождением Сына Божия».*

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Юрий МИКУЛИН

«POST SCRIPTUM»

Юрий Игоревич Микулин — родился в 1957 году, право-славный, образование высшее. Пишет пьесы, стихи, эссе. Публикации: Россия (альманах «Клад», журналы «Южная звезда», «Волга XXI век», «Российский колокол», «Литературный журнал», сборник «За жизнь», газета «Театральные ведомости»), США — (газеты «Континент», «Обзор», Международный альманах поэзии Сан-Хосе), Белоруссия — журнал «Неман». **Живет в Москве.**

Стихотворения как дети, нет среди них для автора нелюбимых, но все они такие разные и есть трудные, которые непонятно, как и почему приходят и, ни за что потом не желают отпускать тебя.

Может быть, вы замечали, что иногда за внешней простотой стихотворения скрывается что-то неясное, влекущее как медленный заворачивающий взгляд водоворот омута, как нескончаемая бездна ясного ночного неба. В таких поэтических произведениях каждое слово, особенно если вы читаете внимательно и вдумчиво, отзывается порой лавиной воспоминаний или россыпью аллюзий дробящихся при попытке выстроить что-то цельное.

Мне кажется, что порою просто невозможно понять, в силу каких психо-химических реакций вдруг возникает среди бела дня или во сне обрывок фразы или слово, которое мучает тебя, заставляет садиться к столу и пытаться, в который раз пытаться понять...

Все поэты, наверное, пишут по-разному хотя бы в силу того, что у каждого из них свое творческое лицо, своя жизнь, да и сама поэзия этого требует, поскольку органически не выносит штампов. Но вот, что может показаться странным в поэтической работе стороннему человеку, так это описанное выше возвращение к уже вроде бы законченному стихотворению.

Что тут говорить о постороннем человеке, если мне самому иногда трудно понять, почему какое-то слово вдруг начинает мешать и цеплять как заноза, что вдруг впиалась в ладонь. И тогда не доверяя своим глазам, ты как слепой возвращаешься к работе над написанным стихотворением. Это выглядит так, как если бы в острой и вроде бы ошкуренной доске проявилась занозистость...

В этом возвращении к написанному ранее стихотворению, наверное, можно усмотреть кажущуюся на первый взгляд, незавершенность или лучше сказать своего рода эскизность его, но как мне кажется, в значительно большей степени это есть признание факта многосложности отображаемого мира и бесконечности его постижения буквально во всем.

Откровенно говоря, мне не приходило в голову попытаться вести такого рода статистику, да это, наверное, и не нужно. Хотя внимательный читатель легко может вспомнить в связи с этим, например, того же Осипа Эмилевича Мандельштама, который всегда аккуратно отмечал даты своего возвращения к работе над стихотворением и при этом нисколько ни стеснялся ни многократности этого процесса, ни того, что интервалы между этими событиями иногда достигали десятков лет.

Мне вообще кажется, что автор и написанная им вещь, продолжающие и вроде бы обреченные жить отдельно один от другого, при этом на самом деле при определенных обстоятельствах не разделимы по определению. Меняется человек, причем меняется постоянно и, если это не холодный ремесленник, то эволюционирует вместе с ним и его мировоззрение, его талант, а значит и его творчество.

Здесь, конечно, надо уточнить, что все-таки, как правило, это бывает с вещами, в которых автор поднимает весьма серьезные, или, как это принято говорить, проклятые, вечные вопросы. В этом случае, твои новые встречи с собственным произведением, а значит и возможные правки, вероятно, надо воспринимать просто как действительно жизненно необходимые и совершенно естественные.

Материал, тема если в них действительно есть глубина и, значит, недосказанность продолжают подспудно мучить человека и в данном случае не важно, кто ты — автор или читатель, и чем пронзительней затронутая тема, тем крепче нить, связывающая вас, с уже казалось бы давным-давно законченным, прочитанным и отложенным в сторону произведением.

Поэзия, настоящая поэзия — сокровенна по сути, как впрочем, и все что мы от души делаем в нашей жизни, и несет в себе, безусловно, субъективную, как и сам человек, но при этом, хронически правдивую попытку сохранить и понять что-то неясное, зыбкое и ускользающее имя чему — Истина.

Как мне кажется, все записные книжки, воспоминания очевидцев, личные письма, наконец, документы — все это только дополняет и не более того представление о том, что на самом деле было в определенный момент времени для автора самым важным. Главное всегда в том, что было сделано человеком и насколько это талантливо, а значит правдиво...

Как же мне жаль тех искусствоведов, которые большую часть своей жизни положили на то, что бы развенчать Шекспира или того же Шолохова, как людей, которые не могли, ну, никак не могли сами написать свои произведения.

Да разве сам факт наличия на листе бумаги снабженной соответствующими подписями и печатью слов о полученном имяреком образовании, или высокое происхождение дают хоть какую-то гарантию того, что у человека в литературе, музыке или науке получится более или менее стоящий результат? Нет, конечно, нет.

Образование, конечно нужно, и это глупо, да и невозможно отрицать, но главное всегда это внутреннее пространство человека с бесконечным и

мучительным процессом познания себя и окружающего мира, с жадной самовыражения, что, на мой взгляд, и составляет суть творческого процесса.

Конечно, и в этом надо признаться честно, все эти рецепты, безусловно, хороши, но без госпожи удачи, без яростных всплесков характера, без вмешательства случая, а если короче — без Божьего Промысла, чуда реализации прозрения в поэтическом произведении не произойдет.

Вы можете верить, можете не верить мне на слово, но чудесное появление талантливых вещей, безусловно ожидаемо, и сродни безотчетной жажде счастья, присущей каждому человеку, но почему-то всегда эти произведения при этом рождаются неожиданно и, что еще более странно, происходит это радостно и в каком-то смысле даже легко.

Подойти к стихотворению, почувствовать блаженство этого состояния очень трудно, а потом, вдруг, словно кто-то взял и снял катаракту с глаз, путы с сердца и становится, пусть и на очень короткое время, легко...

Совершенно невозможно понять, почему приходит, наконец, день, когда твоя рука начинает строку, для которой в твоей жизни, в твоём личном эмоциональном опыте, казалось бы, нет, и не было ранее прямой, видимой побудительной основы. Но все-таки, положи руку на сердце, должен признать и уверить вас, что все стихийное, случайное в поэзии кажется таковым только на первый взгляд, и как ни странно, не является, просто не может являться ложным или надуманным.

Поэзия, настоящая поэзия, как бы высокопарно это не звучало, поражает воображение, душу людей именно в силу того, что в ней всегда есть место для настоящего откровения. В ее многосложности, недоговоренности скрыто, возможно, то, ради чего к ней раз за разом так тянет возвратиться, а именно — великая тайна Слова и жития...

Мне нужно было это все сказать вам, самому себе, поскольку мне и самому приходится возвращаться к тому, что было написано ранее, но продолжает, настойчиво продолжает звать меня к себе и сегодня.

Надо признаться, что и тогда, как мне кажется, что я уже почти наверняка знаю, а вернее сказать чувствую, в каком месте и почему строка, а вернее слово в ней, диссонирует по причине то ли фальши, то ли неточности, или может быть своего рода незрелости и вялости — успокоение от поставленной точки не наступает.

Это своего рода парадокс, когда стихотворение, вроде бы спокойное по тональности и камерности исполнения, на самом деле буквально перенасыщено внутренней энергетикой.

Может быть так нельзя, ведь об этом не принято говорить, но мне кажется, да что там, я почти наверняка знаю и уверен, что то, о чем оно было написано важно для нас всех, вне зависимости, осознаем мы это или нет...

Давайте просто попробуем, и пусть опять будет лето, самое начало ясного, солнечного дня, и зазвучит голос не очень молодого и не очень «складного» человека в монашеском одеянии, говорящего, как это с нами со всеми часто бывает, сам с собой.

Да, все было именно так, и когда я записывал первую строчку этого его внутреннего монолога — «Сегодня в послушание должен я...», мне уже было совершенно понятно, что человек, который, скажем так, практически диктует мне ее, находится, в монастыре и, что он, скорее всего монах.

Надо сказать, что никогда, решительно никогда ранее мне не приходилось бывать в действующем мужском монастыре какое-то более или менее продолжительное время, скажу больше, мне не доводилось даже просто беседовать с людьми этого сословия.

Не скрою, что думать об этих людях мне, как, наверное, и многим из нас, приходилось, но это, согласитесь, так естественно пытаться понять побудительные мотивы такого в достаточной степени неожиданного в наше время поворота в собственной судьбе.

Впрочем, все это не так уж и важно, ведь люди вообще по природе своей странные существа. Могу сказать, что если я доверяю человеку, то для меня становится достаточно легко писать о событиях, происходящих в местах, где я не был и вполне возможно никогда туда не попаду, и о которых знаю только со слов этого человека. И право неважно, что это за место — маленькая деревушка, затерявшаяся среди просторов нашей бесконечной России, прекрасная и величественная — Венеция, шумный Марракеш или Танжер.

Мне так же как и вам, порою очень непросто понять себя самого. Так, по непонятной для меня причине, я в своей реальной жизни все время невольно как бы тороплюсь поскорее уйти, придя в храм. Я, конечно, крещусь перед иконами в храме, ставлю свечки, и, пробормотав про себя что-то явно не каноническое, спешу уйти, на дневной свет. Не знаю почему, но как-то так получается, что и прихожу я в храм в такое время, когда там нет службы и практически нет людей.

Почему я, взрослый человек, так себя веду, мне трудно объяснить даже самому себе. Может быть, в какой-то степени это следствие того, что я рос в Стране, где Бога не было и быть не могло, или потому, что ни медицина, ни молитвы в свое время не смогли помочь очень и очень хорошим и светлым людям. Но мне кажется, что это происходит потому, что во мне и окружающем меня мире что-то не так, что-то очень давно не так...

Не знаю, как об этом сказать, ведь слова в данном случае плохо передают суть происходящего, но Храм для меня это действительно особое место, где Он есмь, где я, другие люди действительно становятся ближе к Нему. Почему-то я ощущаю это совершенно явственно, и никакие доказательства здесь не нужны, совсем не нужны, по крайней мере, для меня.

Вот ведь как получается, меня тянет зайти в храм, но значительно больше времени уходит на то, чтобы любоваться им со стороны, или просто постоять, рядом с ним молча уже после того, как я выйду из его пределов.

...Вы, может быть, знаете, да что я спрашиваю, наверняка знаете, что каждый монах в монастыре имеет свое задание, и что называется оно — послушанием. Тому монаху, которого я вдруг по непонятной для меня причине услышал, когда начал писать это все еще никак не озвученное здесь стихотворение, выпало в тот день привести в порядок баркас.

Мне почему-то казалось и кажется сейчас, что жизнь этого человека в монастыре, впрочем, как и в прошлой недавней мирской жизни, по разным причинам проходит и проходила трудно, и что он рад тому, что у него будет возможность побыть за работой практически одному...

Я совершенно явственно ощущал и тогда, и сейчас, что по левую сторону от перевернутого вверх дном баркаса на небольшом костерке, в старом ведре, разогревается битум. И еще, я почему-то знал, или, вернее сказать, чувствовал, что потом, когда в черном вареве побулькнут первые большие,

ленивые и плоские пузыри, монах возьмет в руки квоч и начнет смолить лодку.

Это даже хорошо, что рядом, на берегу канала, стоят липы и, по крайней мере, сейчас, утром, кроме них больше ни одной живой души не видно. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что деревья как и люди пытаются что-то рассмотреть в зеркале воды, а может быть, я ошибаюсь, и они просто любят...

Мне кажется, с одной стороны, немного странным, а с другой, совершенно естественным и понятным, что здесь, в этом нашем таком прекрасном мире, где мы с вами живем, человек думающий, совестливый человек несет в себе тяжесть и боль в душе, от которой, ну, нигде не удастся избавиться в этой жизни. Никак и нигде...

Впрочем, что же это я, ведь восхитительная утренняя прохлада уже ушла, солнце поднялось выше, и стало ощутимо припекать спину. И вот что еще, что надо, непременно надо отметить, это нарастающее ощущение какого-то необъяснимого волнения, которое, как мне казалось, росло в душе этого монаха, в окружающей его природе и передавалось мне.

Я не хочу, да и не буду спорить с людьми, которые скажут, что без вещественной причины просто так ничего такого не бывает и быть не может. Но, ведь я говорю о жизни духа человеческого, и не все, отнюдь не все там подчиняется вещественным и ощутимым фактам. Вот ведь и медицина пока не нашла и не предъявила вниманию широкой общественности такую инстанцию как душа, но, Господи, как же она порой болит, окаянная...

Мне трудно объяснить, почему вдруг как-то незаметно тишина становится такой тяжелой, или почему от едва слышимого однотонного звука, колыхания дневного марева вдруг становятся невыносимо трудно дышать и жить.

Кто испытывал это или подобное состояние, тот знает, что порой только работа приносит облегчение, особенно, если тебе, наконец, повезло и ты занят осмысленным, нужным и правильным делом.

Как хорошо, как славно, что человеку надо, действительно надо — продолжать работать и при этом никто не мешает думать и молиться, думать и ощущать при этом все вместе: свою малость, тоску, и еще всю эту подавляющую огромность и непомерную пугающую хрупкость прекрасного окружающего мира...

Я не могу, не могу понять, почему этот нескладный человек, эта простая вроде бы жанровая сценка так мучают меня и в какой раз заставляют возвращаться туда и размышлять о чем-то неожиданно важном при всей обыденности происходящего?

Мне бы очень хотелось, чтобы этому человеку, как и многим другим страждущим, стало хоть немного легче жить. Может быть я не прав, но мне кажется, что наше время в силу разных причин в значительной степени разобщило людей и лишило их великого чуда единения и сопереживания. Мы, как мне кажется, живем в страшное время, когда все и вся упрощается, и вроде бы делается это для нашего блага, но в нас так мало при этом остается от того великого образца человека, которого явила миру эпоха Возрождения...

Мне трудно это объяснить, но для меня на самом деле очень важно понять и поверить в этого монаха. Это, наверное, важно и не только для меня.

Мне кажется, что после всей истории войн, крови, подлости и лицемерия нам теперь должно быть очень, важно знать, что есть люди, которые верят несмотря ни на что, и значит, для меня, для всех нас есть, все-таки есть хоть какая-то надежда.

Это так, это действительно так поскольку, несмотря на все развитие современной науки, нам так нужна вера, поелику она и только она одна может сотворить чудо, когда уже ничего другого просто не остается. Ведь человек, который верит, может все, или, по крайней мере, почти все...

Но может быть, мне, всем нам надо понять и принять другое, то, что я пока не хочу понимать, о чем строки этого, так пока и не процитированного стихотворения, как мне кажется, к сожалению молчат.

Сегодня в своем нынешнем дне, где не осталось надежд, людям все еще доступно упование. И пусть мне никак невозможно поверить в то, что боль уйдет, и что, наконец, все в мире хоть когда-нибудь будет правильно, и много, много других разных что ..., но пусть будет с нами если не вера, то хотя бы это упование. Есть же, наконец, музыка, великие книги, чудесная природа, которые существуют, не смотря ни на что.

Как же все-таки неимоверно сложно передать то, о чем написано стихотворение. Оно ведь по непонятной причине при всей своей внешней аскезе в десятки, может сотни раз более эмоционально и информативно, чем эта моя нынешняя неуклюжая попытка вспомнить, попытаться в очередной раз поверить и понять, и хоть как-то, пусть только себе — объяснить.

Мы все знаем, я думаю, что знаем, что надо просто верить, но и эти слова остаются пустым звуком, если нет внутреннего, естественного как сама жизнь, наполнения, если слово не подкреплено энергетикой веры...

Но, что, же скажите делать, если моя вера не совершает чуда, и прекрасных людей настигают мучительные болезни, если продолжают гибнуть дети?.. Кто может объяснить, почему вроде бы верующие люди так легко начинают войны, если никак невозможно верить слову человека, несмотря на то, что и крест у него на груди и цепь к нему такого размера, что больше право некуда, и слова-то, вроде бы при этом он произносит правильные?

Вы, наверное, поняли, что пока я писал это свое стихотворение, у меня было ощущение того, что я стал в какой-то степени этим монахом, ощутил его боль и одновременно радость. Да, да и радость, как ни странно, тоже. Наша жизнь, сама природа человека такова, что он пытается найти и находит поддержку своей вере или что бывает, к сожалению чаще — забытье.

Вот и я, «глядя» на этого монаха, сам не заметил, как почти из абсолютного ничего, родилось это стихотворение, а то, что его строки продолжают меня к себе звать, означает лишь то, что оно живое и что-то ему от меня, как, впрочем, и мне от него нужно.

Надо честно признаться, что мне, право, было нужно, чтобы в последних строчках этого стихотворения вдруг возникли деревенские девушки, которые пришли на берег канала гадать о своем. Мне так хотелось помочь. Вы ведь, наверное, помните это странное ощущение ребенка, подростка, юноши или девушки, когда все еще кажется простым и естественным, когда мир такой светлый, прекрасный и радостный.

Эти девушки из моих стародавних воспоминаний, когда я, глядя на них, почти физически ощущал, как тщательно они плели свои венки из полевых цветов, как бережно опускали их на воду и как смотрели им вслед.

Они так надеялись на что-то, им самим, наверное, не очень понятное, имя чему — счастье...

Откровенно говоря, это не дело пытаться растолковать то, что я сам не до конца понимаю и за что в том числе так боготворю поэзию, но важно, безумно важно, что это нужно, как мне кажется, не только мне одному.

А теперь, с вашего разрешения пусть звучит это стихотворение, пусть звучит...

ПОСЛУШАНИЕ

*— Сегодня в послушанье должен я:
Баркас смолить, а после красить надо.
А рядом липы в зеркале канала,
Любуются на небо и себя.*

*— Нет ничего дурного на Земле...
И, кажется, что боль под солнцем тает.
Мир полнится, беззвучье нарастает —
Все это так тревожит душу мне.*

*Слова как бусинки на четках тишины,
Сами собой слагаются в молитву.
Вплетают девушки в венки простые мысли,
И, глядя вслед им, молят: «Доплыви...»*

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

**Светлана
ЗАМЛЕЛОВА**

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

Светлана Георгиевна Замлелова — родилась в Алма-Ате, окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва), член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, главный редактор литературных сайтов КАМЕР-ТОН <http://webkamerton.ru> и ВЕЛИКОРОССЪ <http://www.velykoross.ru>. Печаталась в газетах и журналах «Московский литератор», «Москвичка», «Наша губерния», «Немига литературная» (Беларусь), «Наше поколение» (Молдова) и др. **Живет в Москве.**

Было уже довольно поздно: десятый час в начале. А старик Матвей только возвращался домой из города. На автобусе он добрался до Ахтырки и, миновав село, шел теперь через заснеженное поле по узкой утоптанной чьими-то ногами тропке. Его родная деревня, Морозово, находилась в нескольких километрах от Ахтырки. Дороги туда никогда не было, и от тракта обычно добирались пешком. Оно бы и ничего, недалеко: сразу за полем речка, а как речку-то перейдешь, за березняком, вот так тебе прямо в глаза и Морозово. Но зимой, когда рано темнеет и все небо заволакивает тяжелыми, плотными тучами, так что ни луна, ни звезды не проглядывают и не видно собственную вытянутую руку, дорога кажется вдвое длиннее. Старик шел медленно, почти ощупью, вытаращившись в темноту и растопырив зачем-то руки в огромных меховых рукавицах, точно пытаясь что-то нащупать рядом с собой. Это был еще крепкий старик, высокий, с картинной седой бородой, густыми бровями, выдававшими вперед как два козырька. Черты лица его были резкими, но красивыми: крупный хищный нос, скифские скулы, узкие темные глаза.

Он отлично знал дорогу, но темноты не любил, чувствовал себя неуверенно и, признаться, побаивался волков. Он думал о том, что ему, старику, следовало бы сидеть о сю пору дома, у горячей печи, а не разгуливать в темноте по заснеженному полю, и о том, что дела, по которым он ездил в город, можно было бы отложить до весны. Он винил во всем жену, старуху Макариху, как звали ее в деревне (фамилия старика была Макаров), и уже предвкушал, как выговорит ей за то, что она услала его в город, хотя нужды ехать не было никакой.

А между тем поле кончилось. И Матвей, почувствовав уклон, скорее понял, чем увидел, что спускается к реке.

Здесь у реки одиноко растет корявая верба. И от вербы нужно пройти по берегу метров сто к мосту.

Старик еще замедлил шаг и, приминая на спуске снег, по несколько раз топал каждой ногой, желая убедиться, что вполне устойчиво стоит на снежных ступенях. Но вот наконец и верба. Матвей остановился, огляделся вокруг и, не увидав ничего, кроме веток одинокого дерева, крикнул. Потом отломил кусочек ветки, пожевал его зачем-то, плюнул досадливо и стал хлопать себя по карманам, отыскивая папиросы. Покурив и прокашлявшись после, Матвей, повеселевший и прибодрившийся, снова тронулся в путь. Но, не пройдя и двух шагов, остановился. «Зачем зимой нужен мост через реку?» — вдруг пришло ему в голову. И обрадовавшийся чему-то, Матвей усмехнулся. Не проще ли перейти реку по льду и дальше двигаться напрямик? Зачем отыскивать в темноте мост и тропку — только дорогу себе удлинять.

Не раздумывая долго, Матвей спустился на лед и направился к другому берегу. Лед был крепкий, надежный — зима стояла морозная. И старик смело шел вперед.

Было тихо. Матвей слышал только скрип снега под валенками да редкий брех собак из деревень. От мороза, он чувствовал, у него индевели брови, усы и борода, становясь жесткими и холодными, слипаясь и стягивая кожу. Время от времени Матвей двигал бровями и вытягивал вперед губы, сясь отделаться от неприятного ощущения.

Старику отрадно было думать, что скоро он будет дома. Войдя в дом, он сперва обобьет в сенях валенки, потом, раскрасневшийся, с белой бородой, пройдет в горницу. Старуха засуетится, станет ворчать и непременно скажет...

Но он не успел додумать, что же именно скажет старуха Макариха, потому что случилось что-то непонятное и страшное. Матвей вдруг почувствовал, что падает, куда-то проваливается, и в ту же секунду та крошечная тьма, что окружала его, стала еще темней и крошечней. Всем своим телом, каждой клеточкой старик вдруг ощутил острую боль, похожую на боль от ожога. Сначала он не мог понять, что с ним происходит, но, нахлебавшись изрядно воды, Матвей сообразил, что в темноте шагнул в прорубь и сейчас благополучно идет ко дну. Старик испугался. Страх и понимание того, что произошло, придали ему силы, и он принялся барахтаться в ледяной воде. Но валенки, огромные, отяжелевшие валенки, мешали ему двигаться и тянули вниз. Не думая, старик сбросил их, благо в воде это оказалось нетрудно, и с силой забил ногами. В следующее мгновение вода вытолкнула его наверх, и старик обнаженной головой — шапку он потерял — ударился о лед. Как это бывает с большинством несчастных, нашедших свою гибель подо льдом, он не мог видеть проруби, в которую упал, лед не пускал его наружу.

Тот страх, что испытал Матвей несколько секунд назад, сообразив, что угодил в прорубь, не шел ни в какое сравнение с тем животным ужасом, охватившим старика, лишь только он понял, в чем же его настоящая беда и что теперь его ждет. Выбраться из-под льда оказалось не так-то просто. Матвею вдруг почему-то вспомнилось и показалось смешным, что он так торопился домой. И Матвей подсадовал на себя.

С удвоенной силой он заколотил ногами в воде и заметался, пытаясь нащупать над собой прорубь. Но безуспешно. Точно за то время, что барахтался старик в воде, она успела замерзнуть, и лед сомкнулся над его головой. Стариком стало овладевать отчаяние. Силы его истощались, задерживать дыхание дольше он не мог. Он чувствовал, что коченеет, словно и сам превращается в кусок льда. Старик вдруг явственно понял, что надежды на спасение у него нет. И вот тут-то Матвей, тот самый Матвей, что с ехидством посмеивался над попами и верующими старухами, Матвей, богохульник и кошунник, возопил к Богу.

— Господи! — взмолился выбивающийся из сил старик. — Господи! Если ты есть, Господи, спаси меня!

И странное дело! В следующий миг страх оставил Матвея. Старик успокоился и совершенно уверился, что теперь уже ему ничего не грозит.

— И тут точно сила какая за волоса меня подхватила, — рассказывал он впоследствии, — и прямехонько в прорубь-то и вытянула...

Старику удалось не только вынырнуть, но и выбраться без усилий на лед. Едва оказавшись на ногах, он, не помня себя, не разбирая дороги, без валенок, без шапки, в мокром, пропитанном водой, как губка, бушлате, бросился домой. Но несмотря на то, что он чуть было не расстался с жизнью, старик ликовал. Он не испытывал потрясения, напротив, какое-то неизъяснимое блаженство охватило его душу, точно он и не в ледяной воде барахтался, а принимал целебные ванны.

Старик пробыл в воде недолго — немногим больше минуты. Но сколько испытал и передумал он в эту минуту — хватило бы на несколько лет...

* * *

— Нет, ребята, — вторит теперь Матвей, — что вы там ни говорите, а Бог все-таки есть. А ежели б Его не было, то и меня б не было.

И с удовольствием, лукаво улыбаясь и щуря глаза, добавляет:

— А речка-то в том месте глубоко-окая! Омуты там, сома мужики летом ловят...

ПЕТРОВНА

«Экая ведь непогодь... Экой чичер...» — думает девяностодвухлетняя Петровна, глядя, как за окном пьяный ветер задирает подолы и срывает шапки, как резвится в столбах света шальной снег и, падая на землю, тотчас тает. Согнувшись в три погибели и положив на колени темные, сухие руки, Петровна задремывает. Тяжелеют веки, а голова, начавшая было медленно клониться вниз, вдруг точно отрывается и камнем падает на грудь. Петровна вздрагивает, выпрямляется и, открыв глаза, смотрит вокруг себя с удивлением и испугом. Словно не понимая, как оказалась она в этой комнате, где кроме железной кровати, хромого стула да «солдатской» тумбочки свален весь хлам, какой уже не пригоден в доме, но расстаться с которым хозяевам жаль — отработавший свое холодильник, диван с драной плюшевой обивкой, груды старых журналов и какие-то многие числом коробки.

Оглядев свое пристанище, Петровна успокаивается и снова начинает задремывать. Но в какой-то момент просыпается от ощущения, что в комнате она не одна.

Перед Петровной стоит ее невестка, Валентина Михайловна, крупная дама с широкими черными бровями. Заметив, что Петровна пробудилась и виновато улыбается, Валентина Михайловна наклоняется к ней и в самое ухо кричит:

— Я пошла!

— Куды-и? — пугается Петровна.

— Ну, вот... «Куды»... К Васе в больницу.

— Куды-и? — уже с другой интонацией спрашивает Петровна.

— Ну-у-у... Закуды-икала!.. Вася, сынок твой, болеет. Уже неделю в больнице лежит.

— Ва-ася?

— Н-да...

— В больнице?

— В больнице, в больнице...

— Какая ж у него болезнь? Алларгия?

— Тьфу... Какая еще «алларгия»? Сто раз ведь рассказывала...

И Валентина Михайловна, махнув на Петровну рукой, уходит. А Петровна остается одна. Она вздыхает, оправляет платок и снова поворачивается к окну...

Пять лет назад Петровна овдовела, и сын забрал ее из деревни в Москву. Однако уход за старухой он препоручил своей жене, Валентине Михайловне, считая, что дело это сугубо женское, и что негоже мужчине возиться с детьми и стариками. Валентина Михайловна, согласившись на роль сиделки, втайне вознегодовала, не понимая, за какие грехи ей вдруг выпало присматривать за глупой старухой, к которой ничего кроме раздражения и неприязни она никогда не питала. И хотя Валентина Михайловна предпочитала помалкивать, но неприязнь свою к свекрови едва ли смогла заглушить. И каждое слово Петровны отзывалось в ней всплесками желчи.

И потому разместили Петровну так, чтобы как можно реже попадалась она на глаза. Из трех комнат Петровне отвели самую маленькую. Соорудив наскоро обстановку, Петровну предоставили самой себе.

Впрочем, три раза в день ее зовут к столу. А по большим праздникам, как ярмарочного медведя из клетки, выводят из комнаты на показ гостям. Гости с таким любопытством рассматривают древнюю старуху, что, кажется, хотят заглянуть ей в зубы или по крайней мере пощупать. А Петровна, приходя в смущение от повышенного к своей особе внимания, улыбается беззубой улыбкой и шамкает:

— Дал бы Господь помереть... Чижало со мной... Зажилась, индо тош-нехонько, а и помирать горькохонько...

Гости смеются, но вскоре интерес к Петровне угасает, и о ней забывают. А Петровна уходит в себя и, тугая на ухо, принимается громко вздыхать.

— Ма-ам! Хватит стонать! — кричит через стол Валентина Михайловна.

— Слышишь? Перестань стонать!

Со снисходительными улыбками гости вновь обращаются к Петровне, а Валентина Михайловна не упускает случая пожалиться, как тяжело ей ухаживать за такой вздорной старухой. Петровна, скорее глазами, нежели ушами, понимает, что речь идет о ней, и поясняет:

— Чижало со мной...

Из-за болезни ног Петровна никуда не ходит. Целыми днями сидит она на кровати и смотрит в окно. А в окне проносятся с шумом машины, снуют люди, собаки. Бесконечной вереницей тянутся дома, серые, грязные, с клеточками окошек и уродливыми наростами застекленных балконов. «И зачем люди в Москву едут? — думает Петровна. — Нешто хорошо друг у дружки на головах жить?..»

И глядя из окошка на грязь, на ставшую осязаемой вонь, на суету, вспоминает Петровна деревню. Пахнет клевером, сеном и пылью. Горизонт обозначен зубчатой полоской леса. Внизу, под горкой в овраге, шелестит речушка. Ласковая, добрая речушка. Все шепчет что-то, камушками играет. А водица, что твоя слеза, чистая, прозрачная, прохладная. За деревней — расцвеченный огоньками цветов луг. Звенят, переливаются колокольцами жаворонки, висящие на невидимых нитях. Резвится, закидывает голову жеребенок. Ветер ласкает цветы. А сочные травы источают пьянящий дух.

И при одном только воспоминании о деревне неудержимо тянет Петровну поговорить, рассказать кому-нибудь о том, как заела ее в городе тоска, как одолела дума. Есть у Петровны дума. Тяжелая, мрачная. Грех большой на Петровне. Подписала она когда-то бумагу. Ходили по деревне активисты, собирали подписи, что не нужна, мол, в деревне церковь и что трудящиеся просят ее закрыть. Пришли и к Петровне. «Подписывай, — сказали, — ежели ты не супротив советской власти...» Испугалась Петровна и подписала. И вот уж много лет прошло, а нет Петровне покоя. Гложет ее тоска. Многое пережила Петровна, многое перевидала, но не ушел стыд за минутную слабость, за скудость души. Угасает память, события текущие мешаются с давно прошедшими, но стыд этот не оставляет Петровну, сидит гвоздем в сердце. И помнит яснее ясного Петровна свое отречение...

Поговорить бы с кем, и тоска отошла бы, отлегло бы от сердца. Но Петровну давно уже никто не слушает, никто ни о чем не спрашивает.

А в деревне ее уважали. Прислушивались, за советом ходили. Всю жизнь прожила Петровна в деревне. На земле, которую знала и любила. От нее кормилась, от нее уму-разуму училась. Знала, какая трава от какой болезни помогает, какая птица каким голосом поет. И что туман падает — к вёдру, а собака траву ест — к дождю. Но не нужны стали ее знания. И оттого, наверное, думает Петровна, говорить с ней неинтересно...

Выходит из подъезда Валентина Михайловна в байковой кепочке с наушниками и в кожаной куртке с капюшоном, похожим на ковш. «Валя-то картуз надела... Васин нешто?..» — думает Петровна, провожая ее взглядом. А когда Валентина Михайловна скрывается из виду, Петровна еще недолго смотрит ей вслед, а после начинает укладываться спать. Поначалу она ворочается и стонет, и кажется, что стонам этим не будет конца. Но вот, наконец, Петровна стихает. И видит она во сне зеркальный пруд, спрятавшийся в ивняке. Солнце отражается в воде, в серебристых ивовых листочках и в банке с червями. На мостках смуглые, с выгоревшими волосами ребятишки удят рыбу. За ними с берега наблюдает черный пес, подергивающий ушами от мух. Возвращается муж с покоса. Красивый, загарливый, сильный. Завидев его, Васятка маленький навстречу бежит, смеется-заливается...

Внезапно бьет по глазам вспышка света.

— Спишь? — спрашивает вернувшаяся Валентина Михайловна, по-хозяйски вторгаясь в комнату свекрови и щелкая выключателем.

Петровна просыпается и, не понимая спросонок, что происходит, щурит на свет глаза и закрывается рукой.

— Что... что... — беспокойно повторяет она.

— Спишь, спрашиваю? Времени-то восемь, а ты в постели... Ну, спи, спи...

Валентина Михайловна гасит свет и выходит.

А Петровна долго еще кряхтит и вздыхает, прежде чем снова задремать. Но вот чудится ей снег с тенетой заячьих следов. Яркий зимний денек. Занесенный снегом деревенский погост. Беленькая, тоненькая, как девушка-невеста, церковка. И рассевшись на покосившихся крестах, кричат черные галки. Укором для людей стоит церковь, точно спрашивает: «Что же вы со мной сделали, за что надругались?..» И так тоскливо, так бесприютно делается Петровне, что просыпается она и, выпростав из-под одеяла руку, тянется к ночнику. Костлявая, сморщенная, с распушенной седой косой, в открытой белой рубахе, едва освещенная тусклой лампой, походит Петровна на сказочную Ягу. Открыв наобум молитвослов, читает она вслух: «О, горе мне грешному! Паче всех человек окаянен есмь, покаяния несть во мне: даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько...» Слова молитвы падают на благодатную почву, и Петровна совсем уж было собирается поплакать, как вдруг слышит над собой голос:

— Ты чего блажишь, мам?

Петровна вздрагивает. Перед ней стоит Валентина Михайловна, растрепанная, в дезабилье.

— Я молюсь, — поясняет Петровна.

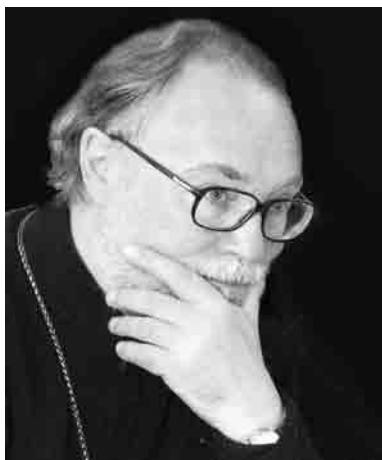
— Чего ж ты на весь дом-то молишься? Времени-то за полночь... От этого воя весь дом, наверное, проснулся... Ладно... Завтра домолишься...

И Валентина Михайловна забирает у Петровны молитвослов, гасит свет и уходит. А Петровна, прижав правую руку к сердцу, какое-то время неподвижно лежит в темноте. «Нешто Господь меня забыл? — шепчет она. — Отчего не заберет?..» И тут же, спохватываясь: «Царица Небесная, Матушка, прости Ты меня за ради Бога, прости грешную...»

Со стены смотрит с жалостью на Петровну Троеручица. И, поблескивая латунным окладом в свете уличных фонарей, молчит.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

**Архимандрит ИОАНН
(ЭКОНОМЦЕВ)**

ИСИХАЗМ И ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА

Иоанн (Экономцев), архимандрит — родился в 1939 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГУ. Преподавал в школе, работал в Министерстве культуры, затем — в МИД СССР. Работал в Институте всеобщей истории АН СССР по сектору византиноведения. В 1982 г. работал в МДА. В 1989 г. принял монашество. В 1990 г. возглавил Союз православных братств. С 1991 по 2009 г. руководил Синодальным отд. религиозного образования и катехизации РПЦ и был настоятелем Патриаршего подворья Высоко-Петровского монастыря в Москве. В 1992 г. основал Российский православный университет св. Иоанна Богослова. В 2002 г. возведен в сан архимандрита. Действительный член РАЕН, член-корр. РАО. Живет в Москве.

БОЖЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ И ЭНЕРГИЯ. БОГ-ТВОРЕЦ

Архиепископ Солунский Григорий Палама, признавая абсолютную непознаваемость божественной сущности, говорит: «Всякое естество крайне удалено и совершенно чуждо божественного естества. Ибо если Бог есть естество, то все другое не есть естество, и наоборот, если все другое есть естество, то Бог не естество. И Бог не есть сущее, если все другое сущее. А если Он сущий, то все другое не есть сущее»¹. При такой абсолютной трансцендентности Бога можно ли говорить о каком-либо богопознании? Можно, отвечает Григорий Палама. Сущность Бога непознаваема, но Бог не тождествен Своей сущности, поскольку существует не только в Себе, но и *ad extra*. И это существование Бога, обращенное вовне, есть не что иное, как божественная воля или божественная энергия².

Будучи отличной от сущности, энергия в то же время неотделима от нее, и в каждом ее проявлении присутствует весь Бог, единый и неделимый. Эта «безумная», парадоксальная концепция, вытекающая из самой сути антиномичного христианского учения, — единственная возможность объяснить, не впадая в пантеизм, выход Бога из Своей трансцендентности, факты божественного творчества, феофании, воплощения Логоса и действия Святого Духа. В противном случае невозможно было бы в принципе говорить о Боге. И Григорий Палама со свойственной ему резкой выразительностью замечает: «Если бы божественная непоз-

¹ Сар. 78, со1. 1176 ВС.

² Сар. 81, со1. 1177О.; сар. 85, со1. 1181.

наваемая сущность не обладала отличной от нее энергией, она вовсе не существовала бы и была бы лишь порождением ума»³. Таким образом, в отличие от Варлаама, а впоследствии и Канта, Солунский архиепископ теоретически обосновывает принципиальную возможность встречи человека с Богом и познания им непознаваемого Бога.

Касаясь взаимоотношений энергии с Божественными Ипостасями, Григорий Палама последовательно проводит мысль о ее принадлежности всем трем поклоняемым Лицам⁴. Это представляется очевидным, поскольку иначе нарушалось бы единство божественной воли. Энергия едина для трех Ипостасей, но характер Их отношений с энергией различен. Единая божественная воля возникает в Первопричине — Отце, проходит через Сына и проявляется во Святом Духе⁵. Отсюда особое значение Третьей Ипостаси в проявлении божественной энергии. Вот почему Григорий Палама во многих случаях называет энергии Троидного Бога энергиями Святого Духа. В самом понятии «Дух» заложено энергетическое начало. Очень тонко это чувствовали великие кашпадокийцы. «Он есть... огонь (Мф. 3, 11; Деян. 2, 3), — говорит Григорий Богослов. — Он есть Дух сотворивши (Иов. 33, 4), воссозидающий в Крещении (Тит. 3, 5) и Воскресении (Рим. 8, 1), Дух, Который все ведает (1 Кор. 2, 11), всему учит (Ин. 14, 26), дышит, идеже хочет и сколько хочет (Ин. 3, 8), Дух наставляющий (Мф. 10, 20) ... податель откровений (1 Кор. 2, 10), просвещения (Евр. 6, 4), жизни (1 Рим. 8, 11), лучше же сказать — самый свет и сама жизнь. Он делает меня храмом (1 Кор. 6, 19), творит Богом... Он производит все, что производит Бог. Он разделяется в огненных языках (Деян. 2, 3) и разделяет дарования (1 Кор. 12, 11), творит апостолов, пророков, благовестников, пастырей, учителей (Еф. 4, 1)»⁶.

Вторая Ипостась, Божественный Логос, помимо своей таинственной сопричастности к миссии *ad extra* Святого Духа, осуществляет и самостоятельно выход во вне из Троиипостасной замкнутости, так же, как и Святой Дух, являясь выразителем единой божественной воли. Это проявилось прежде всего в уникальном факте воплощения Логоса и, таким образом, непосредственного вхождения Бога в человеческую историю⁷. Миссия Логоса, однако, имеет не только божественно-человеческий, но и внеисторический, вневременной характер. «Бог устроил этот мир, — пишет Григорий Палама, — как некое отображение над мирного мира, чтобы нам через духовное созерцание его как бы по некоей лестнице достигнуть оного мира»⁸. В понимании Григория Паламы это мир несотворенных идей, мыслей Бога о мире, вневременных логосов, которые, по словам Дионисия Ареопагита, «предшествуют в Боге», «определяют и создают все сущее» и по которым «Сверхсущий предопределил и произвел все существующее»⁹. Этот мир идей, являющихся не чем иным, как отблесками Божественного Логоса,

³ Y. Meyendorff. Introduction..., p. 297.

⁴ Сар. 112, со1. 1197 ВВ.; Сар. 113, со1. 1197 О.

⁵ См. у Григория Нисского: «Всякое действие, от Бога простирающееся на тварь и именуемое по многообразным о Нем понятиям, от Отца исходит, чрез Сына простирается и совершается Духом Святым».

⁶ *Григорий Богослов*. Творения. — М., 1889. Т. 3. — С. 109.

⁷ Сар. 75, со1. 1173 ВС.

⁸ Homil. 3, со1, 36 В.

⁹ Dedivin. nomin., V. 8, P.C., t. 37, со1. 824 С.

Бога Сына, и духоносные энергии, восходящие ко Святому Духу, суть два модуса существования Триипостасного Бога *ad extra*.

В творениях Григория Паламы указанные модусы четко различаются, но терминологически они входят у него в общее понятие «энергия», которое выступает как синоним любого «выхода» Бога из Своей сущности. Да, в этом смысле логосы — энергии. Но по своему характеру, форме и способу проявления это совершенно иная категория. Логосы — это образы, знаки, парадигмы, генетические коды, «перфокарты», существующие вечно в Божественном Разуме. Однако, чтобы стать реальностью в этом мире, найти воплощение и ожить, они должны соединиться с духоносными энергиями.

В логосах идеальная завершенность, кристальная ясность, «логичность» (естественно, не имеющая ничего общего с элементарной логикой). Они статичны. Это каноны, законы красоты, добродетели, справедливости. Напротив, энергии «алогичны» и иррациональны. Это вечное движение, это огонь, плазма. Различие между логосами и энергиями отражает различие между Второй и Третьей Ипостасями Святой Троицы. Это различие, кстати говоря, убедительно показывает, почему Святой Дух не может исходить и от Сына. Ведь иррациональное начало не может иметь своим источником рациональное. Дух свободы, который «дышит идее, хочет и сколько хочет» (Ин. 3, 8), не может исходить из Закона.

В соединении логосов и энергий тайна божественного домостроительства. Слово-Логос и Дух Святой соучаствуют в сотворении мира: «Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их» (Пс. 32, 6). Этот великий умонепостижимый акт творения мира из ничего стал прообразом и моделью всякого творческого акта.

Креационизм, столь совершенно сочетающийся с Триипостасностью Божества, дает основание дерзновенно полагать, что творчество является не только модусом существования Бога *ad extra*, но и безусловным атрибутом Его сущности. Несомненно, возникновение этого мира есть результат свободной воли Творца. Он мог бы не сотворить его, но мог бы Он не творить? В Откровении Иоанна содержится мистическое предсказание о «новом творении» (Откр. 21, 5). Поскольку время возникло с возникновением мира, можно сказать, что Бог творит всегда. Бог не может не творить, иначе Он не был бы Богом. Теоретически можно представить себе абсолютно замкнутую в Себе Божественную сущность, не творящее Божество, не излучающее, а поглощающее свет, но в гносеологическом и онтологическом плане это была бы уже черная дыра, антитеза исповедуемому нами Богу.

ОБРАЗ БОГА-ТВОРЦА В ЧЕЛОВЕКЕ

Великая заслуга св. Григория Паламы заключается в творческом развитии им святоотеческого учения о Боге-Творце, Художнике, Создателе мира. Вместе с тем проблема творчества оказывается и стержневым элементом его антропологии, в которой соединяется учение о человеке с учением о Боге. Образ Божий в человеке Солунский архиепископ видит прежде всего в способности человека творить. На эту способность обращали внимание и некоторые другие отцы Церкви, например блаж. Феодорит Кипрский¹⁰

¹⁰ Quest. in Gensim, 20.

и св. Фотий, патриарх Константинопольский¹¹, но никто до Григория Паламы не придавал ей такого фундаментального значения. Дар творчества, по глубокому убеждению Солунского архиепископа, выделяет человека из всего мироздания и предопределяет ему в нем особое место. «Можно было бы, — пишет он, — со многими другими сказать, что и троическое строение нашего познания показывает, что мы больше, чем ангелы, созданы по образу Божию. И не только потому, что оно троическое, но и потому, что оно превосходит всякий вид знания. В самом деле, мы только одни из всех созданий имеем, кроме ума и рассудка, еще и чувства. То, что естественно соединено с рассудком, открывает разнообразное множество искусств, наук и знаний: земледелие, строительство домов, творчество вещей из ничего, — разумеется, не из совершенного небытия, ибо это уже дело Божие, — но все остальное дано людям ... Ничто подобное никогда не свойственно ангелам»¹².

Раскрывая троическое содержание души человека как «души умной, логосной и духовной», Григорий Палама вновь подчеркивает, что человек больше всех других существ сотворен по образу Святой Троицы, Которая есть Ум, Логос и Дух¹³. Особый интерес представляют рассуждения Солунского архиепископа о сущности и энергиях человека. Сопоставления, проводимые им между ними и внутрибожественной жизнью, поражают своей философской глубиной¹⁴. Из них следует, что сущность каждой человеческой личности так же умонепостижима, невыразима, непричастна, как и божественная сущность. Каждая личность уникальна, неповторима. Отсюда ее абсолютная ценность. Ее уничтожение равносильно крушению мира, космической катастрофе. Но отсюда же ее трагическая обреченность на одиночество. Слияние сущности с сущностью, полное сущностное понимание человека человеком невозможно. Прорыв, выход из своей самости реализуем лишь в творчестве, устремленном к познанию и самовыражению. Творческое познание всегда богостремительно, оно не может удовлетвориться дурной бесконечностью относительных истин, ему нужен абсолют. Лестница логоносного восхождения ведет к Богу.

Удивительна для эпохи, в которую жил Григорий Палама, его мысль о том, что человеческое творчество есть творение из ничего. В самом деле, истинное творчество есть созидание нового качества, не существовавшего до того в природе. Оно не сводимо к другим качествам и не может возникнуть из количественных манипуляций, которые сами по себе бесплодны. Это абсолютное прибавление к тому, что существует в мироздании. Это космический акт, продолжение божественного творения мира.

Но то, что для Бога является естественным и самопроизвольным, у человека требует зачастую высочайшего напряжения духовных и физических сил. Втиснутому в тиски физических, биологических и других законов человеку, пожалуй, легче остаться на волне инерции, чем попытаться осуществить прорыв в инобытие. Творчество для человека — это кеносис,

¹¹ Ad Amphiloch., 253.

¹² Cap. 63, col. 1165 C.

¹³ Cap. 40, col. 1148 C.

¹⁴ Homil. 36, col. 33 C; Homil. 6, col. 81 BC; Cap. 24, col. 1136 D—1137 A; cap. 63, col. 1165 C.

самоистощание, это жертва, восхождение на Голгофу. Вот почему так велик соблазн отказаться от своего богоподобия, замкнуться в своей монаде, погасив тоску одиночества бесплодными мечтаниями и иллюзиями, — путем наркотического возбуждения, психосоматических методов достижения nirваны модного в наши дни йогизма, с помощью индустрии массового гипноза (видеотехника, компьютерные игры), а в перспективе — биоэлектрических средств самонаслаждения. Однако это путь к деградации человеческой личности, к звероподобию того, кто в силу своей бывшей принадлежности к ангельскому чину не способен творить, а может лишь создавать миражи, ведущие человека к гибели.

Призванный Богом к творчеству, человек не в состоянии самостоятельно, без помощи Божией, совершить творческий подвиг, имеющий космическое значение. Об этом красноречиво свидетельствуют признания всех великих художников, говорят ли они о вдохновении, о вселяющейся в них необъяснимой сверхрасудочной силе, или, как Гайдн, с четками в руках молятся Всевышнему о ниспослании Святого Духа. Если без помощи Божией творчество, по словам Достоевского, это «каторжная работа», то при вдохновении, при наитии Святого Духа творческий процесс осуществляется с такой легкостью и быстротой, что вызывает удивление у самого творца, который порой не может поверить в то, что созданное произведение является его собственным творением. И это вполне понятно — состояние творческого экстаза есть состояние обожения, и в этом состоянии творит уже не человек, а богочеловек.

Зависит ли от человека вдохновение? Все говорит за то, что оно непроизвольно. Да и как можно усилием воли снискать Духа свободы, Который дышит «идеже хочет и сколько хочет»?¹⁵ «К некоторым из подвизающихся, — говорит Григорий Палама, — благодать приходит навстречу немедленно и подает им полноту обручения, дает отведать от обещанных наград и как бы протягивает человеколюбивую руку, поощряя их и укрепляя к дальнейшим подвигам, а у других благодать ожидает конца подвигов, приготавливая во всяком случае венцы за их терпение»¹⁶. Таким образом, Солунский архиепископ утверждает, что снисхождение благодати не зависит от усилий человека, но вместе с тем он убежден, что труды того, кто жаждет снискать ее, не бесплодны. Зерно произрастает в подготовленной почве, но в одном случае она по природе своей уже готова принять в себя и взрастить зерно, а в другом случае требуется напряженная работа по ее обработке и удобрению.

Григорий Палама отвергает мессалианское искушение полагать, что получение благодати зависит лишь от воли человека, но в то же время ему чужд пессимистический фатализм блаж. Августина, выводимый из предопределения божественного избрания. В данном вопросе св. Григорий стоит на позициях святоотеческой концепции «синергии», взаимодействия божественной благодати и свободной воли человека. При этом он исходит из того, что Бог не определяет меры даруемой благодати. По Своей неизреченной милости. Он дает каждому человеку неизмеримо больше, чем тот в состоянии принять. В соответствии с учением Григория Паламы, резко контрастирующим в данном вопросе с учением блаж. Августина, каждый человек

¹⁵ Григорий Богослов, ук. соч. — С. 109.

¹⁶ Homil. 20. co1. 265 D.

является божественным избранником. Люди различаются лишь разнообразием харизматических даров, талантов, а также способностью и готовностью принять божественную благодать. «Те, кто проповедуют, — пишет Палама, — те, кто исцеляют, те, кто занимаются познанием, и вообще все те, кто получают благодать Божественного Духа, имеют харизматический дар, больший или меньший, каждый в своей области. Так Павел благодарит Бога за то, что знает больше иностранных языков, чем другие (1 Кор. 1.4, 18), но и тот, кто обладает меньшим, также имеет дар от Бога... В самом деле,... звезды отличаются между собой по сиянию (1 Кор. 15, 51)..., но вместе с тем ни одна из звезд не лишена света»¹⁷. И далее: «Каждый человек, который достоин этого, по-разному приобщается к великому дару Духа. ...Но даже те, кто имеют немного и в неясной форме, по сравнению с превосходящими их людьми, приобщаются ко всему божественному свету»¹⁸.

Творческая сила человека всегда вызывала удивление у людей, нередко она внушала и суеверный страх. Издавна бытует мнение о демонической природе творчества. Владимир Соловьев пытался разграничить понятия безумия и вдохновения в зависимости от качества посторонней духовной силы, входящей в субъекта или находящей на него. Таким образом он различал положительное вдохновение (наитие свыше) и одержимость, бесноватость¹⁹. Последняя творить не может. Демоническая сила способна лишь имитировать творчество, создавать жалкие подделки. «Даже на “черной мессе”, — пишет свящ. Павел Флоренский, — в самом гнезде диавольщины, диавол со всеми своими поклонниками не могли придумать ничего иного, как кощунственно пародировать тайнодействия литургии. Какая пустота! Какое нищенство! Какие плоские “глубины”!»²⁰

Творчество может быть лишь результатом «синергии» со Всевышним Творцом. Истинное творение всегда от Бога, даже если сам автор не сознает этого и даже если мы порою находим его соблазнительным и нечестивым. «Господь называется в Писании, — говорит св. Григорий Нисский, — и клятвою (Гал. 3, 13), и грехом (2 Кор. 5, 21), и юницею, стрекалом стречею (Ос. 4, 6), и скимном Львовым (Быт. 49, 8), и медведицею лишаемою (Ос. 13, 8), и рысью (Ос. 13, 7)... Сии имена, по ближайшему их значению, по-видимому, пошлы, и если не допустить, что каждое из них благочестиво прилагается к Богу по некоему примыслению, то подобные выражения не свободны от подозрения в нечестии. И долго было бы выставлять на вид все (такие выражения) и раскрывать их смысл — как они пошлы по обыкновенному пониманию их в ближайшем значении и как понятие о примыслении примиряет эти имена с благочестием относительно Бога»²¹. Из этого рассуждения великого богослова видно, что низкое и соблазнительное может служить для выражения высокого и духовного.

Вот почему мы должны быть крайне осторожны в наших оценках художественных творений и всегда исходить из того, что многое от нас сокрыто в таинстве божественного домостроительства.

¹⁷ Contre Akind. III, 6; Y. Meyndorff. Introduction..., p. 235.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Вл. Соловьев*. Вдохновение // Собр. сочинений. — СПб., 1907. Т. 9. — С. 3.

²⁰ *Свящ. Павел Флоренский*. Столп и утверждение истины. — М., 1914. — С. 168.

²¹ *Гр. Нисский*. Слово о Святом Духе, Творения. — М., 1872. Т. 4. — С. 284–385.

АСКЕТИКА КАК ТВОРЧЕСТВО

Учение исихастов о преображении человека, о созерцании нетварного божественного света, о обожении — это, в сущности, учение о творческом процессе. Может возникнуть вопрос: как же так, аскетика и художественное творчество, насколько они совместимы друг с другом? Традиционно их привыкли противопоставлять. «Путь аскетики, — заявляет Н. А. Бердяев, — сам по себе не есть путь творческий, и аскетические экстазы святых и мистиков — экстазы возврата к Богу, видения божественного света, а не творчества нового мира, невиданной жизни»²². Сопоставляя святость и гениальность, Н. А. Бердяев утверждает, что они «несопоставимы, несоизмеримы, точно принадлежат к разным бытиям»²³. В гениальности он видит дерзновение, в святости — послушание²⁴.

Цель аскетики, в понимании исихастов, не просто в победе над соблазнами, чтобы безгрешным предстать на Страшном Суде перед Всевышним Судией и получить за это заслуженное воздаяние. Ее цель не просто в моральном самоусовершенствовании, в нравственном уподоблении Христу. Это только ступени к ее высшей цели, которая заключается в преображении, обожении всего человеческого естества, души и плоти, причем не метафорически, а реально, и не в загробной жизни, а здесь, на этой грешной земле, и не путем пантеистического растворения в Божестве, а при сохранении человеческой личности с ее сущностью и самостоятельной волей. «Кто очистит свой ум слезами, — пишет преп. Григорий Синаит, — душу свою еще здесь, на земле, воскресив Духом, и плоть свою посредством разума сделает светозарным и огненным отображением божественной красоты, — тот почти становится сожителем ангелов..., ибо телом нетленным будет тело земное, без влаги и дебелости, преобразившееся неизреченным образом из тела душевного в тело духовное, так что, оставаясь материальным, оно будет вместе с тем и небесным, но богоподобной тонкости. Таким образом, каковым оно создано вначале, таковым и воскреснет, чтобы всецелым приобщением Божества быть сообразным образу Сына человеческого»²⁵.

Аскетика есть высочайшее художественное творчество, творчество, материалом для которого является сам человек. Современная наука признает возможность такого творчества. Говоря о воздействии на человеческий организм силою воображения (вызывающей ускорение или замедление биения сердца, исцеление, паралич, появление стигм), Рибо прямо заявляет: «Здесь мы имеем дело с творчеством в тесном смысле слова, хотя это творчество ограничивается пределами организма»²⁶.

В учении и практике исихастов, пожалуй, впервые за всю историю человеческой мысли преодолевается мучительный разлад между духом и материей. Душа и тело рассматриваются ими как единый психосоматический организм. Исихасты, как видно из вышеприведенного высказывания Григория Синаита, самым дерзновенным образом поставили вопрос о божественном

²² Бердяев Н. А. Смысл творчества. — М., 1916. — С. 155.

²³ Там же. — С. 164.

²⁴ Там же. — С. 166.

²⁵ Добротолюбие. — 1890. Т. 5. — С. 197–234.

²⁶ Рибо. Опыт исследования творческого воображения. — СПб., 1901. — С. 5.

преображении не только души, но и тела. Характерно, что аскетический метод исихастов не ставит человека в экстремальные условия. Ученику, обратившемуся к Григорию Синаиту с вопросом относительно того, как ему следует питаться, тот дал следующий совет: «Ты попросил правила, а оно обычно тяжело, особенно тебе, старому. Более молодые не могут всегда удерживать вес и меру, а ты как удержишь это? Тебе надо свободно действовать в принятии пищи»²⁷. Тот же Синаит благословляет своего ученика, будущего патриарха Исидора, жить по-монашески, оставаясь в миру²⁸. Григорий Палама, в свою очередь, осуждает тех, кто, стремясь прославиться, уходят в затвор и совершают необычные деяния. «Следует стремиться, — пишет он, — к изменению по благодати Христовой образа жизни, а не к смене одежды»²⁹.

Изменение образа жизни, о котором говорит Григорий Палама, начинается с нравственного катарсиса, изгнания из ума греховных мыслей и дурных воспоминаний. Следующий этап — достижение исихии, безмолвия, успокоения. Но это не бегство в себя, не замыкание в своей сущности. Исихия не что иное, как собирание сил, концентрация усилий, духовных и физических, с целью осуществления прорыва из своей самости, прорыва к Богу и людям. «Наш ум, — отмечает Григорий Палама, — рассеивается, когда уклоняется ко злу, которое по существу многообразно. Наш ум направляет наше вожеление к Единому и Истинному Богу, Единому Благому, дающему наслаждение, свободное от всякого страдания. А при расслаблении ума душевное стремление к истинной любви сбивается с верного направления, разрываемое на разные сладострастные влечения»³⁰.

Много обвинений и насмешек со стороны противников исихастов (начиная с Варлаама) вызывал психосоматический метод молитвы. Григорий Синаит описывает этот метод следующим образом: «С утра, сидя на сидалище вышиною в одну пядь, низведи ум из головы к сердцу и держи его в нем, согнись до боли и, сильно удручая грудь, плечи и шею, взывай непрестанно в уме и душе: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя”. ... Удерживай также и дыхательное движение, потому что выдыхание, от сердца исходящее, помрачает ум и рассеивает мысль»³¹. Нужно сразу сказать, что исихасты никогда не придавали описанному методу какого-либо сакрального теургического значения. Это был лишь вспомогательный, технический прием концентрации внимания, преодоления рассеивания мысли, о чем говорит сам Григорий Синаит, а также создания соответствующего духовного (и эмоционального) настроения.

Современные исследования показывают, что преодоление отвлечения внимания происходит с одновременным возрастанием мускульной энергии³², так что мускульное напряжение человека, практикующего психосоматический метод молитвы, должно давать необходимый эффект. Большое значение имеет химическая сторона дыхания, на которую психологи обратили

²⁷ Y. Migne. PG, t. 150. col. 1337.

²⁸ Y. Meyendorff. Introduction..., p. 54.

²⁹ Там же. — С. 276.

³⁰ Homil, 40, col. 40 С.

³¹ Y. Migne., PG, 1. 150, col. 1329, Добротолюбие, 123.

³² Вудвортс Р. Экспериментальная психология, М., 1950. — С. 312–313.

внимание лишь в самое последнее время в связи с изучением психических процессов на больших высотах. Выяснилось, что понижение содержания кислорода в воздухе вызывает эмоциональный подъем и даже состояние эйфории³³. Согбенная поза исихастов с сильным наклоном головы должна была бы способствовать притоку крови к мозгу и стимулированию его деятельности.

Технические приемы с целью концентрации внимания, эмоционального возбуждения и активизации работы мозга использовали многие писатели, художники и музыканты. Наиболее распространенный метод — искусственное усиление притока крови к мозгу. Руссо, например, с непокрытой головой размышлял под палящим солнцем. Аналогичным образом писал картины Ван Гог. Боссюэ работал в холодной комнате, тепло закутав голову. Шиллер опускал свои ноги в ледяную воду. Мильтон, Декарт, Лейбниц, Россини предпочитали размышлять лежа. Многие испытывали потребность в уединении, молчании (чуть было не сказал исихии!) и даже в темноте. Лейбниц по три дня неподвижным оставался в кресле.

С точки зрения психологии творчества большой интерес представляют предупреждения исихастов против бесплодных мечтаний, образных видений, вызванных игрой галлюцинаций³⁴. Это связано, прежде всего, с естественным неприятием творческим волевым началом всего того, что неспособно реализоваться в законченной форме, что может лишь расслаблять, деконцентрировать внимание, повергать мечтательные натуры в состояние абулии и вводить в соблазн. С другой стороны, важным принципом исихазма всегда было «трезвение ума», стремление постоянно контролировать и проверять свой мистический опыт. Некоторые богословы и философы недооценивают этот момент, принижая значение логосного, рационального начала в творческом процессе. «Творчество не в Отце и не в Сыне, а в Духе», — заявляет Н. Бердяев³⁵. Нет, творчество и в Отце, и в Сыне, и в Духе Святом. Имеющее первопричиной Начало всех начал, оно есть соединение божественных логосов с энергиями Святого Духа, одухотворение, воплощение идей, удержание усилием творческой воли огнедышащей плазмы в совершенных логосных формах, как это имеет место во фресках Феофана Грека или, допустим, в пейзажах Сезанна. Всякое отступление от троичности губительно для творческого процесса, оно ведет либо к вырождению творчества в жалкое, сухое ремесленничество, либо к иконоборчеству и хлыстовству. Богомилство, утратившее образ Троичности, абсолютизовавшее Дух, впало в иконоборчество и хлыстовство и оказалось бесплодным в истории человеческой цивилизации.

Может возникнуть вопрос: не чреваты ли были негативными последствиями для изобразительного искусства предупреждения исихастов против образных видений, ведь кое-кто (от Варлаама до Лазарева) прямо обвинял Григория Паламу и его сподвижников в иконоборчестве. И действительно, как может работать художник без образного воображения? Дело, однако, в том, что каждый вид творчества имеет свою специфику. Исихасты в данном

³³ Там же. — С. 646.

³⁴ *Преп. Григорий Синаит*. Трактат об умной молитве, гл. 131, Добротолубие. Т. 5.

³⁵ *Бердяев Н. А.*, ук. соч. — С. 92.

случае исходили из особенностей аскетического и мистического творчества. Никто из иконописцев той эпохи не только не видел в исихастском учении иконоборческих тенденций, но, наоборот, оно стимулировало расцвет изобразительного искусства в Восточной Европе в XIV–XV веках. Даже Лазарев вынужден был признать, что «суровость феофановских образов, их особая одухотворенность, их порой преувеличенная экстатичность — все это связано с исихазмом, все это вытекает из существа исихастского учения»³⁶. В написанном на Руси в 80–90 годы XV века «Послании иконописцу»³⁷ исихастские концепции кладутся в основу теории иконописания. Более того, исихастское «умное делание» признается там необходимым не только для писания икон, но и для их восприятия, которое тоже есть творческий процесс. Непременным условием действенного восприятия иконы автор «Послания» считает спокойное сосредоточение: «вся земная от помысла изгнаве, и злопомние и гнев, ярость же и ненависть, и плотская вжеления, и очи к слезам понудим, и всего себе к небеси приложим»³⁸. «Да воздеши зрительное ума, — говорится перед этим, — к Святей, Единосущней и Животворящей Троицы, в мысли твоей и чистом сердце твоём»³⁹.

ИСИХАЗМ И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Одной из самых загадочных сторон творческого процесса, постоянно привлекающей к себе внимание психологов и искусствоведов, является дар художественного перевоплощения. Приведя впечатляющие примеры способности великих художников одухотворять создаваемые ими образы, психически ассимилироваться с ними и сопереживать всю многогранную структуру их душевного опыта, причем так, что сотворенный мир воспринимается и самим художником, и другими как наиреальнейшая реальность, С. С. Грузенберг восклицает: «Наука и поныне бессильна объяснить, как возможно перевоплощение в психику чужого “я”»⁴⁰. Исихастское учение дает объяснение этому феномену. Только творчество, как мы уже говорили, предоставляет возможность реального выхода за рамки своей индивидуальности. В этом пафос творчества. Но в нем есть и другая сторона, отражающая антиномию между тем, что мы есть, и тем, что мы должны были бы и могли бы быть. В творчестве мы стремимся выразить наше «естественное состояние», утраченное не только вследствие первородного греха, греха предшествующих поколений, что пагубно отразилось на нашем духовном облике и генетической системе, но и в результате наших собственных прегрешений. Мы стремимся найти в творчестве утраченное бессмертие, утраченное подобие Божие. В соответствии с учением Григория Паламы, это подобие (или уподобление) — понятие динамическое. Достигается оно действием божественной благодати и нашим прорывом к ней, в синергии, то есть в творчест-

³⁶ Лазарев В. Н., ук. соч. — С. 29.

³⁷ Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XV вв. — М.—Л., 1955, Приложение. — С. 320–373.

³⁸ Там же. — С. 352.

³⁹ Там же. — С. 326.

⁴⁰ Грузенберг С. С. Гений и творчество. — Л., 1924. — С. 44.

ве. Таким образом, творчество, в сущности, и есть уподобление, наше уподобление другим, уподобление себе, уподобление Богу.

Особенность мистико-аскетического творчества заключается в том, что его субъект и объект совпадают. Поэтому уподобление происходит здесь наиболее полное и глубокое. Если, описывая сцену отравления Эммы Бовари, Флобер ощущал во рту вкус мышьяка и испытывал затем реальные признаки отравления, то аскетическая практика дает примеры глубочайшей трансформации всего человеческого организма, реального преображения человека, такого насыщения его светоносной божественной энергией, что даже после смерти мощи святых способны нести благодатное исцеление людям.

В состоянии обожения человек достигает вершины своего творческого призвания. Вот как об этом говорит Григорий Палама: «Когда же начнет рассветать день и утренняя звезда взойдет в наших сердцах, человек, достойный имени своего, выходит на подобающее ему делание и (о, чудо!) становится созерцателем премирных вещей... но истинно восходит несказанною силою Духа, и с неизреченной духовной помощью слышит неизреченные слова и видит недоступное взорам. И — о, чудо! — всецело привлекается и объемлется этим, и отрывается от земли и, соревнуясь с неутомимыми песнопевцами, становится воистину иным ангелом Божиим на земле, и через себя приводит к Нему всякий вид твари, потому что и сам теперь имеет участие в том, что выше всего (Еф. 4, 6), так что он в точности становится отображением образа Божия»⁴¹. В мировой культуре трудно найти более вдохновенный гимн человеку-избраннику, со-Творцу, призванному привести через себя к Богу все мироздание.

⁴¹ *Еп. Арсений*. Св. Григория Паламы, митр. Солунского Три творения, доселе не бывшая изданными. — Новгород, 1895. — С. 12–13, 15–16.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

Пути ПОЗНАНИЯ

Выслушаем сущность всего...

Еккл. 12:13

Михаил БЫСТРОВ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ИСХОД ФИЛОСОФИИ ИЗ АФИН В ИЕРУСАЛИМ

Михаил Витальевич Быстров — родился в 1939 г. в Ленинграде. В 1974 г. в Физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе АН СССР защитил кандидатскую диссертацию. Работал в отраслевых институтах, занимаясь физикой магнитных материалов, волоконно-оптической связью и магнитооптикой. Обнаружив в магнитных пленках «фликер-шум», который потом «зашумел» во всей природе, попытался выяснить его природу, связав его с «золотым сечением». Автор 30 статей, 2 монографий. Владеет английским, немецким, французским и польским, а с японского перевел в 1981 г. в издательстве «Мир» учебник: «Физика ферромагнетизма» С. Тикадзуми. Крещен в сознательном возрасте в Князь-Владимирском соборе. Живет в Санкт-Петербурге.

Узловая проблема философии — о «первичности» и соотношении между сущностью и явлением — рассматривается в рамках символического отображения. В качестве «рабочего» символа выступает «золотая пропорция», описывающая трансцендентную целостность и позволяющая ввести в единую картину представления современной физики и математики. Такой синтез приводит к осознанию органической и динамичной целостности мира, за которой неизбежно мыслится высшая духовная жизнь и суверенная творческая Личность.

Объективная ценность любого знания выявляется по его плодам, постигаемым вовне. И взгляд со стороны может сильно разниться от мнения адептов того или иного учения. Сказанное характерно для философии, неблагоприятие которой отмечал еще видный английский позитивист XIX в. Дж. Г. Льюис: «Повсюду в Европе философия утратила кредит. И хотя она пребывает в постоянном движении, это движение по кругу».

А вот что писал один из высших авторитетов среди физиков Э. Шредингер (1925): «Когда познакомишься с так называемыми объективными историческими изложениями старой или новой философии, отталкивающее впечатление производит то, что постоянно читаешь: “А” представляет такую-то, “В” — другую точку зрения, тот был “Х”-овистом, этот “У”-анцем... причем они противопоставляются друг другу таким образом, как будто речь идет о действительно различных воззрениях на один и тот же предмет. Такое изложение почти вынуждает нас считать безумцем одного из двух мыслителей, а может

быть и обоим сразу, или по меньшей мере полагать, что один из них исчерпал свои мыслительные способности. Приходится лишь удивляться, как их потомки и мы сами могли считать достойной внимания бессмысленную болтовню этих тупоголовых...» Шредингер высказал сомнения в эффективности только вербального подхода, полагая, что «последние и глубочайшие достижения познания есть и останутся *vosce meliora*» — чем-то лучшим, нежели слова. Что дело обстоит именно так и будет показано ниже.

Та же неудовлетворенность философией сквозит у многих и сегодня. М. Гелл-Манн, американский физик и лауреат Нобелевской премии 1969 г. «за открытия, связанные с классификацией элементарных частиц и их взаимодействия», саркастически бросает, что «философия мутит воду». А его коллега Ж. И. Алферов предостерегает: «Только не отдавайте ни один важный вопрос философам — заболтают». Еще один нобелиат — С. Вайнберг не видел «в профессиональной философии никакой пользы», обращая внимание на ее «непостижимую неэффективность». Еще категоричнее знаменитый Р. Фейнман, констатирующий со свойственной ему иронией: «Эти философы всегда топчутся около нас, мельтеша на обочине науки и порываясь то и дело сообщить нам что-то. Но никогда на самом деле они не понимали всей тонкости и глубины наших проблем». Прямо-таки гнетущая картина несостоятельности!

Безрадостная и самокритичная оценка звучит и у одного из самих «любителей мудрости», проф. А. В. Солдатов: «У нашей философии нет магистральной линии развития, а наблюдается разброд и уход по разным линиям от некоего общего основания. И было бы неплохо, если бы хоть какие-то из них давали фундаментальный результат, а этого результата нет. Мы имеем мелкие направления и мелкие результаты».

По-видимому, интеллектуальная импотенция философии начинается с того, что ее предмет преподается в вузах лишь как история мысли прошлого и не ориентирует ни на решение стоящих перед наукой проблем, ни на осмысление, к примеру, нынешней кризисной ситуации. В лучшем случае выпускник-философ, делая карьеру, попытается создать собственную и неповторимую концепцию. Но тут настигает новый «облом»: оказывается, именно *готовые* философские системы, соприкасаясь с физикой, порождают, как правило, больше проблем, чем решают. Отсюда возникает необходимость пойти по другому пути — не возводя грандиозных философских построений, попытаться просто оценить *метафизически* накопленное наукой. Здесь-то стихийно и объединятся усилия, поскольку и философ, и физик в конечном счете стремятся к одному: постичь предельные основания бытия.

Требуется переосмыслить и саму методологию. Например, в уравнениях физики всячески избавляются от расходимостей, прибегая к ухищрениям типа нормировок и калибровок — ради получения компактного конечного результата, радующего глаз своей математической красотой. Но тут, увы, может и упускаться искомое *трансцендентное* начало, выражающее, скажем, *целостность* бытия, которая в свою очередь манифестируется эстетически: через то *прекрасное*, разлитое в мире, каковое рациональный ум и не замечает, гоняясь за формальной строгостью своих выкладок. Другими словами, за «формулами-деревьями» он не видит великолепия леса как *целого* и царящей в нем гармонии. Так просматривается, к сожалению, существеннейшая онтологическая характеристика, составляющая, по сути, *смысл* мироздания.

Кстати, и в реальном зеленом лесу найдена удивительная «акустическая гармония». Он наполнен чарующими звуками шелеста листвы и пения птиц, чей «розовый» фурье-спектр описывается *фрактальным* «законом $1/f$ » — изоморфным (!) самоподобию бесконечной «золотой» *целостности*. Не видя в упор последней, доблестная наука так и не смогла объяснить природу «фликера», а потом и вообще «опустила руки», когда он вдруг заявил о себе еще и в музыке, чисто инструментальной и вокальной, в народных песнях, морском бризе и многих других «нефизических» феноменах. А всего-то надо было — внимательно вслушаться и вдуматься...

Ясно, однако, что именно подобные «универсалии» только и выводят нас к тому «центральному порядку», каковой лежит в основе таких общепhilosophических категорий как:

1. Сущность и явление. В античной философии первая категория мыслилась как «начало» понимания вещей и вместе с тем как источник их реального генезиса, а вторая — как изменчивый и видимый их образ, существующий лишь «по мнению». Поэтому задача состоит в проникновении путем размышления в подлинную суть вещей, или в то, что они есть «по истине».

Изначально наметились две линии: у Демокрита *сущность* неотделима от самой вещи и производна от тех атомов, из которых составлена; а Платон утверждает сверхчувственный, имматериальный характер *сущности*. И если у первого в тумане остается вещь как *целостность*, то для второго, наоборот, важен приоритет *целого*, или собственно — *сущности*, над составляющими элементами.

По словам Лейбница, английский физико-химик Р. Бойль, знакомый нам по газовому закону, открытому совместно с Э. Мариоттом, называл Демокрита и его последователя Эпикура «корпускулярными философами», что вполне приложимо и к современным деятелям науки, сводящим микромир ко все новым субчастицам вроде кварков и лептонов. И примечательно, что «некоторые из эпикурейских и стоических философов» ввязывались в спор и с апостолом Павлом, доказывая свою правоту (Деян. 17:18)...

Налицо как бы два «встречных» вектора познания: физика шествует «снизу» от будто бы частного к якобы общему, пытается добраться до *первоначала*, а религия непосредственно исходит из него. Но на пути бездумного и все более мелкого дробления материи всегда мерещится пугающий призрак дурной бесконечности. Ведь еще Анаксагор говорил: «ни у малого нет наименьшего... и у большого есть всегда большее. И оно равно малому по множеству». Да ведь это — завуалированный образ *фрактальной* организации, преобладающей во всей природе!

И не только. Сказанное основателем афинской философской школы прекрасно соотносится с развернутой «*золотой пропорцией*», выражающей логически замкнутую трансцендентную и *самоподобную целостность*. Наконец-то мы осознали ее простой смысл. Поскольку слева она не обрывается минимальным членом, то любой из них на этом конце, рассматриваемый как частное *целое*, всегда оправдан примыкающими к нему последующими частями. А отсутствие максимума справа означает, что и здесь произвольный «правофланговый» в качестве *части* всегда обоснован вышестоящим *целым*, подразумеваемым еще правее. В итоге, благодаря «нумерической» конкретизации, актуальная бесконечность, доставлявшая философии столько хлопот, обрела твердую онтологию...

Недаром за нашим всеобъемлющим инвариантом гармонии со времен Леонардо да Винчи закрепилось и еще одно обязывающее название — *Божественная пропорция*. А ученик Фихте и Шеллинга Краузе писал на рубеже XVIII и XIX вв. о *Божественной целостности* бытия и о Боге как *абсолютной сущности*. Случайно ли такое совпадение!? Философская интуиция, несомненно, правильно вела к истине, а сейчас ее «шаткое вербальное», оставляющее многое в тени, решающим образом дополнилось и фундаментализировалось математикой. И далее подобная успешная кооперация между словом и символом будет продемонстрирована с еще большим эффектом...

...После Средневековья, резко противопоставлявшего явлению *сущность*, носителем которой выступал Бог, проблема переместилась в гносеологическую и явно рациональную плоскость. Кант признавал объективную *сущность* — «вещь в себе» — и считал ее принципиально непознаваемой. Явление у него не выражает *сущности*, а лишь вызывает через последнюю субъективное представление. Гегель же попытался преодолеть метафизическую дистанцию между двумя категориями, но столкнулся с неразрешимыми противоречиями. Были и другие, столь же бесплодные подступы к проблеме...

Но сейчас окончательно проясняется стратегия сведения воедино *сущности* и *явления* и понимание того, как эта историческая встреча происходит. Будем исходить, перефразируя Канта, из нового понятия — «дух в себе». Покажем, что данный неологизм взят не с потолка, а вытекает из открытий физики, достаточно только бросить на них свежий взгляд. Поучительна в этом отношении...

2. История «самого знаменитого уравнения в мире». Речь идет, конечно, об известной формуле Эйнштейна $E = mc^2$, каковой, по идее, предшествовали еще работы Лавуазье и Фарадея. Из тонких опытов первого следовал закон сохранения массы некой субстанции мира, а второй открыл другой «интеграл движения», касающийся энергии. Как известно, сохранение последней обязано, вообще говоря, однородности *времени*. А вот изотропность *пространства* обуславливает сохранение момента импульса. Но нельзя ли от него перейти к массе? Ведь тогда бы две «всеобщие формы бытия материи» отвечали паре основных ее механических характеристик...

Фарадей первый связал электричество с магнетизмом, полагая, что одно постоянно перетекает в другое. Введя свои умозрительные силовые линии, создатель учения об электромагнитном поле неотвязно думал и о *вихрях*, через которые энергия одной составляющей поля, якобы, может преобразовываться в свою «противоположность» и наоборот. По-видимому, христианская вера, в которой был воспитан Фарадей (сандеманиаская), внушила ему мысль об этих завивающихся вокруг магнита образованиях. Не потому ли, что и в книгах Ветхого Завета упоминание о *вихре* встречается более 20 раз?...

Обратим внимание на важную параллель: образное мышление Фарадея нашло блестящее оформление в знаменитых уравнениях шотландца по фамилии Максвелл, написанных, как говорят, «рукой Самого Бога» и тоже содержащих математическую операцию *вихря* векторного поля — $rotE$ и $rotH$. Так интуитивные озарения и образы с триумфом дополнились безупречным формализмом, что и дало в итоге одно из величайших интеллектуальных достижений в истории человечества.

Максвелл оказался настолько гениальным математиком, что ему удалось проникнуть в суть внешне простых и неуклюжих рисунков своего старшего коллеги и эксплицировать их на языке «царицы наук». А объединяло их то, что, будучи глубоко религиозными людьми, оба видели в загадочном поле возможное имманентное присутствие Бога в нашем мире. Именно! И уверенность в этом будет в нас нарастать по мере изложения...

Максвелл сумел уловить в электромагнитном потоке еще одну специфику, разновидность возвратно-поступательного движения, когда обе «ипостаси» энергии, по его словам, пребывают «во взаимных объятиях».

А молодого Эйнштейна примерно в то же время осенила другая догадка, когда он, прогуливая занятия в вузе, сидел в цюрихской кофейне с трудами того же Максвелла: свет может существовать лишь как стремительное движение световой волны. Скажем больше — даже без источников! Электромагнитная волна в вакууме, а следовательно, без материальной среды, распространяется «сама по себе» и не обязана помнить, кто ее запустил...

Но и на первой странице Библии мы читаем: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). А сам источник — к недоумению простодушного читателя — появляется чуть позже и через 12 стихов: «И создал Бог два светила...» (1:16). Похоже, *идея* света в виде особой волновой организации была для Творца куда фундаментальнее *замысла* порождающего ее источника и, несомненно, «автоматически» детерминировала последний...

На Эйнштейна повлияли, конечно, и открытия в области радиоактивности и ядерных реакции «сладкой парочки» Л. Мейтнер и О. Ганна, а также супругов Кюри, причем со Склодовской-Кюри он общался и лично. Мысль о сконденсированной в атоме энергии прямо-таки витала в воздухе. И оставалось только выбрать между разными выражениями для нее — *mv* или *mv²*, которым порознь отдавали предпочтение Ньютон с Декартом и Лейбниц. Как ни странно, решающие доводы в пользу второго представила подруга Вольтера маркиза дю Шатле, увлекавшаяся натурфилософией и сделавшая перевод ньютоновских «Начал» на французский. Естественно, что великий реформатор физики и взял именно нелинейную квадратичную формулу, игнорирующую, кстати, направление скорости. Так оформился далеко идущий вывод о взаимозаменяемости энергии и массы, солидарный с непоколебимой верой Эйнштейна в единство всего и вся. А новая *сущность*, именуемая «энергия-масса», стала в наших глазах просто-напросто принимать различные облики, зависящие от того, как мы ее наблюдаем.

Уместно напомнить, что «*c*» (от лат. *celeritas* — быстрота и проворство) фигурирует еще в одном качестве — как независимая *электродинамическая постоянная*, вытекающая из согласования единиц измерения в системах СГСЕ и СГСМ, т. е. опять из двух аспектов электромагнетизма. Не получилось ли так, что, будучи ответственной за переход между тем и другим, она и лимитирует собой скорость распространения света? Или, вкладывая другой оттенок, скажем: она регулирует колебания между «свернутой» и «развернутой» частями волны — служа неким знаком взаимопревращения энергии и массы. И когда данный процесс приобретает необратимый и заверченный характер, скорость *c* оказывается во второй степени...

Такого ограничения нет у свободного и мгновенного *духа*, почему он и «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Здесь и зарыто принципиальное различие между «тварным» светом — электромагнитной волной — и *несозданным*

духом, о геометродинамике которого мы можем лишь строить догадки. Но антропогенная «невидимка» выступает «полевым» аналогом *духа любви* и также заполняет все пространство, хотя и сеет, увы, не столько благие плоды, сколько зачастую лишь «шумовую» информацию...

На мельницу сказанного льют воду и две теоретических модели атома: вихревая лорда Кельвина (У. Томсона) и силовых центров Руджера Бошковица (1711–1787). В обоих случаях материально-дискретное образуется благодаря локализации некой разлитой вокруг да около субстанции: эфира или силового поля. А мы с легким сердцем заменяем это неизвестно откуда взявшееся нечто чистой *духовной энергией*, которая, сворачиваясь по *вихрю*, и порождает первые элементарные частицы материи. Теперь вместо логически оборванной картины на авансцену выходит *смысл*, заключенный в *целостной организации* данной первоэнергии. Результат приложения этой, подчеркнем, *творческой* энергии в природе известен, как и гениальная продукция искусства, тоже выполненная «по образу и подобию» в непревзойденной «золотой» целостности.

«Малоизвестный широкой публике гений», как назвал Бошковица В. Вернадский, выдвинул «теорию простейших элементов материи, находящуюся между системами Ньютона и Лейбница». Вспомним: взгляды того и другого на мироустройство были как бы «зеркально асимметричными» — по части структуры и функционирования. Если кратко, то у Ньютона материальные мирообразующие точки управляются промыслительным *sensorium dei*, а у Лейбница наоборот — духовными монадами правит некое алгоритмичное начало.

Правоверный католик-иезуит и полигистер Бошкович построил «динамическую атомистику» на основе «живых сил», исподволь объединяя две генеральные тенденции — дискретности и непрерывности, восходящие к атомизму Демокрита и чередованию у Эмпедокла «любви» и «ненависти», которые господствовали над четырьмя элементами. Получился весьма гармоничный синтез, где *сила* постулировалась как основа всего сущего и полагалась даже более фундаментальной, чем сама материя(!), будучи предпосылкой ее протяженности и непроницаемости.

Но давайте на место *силы* подставим другую динамичную данность — *дух*... и мы получим то же самое! И даже более: теперь первоэлементы, образованные «свернутым» *духом*, удерживаются *им же* в единстве через всемирное тяготение. А *любовь* — как первый *плод духа* — соединяет и сердца, да и вся картина великолепно согласуется с библейской! В *духовном* мировидении, таким образом, срабатывает с блеском и «бритва Оккама», поскольку все покрывается одной-единственной *сущностью*...

Тем не менее нельзя не упомянуть и о других прозорливых догадках хорватского философа и естествоиспытателя. В частности, его первые частицы материи «суть точки, совершенно неделимые и непротяженные», причем силы не прикладываются к ним извне, а нерасторжимо связаны с ними. Эта мысль перекликается с корпускулярно-волновым дуализмом квантовой механики; а его мы видим сейчас через образ спирали, олицетворяющей единство «свернутой» — материальной части и «развернутой» — духовной.

Замечательна также идея Бошковица об ограниченном числе «родов начал», «все уменьшающихся элементов, которые в свою очередь становятся «одноликими и менее несходными между собой». В самом деле, и современ-

ная физика, отчаявшись плодить бесконечный «зоопарк» разноликих частиц, наконец-то сосредоточилась на нескольких фундаментальных кварках и лептонах.

Неординарная онтология талантливого сына югославян была впоследствии высоко оценена многими авторитетами. Коши утверждал, что нужно принять идею Бошковича о безразмерных точках, хотя бы во избежание противоречий в рамках гипотезы о бесконечной делимости материи. А Томсон вообще рассматривал многие молекулярные модели, включая работы Максвелла и Клаузиуса, как «лишь развитие просто-напросто теории Бошковича». Весьма лестная оценка со стороны ведущего английского физика-энциклопедиста! Спрашивается: а не выросла ли оттуда собственно и *вихревая* модель атома у самого лорда Кельвина? Именно в нее-то мы и вдохнули новую жизнь — через геометродинамику *духа*, следующего абрису логарифмической спирали и трансформирующего свою «чистую» энергию в массу по формуле $E \rightarrow mc^2$...

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, отметим уподобление Бошковичем Вселенной большой библиотеке, чей многоязычный фонд редуцируется к «однородным точкам», из которых состоят буквы. Здесь невольно вспоминается и обсуждаемая иногда философией...

3. Языковая картина мира. Универсальность языка, выделяющая его среди других знаковых систем, позволяет ему описывать мир как *целое*, именуюя и называя людей и предметы и описывая их взаимосвязи. Достаточно снова упомянуть закон Ципфа, касающийся распределения слов в художественном тексте, или родственный ему «фликерный» спектр, сопровождающий осмысленную *речь*, — и там, и тут в зеркале языка отражается как раз всеобщая фрактальная *целостность*, зафиксированная математически в универсальном «гиперболическом законе». А соотнеся вездесущий «закон $1/f$ » с трансцендентным *духом*, являющим нам себя через гармонию «в золоте», философия мужественно «спасла» и загадочное *явление*, и саму физику, которая, увы, так и не сподобилась дать объяснение последнему. Вот прекрасный пример согласования двух «компланарных векторов» познания, направленных к нему «сверху» и «снизу»! Надо лишь реанимировать эстетическое чувство, пребывающее у рационалиста зачастую в рудиментарном состоянии, и разглядеть *единство и красоту* мира...

...Пионером «онто-лингвистики» был, по-видимому, Ксенофан Колофонский (род. ок. 570–560 гг. до н. э.), впервые в античной философии обратившийся к *значению* слова. Поскольку центральным пунктом его изысканий было учение о Боге, он стремился преодолеть разноречивость мнений о Нем и найти одно единственно верное представление, справедливо полагая, что слово «Бог» само говорит за себя и раскрывает смысл обозначаемого.

Вообще, в греческом мирозерцании *слово* играет особую роль — уже потому хотя бы, что многоликий термин *στοιχεῖον* обозначает стихию, знак, первую и самую простую часть чего-либо, начало, элемент и... буквы. Их-то сложение в *слово* и *речь* и мыслится как образование вещей и сквозного порядка между ними. Как тут не поразиться интуиции эллинов, предвосхитивших общность «языкового закона» с мировой гармонией! И тогда ничего не остается, как только обратиться к *благому источнику* всеобъемлющего порядка, к чему и подводят догадки Ксенофана о Вселенной как единой сущности и его отождествление Бога с космическим целым...

Любопытно, что те же идеи бродили и в голове современника Ксенофана Пифагора, а его любимые *числа* были теми же *словами* — и по смыслу, и даже по написанию, поскольку число у греков не имело самостоятельного цифрового выражения...

Наконец, и Платон никогда не отрывал познание и понимание от акта именования и называния. То, что невозможно воплотить в *речи* или *слове*, является алогичным (*άλογον*), т. е. непознаваемым. Естественно поэтому, что анализ познавательных структур у Платона неотделим от препарирования речи и структур языка, выступающих основными логическими атрибутами мысли...

И сегодня все более укрепляются в том, что мироустройство в своей основе имеет «лингвистический фундамент». В конце концов, и математика суть тот же язык, но оперирующий своими специфическими абстрактными символами. Накопив за века солидный запас последних, она пользуется ими, словно извлекая из словаря, и лепит из них, по определенным правилам, очередные «предложения», описывающие новые законы.

Итак, буквы образуют основные компоненты «строительных блоков», отвечая числам в математике и частицам материи в физике, а слова, соответственно, — уравнениям и фрагментам *общей картины*. Тогда ее в целом должен, казалось бы, кто-то и «высказать», причем... с явно благими намерениями...

Но *благо* в платонически ориентированной философии и теологии всегда ассоциировалось с *подобием*, которое в свою очередь означало сообразность низшего высшему и соотносилось с *единым*. И все теперь сходится в наблюдаемой повсюду иерархической фрактальной организации типа « $1/x$ », за которой стоит изоморфный ей *дух целостности*...

«Объективированная» *духом* реальность почти также «дистанцирована» от него, как и материальный носитель слова, будь то в устной или письменной форме, от его значения-смысла. И хотя содержание сообщения вроде бы не зависит от «материальной подложки», между семантикой и синтаксисом скрыты тонкие отношения. Излагая свою мысль и пришедшие на ум образы в словах и тут же вслушиваясь или созерцая их на бумаге, мы оттачиваем через эту «обратную связь» конечный результат.

Точно также *целостный* замысел разворачивается *духом* в дискретные объекты, чей обозримый вещественный порядок незамедлительно вносит коррекцию в «свернутый» план. В итоге свершается великий процесс неукоснительного повышения упорядоченности мирового *целого*. Нечто подобное происходит и со многими подвижниками пера, по несколько раз перекаривающими свои романы...

Оказывается, природа такого «реверса» абсолютно универсальна и фундаментальна. Наше сокровенное и неделимое «я» хранит в себе и свое содержание в такой же компактной и нерасчлененной форме. А когда оно выводит его наружу, переводя в некую структуру, тогда начинает ее созерцать как нечто по отношению к себе внешнее. Тут и возникает диалог, состоящий в попеременном «свертывании» и «развертывании» структуры и преследующий цель ее усовершенствования. Не потому ли каждый мастер, закончив свой труд, часто испытывает неудовлетворенность, побуждающую его к новым творческим поискам?...

Считается, что именно *интуиция* осуществляет в микрокосмосе перевод «туда-сюда» между языком последовательных дискретных элементов-слов и

целостными образами. А в макрокосмосе ту же функцию выполняет *дух*, который, вероятно, и руководит загадочной *интуицией*. Лейбниц называл ее «самым совершенным знанием», а по Бергсону, она непостижимо «переходит за интеллект».

И совсем «в десятку» попадает Нобелевский лауреат по физике В. Паули, полагая, что объективная гносеологическая ценность *предрационального* познания вытекает — внимание! — из некоего «*порядка* во Вселенной, не зависящего от нашего произвола и отличающегося от мира явлений». Если сюда присовокупить мнение Бергсона о реальности и мышлении как *непрерывном потоке* и его подчеркивание «подвижности» *интуиции*, то мы немедленно приходим к единственно суверенной и управляющей инстанции — динамичному *духу*, задающему целостный «золотой» *порядок*.

Итак, мы различаем две реальности, познаваемые двояко и восходящие к сущности и явлению: свободный *дух*, питающий нашу *интуицию*, и объекты спекулятивного мышления, оперирующего «принудительной» логикой «твердых тел» с ее словами и прочими знаками. Истинное же духовное познание есть плод живой *интуиции*, когда с прискорбием обнаруживается «блеск и нищета» языка.

Для вящего уяснения сопоставим «последовательный» и «параллельный» способы обработки информации, сравнивая обычный текст и его генетический аналог. Насколько разнятся они по информационной емкости? Стандартная страница содержит 10^3 бит при средней скорости чтения 50 бит/с, а кодирующая часть человеческого генома насчитывает 10^n базисных пар, где $n \rightarrow 7$. Но для координации молекулы ДНК во всех клетках организма требуется, по подсчетам, уже около 10^{21} изменений ее внутреннего состояния в секунду. Такова сногшибательная скорость обмена информацией в интегрально-целом организме! Если признать за столь высокоорганизованным «биологическим текстом» непревзойденного Автора, то Он просто несопоставим с нами по Своему интеллекту! К тому же склоняется и основатель Майкрософта Билл Гейтс: “Human DNA is like a computer program, but far, far more advanced than any software we have ever created” (1996).

Мы располагаем, таким образом, лингвистическими свидетельствами в пользу не алгоритмического, а скорее *творческого* управляющего начала. Нечто подобное, видимо, забрезжило и в умах древних греков, когда они добавили к четырем исходным материальным элементам еще и *пятую сущность*, известную и в нынешней физике как...

4. Невидимый эфир. Его длинная история словно высветила слова А. Сент-Экзюпери: «Самое важное — это то, что невидимо». И любопытно, что уже в наше время были попытки ввести в картину мира и другую *пятую* инстанцию типа «силы» или «сознания», входящую, правда, в иной набор — из пространства, времени, энергии и материи (Х. Шепли).

Но почему непременно — пятиединство? Не потому ли, что именно в *пятикратной* симметрии живого, связанной с «золотой пропорцией», торжествует органическая *целостность*, обретающая свое окончательное завершение в Homo sapiens? Достаточно, например, вспомнить *пятипалую* конечность у высших позвоночных, правда, с оттопыренным большим пальцем. А наша рука достигает уже абсолютного совершенства, и не столько по строению, сколько по функциям, позволяя также успешно управляться

в материальном мире, как и... присущему ей числовому архетипу — в духовном...

...В истории естествознания, да и философии, едва ли найдется другая концепция, которая вызывала бы такой неизменный интерес, как учение о пятом элементе. Эфир упоминался уже в поэмах Гомера, Гесиода и воспевался на все лады в орфических гимнах. Если суммировать хотя бы отчасти эпитеты, которыми его наделяли последователи Платона и Аристотеля, христианские мыслители, мистики и стоики, то они сводятся к духовно-материальной субстанции и первооснове мира, материи Бога и духу (*spiritus mundi*), мировой душе и животворящей силе, началу всякого движения и т. д.

Эфир хочется уподобить *пятому* колесу экипажа — рулевому, обеспечивающему целенаправленность движения. На последнем-то и будет вскоре акцентировано наше внимание. И все встанет на свои места, если еще не забыть и о фундаментальной организации этого движения...

Показательно, что несмотря на всякие алхимические и религиозные закидоны, идея эфира оказалась востребованной и новой рационалистической наукой. Декарт первым прибегнул к ней, объясняя «близкодействие» тел через контакт с промежуточной невидимой и неосязаемой средой. За эфир хватался и Ньютон, решая проблему распространения света и мучаясь с природой гравитации, но понимая, тем не менее, что втиснуть его в уравнения все же не удастся.

Характерны трудности и с построением механической модели эфира. Она все время трещала по швам, поскольку приходилось сочетать несовместимое: поперечность электромагнитных волн требовала упруго-твердой «субстанции», а для продольно-звуковых — жидкой, и особой тонкости — для беспрепятственного движения небесных тел.

Казалось бы, Рубикон был перейден в историческом опыте Майкельсона (1881), сметавшем лоренцову теорию неподвижного эфира, да и всякие разговоры о нем. Но окончательного прощания с ускользающей от органов чувств инстанцией так и не получилось.

С одной стороны, за quinta essentia продолжает цепляться наука, ища деятельную первоматерию в лице «эфиродинамики», физического вакуума или торсионных полей, откуда неожиданно возникает вещество. А с другой, — свою лепту вносит и философия, выходя за пределы причинно-следственного описания и устремляясь к первопринципам и началам.

Увы, первоначало невозможно отыскать, барахтаясь в сфере естественных закономерностей, поскольку оно выходит за границы феноменального, и потому наука не способна разобраться с правомерностью теории эфира. Но поддается ли проблема и на путях «разумно-рационального» философского дискурса, или, отбросив «костили интеллекта», нам надо обратиться к некоему третьему источнику?..

Оставляя ответ на вопрос для заключительного пятого раздела, обозрим кратко наиболее важные прозрения о «пятой сущности», начиная с античности.

Первым, кто назвал эфир космическим элементом, был, по-видимому, Эмпедокл, отождествлявший его по сути с воздухом. Учение же об эфире как особой данности традиционно приписывается Аристотелю, тем более что он и сам дает повод тому, говоря о нем как своем изобретении. Но некоторые античные авторы возводят эту концепцию к пифагорейцам, связывая ее

с открытием пяти правильных многогранников, поскольку, будто бы, земля имеет форму куба, огонь — пирамиды, воздух — октаэдра, вода — икосаэдра, а *целое мира* — *додекаэдра*.

Под «целым» же древние могли подразумевать либо небо, которое охватывает и включает в себе все, либо... «пятинедровый» и «пятимирный» эфир — как «то, в чем все происходит».

Поразительно живучие интуиции! И сегодня встречаются рассуждения о «нетрадиционной форме материи» — «эфиродинамической квазивещественной структуре, *не принадлежащей нашему миру*» и обладающей «широким *вихревым* спектром (А. М. Мишин). Иногда мерещатся даже составляющие сверхмалые частицы эфира, именуемые «наноединицами» (С. М. Бирюков)... Удивительно, куда только не заводит буйная мысль без тормозов!...

Но обратим внимание на особое «пятое тело» — *додекаэдр*, описывающее у греков, якобы, «*состав целого*». Именно в платоновском *Тимее* впервые отчетливо протягивается нить между элементами и многогранниками, причем *пятая* конфигурация использовалась Демиургом иначе, нежели остальные четыре — не с целью порождения еще одной стихии, а для придания формы *целому* (!). Более того, манипуляции Творца с выделенным телом характеризуются глаголами «украсил» и «о-живописал».

А далее в одноименном диалоге пифагореец Тимей обращается к пропорции, соединяющей два члена с помощью третьего, для придания космосу гармоничного вида. Речь, конечно, идет о так называемой непрерывной пропорции, примеров каковой можно привести сколько угодно.

Но среди них есть одна уникальная — «золотая», объединяющая в себе *отношение* с идеей *целостности*, эксплицируемой суммированием. Будучи развернутой влево и вправо до бесконечности, она элегантно и просто выражает уже *трансцендентное целое*, охватывающее все уровни бытия. Оно иерархически составлено из промежуточных целых и частей, которые, меняясь друг с другом своими ролями вдоль ряда, образуют идеальное единство «всего со всеми и во всем». И такое самоподобное устройство полностью согласуется с превалирующей фрактальной организацией природы.

Знал ли Платон, упоминая «прекраснейшую из связей», об этой замечательной пропорции, названной впоследствии Божественной? Или данная идея — «экспрессия», по Лейбницу, лишь блеснула ему, не найдя надлежащего вербального выражения?...

Разумеется, форма диалога не располагает к наглядным демонстрациям, но если нечто не удастся адекватно выразить ограниченными словами, то стоит прибегнуть к символу. И действительно, когда мы молча и внимательно разглядываем бесконечно продолженную арифметическую «золотую пропорцию», она сама говорит за себя. Любой, не лишенный эстетического чувства, удивляется ее изяществу. А с неподдельного удивления, собственно, и начинается философия...

Платон же, увлекшись в первую очередь обоснованием четырех элементов, пользуется некой геометрической пропорцией, в которой пятый ингредиент как-то повисает в воздухе, хотя он и называет его «прозрачайшей разновидностью» оного...

Между тем, легендарный додекаэдр с его 12-ю пятиугольными гранями органически вписывается в концепцию «золотого» *целого*, поскольку целиком построен по его закону.

Заклячая краткое эссе об эфире, отметим еще некоторые догадки и коннотации, которые у нас далее и под новым углом зрения войдут в духовную интерпретацию искомого непрерывного начала.

Вероятно, искусственность модели эфира породила определенные трудности еще у Аристотеля. Его представление о «вечно бегущем» и «горнем теле» входит в противоречие с учением о неподвижном двигателе мира, изложенном, соответственно в *Метеорологике* и *Метафизике*. В то же время, по свидетельству Цицерона, Аристотель пишет о «пятом роде, из которого возникает разум и мысль». Да и вообще, он вводит пятую природу в качестве первой и обуславливающей все живое (!); да и «небо одушевлено», а сама душа — в духе стойков — якобы, тоже связана с эфиром...

У стойков и в самом деле эфир божественен, неуничтожим и предшествует всем остальным элементам, уделяя им себя и выступая принципом *разумной* организации мира (!). К *духовности* искомого начала подводит и стоическая *пневма*, совершавшая загадочные тонические движения...

Разнобой мнений об эфире не мог не вызвать нареканий со стороны многих мыслителей. В частности Ксенарх, живший на рубеже до- и н. э., критикует пристрастие Аристотеля к прямолинейному и круговому движениям, заявляя еще и о *спиральном*. Он отмечал простоту и соразмерность *спирали*, поскольку «любая ее часть совпадает с любой другой...».

Блестящая и далеко идущая мысль, особенно в настоящем контексте! Именно *логарифмическую спираль* и описывает радиус-вектор, определяемый «золотыми» числами. В результате геометрический образ подобия стыкуется с арифметическим, давая идеальный символ фрактальности.

Но он отнюдь не статичен! Еще Аристотель считал, что «движение каждого тела в его место есть движение к его собственной форме». А Ксенарх под естественным местом любого элемента понимает его неизменную форму или *идею*, достижение которой равносильно вхождению в бытие. Отсюда, становление живого существа как раз и составляет его сущность. Да и Аристотель в своих естественнонаучных сочинениях обычно трактует элементы через их движение.

На определении природы элементов через свойственное им движение настаивал и Александр Афродисийский — «второй Аристотель» и глава перипатетической школы (II—III вв.). Если пятый элемент не подвержен изменениям, то он — математическое тело. И душа небесного элемента испытывает неодолимое стремление уподобиться вечной и неподвижной сущности — первому двигателю. А этот порыв приводит эфир в круговое движение, которое «своей вечностью, неизменностью и равномерностью чем-то напоминает покой».

Но те же слова в полной мере относятся и к самоподобной логарифмической спирали! Потому-то ей и восхищался Я. Бернулли, обнаружив, что, «изменяясь, она воскресает все той же...», т. е. как бы и движется, и одновременно покоится...

Увы, отчаянные попытки древних разобраться с «пятым элементом» заикливались в основном и трагически на замкнутом движении, характеризующем, к сожалению, и сам ход их мысли. А при размыкании же круга *трансцендентной* спирали сразу выявляется:

5. Духовная природа первоначала.

Начнем с *красоты* мира «в золоте», признаваемой всеми людьми с неповрежденными органами чувств, и обратимся к другой ее стороне — онтологической *целостности*. Может ли последняя возникнуть спонтанно, вследствие некой самоорганизации или она явилась результатом *творческого процесса*, как и все шедевры искусства, имеющие своего автора и тоже созданные в чудесной «золотой» организации?...

Вообще говоря, *целое* тождественно понятию завершенного и полностью воплощает свою *идею*, а следовательно, не нуждается в усовершенствовании. Смысл любой вещи — в ее функционально-структурном единстве. Это тем более справедливо в отношении интегрального трансцендентного целого, органически включающего в себя частные целостности. Возможен только скачок к новой организации, отвечающей очередному творческому замыслу, что и наблюдается исторически на дискретной цепочке гоминидов без промежуточных форм. Иначе говоря, непрерывная мысль нет-нет да оформляется в новую идею, отображающуюся в материю. Получается, что на самом деле эволюционируют не виды и биоценоз, а креативная мысль, стремящаяся к новым горизонтам. Да и любой антропоид, оставивший себе подобное потомство, едва ли мог видоизмениться за свою короткую жизнь...

И нам остается только, идя от наблюдаемой повсеместно «золотой» гармонии, разобраться с метафизикой порождающего ее духовного процесса. К счастью, на качественную и количественную стороны дела проливает свет и современная физика.

Во-первых, в качестве ключевого выступает *вихревое движение*, неоднократно клавшееся в основу мироздания и сочетающее в себе, по древней версии, — предел и беспредельное, а геометрически — круговое и прямолинейное движения. Действительно, центральная часть *вихря*, или ядро, рассматривается в гидродинамике как вращающееся однородное твердое тело, в противоположность остальной, нелокальной и протяженной части. Что мешает, в таком случае, принять первую за элементарную частицу материи, а вторую — за распределенную в пространстве энергию? А тогда, во-вторых, тут же находится и адекватное «нумерическое» описание их взаимоперехода: $E = mc^2$!

Указанные две ипостаси *вихря* сопоставимы и с корпускулярно-волновым дуализмом квантовой механики, и с христианским взглядом об умалении («кенозисе») и самоограничении Бога по отношению к миру. Наконец-то раскрывается, о чем подробнее ниже, и «механизм» одного из центральных богословских положений — таинственного «творения из ничего».

Самое распространенное в природе *вихревое движение* неотъемлемо от любой жидкой или газовой среды, а потому и находилось всегда в центре внимания. Применительно к идеальной жидкости его исследовал еще Л. Эйлер (1755), выведя уравнение ее сплошности, но наибольший вклад внес Г. Гельмгольц (1858), расписавший систему необходимых дифференциальных уравнений. Поражает их схожесть с таковыми для электродинамики, что наводит на мысль о фундаментальности избранного математического аппарата, пригодного для описания любой *непрерывной* среды.

Но сходство идет и дальше. Уравнения Гельмгольца—Пуанкаре для идеальной жидкости и Максвелла для вакуума, свободного от зарядов, по

существу задают движение как таковое — без материального носителя! И если во втором случае можно говорить о транспорте энергии электромагнитными волнами, то в первом природа движения совсем неясна. Вихри в гипотетической жидкости, как известно, либо циркулируют беспричинно и вечно, либо, если их там нет, они и возникнуть сами собой никогда не смогут. Спрашивается: каков смысл сей альтернативы?...

Единственное, что лежит по ту сторону всякого объяснения, — это непременная *представимость* произвольной *подвижной сплошности* фатальными *вихрями*, через каковые она только и заявляет о себе. Но не равносильно ли тогда отсутствие вихрей философскому *ничто*, когда «среда» никак не обнаруживается? Ведь именно из отрицания *ничто*, по Хайдеггеру, и возникает бытие. А как сказал бы Гегель, благодаря двойному отрицанию выплывает *нечто* с минимальной определенностью в виде характерного и неотвратимого движения...

Когда-то *динамически* мыслил *непрерывность* и Аристотель, а выдающийся математик первой половины XX в. Г. Вейль называл *континуум* «средой свободного становления», обладающей частями.

Следовательно, понятия непрерывности (1) и движения (2) идут бок о бок, причем более охотно, как мы убедились, принимается посылка (2)→(1), чем наоборот. Столь, казалось бы, тривиальный вывод оспаривался, тем не менее, учеником Парменида и «первым диалектиком» Зеноном Элейским, явившим прецедент рационального подхода с неизбежными парадоксами.

Избежать гнетущих апорий помогает метафизика. Начать с того, что ситуация напоминает «встречу» в математике *необходимости* (1) и *достаточности* (2), когда из выполнения прямой ($A \rightarrow B$) и обратной ($B \rightarrow A$) теорем вытекает условие взаимности: $A \leftrightarrow B$. Гносеологически (1) и (2) возносятся к *непротиворечивости* и *полноте* выразительных средств, чья трагическая несочетаемость для формально-дедуктивной логической системы, по Геделю, преодолевается в... *целостности*. Образно говоря, мы переходим от «затруднений» Зенона к их разрешению у главного оппонента его учителя Гераклита Эфесского...

Таким образом, «завихренная» непрерывность в лице воображаемой жидкости обретает через целостность «права гражданства», и остается только найти ее *смысл* в общей картине. А для этого достаточно «узаконить» сами произвольные *вихри*, придав им траекторию «золотой» логарифмической спирали. Тогда их эпистемологическая обоснованность дополняется онтологической, поскольку они оснащаются теперь целесообразной идеей гармоничной организации, могущей отобразиться и в материи...

И действительно, уже делались попытки дать через вихревые движения механическое объяснение мира. Вместо того, чтобы представлять пространство занятое крошечными атомами, разделенными огромными расстояниями, сэр Уильям Томсон допустил, что материя непрерывна. Однако при этом некоторые ее порции оживлены вихревыми движениями, которые, по теореме Гельмгольца, должны сохранять собственную индивидуальность, как бы выделяясь из среды.

Феноменальное прозрение! Все же недаром английская королева даровала крупнейшему физiku XIX в. титул лорда Кельвина! И только сейчас его догадка, опередившая время, венчается недостающей и завершающей «конструкцией», словно греческий Парфенон — своим величественным фронтоном, имеющими, кстати, тот же «золотой» дизайн...

Теперь все становится на свои места. Многовековые философские поиски духовного первоначала триумфально финишируют. И прорыв состоялся, стоило лишь философии включить в свою рефлексию уместные открытия физики, «помноженные» на общепризнанный инвариант красоты и гармонии мира, дождавшийся наконец-то своего часа и решающего осмысления...

Сейчас окружающее нас пространство видится уже не пустым, а наполненным самой *жизнью*. В самом деле, основополагающее *вихревое движение*, столь привычное и для нашего мира, нужно экстраполировать за пределы декартовых координат — в область высших измерений, где оно уже принимает непостижимые для нас формы и непредставимо. Но сохраняется главное: идея трансцендентной и динамичной целостности, органичной по природе и, увы, неопикуемой словами. А как еще, помимо свободного *духа* или идеальной *жизни*, можно мыслить такую многогранную, но ускользающую данность?...

Здесь философия, совершив столь мощный марш-бросок в направлении Откровения, законно уступает ему место. Но продуктивнее все же могло бы стать сотрудничество обеих сторон, каковое и сопровождало всегда русскую философию. К тому же подобное целостное мировосприятие оправдано и физиологически, имея своим естественным нейро-коррелятом наш двухполушарный мозг с его левой рационально-«временной» половиной и правой интуитивно-«пространственной». А «переходящую за интеллект» интуицию С. Булгаков даже прямо отождествлял с верой...

Проясняется даже «геометродинамика» двух потоков сознания — которыми сплошь и рядом злоупотребляют порознь, но которые без проблем соединяются в единстве у нас под шляпой...

Начнем с гениальных слов математика и богослова Николая Кузанского (1401–1464): «В едином Боге *свернуто* все, поскольку все в Нем; и Он *развертывает* все, поскольку Он во всем». Образно эта мысль отображается теперь *сходящейся* и *расходящейся* логспиралью, причем первое движение может ассоциироваться с творением из энергии «точечных» частиц и сведением в неделимую точку целостного замысла, а второе — с развертыванием в пространстве задуманной материальной структуры. В другом контексте оба этих ключевых и парных акта называют конвергенцией и дивергенцией, инволюцией и эволюцией, а в мат-физике — истоком и стоком, или в космологии — сжатием и расширением Вселенной и т. д.

Следовательно, и наша результативная мыследеятельность с необходимостью дихотомична, проходя этап концентрации внимания на «собрании мыслей» и последующей их развертки в логике слов. А общий итог определяется тем, «подключаемся» ли мы своим правым полушарием к объективному истоку идей или черпаем их из собственной фантазии. Не отсюда ли многообразие «языковых картин мира», часто не столько дополняющих, сколько диссонирующих друг с другом?...

Но теперь, благодаря обращению к универсальной метрике мира, торжествует единое миропредставление, побуждающее и философию, фигурально говоря, перебраться из Афин в Иерусалим. Облекаясь в научную апологетику, отныне по-новому и радикально фундированную, она предъявляет *пятое* и окончательное свидетельство бытия Божия.

За столетия выдвигались умозаключения о Боге, основанные на тех или иных логических спекуляциях: космологическое, телеологическое, он-

тологическое (Ансельм Кентерберийский) и нравственное (И. Кант). И все они, имея принудительный оттенок, базируются, разумеется, на непротиворечивости доводов, но — уже хотя бы по Гегелю — не могут обладать полнотой...

А последняя как раз и обретается в *целостном* видении, вдохновляемом созерцанием *красоты* и *целесообразности* мира «в золоте»! И таким образом *пятое* «доказательство» вбирает в себя предыдущие (точно также как у эллинов *квинтэссенция* бытийствовала над четырьмя остальными) материальными первоэлементами. Без преувеличения скажем, что ныне состоялось эпохальное «рукопожатие» между философией и религией...

Еще С. Л. Франк, обсуждая их взаимоотношения, напоминал своим коллегам о «древней и внутренне обоснованной традиции в понимании сущности философии», согласно которой, «по меньшей мере предмет философии и религии совпадает, ибо единственный предмет «науки наук» есть Бог. Философия по существу, по целостной и универсальной своей задаче есть не логика, не теория познания, не постижение мира, а *Богопознание*. Таково господствующее понятие философии в античной мысли, проходящее, начиная от Гераклита, через Платона и Аристотеля, стоицизм и новоплатонизм; таково же и средневековое ее понимание.

Вспомним, однако, и слова Максима Исповедника (VI—VII вв.), византийского мыслителя и богослова: «Важнее быть, чем знать». А наш религиозный философ А. С. Хомяков (1804—1860) много писал о «соборности», соединенной силой любви в «свободное и органическое единство» и простирающейся, в том числе, на познание и творчество.

Проницательный читатель уже догадывается, как теперь конкретизируется и предельно «визуализируется» хомяковская концепция, послужившая в дальнейшем основой для учения о всеединстве в русской философии Вл. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, Л. П. Карсавина и С. Л. Франка.

А нынешняя обновленная философия становится поистине экзистенциальной, дополняя и развивая воззрения Ясперса, Марселя, Бердяева, Шестова и Бубера. Проливается свет и на «органическую целостность мира» Н. О. Лосского, и на понимание любви как глубинного переживания однокровия с миром или — конкретного единосущего двух или более лиц П. А. Флоренского, а также на идею «подключения к целому», «соучастие» и «восчувственность» М. М. Бахтина. Как близко к истине ходила передовая мысль, изобретая все более изощренные обороты и неологизмы!...

«Золотая» же метафизика «консонирует» с богословием, освещая один из узловых его вопросов, касающийся *энергийного соединения* человека с Богом. Речь идет о мирозерцании византийских исихастов и антропологии св. Григория Паламы, исчерпывающе исследованной, в частности, архимандритом Киприаном (1899—1960).

Центральная идея предполагает «исхождение» Бога в Своих «энергиях» и причастие им тварных существ. А соединение ума и тела человека с Творцом означает высшее сопряжение гносеологии и онтологии, на которое под термином «живознание» намекала иногда и философия. Но мы не можем познать Бога по «сущности», а «соприкасаемся» только с исходящим от Него Божественным светом, или с «нетварными энергиями».

Затронутая в нашем первом разделе проблема раскрывается с новой глубиной: туманная трансценденция, по Хайдеггеру, к полноценному существ-

вованию ощущается теперь как единение с вечноживым Сущим — когда, будучи «уверены в невидимой» его *сущности* и проявляя к Нему любовь, мы получаем в ответ «являемую» Им избыточную «энергию», наполняющую нас беспредельным счастьем и самой жизнью. Следовательно, только подлинная христианская вера ведет к «самореализации» человека, входящего в общую ткань целостного универсума. А всякая автономия в конечном счете оборачивается гибелью...

Наследие Паламы в наше время изучалось Г. Флоровским, В. Лосским, И. Мейендорфом, С. Хоружим и В. Библихиным. Надо отметить и удачную монографию свящ. Олега Климова «Опыт безмолвия» (СПб., 2004), направленную на «осмысление глубинной сущности православной духовности, ярко выраженной в... «исихазме».

Обнаруживается удивительная параллель между бессловесной «умной молитвой» исихастов и «безмолвным» созерцанием красоты мира «в золоте» с последующим осмыслением ее генезиса. Определенно здесь гармонично сходятся все три пути познания: эмпирический, рациональный и «транс-интеллектуальный», включающий в себя главное — органическое соединение через *любовь* с высшей целостностью мира в лице его Творца.

По-видимому, эпоха чисто вербального дискурса безвозвратно уходит. Как изрек Л. Витгенштейн, «все, что может быть сказано, должно быть сказано предельно ясно и четко». Это самоотверженно и проделала философия. И пришла пора «потеснить» слова, как в свое время Канту потребовалось «ограничить знание, чтобы освободить место вере». Интеллектуальная интуиция, проходящая через сердце, открывает нам сквозь символ красоты непреходящую истину и вечный Источник самой жизни...

Но еще раньше туда «замостил» путь св. Григорий Палама, заложивший неразрушимый богословский базис под мистическое учение Православной Церкви о действительном общении человека с Богом и реальности *обоженния*. Как пишет архимандрит Киприан, *теозис* возможен вследствие соотносительности двух миров — человеческого и Божественного, а сам человек «представляет собою экран, на котором символически проектируется весь план мироздания». Можно ли сказать лучше?...

Это «сродство» и подобие и служит основой «боговселения», как цели жизни, которую Серафим Саровский, в свою очередь, трактовал через стяжание Духа Святого. А все сводится к принятию нами благодатной и *организующей* «нетварной энергии», несущей саму жизнь и получаемой при надлежащей молитвенной настройке.

Так, вместо философски отстраненного «препарирования» познания мы напрямую приобщаемся к живительному Источнику, как бы входя с ним в *резонанс*. И если последний в технике имеет место при совпадении временных или пространственных параметров, то в обсуждаемом случае — обоих вместе. В самом деле, пространство и время считаются порознь «априорными формами чувственного созерцания» (Кант) или таковыми для «упорядочивания комплексов ощущений и опытных данных» (Беркли и Мах). Но в *духе* они оказываются — вспомним Кузанца! — «свернутыми» в единстве. Оно-то и служит определяющим «атрибутом» и самой сутью Святого Духа, а потому первый из девяти Его «плодов» есть созидаящая и консолидирующая *любовь*, выступающая, кстати, и предпосылкой познания.

Тогда уместно говорить о *духовном резонансе в любви* искренне верующего, жаждущего «усовершенния во Христе» и внимающего призыву

апостолов «о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала....» (Флп. 1:9) и пожеланию расти «в благодати и познании Господа нашего и Спасителя...» (2-е Пет. 3:18). Этот процесс нарастает благодаря взаимным движениям, и желанный результат недостижим одними человеческими усилиями: «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам...» (Иак. 4:8)...

Обожение установлено Богом как совершенный дар, исходящий от Отца светов (Иак. 1:17), для всех «желающих спасения и алчущих теозиса людей» (св. Максим Исповедник). Причем, в отличие от своего неоплатонического двойника, подвигающего человека, по Плотину, стать богом, христианская идея *обожения* подразумевает в нем участие и тела, становящегося также преображенным. Следовательно, речь идет о целостном *психосоматическом* эффекте...

Но вот недавно тщательные *психофизические* исследования нашего сознания принесли подлинную сенсацию (И. А. Рыбин, «Природа», 1990, № 2). В самой глубине нашей психической деятельности — в ментальных и сенсорных актах — неожиданно выявилось главное «золотое» число! Значимость свершившегося, по всей видимости, недооцененного научным истеблишментом, раскрывается только сейчас: мы получили еще одно и решающее свидетельство богатного действия Духа и готовности нашего «естества к восприятию обоживающей энергии Утешителя» (арх. Киприан). Поскольку и тело наше составлено в той же целостности (А. Г. Суббота. «Золотое сечение» в медицине. СПб., 1996), то в теозисе и происходит своеобразный *резонанс* ...подобного с подобным, а «соединяющийся с Господом есть один дух с Ним» (1-е Кор. 6:17).

Итак, философия в лице «золотой» метафизики все-таки «оправдалась» перед С. Франком, продемонстрировав последовательное *Богопознание*, охватившее главную цель христианина и центральное положение Церкви.

Теперь и «для неверующих, у которых Бог века сего ослепил умы» (2-е Кор. 4:4) должны открыться глаза, а бесплодная рефлексия и скепсис — уступить место вере. «Стратегия» же такого просветления проста: достаточно лишь восхититься окружающей гармонией и перейти к эквивалентной ей целостности, а затем — и к стоящему за ней Автору. Самое время вспомнить и о принципе «живое от живого» Окэна—Реди—Пастера — валидным как раз для целостности, всегда становящейся, по Гегелю. И разве теперь не нужен любой непомянутый ум узреть «Создателя согласия между целым и каждой вещью — через премудрость, внедренную Им в Свое творение» (Палама)? Ведь выглядит почти трюизмом, что эстетически безупречная целостность может твориться только высокочлассным Художником, в полной аналогии с тем, как и талантливый мастер создает шедевры искусства, подчиняющиеся композиционно той же прекрасной организации.

Позволим себе прибегнуть к еще одной аллюзии, сравнив путь знания и веры с настройкой на нужную волну приемника. Поймав искомую станцию, мы вводим ее несущую частоту в *резонанс* с первичным LC-контуром, за чем следует демодуляция и т. д. Но осведомленность о всей этой электронной кухне едва ли сравнится с самим прослушиванием *любимой* передачи! Также и обращение с *любовью* к Богу важнее проникновения в тайну присущего интимного «механизма». Последнее уместно и полезно разве для чересчур рассудочных умов, ибо Бог «ищущим Его воздает», причем каждому в меру особенностей его восприятия... А образ *резонансной* *настрой-*

ки всего нашего «я» на «волну духа» при сердечной молитве вполне может укрепить веру и некоторых неопитов, тяготеющих к рационализму...

«Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17). И Хайдеггер для характеристики истинного мышления употребляет термин «вслушивание»: бытие нельзя созерцать, ему можно только внимать. Не то ли подразумевал и Соломон в нашем эпитафии? Близко по смыслу и познание Бога, передаваемое на «полножизненном» древнееврейском языке полисемантическим глаголом *йада* со значениями «тщательно вникать», «открывать» и... «являть». Последнее слово отображает позицию *исихазма* о непознаваемой *сущности* Бога, *являемой* нам исключительно через Его духовные «несозданные энергии».

Так, философская головоломка о связи *сущности* и *явления*, затронутая в первом разделе, с легкостью разрешается «на самом верхнем этаже», а главное, устанавливается *для чего?* Вспомним о максиме Августина и перефразируем ее на «экзистенциальный лад»: верую, чтобы жить, и живу, чтобы верить. Только христианская вера, соединяя все в гармонии — сущностное и являемое, онтологию и гносеологию — обеспечивает полноту жизни. Она достигается через принятие «бессмертного» Духа, восстанавливающего, «по образу и подобию», исконную целостность и единство всего психофизического состава человека с Богом.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«ЗВЕЗДОЙ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ РУССКИЙ СНЕГ»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 года в славном поселке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

В снега-шелка одета Русь,
Рожден сегодня Иисус.

Голгофа впереди, Фома
Неверующий. Стихов тома.

И возглас: — Это все о нем?
И стражник с укусным копьем.

И на осине тень Иуды.
И фарисей-словоблуды.

Пилат с кровавыми годами,
Что не отмоешь в Иордане.

И черви в сердце Иудей.
Всхлип после казни: — Неужели?

И братьев, и сестер прощанье.
Центурионов бичеванье.

Жен-мироносиц тихий плач.
И ставший в сень Христа палач.

Смерть на кресте и Воскресенье
Потом! А нынче День Рожденья.

НОВОЕ РОЖДЕСТВО

А жили мы тогда в добре и зле,
Бывало так — на паперти блевали.
Но ангелы ходили по земле,
И нашу речь почти не понимали.

Но говорили: — Будет плох конец,
Пока не обратятся люди к Богу.
Он Слог пророков, Он земли Венец
Он был распят, чтоб силу дать народу.

Я их наполовину понимал,
В те дни обуреваемый грехами.
Тогда я от страстей своих бежал,
Когда неделями, когда и месяцами...

Я в пύстыни укрылся! Чтоб всегда
Не гасли над моей Отчизной зори.
Взглянул я на Восток, а там Звезда
Взошла, мое дыхание ускорив!

Так вот оно какое, Рождество!
О чем нам классики кричали и пророки.
Я с небесами чувствовал родство,
Словно роженица, когда подходят сроки.

Но свет Звезды не спрятать от людей.
Волхвы и пастухи понабежали...
Вот этот Праздник взрослых и детей,
Который в СССР так долго ждали.

Раз в год Господь является на свет,
Встает на ножки в образе Младенца!
И в небесах Его я вижу след,
И в космосе Его я вижу сердце.

* * *

С гор Уральских смотрю на Восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе Звезда,
Вифлеем выбирает она.
Путь Звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдет в каждый дом,
Заберет у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарей небосвод —
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козленок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя блеяньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребенка.

Но помнит мир, как много лет назад,
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла, и Младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

Мир не узнал Того,
 Кто был распят...
 Хоть рук своих не обагрил Пилат,
 Но укусом Христу обжег уста.
 Мир в Иисусе не узнал Христа!

Один, как перст,
 Водвинут в Мир Отцом.
 Один, как перст, с простым земным лицом.
 Не узнанный толпой среди толпы.
 Царя не узнают его рабы.

Взошел на Гору,
 Превращаясь в свет,
 В лучах Отца, Свой растворяя след,
 Притягивая души, как магнит...
 Мир проглядел...
 Почто сейчас скорбит?

ИИСУС МЛАДЕНЕЦ

Хоть нимб сиял короной золотой,
 Младенец рос среди живых живой,
 Но помнил про языческий Египет,
 Про Ирода, что обагрил свой скипетр,
 Смотрел глазами отрока в костер,
 Взыскав сердцем
 Мировой простор.

Все видел, что Господь наговорил
 Евангелистам. Не жалея сил
 И сердца с разумом, они душой списали
 Чего ни до, ни после не узнали.
 Царапал небо веткой кипарис,
 Дождь сквозь царапины
 С небес струился вниз.

Вот в гроб сошел упрямый Симеон,
 Сказав: «Спаситель мира, это Он!»
 И указал Марии на Младенца,
 И вмиг угас, схватясь рукой за сердце.
 Уже оттуда высек искру рот:
 — Ты ныне отпускаеши,
 Господь...

Уже кусал Иуда серебро,
 Копьем кололся стражник под ребро,
 Толпа, закончив петь Христу Осанну,

Уже кричит: «Распни! Но не Варраву!»
Как будто яд змеиный на устах,
Блестит отравы
В нынешних умах.

Младенец знал про Еву и про гада,
О бдении ночном в объятьях сада,
Где, прячась от грядущего конца,
О чаше слезно Сын молил Отца.
Вселенная мерцала над долиной,
Ему — конечной,
Нам — необозримой.

Святой мы крестим отроков водой
В купели православной и большой,
Купели нашей Родине хватает,
И в ней святой воды не убывает.
Бог укрепил в нас линию родства,
Рассеяв тьму
Звездою Рождества.

У ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

*В 1936 году рядом с часовней
были заживо закопаны священники...*

И я здесь был, за Ксению молился,
Возжег свечу... И дух остановился.

Я вышел. В очи — красная заря,
Кладбищенская затряслась земля,

Российским простакам напоминая
Места, где пиновала волчья стая.

Где в яме без молитвы и креста
Толкли живых служителей Христа.

Святая Ксения, моя тропа убога,
Но встанет память Лазарем из гроба.

Ей тыща лет, она, как Русь, мудра,
Ей Пушкин диктовал со смертного одра...

Но служба кончилась, и певчие устали,
К огню свечи я прикоснусь перстами.

Ушло мгновение — возвращать не надо,
Горит заря, как грозный отблеск ада...

* * *

Тот тесто, этот глину месит.
У каждого своя стезя.
А кто-то, как пузырь, от спеси
Раздудся... Но ведь так нельзя!

Сегодня свет Звезды вечерней
Господь разбрызгает с небес.
И над страной, и над губернией,
И на пустыню, и на лес...

Все окропит, что ныне живо
И с кем простились навсегда.

Смотри, как в небесах красиво
Горит Рождения Звезда!

По свету весть несут голубки.
Вернулись пастухи в стада.
Марии ласковые руки
Всю ночь баюкали Христа.

Не важно — веришь иль не веришь,
Но знает человек и тварь,
Что в яслях — наших душ Владелец,
И слов не сказанных — Букварь!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь Вифлеемскими плодами
Осыпала холодный брег.
Держу перо тремя перстами,
Словно молитву человек.

Звездой Рождественская елка
Благословляет русский снег.
К иголке тянется иголлка
И к человеку человек.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

**Любовь
БЕРЗИНА**

«РОССИИ БЕЛЫЙ СНЕГ...»

Любовь Александровна Берзина — родилась в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Печаталась в периодических изданиях и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Истоки», «Теплый стан», «Московский вестник», «Сельская молодежь», «Черновик», «Час России» и др. Автор трех книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* * *

Ростовских куполов тесненье,
Вздыманье их со всех сторон,
И с купольного возвышенья
Свет от креста сквозь тьму времен.

Душа горит, кресту подобно,
У двери храма небольшой.
И охает громоподобно
Могучий колокол Сысой.

На всех — кто целый день в молитве,
И кто молиться не дорос,
На землю, как на поле битвы,
Глядит страдающий Христос.

И мокрый снег, без всякой меры,
Летит с небесной высоты
На тех, кто, обретая веру,
Прозрел на куполах кресты.

ТРИ ЖУРАВЛЯ

Три журавля по небу проплывают
Так медленно, так плавно, как во сне.
И крылья их всю землю обнимают,
А я стою под ними в тишине.

Уносит их высокая дорога,
Луч солнца освещает золотой.
Но там, вверху, они не спросят Бога,
Что станет с Россией и со мной.

И крыльями в жилищах поднебесных
Блаженный воздух тихо вороша,
Они из глаз вовеки не исчезнут,
Так крепко их запомнила душа.

Трех журавлей от стаи оторвало. —
Их крылья, словно по сердцу, скользят.
Земли им мало, да и неба мало,
Они летят над миром и молчат.

Гляжу, застыв, как на исходе лета,
В той вышине, где смертный не живет,
В лучах всепобеждающего света
Их троица небесная плывет.

* * *

Проведи меня, мальчик, на колокольню,
Я хочу увидеть озеро Неро,
Рыбаков, неподвижно на льду сидящих,
Острова, что разбросаны, словно пятна,
Горний свет, что столбами стоит над ними,
Отражаясь в крестах золотых Ростова.

Дай мне, мальчик, подняться еще повыше,
Сосчитать хочу я головы храмов,
Что стоят вдалеке, как толпа народа,
Как сосуды, светом небесным полны,
Так их много, что все я сбиваюсь со счета.

Дай послушать, мальчик, как колокол грянет,
Его звук полетит над озером Неро,
И достигнет ушей рыбаков сидящих,
И дрожать заставит дома в Ростове,
И войдет трепетанием в каждое сердце.

И тогда пойму я, что мне не надо
Ничего, кроме этой слепящей шири,
Кроме света, стоящего надо мною,
Кроме звука колокола большого,
Что заставил меня над землей подняться,
Выше храма и колокольни выше,
Постигая то, что дано немногим.

* * *

Над деревней, что в полях видна едва,
Приподнялась золотая голова.

Баба по воду отправилась с утра —
Расплескала, глядя в небо, полведра.

Золотой пророс над крышами шелом —
Своим светом озаряет каждый дом.

А над ним — нечастый гость для этих мест,
Разгорелся нестерпимым светом крест.

Ходит, глаз не поднимая, голытьба,
Но не крестит тяжелеющего лба.

Лишь старуха у разваленных ворот
«Спаси, Господи!» — прошепчет и вздохнет.

И пойдет она по крестному лучу,
И затеплит воску ярого свечу,

И помолится, склоняясь до земли,
За безбожников, что в церковь не пришли.

А над нею крест горит, летит листва,
И сияет золотая голова.

СЕВАСТОПОЛЬ

Скрипит пирамидальный тополь,
И за бортом бурлит вода.
Я в русский город Севастополь
Хочу уехать навсегда.

На рейде корабли застыли,
Матросы выстроились в ряд.
«Мы русской славы не забыли!»,
Бьют волны в берег, как набат.

Плечом удары принимая,
Скалистым берегом крутым,

Под парусами туч без края
Качается на волнах Крым.

И слышен белой чайки вопль,
Что видит с неземных высот,
Как отплывает Севастополь,
И Крым уводит, словно флот.

От берега, чужого ныне,
Навеки оторвался он,
И в моря Черного пустыне,
Как вечный призрак, растворен.

* * *

В дымке рассветной спят корабли.
Взмывленных волн удар —
На горизонте — из-под земли
Солнца взлетает шар.

Как на качелях, я на скале —
И не упасть хитро! —
Над головою — в голубизне —
Облака спит перо.

В страхе за камень хватаюсь я,
Желтый, словно янтарь.
Это мой камень, моя земля,
И с ней расставаться жаль.

Здесь генуэзцев плыла ладья
И греки на веслах шли.

Им ласково пела ветра струя
О тайнах чужой земли.

Они смотрели туда, где я
Стою на крутой скале.
И под ногами гудит земля
Родная уже вполне.

Здесь кости русских бойцов лежат
Под слоем травы сухой.
Их кровь упала, как водопад,
И стала родной землей.

Пусть солнца дуло глядит в меня,
Тумана пугает дым,
Не отпущу, свою жизнь храня,
Скалы твои, о Крым!

* * *

Тепло отца в себе храня,
Смерть не приемлю.
Как будто это часть меня
Ушла под землю.

Как будто это я лежу
В холодной яме.

И ничего уж не скажу
Оттуда маме.

Как будто это мне постель
В земле стелили,
Меня оплакала метель,
Дожди омыли.

И если он навек заснул
На жестком ложе,
То над собой сосновый гул
Я слышу тоже.

Я тоже, тоже не пойму,
Что это значит —
Жил на земле, ушел во тьму,
И ветер плачет.

* * *

Уходит жизнь сквозь пальцы, как вода.
Но дух мой не стареет никогда.

Буравя неба серого графит,
Он птицей беспокойною летит.

«Постой!» — кричат мне русские поля —
Хребтом кавказским дыбится земля.

«Не отпускай!» — хрипит мне вслед Эльбрус, —
Я над тайгой сибирскою несусь.

Тобольский Кремль сверкает, как алмаз.
Заката кровь встает у самых глаз.

Здесь дед мой стал тобольскою землей,
Она, как уголь, чернеет подо мной.

Я над Игаркой, с тучей наравне,
Окликну всех, кто вечно дорог мне.

И выплывет в тумане Магадан —
Нет необъятней, чем Россия, стран.

И широта ее, и глубина
В душе моей навек погребена.

Потоки рек — и Лены, и Двины,
Как кровь моя, текут внутри страны.

И тело ее делят неспроста,
Как кровь и плоть убитого Христа.

Ее просторы не охватит взгляд,
Из края в край лишь птицы долетят.

И даль ее, нетленную вовек,
Всею кожей чует русский человек,

Чей дух летит в любую сторону,
Чье сердце шириной во всю страну.

* * *

Как чистый лист, России белый снег.
Я на него без слез не погляжу.
Не поднимая отягченных век,
Ей о любви вслепую напишу.

И черными следами на снегу
Я напишу на краешке листа,

Что весь свой жар ей передать смогу,
И что пред ней душа моя чиста.

Что я люблю мороз и ветра свист.
Их дарит мне родимая страна.
Моя душа, как чистый белый лист,
Где проступают жизни письмена.

СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО

СЛАВЯНСКИЙ ХОР

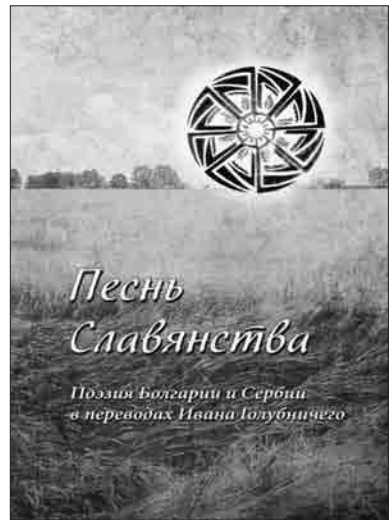
«Песнь славянства», Поэзия Болгарии и Сербии в переводах Ивана Голубничего. — М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2010.

Труд переводчика направлен и на то, чтобы сделать великие творения мировой литературы доступными всем народам, а также на то, чтобы представить народы друг другу. Но зачастую проделанная переводчиком работа является еще и утверждением идеи, не связанной напрямую с литературой. Пример тому — новая книга Ивана Голубничего «Песнь славянства». Поэт и переводчик Иван Голубничий знакомит русского читателя с поэзией Болгарии и Сербии. Классики и современные поэты выбраны переводчиком без всякой привязки к чему бы то ни было. Это, как обозначил в предисловии к книге сам Иван Голубничий, «произвольный срез двух самобытных и ярких явлений». Однако подборка болгарской и сербской поэзии дает достаточно полное представление о развитии литератур двух славянских народов в XX столетии.

Помимо всего прочего, книга Ивана Голубничего служит утверждению идеи единства наших народов, о чем красноречиво свидетельствует название, избранное переводчиком для книги — «Песнь славянства».

Наши народы не нужно представлять друг другу — так много связывает нас и так много пережито нами вместе. Но в разобщенном и расколотом славянском мире эта песнь звучит гимном нерушимой, несмотря ни на что, духовной связи и грядущему союзу славянских народов, о котором мечтали поколения славянофилов. Ведь для всякого славянина, по мысли Н. Данилевского, идея славянского единства должна быть высшей идеей, «выше науки, просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них недостижимо без ее осуществления — без духовно-, народно- и политически-самобытного независимого славянства...» Ведь разобщенные славянские народы, на протяжении всей своей истории подвергавшиеся нападкам то со стороны Турции, то со стороны романо-германского мира, никогда не обретут подлинную независимость, а, стало быть, самобытность, не преодолев разобщенность.

Пусть книга «Песнь славянства», объединившая на своих страницах три братских славянских народа — болгарский, русский и сербский — станет своего рода призывом к преодолению славянского раскола, приглашением всем славянским народам влиться в единый хор, чтобы Песнь славянства зазвучала на все славянские голоса.

Светлана Замлелова

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Андрей САХАРОВ

ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

*Реальности существующей
легенды (Император
Александр I и старец
Феодор Козьмич)*

Андрей Николаевич Сахаров — родился в 1930 г. в г. Кулебаки Нижегородской области. Окончил МГУ; главные направления научной деятельности — история дипломатии, внешней политики, идеологии и культуры древней Руси, исследование западной историографии, истории России. Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук; член Союза писателей России, автор книг серии «ЖЗЛ», других литературно-художественных произведений. Ответственный редактор и член редколлегии ряда научных изданий. Заслуженный работник культуры. Директор Института российской истории РАН. Живет в Москве.

Для понимания роли Александра I в истории России развязка его жизни, какой бы трагической и загадочной она ни была, мало что прибавит или убавит. Пожалуй, прояснение истины может лишь подчеркнуть все те акценты, которые время уже проставило на весьма явственной истории его жизни. Однако, Н. К. Шильдер, как и некоторые другие историки, не избежал искуса допустить, что Александр I, возможно, закончил свою жизнь вовсе не так, как об этом было принято считать и в официальной правительственной среде на всем протяжении XIX в., и в официальной историографии. Сомнения Н. К. Шильдера пока зывают, что дело здесь не просто в некоем кокетстве, пустом досужем разглагольствовании или погоне за сенсацией. Все творчество маститого историка свидетельствует, что он был весьма далек от подобного рода мотивов. Трудно отказать от мысли, что эта версия принадлежит человеку, которого тревожило что-то нераскрытое и серьезное в истории жизни и смерти Александра I. Это «что-то», думаю, тревожит любого исследователя, соприкасающегося с биографией Александра I, как оно тревожит и автора этих строк, несмотря на то, что вначале я, кажется, вовсе и не ставил перед собой задачи ответить на вопросы, связанные с легендами об уходе Александра I от трона и о превращении его в далекого сибирского отшельника. И все же...

Считается, что личность Александра I «не дает никакого базиса для самой постановки этого вопроса», как писал в свое время Н. Кноринг. И этот автор, как до него и другие историки — великий

князь Николай Михайлович, Мельгунов, Кизеветтер, Кудряшов, считал, что Александр был натурой цельной, волевой, а главное, властолюбивой и не в его характере было отказываться от престола, за который он с таким умом, упорством, хитростью и изяществом боролся практически всю свою жизнь. И все его разговоры о тягости короны, об усталости от ее бремени, о желании уйти в частную жизнь не более чем обычная для него поза, политический камуфляж. Именно здесь и заключается основа для отрицательного ответа на вопрос о его возможном уходе от власти. Конечно, такой подход к личности Александра I более предпочтителен, нежели странные рассуждения о его пассивности, вялости, бесхарактерности, умении «плыть по течению». Умный и хитрый человек, в страшное свое время и в страшном жестоком окружении он сумел обмануть не только окружающих его людей, но и последующих историков. Однако даже те, кто более реально и прозорливо оценивает характер и деятельность Александра I, все же обходят одну из важнейших доминант его жизни: вопросы об убийстве отца и о связанных с ним ужасных мучениях совести и о паническом страхе за свою собственную судьбу, который преследовал его в течение всей жизни. Угрызения совести, постоянный страх, восстание Семеновского полка, заговор в армии, планы цареубийства, наконец, донесение Шервуда об обширном тайном заговорщическом обществе в России, ставшее известным Александру 11 ноября 1825 г., — все это стоит в одном ряду.

Только в этой связи мы и должны, видимо, понимать его многократные заявления о желании отречься от престола: с одной стороны, это была определенная моральная отдушина, которая успокаивала, создавала иллюзию искупления тяжкого греха, с другой — эти разговоры были своеобразным громоотводом; они обманывали общественное мнение, успокаивали его, дезориентировали недовольных — если сам государь желает отречься от престола, то зачем и усилия тратить на то, чтобы убрать его от власти. Но существует еще и третий аспект этой темы: постоянное, из года в год, повторение одной и той же мысли (причем мысли не пустяковой, а такой, которая, претворись она в жизнь, могла бы многое изменить в судьбе страны и в судьбе самого Александра) показывает, что она действительно мучила императора, постоянно выплескивалась наружу, вводя в недоумение и страх окружающих его близких к нему людей. В этом главном пункте трудно согласиться с противниками легенды.

Император Александр I Павлович

Ведь все, собственно, зависело от того, в какой степени были серьезными эти его намерения сбросить с себя бремя власти. Сегодня меру этой степени никто уже определить точно не сможет, как никто достаточно авторитетно не сможет и отрицать всю серьезность подобного рода намерений, учитывая историю восхождения на престол Александра и его последующей жизни. Против легенды, кажется, совершенно определенно говорят такие объективные факты, как болезнь императора в Таганроге, акт о его смерти, протокол о вскрытии тела, многократные, во многом повторяющие друг друга, дневниковые записи о ходе болезни Александра и его последних минутах, отчеты о препровождении тела из Таганрога в Петербург, похороны в Петропавловском соборе и т. д.

Против отождествления Александра I со старцем Федором Кузьмичом свидетельствует также анализ их почерков, сделанный по указанию биографа Александра I великого князя Николая Михайловича в начале XX в. Неподобие на смертном одре внешнего облика умершего Александра еще современники объясняли плохими условиями бальзамирования в Таганроге, тряской в пути, действием жары, стоявшей в ту пору на юге. Исследователи обращали внимание и на то, что Федор Кузьмич в своих разговорах, беседах часто употреблял южнорусские и малороссийские слова вроде «панок», что было совершенно несвойственно Александру I. Все это весьма важные аргументы, направленные против имевшей место легенды. Однако они не снимают всех существующих вопросов.

Старец Феодор Козьмич

И вновь я должен обратиться к двум группам проблем, которые уже многократно рассматривались и прежде: к тому, что произошло в Таганроге, и к тому, что представлял собой старец Федор Кузьмич, скончавшийся в возрасте около 87 лет на лесной заимке близ Томска 20 января 1864 г. Кстати, вычитая 87 лет от года рождения Федора Кузьмича, мы получаем год рождения Александра I — 1777-й. Как известно, император заболел 4 ноября 1825 г. в Мариуполе, возвращаясь из поездки по Крыму. Но впервые он почувствовал себя плохо гораздо раньше, еще в Бахчисарае, где его лихорадило. Прибыв 5 ноября в Таганрог, он слег в постель. В этот же день сопровождавший его постоянно во всех поездках генерал-адъютант Петр Михай-

лович Волконский, его близкий друг и поверенный, в своем поденном журнале начал вести записи о ходе болезни. Удивительно, что в тот же день

открыли свои дневниковые записи о ходе болезни и времяпрепровождении Александра в одноэтажном 12-комнатном таганрогском дворце и еще две osoby: его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, и лейб-медик баронет Виллие, бывший личным врачом Александра I. Эти же дни были описаны также и доктором Тарасовым, пользовавшим больного вместе с лейб-медиком Стоффрегенем, личным врачом императрицы. Дневниковые записи Волконского и Виллие кончаются 19 ноября 1825 г., в день смерти Александра I. Дневник Елизаветы Алексеевны обрывается 11 ноября. Сам по себе факт начала дневниковых записей 5 ноября тремя близкими к императору людьми, записей, которые, по существу, отразили течение смертельной болезни, поразителен. Ведь ни 4, ни 5 ноября, когда все трое корреспондентов взялись за перо, нельзя было и предположить, что болезнь, едва лишь покачнувшая всегда отменное здоровье Александра, примет столь трагический оборот. Это загадка, которую исследователи перед собой даже не поставили, а ведь она психологически может открыть многое. Даже безусловный противник легенды об уходе Александра I от власти великий князь Николай Михайлович писал в одной из своих статей: *«Исчезновение императора может быть допустимо на практике при безусловной охране тайны со-участниками такой драмы»*.

Что касается замены тела императора, на чем, кстати, настаивал убежденный сторонник легенды В. В. Барятинский в своей книге «Царственный мистик», то подобную версию Николай Михайлович называет просто «баснословной сказкой». Начало дневниковых записей в один день тремя близкими к Александру I людьми может, конечно, указывать на большую озабоченность со стороны всех трех здоровьем императора. Но поскольку никакой опасности этому здоровью в тот день не было, то приходится считать такое единодушие необъяснимым, либо объяснить его лишь желанием создать единую версию течения болезни, нужную как Александру, так и этим трем его близким людям.

В. В. Барятинский и другие сторонники легенды усматривают искусственность ситуации в расхождении сведений, содержащихся в дневниковых записях всех трех по одному и тому же поводу. Но я думаю, что эта искусственность видна совсем в другом — в создании этих дневников, хотя в них в то время не было особой необходимости. Акт о смерти императора подписали

Гробница Императора Александра I
в Петропавловском соборе

тот же Волконский, тот же Виллие, а также генерал-адъютант барон Дибич, ставший сразу доверенным лицом при Николае I и сделавший при нем блестящую карьеру, и врач императрицы Стофреген. Протокол о вскрытии подписали врачи Виллие, Стофреген, Тарасов, а также местные эскулапы; скрепил этот протокол своей подписью генерал-адъютант Чернышов, бывший также в течение многих лет весьма близким человеком к Александру I. Наличие одной этой подписи Чернышова на важнейшем документе удивило еще Шильдера, однако великий князь Николай Михайлович в своей статье против легенды посчитал это «простой случайностью» и написал, что сам этот протокол является чистой формальностью.

Думаю, что в случаях ординарных подобных документ действительно во многом предстает как формальный. Но в иных, особых случаях именно протокол вскрытия, патологоанатомический анализ являются порой ключом к серьезным историческим выводам. А это как раз и был, как показали последующие события, тот самый особый случай, который не получил адекватного отражения в документе о причинах смерти Александра I. Не случайно позднейшие попытки изучения по этому протоколу причин и течения болезни Александра наталкивались на непреодолимые трудности и противоречия и, по существу, заводили дело в тупик по главному вопросу — об идентификации тела Александра I с телом человека, которое стало объектом этого протокола. Таким образом, определяется довольно узкий круг лиц, которые могли быть причастны ко всем перипетиям последних дней правления Александра I.

Это императрица Елизавета Алексеевна, Волконский, Виллие, Чернышев, Дибич, Стофреген и Тарасов. Даже великий князь Николай Михайлович допускает, что при желании такой состав «соучастников» вполне мог

Императрица Елизавета Алексеевна

организовать «исчезновение» Александра I. Что касается подмены, то это вопрос особый и столь щепетильный, что практически его невозможно обсуждать, как, скажем, возможную подмену сына Екатерины — Павла I или подмены во многих других случаях, становившиеся династическими тайнами европейских, да и не только европейских, правящих домов, тайнами, унесенными в могилу их создателями. Следует обратить внимание еще на некоторые детали, мимо которых почему-то прошли исследователи этой довольно странной проблемы. Во всех дневниковых записях говорится о том, что в последние дни около постели умирающего Александра находились и Виллие, и Волконский, и Тарасов,

и императрица. Однако существует и иная версия, отличная от этого дневникового «хора». В библиотеке дома Романовых сохранились копии двух писем о последних днях Александра неизвестного лица из семейства Шахматовых, в дом которых императрица переехала сразу же после кончины супруга. Корреспондент, обращаясь к матери и брату, в частности, пишет о поведении в те дни Елизаветы Алексеевны. Императрицу просили переехать в дом Шахматовых во время болезни государя, однако она ответила: *«Я вас прошу не разлучать меня с ним до тех пор, покуда есть возможность», после чего никто не смел ее просить, и она оставалась целый день одна в своих комнатах и ходила беспрестанно к телу без свидетелей (курсив наш. — А. С.); и когда он скончался, то она сама подвязала ему платком щеки, закрыла глаза, перекрестила, поцеловала, заплакала, потом встала, взглянула на образ и сказала: «Господи, прости мое согрешение, тебе было угодно меня его лишить».*

Все это происходило уже в присутствии врачей и Волконского. Подобное разночтение дневниковых свидетельств и сведений этого письма нуждается в объяснении. Обращает на себя внимание и тот факт, что записи императрицы обрываются 11 ноября. Об этом уже говорилось в литературе. Но оставалось незамеченным свидетельство Волконского о том, что именно в этот день утром император приказал позвать к себе Елизавету Алексеевну и она оставалась у него до самого обеда. О чем беседовали супруги несколько часов, почему столь длительным был визит Елизаветы Алексеевны к государю — это остается тайной. И еще одно примечательное событие произошло в тот день: Александр получил сведения о доносе унтер-офицера Шервуда, из которого явствовало, что в России существует обширный антиправительственный заговор, базирующийся на армейские подразделения, одна из целей которого — насильственное устранение правящей династии и введение в России республиканского правления. Вовсе нельзя исключить связь этих событий — известия о доносе Шервуда и длительного разговора с императрицей, за которым могло последовать принятие какого-то решения.

Требуют объяснения и такие, казалось бы, малозначащие детали, как факт отсутствия императрицы на панихиде по усопшему государю в таганрогском соборе, а главное, то, что ни она, ни ближайший друг и сподвижник Александра князь Петр Михайлович Волконский не сопровождали траурную процессию в Москву, а затем в Петербург. Если отсутствие императрицы можно было объяснить состоянием ее здоровья, то отсутствие Волконского в составе траурного кортежа необъяснимо. Только 21 апреля Елизавета Алексеевна выехала из Таганрога на север, чтобы через несколько дней (4 мая) умереть в Белеве. Умерла она в одиночестве, без свидетелей. В одном из своих последних писем к матери из Таганрога от 31 декабря императрица, между прочим, писала следующее: «Все земные узы порваны между нами! Те, которые образуются в вечности, будут уже другие, конечно, еще более приятные, но, пока я еще ношу эту грустную, брентную оболочку, больно говорить самой себе, что он уже не будет более причастен моей жизни здесь, на земле. Друзья с детства, мы шли вместе в течение тридцати двух лет. Мы вместе пережили все эпохи жизни. Часто отчужденные друг от друга, мы тем или другим образом снова сходились; очутившись, наконец на истинном пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. В это-то время она была отнята от меня! Конечно, я заслуживала это, я

недостаточно сознавала благодеяние Бога, быть может, еще слишком чувствовала маленькие шероховатости. Наконец, как бы то ни было, так было угодно Богу. Пусть он соблаговолит позволить, чтобы я не утратила плодов этого скорбного креста — он был ниспослан мне не без цели. Когда я думаю о своей судьбе, то во всем ходе ее я узнаю руку Божию». Замечательно, что на протяжении всего цитируемого текста Елизавета Алексеевна ни разу не упомянула о смерти своего супруга. Все эти детали, сопоставленные с теми, что уже стали объектом внимания исследователей, вроде таинственного ночного посещения императором перед отъездом в Таганрог Александром Невской лавры, его всепоглощающей тоски, участившихся разговоров об отречении от престола, могут лишь подчеркнуть неординарность событий, о которых идет речь. Что касается старца Федора Кузьмича, то о его судьбе написано уже немало и нет необходимости повторять весь его жизненный путь от первого о нем упоминания, относящегося к 1837 г., до дня смерти 20 января 1864 г. Специальный раздел книги под названием «Старец Кузьмич» посвятил сибирскому отшельнику Г. Василич в своей книге «Император Александр I и старец Федор Кузьмич (по воспоминаниям современников и документам)». Поскольку в этой книге собраны действительно многие заслуживающие внимания свидетельства относительно жизни Федора Кузьмича, я и намерен далее обратиться к ним, но лишь в той части, которая, на мой взгляд, была недостаточно оценена исследователями этой проблемы. Первое, о чем следует сказать, так это о том, что и сторонники и противники тождества Александра I и Федора Кузьмича признают здесь наличие неразгаданной тайны. Попытки разгадать эту тайну, предпринятые К. В. Кудряшовым, Н. Кнорингом и великим князем Николаем Михайловичем, так и оставили ее за семью печатями. Их предположения не более чем гипотезы.

Опираясь на сведения о блестящем образовании старца, прекрасном знании им жизни высшего петербургского света начала века, большой осведомленности в событиях Отечественной войны 1812 г., в том числе о вступлении русских войск в Париж, К. В. Кудряшов, а затем Н. Кноринг высказали предположение, что под личиной старца скрывался исчезнувший из Петербурга в конце 20-х годов при невыясненных обстоятельствах блестящий кавалергард, герой военных кампаний против Наполеона Федор Александрович Уваров 2-й. Великий князь Николай Михайлович, апеллируя к тем же данным, а также к некоторому внешнему сходству Федора Кузьмича с Александром I, высказал мысль, что в Сибири скрывался внебрачный сын Павла I от Софьи Степановны Ушаковой, дочери сначала новгородского, а затем петербургского губернатора С. Ф. Ушакова, некто Симеон Великий. Но как бы то ни было все это лишь гипотезы. По поручению великого князя Николая Михайловича в Сибирь, в Томскую губернию, где жил и умер старец, дважды ездил чиновник особых поручений Н. А. Лашков, результаты поездок которого Николай Михайлович обобщил в короткой справке: *«Старец появился в Сибири в 1837 году, жил в различных местах, ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщим уважением окрестного населения (см. подробное донесение Лашкова) и никому не обнаруживая своей личности. Его не раз навещали духовные лица, местные архиереи и случайные путешественники, особенно после его окончательного переселения в Томск. А именно в 1859 г., по приглашению томского купца Семена Феофановича Хромова, старец Федор Кузьмич переехал к нему на жительство, имея отдельную*

скромную келью, где он и скончался 20 января 1864 года в глубокой старости. Старшая дочь Хромова, Анна Семеновна Оконешникова, живущая в Томске и любимица старца Федора, рассказывала Пашкову следующее: «Однажды летом (мы жили в Томске, а старец у нас на заимке, в четырех верстах от города) мы с матерью (Хромовой) поехали на заимку к Федору Кузьмичу; был солнечный чудный день. Подъехав к заимке, мы увидели Федора Кузьмича гуляющим по полю по-военному руки назад и марширующим. Когда мы с ним поздоровались, то он нам сказал: «Паннушки, был такой же прекрасный солнечный день, когда я отстал от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на полянке». Еще говорила Анна Семеновна и о таком случае: «Подождите меня здесь, у меня гости». Мы отошли немного в сторону от кельи и подождали у лесочка. Прошло около двух часов времени; наконец из кельи, в сопровождении Федора Кузьмича, выходят молодая барыня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на покойного наследника Александра Николаевича. Старец проводил их довольно далеко, и, когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, чего он никому не позволял. Пока они не исчезли друг у друга из виду, они все время друг другу кланялись. Проводивши гостей, Федор Кузьмич вернулся к нам с сияющим лицом и сказал моему отцу: «Деды-то как меня знали, отцы-то как меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят». Словам Анны Семеновны можно доверять, потому что она почти всегда была с Федором Кузьмичом, в год смерти которого (1864) она имела уже 25 лет от роду».

По другим данным известно, что С. Ф. Хромов, на заимке которого в последние годы своей жизни обитал Федор Кузьмич, дважды бывал в Петербурге — при Александре II и Александре III и передавал во дворец какие-то бумаги, оставшиеся от Федора Кузьмича. Всех, кто общался со старцем, поражал его внешний вид: высокий рост, чистое, замечательно белое лицо, вьющаяся седая борода, седые же вьющиеся волосы, окаймлявшие лысую голову, всегда чистая и опрятная одежда, яркая, правильная, образная речь. Мы оставим в стороне все описанные и оспоренные случаи признания в старце Александра I. Они приводятся в работе Г. Василича. Обратим внимание на детали, и здесь ускользнувшие от исследователей.

Уходя из деревни Зерцалы на новое место жительства, Федор Кузьмич, по свидетельству очевидцев, поставил в местной часовне за иконой Богоматери раскрашенный вензель, изображающий букву «А» с короной над нею и летящим голубем. Описание скромного жилища Федора Кузьмича там же, в Зерцалах, включает и сведения о том, что в углу его кельи над изголовьем постели рядом с иконами висел маленький образок с изображением Александра Невского. Известно, что Александр Невский являлся святым императора Александра I, который и был назван в честь своего великого предка. И еще раз упоминание об Александре Невском в связи с личностью старца встречается в свидетельствах очевидцев. Вот как об этом пишет историк Г. Василич: «По большим праздникам, после обедни, Федор Кузьмич заходил обыкновенно к двум старушкам, Анне и Марфе, и пил у них чай. Старушки эти жили ранее около Печерского монастыря Новгородской губернии, между Изборском и Псковом, занимаясь огородничеством. Сосланные в Сибирь своими господами (кем именно — неизвестно) за какую-то провинность, пришли со старцем в одной партии. В день Александра Невского в этом

доме готовились для него пироги и другие деревенские яства. Старец проводил у них все послеобеденное время, и вообще, по сообщениям знавших его, весь этот день был необыкновенно весел, вспоминал о Петербурге, и в этих воспоминаниях проглядывало нечто для него родное и душевное. «Какие торжества были в этот день в Петербурге, — рассказывал он, — стреляли из пушек, развешивали ковры, вечером по всему городу было освещение и общая радость наполняла сердца человеческие...»

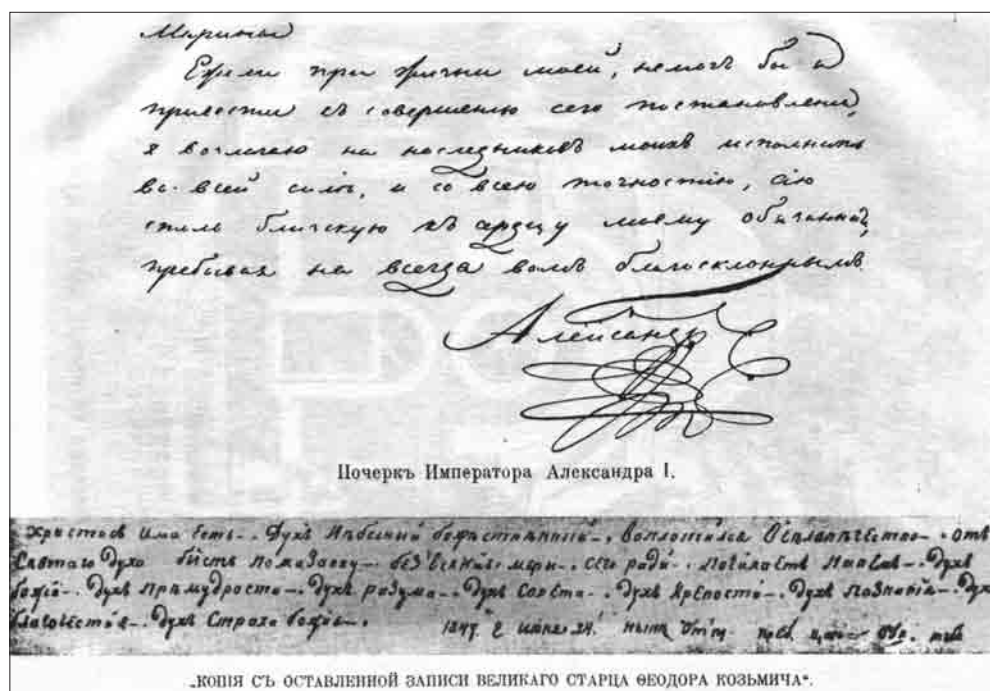
Другие свидетельства отмечают обширные познания старца, владение иностранными языками; есть сведения о его активной переписке и о том, что он получал разного рода информацию о положении дел в России. Среди его корреспондентов значился барон Д. Е. Остен-Сакен, живший в Кременчуге. Письма старца к Остен-Сакену долгое время хранились в его имении в Прилуках (Киевская губерния). Однако попытка обнаружить их не удалась: оказалось, что они исчезли из шкапулки, где лежали долгие годы.

Нельзя не заметить, что многие высказывания Федора Кузьмича о жизни, о людях близки воззрениям Александра в последние годы его жизни. Впрочем, они близки и любому другому просвещенному человеку. Известны его слова: *«И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы, только Богу угодно было одних наделить властью великою, а другим предназначалось жить под их постоянным покровительством»*.

По общему мнению, старец отличался большой добротой, отзывчивостью, охотно шел на помощь людям, т.е. отличался теми же чертами, которые выделяли в бытность и Александра I. Старец с удовольствием учил детей грамоте, покорял взрослых своими беседами, рассказами, особенно о военных событиях 1812 г., о жизни Петербурга, но было замечено, что он никогда не упоминал при этом имени императора Павла I и избегал давать характеристики императору Александру. Южнорусское и малороссийское вкрапления в его речь вполне объяснимы долгой жизнью на юге, в частности в Малороссии, как об этом свидетельствуют его связи с южными монастырями, Киево-Печерской лаврой, с местом пребывания Остен-Сакена. И еще две мелкие детали, не замеченные прежде, можно было бы отметить применительно к характеристике старца. Во-первых, он испытывал трогательную нежность к детям, особенно к девочкам: так, живя в деревне Коробейники, на пасеке крестьянина Латышева, он боготворил его маленькую дочку Феокисту, а позднее, перебравшись на Красную речку, оказывал покровительство сироте Александре, которая познакомилась со старцем, когда ей было всего 12 лет, и оставалась его преданным другом долгие годы. Я это говорю для того, чтобы вспомнить о трагических потерях Александра, который похоронил, кстати в той же Александрово-Невской лавре, куда он заезжал перед отъездом в Таганрог, сначала двух малолетних дочерей, а потом и свою любимую 16-летнюю дочь от Нарышкиной. Совпадения эти могут быть случайными, но они способны при известных условиях пролить свет на тайну личности Федора Кузьмича. Во-вторых, однажды, вспоминая о дне своего ухода из общества, он заметил, что стоял прекрасный солнечный день. Изучая записки императрицы о ноябрьских днях в Таганроге, я невольно обратил внимание на ее фразу, в которой Елизавета Алексеевна отметила необычайно теплую для того времени погоду. Здесь было по Реомюру 12°, т.е. 15° по Цельсию. Хотелось бы ввести в широкий оборот и иные факты, детали, которые в совокупности могут приблизить нас к тайне

старца Федора Кузьмича. Так, известно, что в семьях доктора Тарасова и графа Остен-Сакена панихиды по усопшему Александру I с 1825 г. не служились. Первая панихида по Александру в этих семьях была отслужена лишь в 1864 г., т.е. после смерти старца Федора Кузьмича.

Многие очевидцы свидетельствовали, что некоторые близкие к царю люди, в том числе В. П. Кочубей, отказались признать в усопшем Александре I. Была смущена и его мать, Мария Федоровна. Специальная комиссия под председательством великого князя Николая Михайловича установила, что Николай I и Федор Кузьмич были в постоянной переписке. Она велась шифром, ключ к которому был обнаружен в фамильном хранилище Романовых. Этот факт был доложен Николаю II. Данные о сличении почерков императора и старца также противоречивы. Вопреки мнению великого князя Николая Михайловича тождество почерков признал занимавшийся этим вопросом известный юрист А. Ф. Кони, а также генерал Дубровин, хорошо знавший почерк Александра I. Причем, А. Ф. Кони был совершенно категоричен: «*письма императора и записки странника писаны рукой одного и того же человека*».

Образцы почерков

Любопытно, что Николай I позднее уничтожил дневник Елизаветы Алексеевны, переписка Федора Кузьмича с Остен-Сакеном исчезла. Заслуживает внимания недавняя публикация документа барона Н. Н. Врангеля, писателя и публициста, который представил свидетельство сына известного психиатра И. М. Балинского — И. И. Балинского. Это записка, в которой И. И. Балинский передает рассказ швейцара Егора Лаврентьева, служившего в клинике его отца. До этого Лаврентьев долгие годы состоял при усыпальнице Романовых в Петропавловском соборе. Он-то и рассказал, как однажды ночью в 1864 г. в

Часовня над могилой старца Феодора Козьмича

России. Кстати, эта версия, идущая из семьи Балинских, хорошо была известна в русских эмигрантских кругах. Вместе с тем имеются известия, что при последующих вскрытиях гробницы Александра I уже в XX в. обнаружилось, что она пуста. По данным генерал-адъютанта князя Л. А. Барятинского, Александр II, будучи наследником престола, встречался со старцем. Николай II в качестве наследника престола побывал на могиле старца, как, впрочем, и другие великие князья, посещавшие Сибирь. Известен интерес к этой проблеме и Александра III. По свидетельству Л. Д. Любимова, великий князь Дмитрий Павлович (который был близок с биографом Александра I

*Икона блаженного старца
Феодора Козьмича*

присутствии Александра II, министра двора графа Адальберга была вскрыта гробница Александра I, оказавшаяся пустой, и в нее был помещен гроб, в котором лежал длиннобродый старец. Всем присутствовавшим при этой церемонии было приказано хранить тайну. Служители получили щедрое вознаграждение, а затем были разосланы в разные концы

великим князем Николаем Михайловичем) сообщил автору в Париже, что около 1914-1915 гг. Николай Михайлович в большом волнении признал, что на основании точных данных он пришел к выводу о тождестве императора и старца. Также Любимов сообщил, что в свое время Дмитрий Павлович поинтересовался мнением Николая II по этому делу и император не отрицал реальности существующей легенды.

Несомненно, что все эти детали ни в коей мере не могут рассматриваться в качестве решающих аргументов в определении личности старца Федора Кузьмича. Однако разгадывание такого рода тайны и не претендует на быстроту и однозначность ответов, здесь важны каждая мелочь, каждое, пусть и спорное, новое наблюдение, и думается, что этот небольшой экскурс будет небесполезным для тех, кто еще вернется

к этой темной, но волнующей странице истории русской правящей династии. Условности того допущения, которое сделал Н. К. Шильдер, а вслед за ним и некоторые другие историки, мы можем, конечно, и не принять, но несомненно одно: жизнь и смерть Александра I — это действительно драматическая страница русской истории; еще в большей степени — это драма живой человеческой личности, вынужденной сочетать в себе, кажется, столь несовместимые начала, как «власть» и «человечность».

СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО

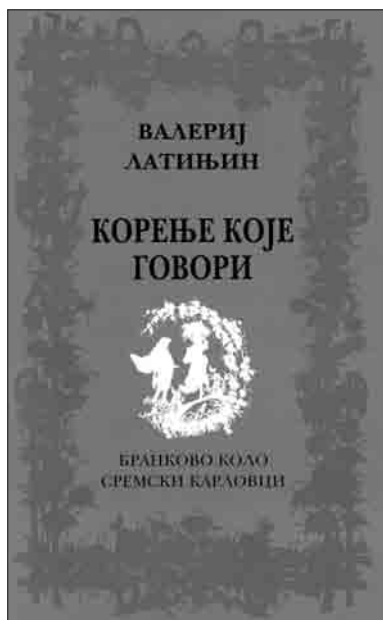
«ГОВОРЯЩИЕ КОРНИ» СЛАВЯНСТВА

Книга стихов «Говорящие корни» по объему не самая, что называется, «внушительная» в багаже русского поэта и переводчика Валерия Латынина. Но она, во всех смыслах, итоговая, подводящая черту под большим периодом творчества и готовящая почву для новых трудов. «От избытка сердца» поэт обращается к «говорящим корням» своего Отечества, славянства, своей семьи. Многое отражено в книге, но особенно выделяются три темы, прямо-таки кровоточащие: Сербия, Кавказ, казачество. В книге и страдание, и горечь от поражений, и нестигаемая вера в то, что Господь нас не оставит. Почему гибнет славянство? Только ли от того, что всесветна злоба на него, ибо враг нашего спасения, сатана, понимает, что душа у мира славянская. И это бывало, и это переносили. Но уже появилось и усилилось за последние 50 лет такое явление, как внутренние нравственные болезни ненависти к России. И как это понять — люди, живущие за счет России, ненавидят ее?! Поэт испытывает праведный гнев к таким. Он далек от мысли искать врагов в какой-то национальности или соотносить их с происхождением, нет. Он — свой и на Балканах, и на Ближнем Востоке, и в Болгарии, и на Кавказе. Он яростно сопротивляется нашествию бездуховности, закабалению нас иностранными нравами, валютой, совращению и развращению молодежи, горячо призывает к сохранению национальных святынь, к которым относит прежде всего дар Божий — речь. Валерий Латынин, казак по происхождению, боевой офицер, он всей жизнью выстрадал право говорить от имени своего поколения:

*Да будет так в безбрежии веков!
В нас кровь отцов течет, а не чернила.
И нет той силы, чтобы казаков
В угоду королям разъединила!*

И не только казаков, а все славянство, весь православный народ, который из последних сил удерживает от гибели весь мир. И, даст Бог, удержит.

Владимир Крутин

Юрий БЕЛЯЕВ ПОСЛЕДНИЙ СОН ИМПЕРАТОРА

Юрий Антонович Беляев — окончил филологический факультет МГУ; автор четырнадцати художественных и научных книг. Доктор философии, секретарь правления Союза писателей России. Президент Академии российской словесности, почетный академик Пушкинской академии, действительный член Академии геополитических проблем. Лауреат Международной премии Мира, Золотой премии «Триумф просвещения», Литературной премии имени Н. М. Карамзина и Литературной премии имени братьев Киреевских. Кавалер орденов Михаила и Крыла I степени (Португалия) и Преподобного Сергия Радонежского II степени. **Живет в Москве.**

Государь в эту первомартовскую ночь, холодную и метельную, засыпал трудно, нервно, с предчувствием чего-то страшного и неизбежного... Мартовские дни ненесли Дому Романовых ничего радостного: погибли Император Павел Петрович и Император Александр Николаевич. И сейчас март месяц набух страшным нарывом на всю великую империю. Волновали не только странные вести из столицы о голодных толпах, вышедших на петроградские проспекты и улицы и подстрекавших солдат к неповиновению властям. Посланная на днях из Ставки телеграмма генерал-губернатору Хабалову: «Повелеваю прекратить беспорядки», к глубокому удивлению Николая Александровича, действия не возымела. Государь Император впервые оказался в столь затруднительном положении. И вот беда! Рядом не было ни одного близкого человека. Императрица в этот труднейший момент оказалась отрезанной от августейшего супруга и не могла дать совета, в котором Государь так сильно нуждался...

Он вспоминал не раз упреки своей дорогой Алисы: «Все дают тебе дурные советы и злоупотребляют твоей добротой...» Быть добрым на престоле: благо ли это или зло? — этот вопрос всегда мучил Императора. Тем более война с немцами затягивалась, росли потери, и недовольных становилось все больше и больше. Император вспомнил и свой ответ на тревожные телеграммы Императрицы о происходящем в столице: «Мыслями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Любящий нежно, Ника».

Но погода, как чуял сердцем Император, определенно должна была испортиться, и над всей Рос-

сией в потемневшем небе разыграют последние метели зимы, окрашенные в красно-красный цвет...

Но ум отказывался верить в это апокалиптическое предчувствие, хотя все складывалось против него: и омрачившая его коронация кровавая Ходынка, и разгул анархистов, и злобная Дума, и тевтонская тупость родственника-кайзера, развязавшего Великую войну. И главное — то, что именно сейчас он был один, был оторван от своей семьи. Ради того чтобы увидеть дорогую Алису, напуганную всем происходившим, дорогих детей, трое из которых сейчас тяжело болели корью, он пошел на большой риск, уехал из Ставки и неожиданно оказался здесь, под «присмотром» странного генерала Рузского.

В дневник Императора внесена лаконичная запись:

«1 марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Алисе, должно быть, тяжело переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

Император не понимал, что революции в России начинаются со лжи. Байки о восставших были страшнее самих восставших. Императору было невдомек, что ему уже лгали и что он оказался в центре самого настоящего заговора против него и Отечества. Не знал он и о недавнем приезде в Ставку к генералу Алексею князя Львова, который от имени Верховного Совета всех масонских лож России ставил перед начальником штаба Ставки вопрос об аресте Государя. А ведь одним из последних указов Император назначит заговорщика Львова главой правительства...

Чувство одиночества усиливалось. Хотелось немедленно вскочить, накинуть на плечи шинель и выбежать за вагонную дверь, к людям, чтобы с кем-нибудь хотя бы немного поговорить. Но с кем? Кому можно доверить сокровенные мысли Самодержца Российского? Верный слуга Престолу и Отечеству генерал Иванов Николай Иудович был отправлен им во главе двух георгиевских батальонов в Гатчину... восстановить порядок в Петрограде. Выслушать Императора Николая Александровича было некому...

Почему-то вспомнился Родзянко... Аудиенция, данная ему сразу же после Нового года. Председатель все жаловался и жаловался. Все у него было в черном свете, даже Императрицу не пощадил. Говорил, что ее считают сторонницей Германии.

Посмотрев Родзянко в глаза, Государь задал тогда прямой и трудный вопрос: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?»

И Родзянко с трудом, но выдал из себя эти ужасные слова: «Да, Ваше Величество! Двадцать два года Вы стояли на неправильном пути...»

Этот странный упрек сейчас вновь звучал в голове Императора, наполнил виски тупой болью. «Двадцать два года на ложной дороге?» Нет! Он с этим был не согласен. Всем своим наитием он понимал совсем другое: если России была нужна искупительная жертва, то ею мог быть только он...

И вот сейчас, на исходе зимы, время этой жертвы наступало. Он ощущал это даже физически, словно какие-то бранные токи пронзали его брнное тело. Уже не одно десятилетие он готовился к этому чудовищному исходу. В свое время даже мужественный и решительный премьер Столыпин был поражен трагическим мистицизмом Императора: тот напомнил Петру Аркадьевичу, что родился он в день св. Иова Многострадального, и оттого-то вся судьба его predetermined. «У меня более чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле... сколько раз я примерял к себе слова Иова... *ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне...* Душевных сил на сопротивление почти уже не осталось».

И в эту же ночь в Петрограде лидер правых в Государственной Думе монархист Шульгин с горечью писал в дневнике о своем Государе: «Кто станет за него! У него — никого, никого... Распутин всех съел, всех друзей, все чувства... нет больше верноподданных... Есть скверноподданные и открытые мятежники... Последние пойдут против него, первые спрячутся... Он один... Хуже, чем один...»

Быть выше всех и быть одному! Царь Николай тяжело вздохнул и горько усмехнулся про себя: «Вот она, орлиная участь». Он прислушался. Сквозь глухо зашторенные окна вагона не доносилось никаких звуков: ни паровозных гудков, ни автомобильных клаксонов, ни выкриков часовых. Все немо и глухо. Словно он загнан в какой-то беспощадный тупик... Хотелось еще верить в спасение, в благополучный исход, но смутные надежды таяли, а чувство жертвенности усиливалось... Затем постепенно пришел сон, беспокойный и наполненный будоражащими душу сновидениями. После первого темного провала, в который погрузился засыпающий Государь, снова забрезжил свет, и стали возникать смутные, неопределенные образы. Сновидения стали четче и резче, и Государь обнаружил себя идущим по летней, уже утопанной, полевой дороге. Поля радовали глаз золотом колосистой ржи. Весело порхали стрекозы и бабочки, выискивая сорняки, милые для них полевые цветы. Слышалось щебетанье птиц, перелетавших с места на место. Николай Александрович ощутил некую благость, испытать которую в Центральной России доводится лишь в короткие месяцы весны и лета, когда сама природа как бы творит цветущий образ Божьего мироздания.

Но вот его внимание привлекли негромкие звуки несколько протяжной и грустноватой песни. Вскоре звуки стали более различимы. Слова были жалостливы: о кудрявой рябине, мечтавшей перебраться поближе к одинокому дубу...

— Как бы я желала к дубу перебраться. Я б тогда не стала гнуться и качаться.

Близко бы ветвями я к нему прижалась и с его листьями день и ночь шепталась...

Государь, растроганный пением, невольно подумал и о своих чувствах к Алисе. Вспомнился ее первый приезд в Петербург — совсем еще юной принцессы в белом муслиновом платье, с розами в волосах... А вот и сам певец. Могучий, огромного роста мужик в домотканой холщовой рубашке навыпуск, почти достигавшей колен. Он был бос, а загорелое обветренное

лицо украшала рыжеватая борода лопатой. В длинных могучих руках коса казалась игрушечной.

«Богатырь! Истинный богатырь! — подумалось Государю. — Косая сажень в плечах, а ростом в три аршина. Не меньше, а может и больше, — удивился Император, — У меня и в гвардии таких не найти».

Увидев подходящего Государя, косарь-великан смутился, прервал пение и низко поклонился.

— Прости, Царь-батюшка, что распелся.

— Что, никак сразу признал?

— Разве можно не признать. Вылитый, как на рубле.

Николай Александрович рассмеялся:

— Вот и от денег польза есть, хоть подданные теперь узнают... А скажи, мил-человек, что-нибудь веселое спеть можешь?

Могучий косарь сначала сконфузился, но затем, набрав воздуха в свою богатырскую грудь, запел мощным голосом бравурную солдатскую песню:

— Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши жены? Наши жены — пушки заряжены, вот кто наши жены... Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши дети? Наши дети — пули да картечи, вот кто наши дети...

Мелодия и слова были, действительно, зажигательными. Казалось, даже колосья ржи подпевают, напоминая волшебных златоглавых солдатиков: «Наши жены — пушки заряжены!»

— Удружили, братец, удружили! А песню где выучил? — поинтересовался Николай Александрович.

— Отец научил. Он с турками воевал, с войны и привез песню.

«Вот-вот! Вот в чем причина! — внезапно озарило Императора. — Война с турками! Победная война! А у нас уже сорок лет не было ни одной победоносной войны. Народ разуверился в армии, а армия — в своих полководцах. И нет у нас сейчас ни Румянцева, ни Суворова, ни Кутузова, ни Скобелева. Разве мои генералы похожи на них?»

И вдруг грустные размышления Императора Николая были прерваны его странным собеседником.

— Государь!

— Да, мил-человек? Слушаю тебя.

Опершись на косу, богатырь стоял с задумчивым видом, что-то напряженно соображая про себя.

— Говори же! Будь посмелее! — ободрил его Государь.

Богатырь наконец-то решился, хотя, судя по его лицу, это стоило ему немало трудов, и выпалил:

— У тебя, Государь, при дворе никого нет. Заступиться за тебя некому. Позови нас на помощь.

— Да кого же вас? — искренне удивился Государь.

Богатырь выпрямился во весь свой могучий рост, и теперь Государю показалось, что он *уже* вровень с одиноко росшим в поле деревом.

— Нас, мужиков. Мы одними косами всех врагов твоих покосим да на вилы оставшихся поднимем. Только кликни. Нас — много, нас — тысячи, нас — миллион... Доверься, царь-батюшка, народу. Рыжебородый великан описал вокруг себя косою огромную дугу, и Государю показалось, что целый вражеский взвод poleg под таким мощным ударом. Экая силища!

— Позови нас, Государь! Только мужики тебя и спасут. В городе гибель тебя ждет, там вокруг тебя одни смутьяны и супостаты. Иди к народу! Он тебя с Божьей помощью защитит!

И как бы в подтверждение своих страстных слов богатырь осенил себя широко крестным знамением, а Государь, ничего не отвечая, кивнул головой и медленно отправился в сторону горизонта. Когда же он обернулся, то ему почудилось, что богатырь увеличился в росте и словно рос на глазах. Он был уже выше дерева, еще немного — и голова его могла упереться в облака. Настоящий сказочный Святогор.

Но тут сновидения потускнели, и Государю стало ясно, что все это происходит не наяву и что эта встреча — всего лишь сон...

Когда же днем генерал Рузский принес ему телеграмму от начальника штаба Ставки Алексеева, все окончательно стало на свои места. В депеше генерал от инфантерии сообщал страшные вещи. Все пять командующих фронтами, включая Рузского, плюс сам генерал Алексеев высказались за отречение Государя в пользу Цесаревича Алексея. Больше всего укололо Императора то, что в эту шестерку «согласных» входил и его дядя, Великий Князь Николай Николаевич...

Все это было ново, странно и мучительно. Но к вечеру, когда из Думы приехали уставшие, измученные, со щетиною на щеках Гучков и Шульгин, Царь уже выглядел полностью успокоившимся. Он хладнокровно подписал в присутствии визитеров, барона Фредерикса и генералов Рузского и Данилова, текст отречения, подготовленный еще днем. Он передавал верховную власть в Империи не малолетнему и больному сыну, а брату Михаилу. Голос его звучал спокойно, но казался ему самому чужим:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Мысли, разные и противоречивые, путались в голове... Станция Дно... Предсказания вещего Авеля и Серафима Саровского о страшной судьбе вот и начали сбываться...

В свое время Император Павел Петрович вложил Авелевы предсказания о роде Романовых в конверт, на котором собственноручно начертал: «Вручить Потомку Нашему в столетний день Моей кончины». 11 марта 1901 года, в столетнюю годовщину мученической кончины своего прапрадеда, Император Николай Александрович после заупокойной службы в Петропавловском соборе в сопровождении генерал-адъютанта барона Фредерикса и других лиц посетил Гатчинский дворец. Там, огражденный красным шелковым шнуром, протянутым сквозь кольца, закрепленные на четырех столбиках, стоял таинственный узорчатый ларец. С дрогнувшим сердцем он вскрыл этот старинный ларец с предсказаниями о своей судьбе и судьбе России. Они его ужаснули. Но внешне Император оставался спокойным, хотя и опечаленным.

С того дня в душе Императора начала укореняться мистическая порочность предназначенному ему Провидением терновому пути. Как писал позже один из его современников-монархистов, «Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми...»

Потом было немало и других предсказаний и знамений, сначала не замеченных, а теперь приобретающих всю неотвратимость и логическую завершенность... Станный подарок французского правительства — гобелен в гостиной Марии Федоровны с изображением Марии Антуанетты с детьми, королевы, казненной своими подданными...

Но в чем смысл этого непостижимого дня? Что это? Его конец? Конец династии? Или конец России?..

Он вспомнил свой вчерашний сон, свой последний царский сон про чудо-мужика, не то Микулу Селяниновича, не то Святогора... Вспомнил ясный и доверчивый взгляд, зовущий к решительным поступкам. Эх, доверился бы он русскому мужику, понял бы его душу, может быть, все и обошлось бы... И над шапкой Мономаха не кружилось бы воронье...

Вспомнил, как на Волыни собрали его сторонники миллион подписей для записи в «Союз русского народа». Вспомнил, как одно время сам носил этот маленький серебряный значок... Только сейчас он начал осознавать, что существовали две России, и он оказался лишь в одной из них.

Последними словами теперь уже экс-государя, записанными им в дневник, в тот роковой день были: «Кругом измена, трусость и обман».

Но это не было концом. Это было только началом его долгой дороги на Голгофу...

На следующий день Николай Александрович прощался со Ставкой, с ее личным составом. В последний раз был выслушан доклад Алексеева о положении на фронтах. Он только сейчас стал осознавать бесповоротность и трагизм принятого накунуне решения. Потому-то голосом более тихим, чем всегда, произнес свои последние слова: «Видно, Воля Божия сильнее моей воли».

Но еще предстояло встретиться со всеми чинами штаба, включая низшие. Прощальная речь Николая Александровича всех растрогала. А когда он стал обходить присутствующих, пожимая каждому руку, то у некоторых нервы не выдержали, и они начали всхлипывать и даже рыдать.

Высокий широкоплечий солдат из конвойной роты, перед которым остановился Николай Александрович, настолько напомнил ему быллинного богатыря из его недавнего сна, что он даже вздрогнул. И вдруг этот герой с Георгиевским крестом на груди от избытка чувств пошатнулся и упал на пол, рухнув во весь свой огромный рост. Солдат был в обмороке.

Николаю Александровичу стало не по себе. Вот они — сон и явь... Так и Россия может упасть... Что же делать? Кто или что может спасти ее? Или это и есть конец Империи?

Точка ЗРЕНИЯ

Игорь АНДРУШКЕВИЧ КОРЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.

Типичная характеристика

Все исторически значительные цивилизации обладали своими собственными отличительными специфическими характеристиками. Одной из таких типичных характеристик западной цивилизации, несомненно, является провозглашаемый ею **рационализм**, якобы автономный по отношению к тем или иным религиозным верованиям.

Английский историк Арнольд Тойнби считает, что западноевропейская цивилизация и наша восточно-европейская православная цивилизация являются отпрысками эллинистической (греко-римской) цивилизации. Таким образом, согласно Тойнби, обе эти цивилизации являются сестрами-близнецами. Однако очевидно, что восточноевропейской цивилизации рационализм не присущ в такой же форме, как западноевропейской. Значит, западноевропейская цивилизация выработала эту свою типичную для нее отличительную характеристику как одну из предпосылок и одно из условий для расхождения с православной цивилизацией. Встают два вопроса:

1. Чем отличается отношение к рационализму и какое место он занимает в этих двух цивилизациях?

2. Как происходил этот процесс расхождения и на каком этапе этого процесса произошло приобретение западноевропейской цивилизацией своих отличительных характеристик, не совпадающих полностью с характеристиками православной христианской цивилизации?

На первый вопрос можно ответить, что восточноевропейская православная цивилизация в основном сохранила в этом аспекте позицию предшествовавшей ей античной эллинистической культуры, в то время как западноевропейская цивилиза-

ция изменила радикально свою исходную позицию в этом вопросе. Известный русский философ, профессор протоиерей Василий Зеньковский резюмирует это следующим образом:

*«Сама античная философия — как это было много раз показано — была в то же время и своеобразным богословием, конечно, соответственно религиозному сознанию античности... Идея «чистой философии» есть ведь излюбленная **фикция** у мыслителей **нового времени**, которые нередко переносят эту фикцию и в античный мир... Идея «чистой философии» есть вообще **выдумка** и создание мыслителей христианской эпохи... Это произошло **на Западе** — христианский Восток неповинен в этом трагическом и двусмысленном факте... Так или иначе, здесь (на Востоке) чистое богословие **не отделялось** от научной и философской мысли... Все слагалось иначе на Западе... Под куполом Церкви собирались течения и тенденции, внутренне чуждые христианству...»¹*

Ответ на второй вопрос требует подразделения указанного процесса отхождения западной цивилизации от ее истоков (а следовательно, и расхождения с православной цивилизацией) на несколько периодов или фаз.

Отчуждение от Востока

Предварительной фазой этого расхождения был отход западноевропейских политических структур от Восточной Римской империи. Эта фаза длилась практически около четырех веков, от принятия римским папой в 391 году древнего языческого римского жреческого титула *pontifex maximus* (сразу после отказа императора Восточной Римской империи Феодосия Великого от этого языческого титула, несовместимого с титулом христианского царя) до незаконного провозглашения римским папой франкского короля Карла Великого императором в 800 году.

За этим отколом Западной Европы от Римской империи через два с половиной века последовал и раскол в самой Христианской Церкви, в 1054 году. Однако, как об этом пишет А. Хомяков, вначале этот раскол не пронизал всю толщу верующих и не был внешне очень заметен. Конечно, процесс отмежевания начался уже тогда, но вначале он шел очень медленно.

Однако сам по себе характер отхода Западной Европы и его Римской Церкви от **соборного согласия** с остальными четырьмя Христианскими Церквями, чьи патриаршие кафедры первоначально находились на территории Восточной Римской империи, а также и **характер оправданий** этого отхода недвусмысленно указывали на коренное и существенное **противоречие**, лежащее в самой основе всех обоснований этого раскола.

Дело в том, что под притязаниями на разумность, сиречь **рациональность** западных домислов и доктрин, неизбежно скрывались логические и фактические **натяжки** и даже **подлоги**, как, например, оправдание папских претензий ссылками на «дар Константина» (*Donatio Constantini*). Ведь если папские претензии выводить из указов римских императоров в Константинополе, то очевидно, что они не имеют евангельского происхождения. Кроме того, не очень логично выступать против Восточной Римской империи на основе постановлений самой этой империи. Причем, как со временем оказалось, постановлений подложных, грубо сфальсифицированных.

¹ Основы христианской философии. — Франкфурт на М.: Посев, 1960. — С. 5–6.

Посему этот первичный казус **западноевропейской идеологии** уже содержит **характерное противоречие** между претендуемой **рациональностью** (разумностью) и **некритическим** (сиречь нерациональным) отношением к фактам и аргументам. Например, отлучение легатами римского папы Константинопольской Церкви в 1054 году содержит обвинение Восточных Церквей во всех бывших до этого в христианстве ересь, аккуратно перечисляемых в акте отлучения, было не только нерационально, но просто несерьезно.

Однако именно такая нерациональная **абсолютная предвзятость** по отношению к Востоку, предвзятость, не брезгующая грубыми подтасовками и даже подлогами, с тех пор является характерной для аналогичных западных идеологических экскурсов, вплоть до наших дней. Такая **тенденциозная предвзятость** и такое **некритическое отношение к фактам и аргументам** стали характеристикой в той или иной мере практически всех религиозных, философских, идеологических и политических течений, доктрин, сект и партий на Западе. Больше того, уже тогда впервые проявилась тенденция к монтированию **виртуальных** историй вместо истории реальной. Причем через всю историю Запада проходит красной нитью его главное побуждение для такого мифотворчества: комплекс неприятия отличительных характеристик Востока и стремление к **включению Востока в Запад**. Однако это очевидный двойной абсурд: Запад нуждается в Востоке, чтобы быть Западом, и, кроме того, когда больше не будет Востока, также не будет больше и Запада, ибо Запад является Западом лишь по отношению к Востоку.

(Когда Запад перестал претендовать на обоснование своей политической и церковной легитимности, с помощью исторического подлога о «даре Константина» был выдвинут очередной, на этот раз терминологический, подлог. Если раньше политическая гегемония Запада обосновывалась на якобы исключительном религиозном и светском лидерстве папства, то после протестантского раскола с папством идеологическим обоснованием гегемонии Запада стало провозглашение им своего исключительного обладания единственной легитимной государственной формой, названной для этого «демократией». Для этого до сих пор упорно настаивается, с помощью прямых искажений оригинальных текстов, что демократия уже в своих истоках обозначала наилучший политический режим, несмотря на то что в классификации Аристотелем всех государственных форм демократия была одной из трех **искаженных**, сиречь **нелегитимных** государственных форм².)

² Перечисление этих основных государственных форм и их классификация повторяется несколько раз в произведении Аристотеля «Политика». Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации гласит так:

«В первом исследовании различных государственных форм мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василеиан, аристократиан, политеан»), и три отклонения («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии («тираннида мен василеиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»)). (Политика, 1289, а.)

Л. А. Тихомиров отмечает, что «по-нынешнему» демократию Аристотеля называют «охлократией». Но «демос» и «охлос» были почти синонимами. Так что если «охлос» нехорош, то и «демос» не лучше. Сегодня на место демократии подтасовывают слово «демагогия». Так, в Полном собрании сочинений Аристотеля, в испанском переводе Patricio de Azcarate, вышецитированную классификацию Аристотеля искажают, подменяя в ней слово «демократия» словом «демагогия». В дальнейшем тексте перевода прибегают к этому же приему, но иногда переводчик невольно путается и употребляет одновременно и то и другое слово. (По этому поводу испанский философ Хулиан Мариас отмечает, что этот перевод «научно не имеет никакой цены».)

Следующей фазой этого процесса было радикальное отделение на Западе науки от религии. Протоиерей Василий Зеньковский считает, что это отделение было оформлено в трудах Фомы Аквината (1227–1274), который поместил религию и науки на «**разные этажи**». С этого практически и начался западноевропейский рационализм, не только автономный по отношению к вере и к религии, но и претендующий на абсолютную от них независимость. *«Это учение о **самодостаточности** естественного разума в познании мира и человека есть, в сущности, новое, чуждое основным течениям, даже античной мысли, понятие: возвышая Откровение над естественным разумом, Аквинат в то же время **рассекает** единую целостность познавательного процесса... Он своим решением вышел на новый путь... От Фомы Аквината и **нужно вести разрыв христианства и культуры**, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой»*³.

*«Начиная с XIII века началось на Западе отделение от Церкви, от ее духовной установки, различных сфер культуры — впервые проявилось это в области права... а затем в XIV–XV веках это движение с чрезвычайной быстротой стало распространяться на все сферы культуры, на антропологию, философию, науку. В течение двух-трех веков произошло глубокое изменение в психологии культурного творчества, которое дало торжество свободному, но уже и внецерковному стилю культуры. Этот **уход культуры от Церкви** имел много различных корней в общем развитии западной истории, но, раз начавшись, он вел и ведет к отрыву ее от Церкви... Религиозная трагедия этим была закреплена надолго, и вся новая история шла и доныне идет на Западе под знаком **принципиального дуализма** — христианства и жизни, христианства и культуры, христианства и творчества»*⁴.

Отчуждение от действительности

Третьей фазой этого процесса можно считать период после Рене Декарта (1596–1650). *«Ничто не характеризует с такой силой новую установку творческого сознания, как то, что в основу философии ставится ныне **сомнение**, которое устами Декарта провозглашено основным методом и правилом философствующих умов. Сомнение, конечно, может и должно иметь свое место в процессах размышления, но неужели нет **прямых** источников философии? ...Сомнение вообще есть ведь **вторичная** функция ума, всегда направленная на какие-то **положительные** утверждения...»*⁵ Однако такое систематическое сомнение на Западе от-

Вообще демагогия не есть форма государственности, не есть ни «кратия», ни «архия». Демагогия есть способ (прием, метод, следствие, по-гречески «гигномена»), присущий двум режимам: демократии и тирании: «Все приемы крайней демократии присущи также тирании... Поэтому лъстеца ценят в обоих режимах, в демократиях демагога, потому что демагог это лъстец демоса». (1313, в.) В другом месте Аристотель отмечает: «Итак, всякий демагог продвинулся постепенно к теперешней демократии». (1274, а.)

³ Протоиерей Василий Зеньковский. Там же. — С. 10–11.

⁴ Там же. — С. 13.

⁵ Там же. — С. 14.

нюдь не применяется по отношению к его собственным идеологическим и псевдонаучным домыслам.

Кульминацией этого периода является философия Иммануила Канта (1724—1804). Испанский философ Ортега-и-Гассет считает, что именно Кант произвел в западной философии и в проистекающих из нее идеологиях Запада переворот, аналогичный **перевороту Коперника** в предыдущих астрономических и космогонических концепциях Западной Европы. (Эти **геоцентрические** западные концепции игнорировали имевшиеся по этому вопросу в античном мире и на православном Востоке представления. Например, в некоторых древних православных церковных песнопениях поэтически сравнивается центральная роль Христа в нашем спасении с солнцем в нашей системе.)

В своем труде «Кант, Гегель, Дильтей» Ортега-и-Гассет пишет:

*«Человек Древнего мира исходит из чувства **доверия** к миру, каковой для него является в первую очередь **Космосом, Порядком**. Современный же человек исходит из недоверия, из подозрительности, ибо мир для него — Хаос, Беспорядок... Декарт и Кант, две высшие фигуры современной философии, поднимают свой якорь с одинаковым состоянием духа подозрительности. ...Система Канта и его последователей остались в истории философии под названием **«идеализма»**... С колоссальной смелостью и упорством белый человек Запада исследовал мир в течение последних четырех веков с **идеалистической** точки зрения. Он выполнил свою миссию до конца, пробуя все возможности, которые в ней заключались. И он дошел до конца — он открыл, что это **ошибка**. ...Это чувство космического страха привело к тому, что, начиная с Канта, немецкая философия перестала быть философией **бытия** и превратилась в философию культуры. Культура — это есть одежда, которую просит Брунгильда, чтобы защитить свою наготу, это размышление, претендующее подменить **жизнь**. Замечательный труд трансцендентального идеализма ведет к оборонительному намерению и немного похож на червя, который из своей собственной слюны прядет кокон... Познание перестает быть пассивным **зеркальным отражением действительности** и превращается в **построение**. То, что вульгарно называется действительностью, становится простым сырьем, хаотическим и без всякого смысла, которое **необходимо извлекать**, придав ему форму космоса. Я не думаю, что во всей человеческой истории когда-либо был предпринят переворот более отважный, чем этот. Сам Кант его называет своим **«коперниковым подвигом»**. Но на самом деле... Коперник ограничивается заменой одной действительности другой действительностью... Кант же **переворачивает** всю действительность, он сбрасывает с себя свою маску «магистра» и **провозглашает диктатуру**».* (Jose Ortega y Gasset. Kant, Hegel, Diltey. Revista de Occidente, Madrid, 1961. Перевод с испанского на русский язык сделан автором этой статьи.)

Однако современные научные открытия в области физики опровергают метафизические выводы Канта. Известный немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg), один из создателей квантовой механики и автор теории так называемого «**принципа неопределенности**», утверждает:

«Если мы сегодня будем сравнивать доктрины Канта с современной физикой, с самого начала возникнет впечатление, что его основная

концепция «синтетических суждений а priori» оказалась полностью уничтоженной открытиями нашего века. Теория вероятности изменила наши идеи, которые мы имели о пространстве и времени; в действительности она нам показала совсем новые видения пространства и времени, которых вообще не видно в формах «а priori» чистой интуиции Канта. Закон причинности уже не применяется в квантовой теории, и закон сохранения материи перестал быть истиной по отношению к элементарным частицам. Очевидно, что Кант не мог предвидеть новые открытия, но так как он был убежден в том, что его концепции будут «фундаментами любой будущей метафизики, могущей называться наукой», будет интересно узнать, где находилась ошибка его аргументов».

Больше того, Гейзенберг считает, что «большие затруднения для понимания и восприятия концепций современной физики имеют своим корнем предпринятое Декартом разделение Космоса на «рес когитанс» и на «рес экстенс» («мыслящая вещь» и «протяженная вещь»). Это разделение проникло глубоко, в течении трех веков, в человеческий разум и требует долгого времени для его замещения действительно иной позицией по отношению к действительности». (Werner Heisenbrg. *Phisics and filosophi*. Цитируется в переводе на русский язык с испанского издания «Fisica y filosofia»; Buenos Aires, 1959).

Кульминация противоречий

Кант и все его прямые и косвенные последователи требуют **игнорировать действительность**, ибо действительность **непознаваема**. Единственное, что находится вне всякого сомнения, это то, что находится в нашем сознании, в нашем мышлении. Больше того, саму эту действительность необходимо так или иначе **подгонять** под наши **умственные схемы**, чтобы ее улучшить. Причем на практике для этого даже допускается насилие. Как сказал Ленин: «Если факты против нас, то тем хуже для фактов».

В данной проблеме заостряется основное противоречие западного рационализма. Ведь если под рационализмом понимать всемогущество человеческого разума, вплоть до провозглашения его автономности по отношению к лежащей вне человека (вне его разума) действительности, то получается, что все схематические (идеологические) построения этого разума **не нуждаются в экспериментальной проверке** на практике (то есть вне самого разума). Этим макроидеология Запада отказывается от своего прежнего постулата **необходимости экспериментирования** в области научных исследований. Кроме того, если действительность на самом деле непознаваема для человеческого ума, то в таком случае она также и существенно неизменяема по прихоти этого ума. Такая изоляция и взаимоотноужденность между разумом и действительностью сегодня тоже опровергнута наукой, в частности теорией Гейзенберга о взаимодействии между наблюдателем (экспериментатором) действительности и этой самой действительностью.

Между прочим, Ортега-и-Гассет считает, что прежние успехи и прогресс западной цивилизации были в свое время многому обязаны его тогдашней тенденцией и стремлением к **экспериментации**, кроме предрасположения к **анализу** (в противоположность предпочтению синтеза на Востоке). Однако если действительность не только не познаваема, но еще и подлежит

безоглядным реформам («изъявляя», как говорит Ортега), то этим самым отрицается автономная **эволюция** действительности. Если эволюцию действительности подменять, с одной стороны, насильно внедряемой революцией и, с другой стороны, петрификацией этой самой революции, при этом упорно игнорируя **экспериментальные результаты** таких манипуляций, то даже никакие «перестройки» в последнюю минуту не смогут предотвратить катастрофы. Загон объективной действительности в прокрустово ложе субъективных схем нерационален и неизбежно ведет к катастрофе.

Запад пытается диалектически преодолеть этот аспект своего кардинального противоречия, оправдывая экспериментирование лишь в области так называемых точных наук, но одновременно избегая всякой исторической (сиречь экспериментальной) **проверки** в области своих идеологий (либерализма, социализма, демократизма и т. д.), каковые возводятся «априори» в **непререкаемую «истину»**, а также и проверку смежных с ними «социальных наук»: антропологии (дарвинизма), социологии, педагогики, психологии (фрейдизма) и экономики.

Кроме того, современный фундаментализм Запада также игнорирует противоречия и в своем подходе к отдельным выше отмеченным социальным наукам. Например, в антропологии проповедуется безоглядная приверженность к теории так называемого «эволюционизма», якобы ведущего к биологической **селекции**, в то время как в педагогике абсолютно отрицается всякое стремление к публичной селекции для подготовки публичных элит. (Дело в том, что непубличные элиты подготавливаются непублично.)

В результате в некоторых из этих областей современной западной культуры достигается максимальное **абстрагирование** искусственных схематических и «виртуальных» построений от всякой реальной действительности, что неизбежно приводит в тупики. Например, чрезмерное абстрагирование современных финансовых «виртуальных» инструментов от экономической реальной действительности может быть показательным примером таких преувеличений, неумолимо имеющих **ограниченные пробоги**.

В конечном итоге современный рационализм Запада забывает **Истину и Правду**, а также и свой собственный прежний постулат, что «истина есть соответствие разума с действительностью» (*veritas est aedequatio rei et intellectus*). Если без разума нет рационализма, а истинный разум должен соответствовать действительности, то следственно подлинный рационализм никак не может игнорировать эту действительность.

Николай ЗИНОВЬЕВ

«ДУША ДУШОЙ ОСТАТЬСЯ ХОЧЕТ»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

НОВЫЙ ДЕНЬ

Выйдешь на рассвете на крыльцо,
Небо в облаках, как в образах,
И увидишь Родины лицо
Милое до слез и всё в слезах.

* * *

Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбатых...
Так и тянет прижаться щекой.

Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу.
До рыданий люблю, до удушья,
А за что, объяснить не могу.

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Травы пахнут так сладко,
Воздух теплый такой.
За железной оградкой —
Тишина и покой.
Как зеленая туча,
За оградкой — ветла.
И калитка скрипуча,
И скамейка тепла.

Станным кажется это,
И сомненья берут:
То ли солнцем нагрета,
То ли ангел был тут?..

* * *

Хоронили поэта. Проститься
С ним пришло все родное село.
Высоко пролетающая птица
Уронила в могилу перо.

* * *

Когда я друга хоронил,
На гроб слезинку уронил.
Минуто помню эту —
Звук содрогнул планету.

Иначе от чего земля
Вдруг под ногами поплыла?

Тут не простое совпадение,
Хотел Создатель показать,
Как дорого ему творенье
Его — кого б из нас ни взять.

* * *

«Душа хотела б быть звездой»

Ф. И. Тютчев

Над этой фразою мирской
Враг человеческий хохочет,
Он точно знает, между прочим:
«Душа не хочет быть звездой,

Душа не может стать звездой,
Душа душой остаться хочет,
И остаться неспроста,
А в объятиях Христа».

ПРО РУССКУЮ ДОРОГУ

Он полгода спину гнет,
Спит не мягко, ест не сладко.
А потом рукой махнет,
И зарплату всю пропьет
За три дня и без остатка.
Душу ты его не трогай,
К ней страданье приросло.

Это русскою дорогой
Человека понесло.
Вы ответьте, ради Бога —
Самому мне внедогад, —
Как одна (одна!) дорога
Может в рай вести и в ад?

РОССИЯ

Один о ней романы пишет,
Другой с трибун о ней кричит,
И только тот, кто ею дышит,
Пока молчит...

* * *

Не переделывай эпоху.
Оставь работу эту Богу.
Но человек своим умишком
Самонадеян. Даже слишком.

Решил он новый мир творить,
Не принимая Божью милость.
А что в итоге получилось —
Об этом страшно говорить.

РУСОFOBAM

Вам бы нас всех порвать по кускам —
Эта мысль даже ночью вас будит.
Но все это решается там,
Где вас не было, нет и не будет.

* * *

Пришла мне мысль в лучах рассвета.
Хочу ей поделиться с вами.
Не за горами конец света.
Но вера двигает горами.

Мысль на лету душа схватила.
Ты разве этому не рад?
Мы в состоянье с тобой, брат,
Отсрочить верой гибель мира!

* * *

Что хотите услышать, друзья?
Если правду, то правду — нельзя.
Ее лик в наше время так жуток,
Что за ваш опасаясь рассудок.

Не готовы к такому условию?
Не такого вы ждали поэта?

Но, поверьте, лишь только любовью
Продиктовано свыше мне это.

Но а если вы все же решите,
Что пришел я не с теми словами,
Я уйду. Вы лишь только скажите.
А любовь пусть останется с вами.

* * *

Ищу любовь не в небесах,
Ищу у ближнего в глазах.
И хоть пока не нахожу,
Я все же взгляд не отвожу.

Я верю: взгляд мой все же встретит
Ответный свет любви живой.
О, как душа тогда отметит
Событие это, Боже мой!

ОЗАРЕНИЕ

Поэт я или не поэт?
О чем я думаю, однако,
Когда на весь на белый свет
Уже ложатся тени мрака?

Но замер я остолбенело —
Сверкнула молния ума:

А вдруг Любовь, Надежда, Вера
И есть Поэзия сама?

И в ней, в Поэзии, спасенье,
И Царства Божия залог.
Конечно, это озаренье.
Сам догадаться я не мог.

* * *

«Остальные — обман и подделка»

Ю. П. Кузнецов

Я не обман и не подделка.
Да, пусть не знамя я. Пусть древко,
Но можно каждому понять:
Без древка знамя не поднять.

Знакомый ГОЛОС

Михаил БОНДАРЕВ

«ПОДНИМАЕТСЯ В НЕБО АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ...»

Стихи и песни

Михаил Иванович Бондарев — окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Н. Старшинова, В. Кострова). Член СП России. Автор двух поэтических книг. Участник фестиваля поэзии и бардовской песни «Оскольская лира» (1994, 2000). Лауреат международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого; дипломант фестиваля искусств патриотического воспитания «За нас, за вас и за спедназ»; лауреат I международного литературного фестиваля «Славянские традиции — 2009» (премия им. «Молодой гвардии», приз зрительских симпатий). Внешт. корр. «Учительской газеты». Живет в Калуге.

РОДИНА

Родина... Отечество... Россия...
Детства серебристая река.
Глядя на кувшинки, здесь грустил я,
И в мечтах летал за облака.

Родина... Дворы мои и школы,
Где прошли уроки, словно сон.
Неужели были здесь монголы,
И сжигал Москву Наполеон?!

Родина... Шальная вражья пуля...
Инвалидом дед пришел с войны.
Родина... Маманя и бабуля,
Что пекли на праздники блины.

Родина... Знакомые овраги,
Где на санках шпарил я зимой.
Родина. Ты чистый лист бумаги,
Где стихом ложится голос твой.

Родина... Холодный ветер в спину
И немного денег в кошельке.
Но меня не тянет на чужбину —
Что мне делать на чужой реке?

СТАРОВЕРОВ РАЗРУШЕННЫЙ ХРАМ

Не рожают в деревне Рождествено,
Здесь тяжелый предсмертный покой,
Только светит все также божественно
Красно солнце над тихой рекой.

Тишина в деревеньке Угрюмово,
Догнивает последний сарай.
За ближайшим холмом —
Толстосумово, —
Некрестьянский торгашеский край.

Мы ушли от земли неестественно,
Нас влечет к виртуальным кострам.
Пусть останется в сердце
Рождествено —
Староверов разрушенный храм.

ВЕЧЕР В ТАРХАНАХ

Прошли над Русью ураганы,
Росой оплакана трава.
В осеннем золоте — Тарханы,
Над головою — синева.

Не разгадаю я секрета
И смысла жизни на земле.
Напомнит осень мне поэта,
И лист бумаги на столе.

Он вспомнит битвы и дуэли,
Любовь, страдания и смерть,
Поэта краски-акварели,
Его слова — земную твердь.

Рванется лермонтовским словом,
Вздыхнет о прошлом ветерок,
И загрустит, и вспомнит снова
Огонь и кровь кавказских строк.

И солнце выглянет над кленом,
Спускаясь в свой ночной покой...
Там Лермонтов поет влюбленный,
Гусар бесстрашный, удалой.

БРАТЯ ОБЛАКОВ

Уходит в бой крылатая пехота,
Идет вперед на танковой броне.
Защитников Отечества работа —
В смертельном и безжалостном огне.

Когда врага не валит пуля-дура,
Тогда доходит дело до штыков.

Свистят снаряды, мины и осколки,
Смеется смерть в мальчишечьи глаза.
И пусть враги дерутся,
словно волки, —
За десантуру будут небеса.

Вернутся в строй не все они из боя,
Где даже танки спичками горят.
И потемнеет небо голубое,
Когда погибнет кто-то из ребят.

Бойцы в тельняшках — это десантура,
Родные братья белых облаков.

Над гробом сняв лазурные береты
И со щеки смахнув рукой слезу,
Опять уйдут, тельняшками согреты,
Десантники в смертельную грозу.

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Поднимется в небо
 Андреевский флаг —
 Святыня российского флота.
 Преодолевая преграды и страх,
 Уйдет в бой морская пехота.

Бесстрашные дети соленой воды
И кровью пропитанной суши,
Во вражьих окопах оставят следы
Простые матросские души.

Морская пехота — крутая волна, —
На берег, в объятия смерти.
Но только победа, как воздух, нужна
В кроваво-стальной круговерти.

И на неприступном крутом берегу,
В горах и на кочках болота
Не будет спасенья любому врагу —
В сраженье — морская пехота.

НАД АРГУНСКИМ УЩЕЛЬЕМ

По горам прокатилась война.
Я стою на обрыве крутом.
Над Аргунским ущельем — луна
Осеньет Кавказ серебром.

Облаков ветер гонит табун,
Солнце красное катится с гор.
За петляющий серый Аргун
Пограничный уходит дозор.

Ночью снег, дождь зарядит с утра,
И опять не взлетит вертолет.
Над Аргунским ущельем — ветра,
За палаткой свистит и ревет.

По горам прокатилась война,
Но не спит пограничный блокпост.
Над Аргунским ущельем — луна,
Небо черное, полное звезд.

В ГЛУХОМ КРАЮ

В моем краю зимой — снеговики,
Снегурочки и Дедушки Морозы,
Скрываются в горах боевики,
И вымирают села и колхозы.

В моем краю, где тишь да благодать,
Где облака как шхуны и фрегаты,

Грустит отец и тихо плачет мать,
Когда уходят сыновья в солдаты.

В глухом краю разрушенных церквей
И позабытых подвигов народа
Пускаю строки — белых голубей,
Им нипочем нелетная погода.

ЗА АРМИЮ РОССИИ!

Склонись, художник, над мольбертом,
И помяни строкой, поэт,
Того, кто пал под Улус-Кертом
В рассвете юношеских лет.

В Египет сказочный уехав,
В тени гигантских пирамид
Ты выпей рюмку за морпехов,
За тех, кто в Грозном был убит,

Что грязь кровавую месили,
Кого калечила война.
Налей за армию России
И выпей за нее до дна!

Пусть не гаснут свечи в храме
И звезды в темной вышине
За опаленную в Афгане
И кровь пролившую в Чечне.

Взлетай свечой, отважный летчик,
За офицеров, рядовых,
За всех бойцов «горячих точек»,
Локальных войн и мировых.

За лучших воинов России,
Которые во все века
Себе пощады не просили
В глазах коварного врага.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

**Виктор
ДРОННИКОВ**

(1940–2008)

«СТИХАМИ ОСВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ»

Виктор Петрович Дронников — родился 18 августа 1940 года в деревне Жилино близ Орла. Член Союза писателей СССР, секретарь правления СП России, член-корр. Академии Российской словесности и Академии поэзии, издал более 10 поэтических сборников, публиковался в столичных и местных изданиях. Творческая и общественная деятельность отмечена орденом «Дружбы», знаком «Общественное признание», Почетными грамотами СП России, Губернатора и Совета народных депутатов Орловской области. Он являлся лауреатом литературной премии СП России и всероссийских литературных премий. Окончил свой земной путь 24 августа 2008 года в родном Орле после тяжелой болезни.

Я вслушиваюсь в сад —
Там перезвоны, стуки, —
Превыше всех наград
Земли родные звуки.

Зачем писать стихи —
Сиди, смотри и слушай,
Как сохнут лопухи
И пьет телок из лужи.

Среди грызни, возни,
Порядка, безобразья —
Попробуй, объясни
Весь смысл многообразья.

Я на бревне сижу,
И грусть меня не точит.
Пойду переспрошу,
О чем петух хлопочет?

СТАРУХА

Катит жизнь по кругу...
В круге много спиц...
Нищая старуха
Кормит Божьих птиц.

Жизнь проходит быстро...
Поезда свистят...
Золотые листья
Под ноги летят.

Вот и ей в ладошку
Золотой упал...
— Клюйте, птицы, крошки,
Все, что Бог послал.

И уйдет старуха...
Где ее ночлег?
На душе так глухо —
Словно выпал снег.

Жалко мне старуху,
Жалко Божьих птиц...
Катит жизнь по кругу,
В круге много спиц.

* * *

Нет-нет да и вспыхнет во мне забытье,
Как тайное чье-то желанье...
Как будто чужое и все же мое
Короткое воспоминанье.
К чему этот знак из далекой дали,
Точней, из военного лета?
Трехлетним гляжу на зелень земли
Сквозь стеклышко синего цвета.
Гляжу я на солнце цветное с крыльца,
Гляжу на заречную пойму...
Не помню я взрывы... не помню отца...
А синее стеклышко помню!

МИХАЙЛОВСКОЕ

Все те же здесь туманы низовые,
Им не грозит музейный передел.
Вот здесь с холма на тучи грозовые
Он, как на волны невские, глядел.

Со всем, что было, что-нибудь да случилось...
Он здесь ходил, себя стихами зля.
В Михайловском от Пушкина осталась
Стихами освященная земля.

* * *

Ты слышала? — ночью кричали пролетные птицы?
Я слышал их крики... Иль все это было во сне?
Ты слышала? — ночью скрипели в доме половицы...
Входил, выходил кто? — Иль все это грезилось мне?

Ты знаешь, мне грустно, что я отлучен от природы...
Я где-то не с нею, я где-то поодаль стою.
Не я же, не я на краю золотой непогоды
Кричу над водою и белыми крыльями бью.

Ты знаешь, так тянет на берег дремотной протоки,
Где листьями лилий укрылась вода, не дыша,
Где если и звук над водой, то такой одинокий,
Как если бы плачет и мечется чья-то душа.

Ты слышала? — ночью скрипели в доме половицы.
Входил, выходил кто из дома иль в дом?
Не я ли там был, где кричали пролетные птицы?
Я был там, я был там и крыльями бил над водой...

* * *

От самого себя отстану,
От этой жизни переметной.
Ни к чьей не прибиваюсь стае,
Поскольку я неперелетный.

Не лезу под чужую крышу,
На чем стою — того и стою.
Когда незримое предвижу,
Я слышу крылья за спиной.

Пока в России есть знаменья —
Я знаю, свет идет откуда!
Россия — Божье озаренье,
А не бесовская причуда.

Она, спеленутая в муки,
Принадлежит тому, кто слышит...
Она очнется в трубном звуке,
И Бог уже над нею дышит...

* * *

Чистый лист бумаги —
Белизна полей.
Хватит ли отваги
Скомкать прозу дней?

Знаю, хватит воли
Чистый лист не смять.
В зимнем русском поле
Молча постоять.

Помолиться Богу
В наготе полей,
Прикоснуться к стогу
Скрытых зеленей...

Стает снег в овраги,
Вскроет зеленыя...
Чистый лист бумаги
Вспыхнет без огня.

* * *

Не осуждайте мои привычки,
Они не Ваши, они мои.
Ко мне на плечи летят синички,
Ну, чем синички не соловьи.

Зачем мне кисти, зачем полотна,
Зачем мне мудрость чужих страниц.
Ведь так отрадно, что так щеотно
Кормить в ладонях своих синиц.

Я зачарован их чудной речью —
Осталось только в слова облечь.
Я научился на человечесью
Переводить их синичью речь.

Мои синицы... Я так их слышу...
Осталось только мне птицей стать.
Совсем нетрудно взглянуть повыше —
Взглянуть повыше, как полетать.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

До свиданья все, что сокровенно...
Стало меньше над лугами света.
Возом свежескошенного сена
Прокатилось по деревне лето.

Прокатилось лето... Закатилось...
Закричали над полями птицы.
Лишь вчера мне радостное снилось,
А теперь не знаю, что приснится.

Закатилось... Что же мне осталось?
Перелесков розовых остылость.
Так храни оставшуюся малость,
Как большую Божескую милость.
Не дрожи, осенняя осинка.
Мы у жизни все на перекате.
Кто-то машет синею косынкой
На закате лета... на закате.

* * *

Если можешь глазами вздохнуть,
Значит, видишь святые пути.
Дальше звезд человеческий путь,
По которому надо пройти.

Сколько раз разбивался я в прах,
Сколько раз выбивался из сил...

Но я знал, кто в незримых мирах
Душу мне на земле осветил.

И когда завершится мой срок
И придется держать мне ответ,
Я сложу на Великий порог
Сбереженный во странствиях свет.

БОЖИИ СТАРЦЫ

Из келий, обителей, дольних пустынь,
Чтоб с Богом, душой не расстаться,
Выносятся свет православных святых —
Несут его Божии старцы.

И все замирает вблизи и вдаль,
Восходит молитва народа...
О, тайная радость крещеной Руси —
Пришествие крестного хода.

Где нет гордецов и униженных нет,
Где нету беды иноверцу...
И Божии старцы проходят как свет,
Доступные каждому сердцу.

Гноили заступников Русской земли...
(А в храмах бесились и были),

И в белую замять босыми вели
И в тайных местах хоронили...

Рассыпался прах обезбоженных снов.
А церковь стоит сокровенно.
И мощи сокрытые Божьих сынов
В земле прорастают нетленно.

И Русская правда на вере стоит,
На вере и светлом моленье.
И каждый святой на Руси — это щит
И Божие благословенье.

Уже исполняется Божий Завет:
Архангел трубит за плечами,
И Божии старцы проходят сквозь свет,
Сияя святыми очами!

* * *

Деревья дорогу ему уступали,
И солнце спускалось за ним по холму.
И птицы, которые радостно спали,
Открыли глаза и запели ему.

И в том, как цвела под луною дорога,
И в том, как цветами смыкались следы —
Во всем ощущалось присутствие Бога —
В дыхании неба, земли и воды.

Весь мир представал,
как большое дыханье,
И радость восторга теснила мне грудь...
И сердцем владели любовь и желанье
Идти в бесконечный
божественный путь...

КРЕСТ

Крестом ей выпала дорога —
В какую сторону свернуть?
Россия позабыла Бога
И потеряла светлый путь.

Забыла теплые молитвы,
Знамения и благовест...
Теперь от битвы и до битвы
Несет победы, словно крест.

* * *

Кто этот мир? И что мы сами?
Перетекают жизнь и смерть...
О, если б Божьими глазами
Хоть раз на землю посмотреть.

Не удержать звезды в ресницах...
Но сколько лет, но сколько лет
Душа сама летит, как птица,
На Божий свет! На Божий свет!

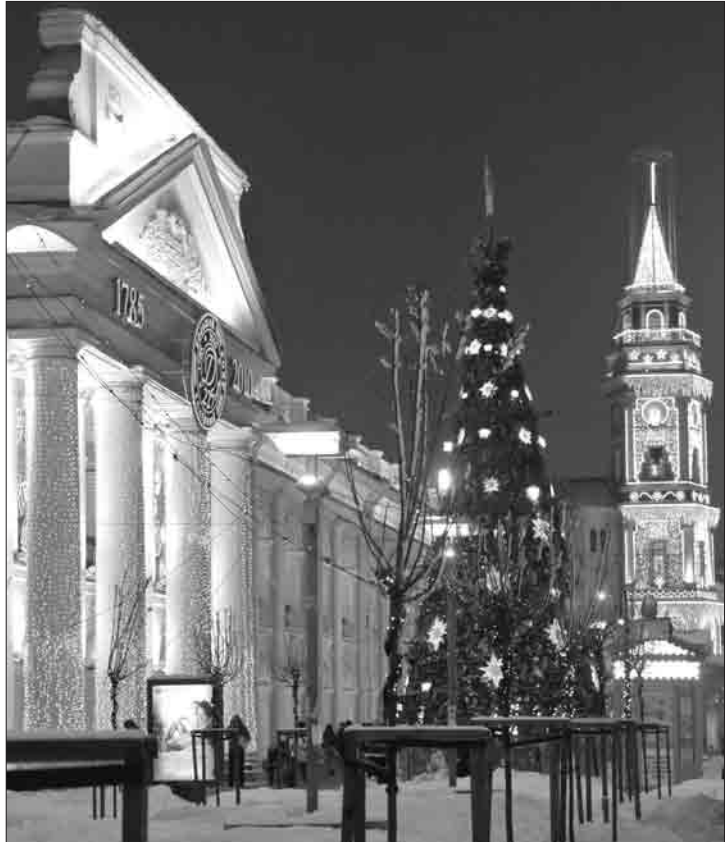
Вот почему светло и слепо
Когда зияют небеса —
Я запрокидываю в небо
Осиротевшие глаза.

Когда-нибудь родное небо
Меня приблизит без следа...
Не говорите был иль не был?
Я там, я там, где был всегда...

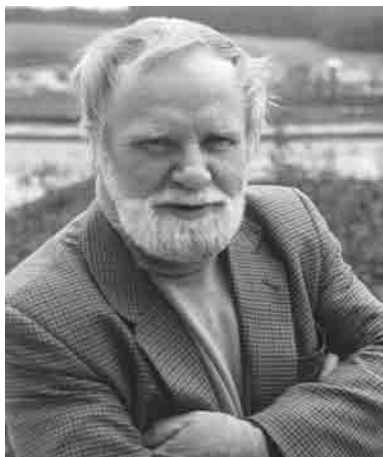
С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

Родная РЕЧЬ

Василий БЕЛОВ СПАСЕМ ЯЗЫК — СПАСЕМ И РОССИЮ*

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

Разговор о языке — очень серьезный разговор. Достаточно вспомнить Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Язык — это народ. Когда я говорю о спасении России, я говорю о спасении языка.

Спасать прежде всего нужно кириллицу, потому что начинается наш разгром с того, что кириллицу в России вытесняет латинский шрифт. Я вам напомним о том, что разрушение Югославии началось именно с этого. Все началось с безобидных вывесок, с безобидных объявлений на латинском шрифте — и кончилось (да еще не кончилось!) видите чем. Страшные вещи происходят: кириллица вытесняется насильно, целенаправленно.

Конечно, язык зависит от уровня общей культуры, народной нравственности прежде всего. Но нельзя забывать, что разрушение русской национальной культуры, языка и музыки было запланировано. Никакой стихийности тут нет, все шло так, как было задумано, — уничтожение нашей государственности, нашей нравственности, нашего языка, нашей культуры. И тут нечего хитрить, нечего бояться, надо прямо сказать, что мы порабощенный народ; может, пока порабощенный не до конца, но порабощенный, надо это признать и исходить из этого. Как освободиться от гнета, от ига, надо думать сообща, соборно. И если мы будем думать, то обязательно

*Печатается с небольшими сокращениями.

придем к тому, что освобождение может быть только на основе православной веры.

Наша культура, наша духовность где-то во времена Пушкина пошла по двум направлениям: светская культура и культура чисто духовная, религиозная. Они как бы разошлись, и один, — чаадаевский или декабристский путь, а другой — путь наших священнослужителей, духовенства. Это было трагическое и, как мне кажется, искусственное разделение.

Нельзя делить культуру на культуру Пушкина и культуру Игнатия Брянчанинова. Конечно, они и сами в своем роде хороши, но у них один источник. Этот источник — русский народ и Православие. И когда я читаю сейчас аскетические опыты святителя Игнатия — я восхищаюсь чистейшим русским языком. За век с лишним ничего не сделалось с этим русским языком, он такой же чистый и сейчас. Язык Игнатия-святителя — это превосходный язык, в него ничего не привнесено грязного и нечистого, я бы сказал, иностранного. Мысли выражены очень четко.

О плановом уничтожении языка можно говорить очень много. Но достаточно сказать о словарях наших. Словарей должно быть столько, сколько нужно, должны быть сотни самых различных словарей. А у нас же вроде бы какая-то норма существует на них.

И какие это словари?

В словаре Даля 220 тысяч слов, хотя в нем отражена отнюдь не вся русская лексика. Я знаю десяток или два коренных русских слов, которых нет в словаре Даля.

А в словаре Ожегова? Там ведь всего лишь около 80 тысяч слов. Вот как у нас получается: из двухсот двадцати тысяч слов сделали всего восемьдесят. Да и то половина с пометками: «устарелое», «областное», «просторечное», «специальное» или еще какое-нибудь. Так и прививали у нас недоверие к собственному языку.

Но ведь произошли изменения не только в словарном, лексическом составе, произошли изменения в пунктуации, синтаксисе. Ведь язык — это такая разнообразная стихия! В нем нельзя сводить все только к одной лексике. И здесь наблюдаем явное обеднение языка.

Язык обеднен не только по количеству слов, он еще обеднен и интонационно. Он утратил ритмичность и тональность.

Говорить об исключении иностранщины из нашей лексики вполне правомерно. И нечего этого бояться. Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. Безжалостно выбрасывать. А нам прививают намеренно эту лексику. Я понимаю, когда пишут медицинский рецепт на латыни. Но когда журналисты намеренно всовывают в статьи иностранные термины, нарочно, как бы презирая русский язык, это те журналисты, которые вообще не любят Россию и которым все равно где жить и как говорить, лишь бы было сытно. И сами лингвисты? Они на самом коренном русском слове могут поставить пометку: разговорное, областное.

С В. Н. Крупиным мы были в Японии, оказались в гостях у одного профессора, и он нам показывает сборник «русских» частушек, изданный в Израиле. Забыл фамилию израильского профессора, который писал предисловие. Частушки абсолютно похабные. Весь сборник целиком похабный. Я смею вас уверить — это не народные частушки. Есть люди, которые специально сочиняют эти мерзопакости, а выдают за творчество народа. Или берут действительно народные частушки, но что стоит человеку, искушенному в сочинительстве, переделать текст и из нормальных стихов сделать похабщину? Издают целые сборники большими тиражами и распространяют по всему миру. А на основании подобных сочинений делается вывод, какой русский народ паскудный. И тот же японский профессор воспринимает эти частушки как народные. А нашим доказательствам, что это не народное творчество, по-моему, он так и не поверил.

Уничтожение русского языка идет одновременно с уничтожением русского народа. Самое главное сейчас — спасение самого народа, который покорен неизвестно кем, какими силами, который идет на поводу неизвестно у кого.

Я не знаю, что получится из закона, который мы предлагаем принять в Думе. Я думаю, что спасение языка не совсем будет зависеть от этого закона. Но все равно не нужно от него отказываться. По крайней мере, закон этот должен разбудить спасительное чувство национального.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

Григорий КАЛЮЖНЫЙ

ТРЕТЬЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

*80 лет со дня рождения
В. В. Кожина
(5.07.1930–25.01.2001)*

Григорий Петрович Калужный — родился в 1947 году в г. Макеевка Донецкой области. В прошлом штурман гражданской авиации. Член СП России с 1985 года, автор шести поэтических сборников и книги прозы «Жизнь Георгия Федоровича Морозова». Лауреат нескольких литературных премий. Основал «Энциклопедию сёл и деревень», является директором одноименного издательства. Секретарь СП России. **Живет в Москве.**

Едва ли не все события перестро-
ечного периода в Крыму, и в частнос-
ти в Севастополе, остро переживались
мною, поскольку в нем проживала
моя болевшая и бедствовавшая из-
за мизерной пенсии мать. К тому же
во всякий мой приезд знавшие меня
севастопольцы с разных сторон одо-
левали вопросами: «Почему Москва
бросила на произвол судьбы Черно-
морский флот и его моряки, по сущест-
ву, голодают? Почему российские
СМИ либо замалчивают единоглас-
ное стремление севастопольцев (да
и абсолютного большинства жителей
Крыма) оставаться в составе России,
либо изображают борьбу за отделение
от нее?» И действительно, чуть ли не
на всех домах и каменных оградах
города виднелись крупные надписи:
«Крым — Россия!». Эти надписи из
года в год неизменно обновлялись,
однако ни украинское, ни россий-
ское телевидение ни под каким со-
усом их не показывало. Тогда-то
мною и было предложено, во-пер-
вых, послать представителей флота
в Новомосковский район Днепро-
петровской области за продовольст-
венной помощью: я окончил в Ново-
московске среднюю школу и был уве-
рен — колхозы района не откажут в
ней; во-вторых, ввести в подвластной
севастопольцам печати термин «Тре-
тья оборона Севастополя», дабы про-
бить хоть какую-то брешь в кольце
информационной блокады; в-третьих,
учредить регулярные встречи извест-
ных российских писателей с моряка-
ми. Так волею судьбы я стал орга-
низатором этих встреч. Участниками
первой встречи в феврале 1993 го-
да были такие известные писатели,
как Дмитрий Михайлович Балашов,
Михаил Яковлевич Лемешев, Ва-
лентин Васильевич Сорокин, Игорь
Ростиславович Шафаревич и др.
В начале мая того же года Севасто-
поль посетил правнук великого рус-

ского флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788–1851), старейший писатель Олег Васильевич Волков (1900–1996), в честь приезда которого севастопольцы тут же вернули площади Революции имя его прадеда. В следующую поездку я пригласил Вадима Валериановича Кожина и Владимира Николаевича Крупина. Оба они обладали основательными познаниями в области отечественной истории с древнейших времен и, что немаловажно, имели репутацию первоклассных полемистов.

*Вадим Кожин на берегу Черного моря, г. Херсонес, 1994 год**

Мы выехали из Москвы в Севастополь 6 мая 1994 года. Уже не помню почему, в одном купе с нами оказался поэт из Кисловодска Владимир Григорьевич Гнеушев, человек весьма информированный, но, как выяснилось, не в меру говорливый. Поэтому мы с Кожинным то и дело перемещались в тамбур, где он, выкуривая сигарету за сигаретой, посвящал меня в тайны истории советской эпохи. В частности, рассказывал о только что написанной им для журнала «Москва» статье об истинных наших потерях с 1918 по 1941 год. Оказалось, он помнил мои статьи, в том числе «Основы духовной навигации», опубликованную в 8-м номере того же журнала за 1989 год, где я рассматривал массовое сокращение якобы неперспективных сел и деревень как преступление, могущее привести к обезлюживанию страны, и приводил основанный на переписи 1897 года демографический прогноз Д. И. Менделеева, согласно которому при условии сохранения тенденции рождаемости народонаселение России к концу XX века должно было составлять 550–650 млн. человек. Конечно, этот прогноз предназначался для Империи в тогдашних ее границах. Но моей единственной на тот момент целью было засветить ситуацию, спровоцировать открытую дискуссию изнутри ради от-

*Фотографии Григория Калужного. Публикуются впервые.

вета на вопрос: «Если народам России так плохо жилось при царизме, то куда девалась раскрученная при нем рождаемость впоследствии?!»

Кожинов отвечал на этот адский вопрос конкретно, хотя и частично. По его расчетам, с 1918 по 1922 год погибло не менее 25 миллионов человек, что, по его же мнению, превышало наши людские потери за всю Великую Отечественную войну, хотя в Гражданскую войну не было сравнимых с ней сражений, как не было в ее пределах и такого громадного количества бойцов. Выходило, что у нас была не столько Гражданская война, сколько бойня мирного населения, то есть геноцид. Для его сокрытия и был придуман статус якобы самого большого за советский период террора 1937–1938 годов, когда, по словам Кожинова, было репрессировано около 400 000 человек, в основном тех, кто огнем и мечом создавал их же и поглотившее репрессивное государство. Попад под его жернова, они, кстати, и тащили за собой наветами действительно невинных людей, о чем досконально рассказал в своей автобиографической книге «Погружение во тьму» О. В. Волков, проведенный в тюрьмах, лагерях и ссылках едва ли не тридцать лет. Об этом же мне неоднократно приходилось слышать и от него самого. Был он полностью солидарен с Вадимом Валериановичем и в том, что Хрущев реабилитировал самых главных палачей нашего народа — Косиора, Тухачевского, Якира и др.

Не верить Волкову у меня не было никаких оснований, все-таки он, хотя и вынужденно, принимал участие в Гражданской войне: в конце зимы 1918 года в Торжке был освобожден как заложник из-под расстрела конным отрядом Кучина, следовавшим на юг к генералу Корнилову. Олег Васильевич лично знал Петра Николаевича Врангеля, Владимира Владимировича Набокова, друга семьи Волковых Александра Васильевича Колчака, жившего по соседству в Петербурге Анатолия Федоровича Кони, Василия Витальевича Шульгина и других деятелей переломного времени. А вот к Вадиму Валериановичу у меня были вопросы, и прежде всего: как он образовался? Передаю услышанное от него, по сути, дословно: «Я занимал пост уполномоченного Краснопресненского райкома комсомола. Мне было двадцать четыре года всего. Настроен был, прямо скажем, революционно. Только что кончилась сталинская эпоха. Наметились какие-то перемены. Меня стали посылать на разные острые участки. В самом начале 1956 года направили в общежитие строителей, приехавших в Москву отовсюду. Вхожу в полуразрушенное здание. Внутри на стенах жилых комнат сантиметровый слой снега, инея. Ко мне обращаются как к человеку, имеющему власть: «Да что ж такое?!» А я и сам потерял дар речи от увиденного. И вот представьте себе, в конце концов вскочил на какой-то там стул и начал кричать: «Почему терпите?! Вы, рабочие люди! Надо пойти в райком партии и потребовать человеческих условий». Тут один подходит ко мне и говорит: «Я пожилой человек. В свое время стал протестовать, так на Соловки закатали». Я его успокоил, мол, больше этого не будет. А через некоторое время узнаю, что это общежитие как бы взбунтовалось и вызвало к себе начальника своего стройтреста по фамилии Дурдуляк. Тогда же подумал: ну, Дурдуляке этому покажут! И действительно, о его голову разбили графин... Все кончилось для строителей плохо — арестами. А спустя год или два увидел на улице объявление со списком тех, кого следует выдвигать в депутаты Моссовета, и среди них фамилию этого Дурдуляка. С тех пор у меня живо ощущение того, что я выступил в общежитии строителей, правда, сам того не осознавая, в роли козла-провокатора, козла-предате-

*Вадим Кожин и Григорий Калужный
в Балаклавской бухте, 8 мая 1994 года*

ля». Видя мою невключенность, Вадим Валерианович объяснил, что это идущее от скотобойни выражение обозначает наигнуснейший вид предательства, когда «козел-provokator» вылезает вперед под видом вожака и ведет за собой своих ничего не подозревающих соплеменников на убой. Сам же в последнюю минуту уходит или его уводят в сторону для последующего привода обреченных. По категорическому убеждению Кожина, в пропасть перестройки завели нас именно «козлы-provokatory», которые, прикрываясь липовыми званиями и степенями, проникли чуть ли не во все жизненно важные сферы. Вообще тема новейших фальсификаций

и подлогов, как мне показалось, интересовала его особенно. Стоило мне к слову прочесть свое коротенькое стихотворение о ложных маяках, как тут же последовал вопрос. Я привел ему пример авиакатастрофы из предыдущих лет, в которой погиб глава небольшого африканского государства. Не сразу, но в конечном счете выяснилось: террористы установили у подножия горы передвижной ложный маяк, работающий на частоте реального посадочного маяка, только с большей мощностью. В результате экипаж начал преждевременное снижение, и самолет врезался в гору. Ложный маяк сразу же выключился и укатил в неизвестном направлении. Все стало выглядеть как несчастный по вине летчиков и неблагоприятной погоды случай. Это, так сказать, в чисто техническом плане. А в политико-идеологическом все обстоит гораздо хуже, ибо при помощи даже одного ложного маяка можно привести к гибели любой государственный лайнер, если его курсовая система жестко задействована на такой маяк. Вот сейчас всю страну нацеливают на тотальный бизнес, который якобы все сам и регулирует. И никто наверху не задумывается над тем, что бизнес — это замкнутое на самом себе чертовое колесо, могущее в любую минуту пойти вразнос...

«Как же не задумывается, если чуть ли не все козлы-реформаторы и бизнесмены уже обзавелись запасными фазендами за бугром», — съязвил Кожин. Было далеко за полночь, и следовало подумать хоть о каком-то частичном отдыхе, но Вадим Валерианович извлек очередную сигарету. Чувствовалось, что он чем-то если не отягощен, то озабочен. И вдруг: «А вы знаете, Григорий Петрович, я ведь терпеть не могу выступать на митингах, хотя приходилось: друзья по журналам, бывало, просто заставят прийти

в большое собрание. Предпочитаю беседу, лучше если с читателем, ибо он способен поразмыслить, способен трезво отнестись к тому, что я сказал. А когда я стою перед толпой в каком-то таком эмоциональном надрыве, что-то кричу — это совсем другое дело». И тут он стал чуть ли не скороговоркой объяснять, почему у него аллергия на митинги. Опять же вспомнил общежитие строителей, сослался на своего учителя Бахтина, тоже не питавшего любви к митинговости. И даже пересказал его «гениальные мысли» на этот счет. Вдруг Кожин как бы осекся и сменил, а точнее резко сбавил скорость своей речи: «Нет. Ну конечно, если это уж так необходимо, я готов выступить и на так называемых митингах. Ради Бога. Но только честно говорю — это не моя линия».

Тут я не удержался: «Вы что же, Вадим Валерианович, воображали, что я вас, как Ленина, везу в plombированном вагоне делать революцию?! Мы с вами едем не митинговать, а общаться... Севастопольцы ни в каких призывах не нуждаются. Они жаждут взаимосогласования с Москвой». Надо было видеть, как он просветлел, преобразился и говорил: «Теперь, когда вы сняли камень с моей души, я буду с удовольствием вести с ними речь об истории, которая по разным причинам фальсифицирована до безобразия. Именно поэтому у нас никто ничего не знает. Сам удивляюсь, но ведь уже 15 лет занимаюсь российской историей. Остальным — это так, между прочим. Главное — история России».

Не знаю, как спалось Вадиму Валериановичу остаток ночи под крылом его ничем не возмутимой супруги Елены Владимировны Ермиловой, они ехали в соседнем купе, а вот мне заснуть почти не удалось, потому как Гнеушев потерял какую-то очень важную для него рукопись и все время норовил искать ее у меня под матрасом. Крупину, спавшему богатырским сном на верхней полке, повезло больше.

К счастью, только рассвело, Кожин опять увлек меня в тамбур и сразу же: «Никого не буду призывать чему-то сопротивляться. Просто постараюсь объяснить две вещи: что такое взаимоотношения России и Украины, а они исконно и совершенно родственные; и во-вторых, что такое Севастополь. В частности, есть абсолютно ложное представление о том, что это двести лет назад выстроенная крепость. Ничего подобного. Для России история Севастополя уходит в 1200-летнюю глубину. Еще Святослав Игоревич спасал херсонесцев по их призыву о помощи от хазаров. Это достаточно известный факт. Существует так называемая записка греческого топарха...» Об этом и другом он вскоре с большим успехом будет рассказывать севастопольцам и в свою очередь придет в восхищение от глубины их восприятия.

Между тем нам открылся вид Сиваша. Тут я вспомнил одиссею О. В. Волкова, скакавшего где-то здесь в составе спешно сколоченной в Твери Красной кавалерийской части с письмом для Врангеля. Но Олег Васильевич опоздал и увидел только дымы уходящей в изгнание эскадры, в которой был и его дядя, адмирал Андрей Максимович Лазарев. Вспомнил я и его леденящие душу отрывочные склифовские рассказы (в октябре 1993) о чудовищных расправах победителей над остатками белой армии и многочисленными беженцами, искавшими спасения от большевиков в Крыму. Ввиду ненадежности коренных красноармейцев к этим расправам привлекались главным образом интернациональные отряды, состоявшие в том числе и из невест откуда взявшихся китайцев. Именно они расстреляли из пулемет-

*Вадим Кожинов у братской могилы,
где похоронен отец поэта Юрия Кузнецова*

тов ночью в Крымтайском саду под Симферополем около пяти тысяч гимназистов и кадетов — по существу мальчишек. Та же участь постигла и отфильтрованных чекистами студентов Таврического университета, среди которых были и знакомые Волкова еще по Петербургу. Местами особенно кровавых казней, с его слов, были: мыс Тарханхут, Евпатория, Херсонес, мыс Фиолент, Георгиевский монастырь, Байдарская долина, Форос, Керченский карьер и др. Словом, расстрелы и утопления осуществлялись фактически по всему периметру побережья Крымского полуострова вплоть до Новороссийска. Неудивительно, что и до Волкова я встречал на своем пути немало людей, которые независимо друг от друга воссоздавали картину крымской трагедии.

Говоря обо всем этом,

я стремился дополнительно по мере своих знаний вооружить Кожинова, ибо думал, что его расчеты людских потерь, особенно в период Гражданской войны, наверняка будут оспариваться приверженцами революционной романтики. Естественно, что наш разговор переключился на Волкова. Оказалось, что Вадим Валерианович встречался с ним еще в своей молодости. Он превосходно отзывался о нем, однако в его отношении к старейшему писателю ощущалась какая-то двойственность. С одной стороны, он говорил о нем как о царственной личности, а с другой — как о негибавшем антисоветчике. Может быть, поэтому и спросил, не радуется ли он развалу Советского Союза. Я ответил, что наоборот, известие об этом настолько потрясло Олега Васильевича, что он тут же выказал свою готовность снова провести в тюрьмах и лагерях сколько угодно времени, только бы это помогло восстановлению единства России. Как христианин, он всегда считал Сталина бичом Божьим и продолжал так считать. И вместе с этим признавал, что несмотря ни на что сталинские скрепы предохраняли страну от распада, помогая ей срастаться по кровотокающим разломам.

Не могу вспомнить, чтобы мой рассказ об отношении Волкова к распаду СССР впечатлил Кожинова. Однако в 1996 году, уже после смерти Олега

Васильевича, он позвонил мне с просьбой повторить его во всех подробностях. Потому как последовала просьба на публикацию этого свидетельства, я понял, что сделал это лучше, чем на пути к Севастополю. А путь этот, как я теперь задним числом понимаю, был наполнен такими смыслами и предчувствиями, которые возможны разве только у идущих на Голгофу людей. Начну с того, что в общении со мной Вадим Валерианович вел себя так, словно я принадлежал к весьма узкому кругу доверенных ему лиц, тогда как общались мы с ним столь тесно вообще впервые. Конечно, я знал его творчество (с 1976 г.), бывал на выступлениях, порой неформальных, домашних, где он кого-нибудь да пропагандировал, как, например, певца Николая Тюриня. Однако наши отношения

дальше взаимных приветствий не заходили. Может быть, еще и потому, что я принадлежал к окружению поэта Николая Константиновича Старшинова, кстати, совершенно открытому всем поэтическим направлениям, а Кожинков состоял с ним в конфликте из-за критических высказываний в адрес творчества его питомцев, что, по моему разумению, было хотя и неприятным, но еще в большей степени полезным явлением, поскольку способствовало мобилизации критикуемого к обоснованию своей позиции.

Так вот насчет голгофских смыслов и предчувствий. В какой-то момент нашего разговора о Волкове Вадим Валерианович вдруг протянул мне около пяти страниц ксерокопированных текстов: «Прочтите!» Я прочел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. о выделении г. Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр, а также Постановление Совета Министров РСФСР от того же числа. Последний параграф Постановления обязывал Госплан, Министерство финансов, другие министерства и ведомства РСФСР впредь выделять Севастополь в государственном плане и бюджете отдельной строкой. Таким образом, город становился самостоятельной, независимой от Крымской области административно-хозяйственной единицей республиканского подчи-

*Вадим Кожинков
возлагает цветы к братской могиле*

нения. Согласно Постановлениям Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. и Совета Министров РСФСР от 15 февраля того же года Севастополь в состав УССР не передавался ни по каким параграфам даже косвенно. Передавалась только Крымская область. «Ну и что вы об этом думаете?» — спросил Кожин, когда я вернул ему ксерокопии. О безусловной принадлежности Севастополя России я знал и ранее, с самого зарождения распрей из-за него. Однако юридических документов, подтверждающих это, мне видеть не доводилось. Их не печатали. Почему? Да потому что сразу бы стало ясно, что ельцинское правительство *в результате какой-то тайной от народа сделки просто передало севастопольцев без их согласия, как какое-то имущество*, Украине, которая оказалась не в состоянии осуществлять социальное обеспечение по всем статьям. Когда я сидел возле умирающей в Пироговской больнице Севастополя матери, то слышал, как заведующая отчитывала дежурившую ночью докторшу за то, что она приняла в стационар женщину с переломом позвоночника: «Как вы могли? Вы же знаете, что у нас даже йода нет в наличии!..» Тогда в больнице находились лишь те счастливики, кому родственники сами покупали все лекарства. А врачи и медсестры, продолжавшие работать по сути бесплатно, производили впечатление людей, живущих впроголодь. Я ответил Кожину, что вижу документы, на основании которых ельцинской власти с полным основанием можно предъявить обвинение в заговоре и предательстве интересов России. Что я мог ему еще сказать! Да он и не требовал большего. Я не знаю, видел ли кто унывающего Кожина, Кожина, впадающего в отчаяние, но в ту минуту у него был вид человека, только что вытащившего себя из пропасти. И вот в этом состоянии он сказал: «У меня есть предчувствие, что более антинародной власти, чем нынешняя, Россия еще не знала. Да, были жестокости, когда собирали страну, когда готовили народ к обороне. Но эти, наоборот, расчлениют ее, обирают до нитки...» Впрочем, это состояние длилось недолго. И вскоре он заговорил о своем заветном желании посетить могилу отца Юрия Поликарповича Кузнецова, погибшего при штурме Сапун-горы.

В Севастополь мы прибыли без Гнеушева. Как оказалось, он вышел в Симферополе.

В этот же день в Главном штабе Черноморского флота России состоялась наша встреча с офицерами и представителями городской общественности, включая прессу. Вадима Валериановича особенно интересовал национальный состав его потенциальных слушателей и, конечно же, характер неформальных взаимоотношений между ними. К немалому нашему удивлению, оказалось, что более половины матросов Российского Черноморского флота составляют призывники из украинских областей.

Говоря об этом, контр-адмирал Александр Александрович Пенкин подчеркнул: «Никаких распрей между матросами на национальном или бытовом уровне, несмотря на возникшие трудности, нет. Более того, нет их и на чисто народном уровне. Мы посылали делегацию подводников за продовольственной помощью в Новомосковский район Днепропетровской области. Мужики думали — там будет национализм. Ничего подобного. Семь дней, вместо запланированных нами двух, их принимали как национальных героев в школах, колхозах и совхозах. А расставаясь, плакали — не хотели отпускать. После этого рацион питания матросов значительно улучшился».

Заметно улучшилось и настроение Вадима Валериановича. В порыве вдохновения он даже выступил с небольшой лекцией. Привожу здесь выдержку из нее:

«Наша история страшно фальсифицирована. Все подается так, что вот было украинское государство, а Россия, мол, его завоевала. Это, конечно, чушь, ибо еще до XII века существовали две столицы Руси: Киев на юге и Ладога на севере, которые по своему значению до поры до времени были равноценны. Впоследствии, когда русское государство по-настоящему выросло, пограничное расположение двух столиц оказалось чем-то ненормальным и прежде всего с точки зрения внешних угроз. Вот почему Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха, основал в центральной части страны город Владимир, а по сути — второй Киев. И не только потому что он выбрал для него место, удивительно схожее с местом расположения Киева на Украине. Сегодня нужно учитывать: Клязьма в то время была даже полноводней Днепра. Но главное — в киевском духе им были построены три великолепных храма: Успенский, который стал прообразом московского, Дмитриевский и уже совершенно высшее проявление русского зодчества — храм Покрова на Нерли. Благодаря этому, там, а не здесь, на Украине, сохранились все русские летописи, рассказывающие о Киеве... И далее, если сравнить обе Софии — киевскую и новгородскую, — которые строились почти одновременно и были похожи, как сестры-близнецы, то окажется, что новгородская осталась из былинны, а киевскую Софию переделали в польскую. Почему так? Да потому что около четырех веков Украина была захвачена сначала литовцами, а затем поляками, но государством как таковым она никогда не была. Правда, с декабря 1917 по январь 1919 года она позиционировалась жовто-блакитной, но то был план расчленения России при помощи разного рода мифов о независимости».

В таком ключе и таком духе проходили выступления Кожина на кораблях и в частях Черноморского флота. Чаше всего встречи носили характер вопросов и ответов, не исключая и острейших, таких, например, как вопрос голодомора на Украине в самом начале 1930-х годов. Отвечая на него, Вадим Валерианович на конкретных цифрах и фактах показал, что это был не только украинский голодомор (геноцид), но что людские потери от него в России были не менее чудовищными, нежели на Украине.

Я уже сказал, что Кожин был одержим желанием посетить могилу героически погибшего при штурме Сапун-горы отца Юрия Поликарповича Кузнецова, о чем он не устал говорить при всяком удобном случае. И вот 8 мая, в сопровождении капитана I ранга Владимира Савельевича Тищенко, которого, вспомнив «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, все дружно прозвали Савельичем, — мы выехали в Балаклавский район на поиски могилы. То, что ее надо было еще разыскивать, несколько огорчило Кожина. Он из-за этого, можно сказать, даже раздражался: «Мне всегда думалось, что такого человека, как Поликарп Ефимович, должны здесь помнить. Ведь он же первым с отрядом своих разведчиков форсировал Сиваш и за это был представлен к званию Героя, но поскольку вскоре погиб, подорвался на mine, — звание не присвоили. Считали, зачем же мертвому давать?»

Это было сказано с такой горечью, что Савельич, чувствовавший себя ответственным за самочувствие гостей, незамедлительно и как бы в пику

верховным штабным бюрократам поддержал его: «Зато Бог дал ему сына — крупнейшего поэта России!»

Вадим Валерианович в тон ему сразу оживился: «Да, он же, кстати, написал замечательную поэму о гибели отца под названием “Четыреста”. Знаете? Очень сильная вещь. Такая былина, я бы сказал. Просто вот рассказал все об отце в ней». И вслед за этим стал читать свое любимое стихотворение Кузнецова «Возвращение»:

*Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли...*

После этих строк Савельич невольно воскликнул: «А что же мы тогда сейчас ищем?» Кожинов тут же устранил возникшее недоразумение. По его словам, Юрий Поликарпович с детства считал, что после подрыва на mine от его отца вообще ничего, кроме дыма, не осталось. О том же, что отцовская могила существует, он узнал гораздо позже, когда это стихотворение было не только написано, но и многократно напечатано.

Наши поиски несколько затянулись из-за того, что, как выяснилось, прах Поликарпа Ефимовича перенесли из села Шули, где он был первоначально захоронен, в сборное братское захоронение на возвышенности под названием Терновка. Там, на стеле, во главе длинного списка упокоенных воинов стояло имя подполковника П. Е. Кузнецова, погибшего 8 мая 1944 года. Таким образом, совершенно неожиданно для нас, наше посещение совпало с днем 50-летия с момента его гибели. Выглядело весьма юбилейно и ухоженное захоронение со свежими цветами. К ним прибавились и розы, привезенные Вадимом Валериановичем. В те минуты, когда он поклонился этой могиле, лицо его выражало неизъяснимое умиротворение и одновременно совершенное удовлетворение произошедшим. Несомненно, в нем было чрезвычайно развито чувство подлинного, истинно святого, и это чувство составляло существо его обыкновенно бурливой личности.

В этом смысле мне было непонятно, почему им не воспринимались стихи Николая Дмитриева (питомца и любимца Н. К. Старшинова), весьма сходные по содержанию с кузнецовскими стихами. Я попытался это выяснить тогда же в Терновке, благодаря тому, что заряженный на разговор о Кузнецове Вадим Валерианович сам подвел меня к этой теме. Его изумляла феноменальная способность Юрия Поликарповича преодолевать время, восторгало его умение выражать национальное и всечеловеческое в объеме истории от античности до наших дней. Он говорил о несравненном владении им многовековой образностью, однако огорчался тем, что у Кузнецова много подражателей, а последователей или равновеликих ему соратников нет.

Чувствуя, что Кожинов испытывает на мне свои мысли, я заговорил о стихотворении об отце иного поэта, в котором нет многовековой образности, нет никакого преодоления времени, но есть многовековое, если не сказать вечное, в человеческом измерении содержание, и прочел наизусть:

*Тихо кружится звездная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
«Разворачивай пушку, холера!» —
Это батька воюет во сне.*

*На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-российски ребят,
Он в последнюю сорокапятку
Досылает последний снаряд.*

*На полу мои ноги босые —
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг сегодня отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!*

Я обратил внимание Кожина на то, что в этом стихотворении с первой же строки как бы слышится музыка небесных сфер, сопровождавшая мировосприятие древних греков и римлян. Отметил и безупречное его исполнение, в результате которого в пределах всего лишь трехстрочного объема осуществлено сочетание эпического, лирического и драматического, причем настолько естественно и ненавязчиво, что сразу и не осознаешь этого. В этом стихотворении едва ли не идеально соблюдено чувство меры, которое в конечном счете определяло степень поэтического совершенства у античных поэтов.

Оказалось, что Вадим Валерианович знал это стихотворение, однако относил его к разряду тематических. Действительно, с этой, то есть атеистической точки зрения, восприятие стихотворения исчерпывается чисто техническим сюжетом: бывшему фронтовику, отцу автора, снится бой, в котором осталась одна пушка и один последний снаряд. Сын хотел бы попасть в этот сон, чтобы помочь отцу вернуться из него живым — и все! К этому можно прибавить только то, что Коля Дмитриев — любящий сын и хороший мальчик. Но в христианском восприятии, независимо от объема времени, этот же сюжет обретает извечный смысл единства отца и сына, созвучный библейскому смыслу. Но и это еще не все. Совершенно неожиданные достаточно глубокие смыслы выявляются в стихотворении Н. Дмитриева при сопоставлении описываемого в нем сна с довольно древним представлением о том, что большинство живущих на земле не более, чем призраки, что многие смертные видят противоестественные сны, ибо и живут как во сне. То, что противоестественная действительность может рождать в человеке ощущение своей призрачности, мы с Кожинным убедились, видя плачевное состояние брошенного на произвол судьбы Черноморского флота, оказавшегося как бы ненужным своему правительству, своей стране. Особенно нас потрясло потустороннее безмолвие полуразграбленной, беспризорной базы подводных лодок в Балаклавской бухте. Мы понимали, что наша Родина, защищая которую, погибли миллионы и миллионы солдат, рушится, а поделаться с этим ничего не могли, поскольку и противника как бы не было, и верховная власть словно околела, глядяuchi стеклянными глазами на то, как вчера еще единый российский народ под ее руководством оказался лишним в собственной стране. Ощущение того, что ею правит чужая голова, было всеобщим и повсеместным.

В этой атмосфере неподвластного нам распада описываемый Дмитриевым сон его отца необъяснимым образом вызывал ощущение эпико-драматического пространства, охватывающего дотоле недостижимые глубины человеческого бытия. Вместе с этим поражало отнюдь не то, что этот сон был явным продолжением фронтовой жизни уцелевшего на войне солдата, изумляло, что он был *естественным в противоестественном контексте*

*У подводной лодки: В. Н. Крупин, В. В. Кожин
и моряки Черноморского флота*

истории XX века, с его громадными человеческими и нравственными потерями. Следует оговориться — речь идет не о каком-то исключительном случае: сны многомиллионной армии фронтовиков послевоенного времени были всегда и всюду одинаковыми — солдаты и в своих снах продолжали защищать свое Отечество, как дар Божий, что, несмотря на тотальную атеистическую идеологию, повсеместно осознавалось. Вот почему, как правило, фронтовики никаким чувством вины не страдали и ни в какой психологической реабилитации не нуждались. И поэтому же их военные сны были не только естественными, но и праведными. Тогда в Крыму мы с Кожинным завидовали этим снам.

И все же, после всего сказанного мною, Вадиму Валериановичу не доставало какого-то решающего аргумента в отношении сопоставимости стихотворений Дмитриева и Кузнецова. А он, этот аргумент, лежал на поверхности. Дело в том, что кузнецовское стихотворение есть ничто иное, как выстраданный сон сына о возвращении отца с войны. И этот сон тоже праведный и тоже типичный. В послевоенной стране миллионам сирот снились их погибшие отцы, возвращающиеся домой. Немаловажно и то, что оба поэта написали свои стихи независимо друг от друга фактически одновременно — в 1974 году. Некоторое время спустя уже в Москве Вадим Валерианович сказал мне, что внимательно перечитал стихи Дмитриева и теперь считает его лучшим поэтом окружения Николая Старшинова. «Почему бы вам сегодня не написать о нем?» — спросил я. Он ответил, что с головой погрузился в историю России и напрочь отошел от поэзии. Однако буквально через полчаса после этого заявления он сам заговорил о стихах, но об этом уже следует вести речь отдельно.

Конечно, рассказать здесь в полном объеме о пребывании Кожина в Севастополе просто невозможно, поскольку непрерывный интерес к нему севастопольцев, среди которых были значительные, теперь уже несомненно исторические личности, выявил в нем человека, включенного в самые разнообразные сферы нашей действительности. Поэтому, упомяну еще только об одном застольном вечере, проходившем в Байдарской долине на охотстанции у села Родникового. Организовал его председатель Военно-охотничьего общества Черноморского флота капитан 2-го ранга Игорь Владимирович Маркевич, кстати, весьма крупный морской писатель и драматург. К примеру, его пьеса «Смех и слезы Херсонеса» многие годы ставилась на исторических развалинах силами артистов севастопольского драмтеатра им. Б. А. Лавренева, а лирико-драматическая комедия «На флоте бабочек не ловят» выдержала в этом же театре около пятисот постановок.

На вечере присутствовали сотрудники газет «Флаг Родины» и «Слава Севастополя», руководители общественных движений и среди них председатель севастопольского совета ветеранов войны, фронтовик, писатель, переживший за русскую позицию несколько покушений на свою жизнь, Александр Георгиевич Круглов. И конечно же, украшением вечера были офицеры, которые под командованием адмирала Игоря Владимировича Касатонova и вице-адмирала Виталия Петровича Ларионова по сути спасли, причем самоуправно, Черноморский флот для России. Скажу больше. Этим они спасли, во взаимодействии с другими флотами, и саму Россию от дальнейшего ее распада, ведь Ельцин, обращаясь к бывшим советским республикам, открыто призывал: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!» В прессе этот президентский клич подавался как дарование вождельных свобод. Но в действительности это был прямой призыв к разрушению российской цивилизации. Не все это понимали. Но моряки поняли и не поддались никаким посулам. Они не стали бунтовать, не стали протестовать, однако их молчание было красноречивей любого протеста, ибо залп только одного ракетного крейсера был равен ракетному залпу всего Одесского округа. О своей нешуточной решимости они уже заявили однажды, когда в ответ на попытку каких-то руховских экстремистов высадиться со стороны моря в районе мыса Тарханхут открыли предупредительный огонь из орудий легкого калибра и тем самым обратили в бегство их массовый лодочный десант. Во всяком случае, Ельцин не решился ни разоружать стоявший на границе с Турцией флот, ни сокращать его. Он лишь свел его финансирование до такого минимума, при котором ему невозможно было выжить.

На Кожина, до этого уже взглянувшего на мир через перископ подводной лодки, произвело сильнейшее впечатление единодушное понимание окружающими своей исторической миссии. «Севастополь не просто святой город, — сказал в своей речи адмирал Виталий Петрович Ларионов, — он является общенациональной святыней. Особенно это чувствуется сегодня, когда к нам на празднование 50-летия его освобождения от немецко-фашистских захватчиков приехали полномочные представители *всех флотов России* и ветераны Великой Отечественной войны *из всех республик бывшего СССР*». Адмирал выразил всеобщее мнение офицеров: проблема Черноморского флота — это проблема славянства, его неизменного единства. И это была не казенная декларация. «Мы не политики — мы военные, и флот мы не сдадим», — говорили нам на предыдущих встречах не только

офицеры, но и матросы, и просили только, чтобы на всех уровнях звучал писательский голос в защиту Севастополя. Они не знали, что ельцинская власть в первую очередь отсекала национально мыслящих писателей фактически от всех средств массовой информации, упразднив при этом единую систему распространения по стране книг и журналов. Те же, буквально несколько изданий в Москве, которые их печатали, выходили мизерным тиражом.

Несколько неожиданным, говоря словами Кожина, было «явление Круглова», выступившего как бы в развитие речи адмирала: «Вы, Виталий Петрович, сказали, что проблема Черноморского флота никак не улаживается, и наши верховные руководители не хотят употребить власть или ее не имеют. И тут вы обозначили самое главное — их надо заставить думать о нашей проблеме или даже поставить в такое положение, из которого они не найдут никакого иного выхода, кроме как решить нашу черноморскую проблему положительно. Многих сейчас удивляет, что я в своем возрасте дал согласие баллотироваться в мэры города в противовес другим, даже весьма уважаемым кандидатам. Почему? Да потому, что я не верю, что они пойдут на те шаги, на которые пойду я. А я пойду на них осознанно, потому как знаю, какая мощная, безупречная правовая база есть у Севастополя, с его российским статусом». Флотские офицеры сдержанно отнеслись к заявлению пылкого сухопутного артиллериста, а вот Вадима Валериановича упоминание о мощной правовой базе явно порадовало. Однако в своей речи он стал говорить не о ней, а о том, как полтора года назад его пригласили участвовать в российско-американской конференции, посвященной национальным интересам России. Изучив список ее участников с российской стороны, он обнаружил себя в чуждом и даже враждебном ему окружении. Там были, по его словам, Андрей Владимирович Козырев (министр иностранных дел РФ с октября 1990 по январь 1996 г.), Арбатовы, отец и сын, тогдашний посол США в России и др. «Далее, — рассказывал Вадим Валерианович, — мне звонит мидовский чиновник: “Ну как, вы будете участвовать?” А я ему: “Вы знаете, я очень удивлен, вы меня включили в такой состав...” Он говорит: “Мы вас не включали”. — “А как?” — “Это американцы определяли, кто будет участвовать от России”. Тут я даже на некоторое время онемел от ужаса — до чего же мы дожили, если американцы определяют, кто от России будет выступать по вопросу ее национальных интересов!»

То, что американцы включили именно его в столь однозную компанию, Кожина не смущало, поскольку с 1958 года он был ярким антикоммунистом и дружил со многими антисоветчиками, такими как Александр Зиновьев и Андрей Синявский. Видимо, в Штатах об этом знали и решили, что он подходящая кандидатура. Однако тамошние сведения сильно устарели. По настоянию Кожина участниками конференции все-таки стали четыре человека из его круга. Саму конференцию он описывать не стал, сказав только, что это было «совершенно потрясающее зрелище». Зато поведал о своем выступлении, в котором заявил, что из пятидесяти участников конференции с российской стороны всего лишь двое никогда коммунистами не были — он и председатель кадетской партии Астафьев, остальные еще вчера ходили с партийными билетами. Этим заявлением он вверх американскую аудиторию в легкое замешательство.

Кто-то из присутствовавших на вечере, кажется, Савельич, спросил, а почему он стал ярким антикоммунистом. Кожин ответил, что это слу-

В. В. Кожин у перископа подводной лодки, рядом В. Н. Крупин

чилось под влиянием свидетельств тогда еще многочисленных очевидцев о репрессиях, осуществлявшихся главным образом в период Гражданской войны, которые в количественном измерении значительно превосходили сталинские. Только с 1918 по 1922 год погибло, не считая вынужденно эмигрировавших за рубеж, не менее 25 миллионов человек. Если учесть, что население страны в 1917 году составляло 147 миллионов, то это гораздо больше, чем погибло во время Великой Отечественной войны, потому как числовая доля граждан была больше, то есть погиб каждый шестой человек в стране. Об этом умалчивали и умалчивают. Зато образы кровавых палачей нашего народа чуть ли не восхваляют. К примеру, Троцкого, страдавшего манией мирового пожара, а по сути подобно Гитлеру мечтавшего о всесветной власти, телевидение выставляет эдаким безобидным романтиком революции и едва ли не сентиментальным ее поэтом, поэтому, мол, он и проиграл борьбу за власть. Но такая подача в реальности палача Троцкого тянет как минимум на соучастие в его намерениях. По мнению Кожинова, Сталину в преддверии войны нужны были знавшие свое дело хозяйственники, а не амбициозные, с палаческим опытом руководители, продолжавшие жить Гражданской войной. Поэтому он и уничтожил их, заменив провинциальными, тяготевшими к государственной службе людьми. Ведь что бы ни говорили о том же Тухачевском, никаких военных талантов, кроме жесточайшего подавления крестьянских восстаний, он не проявил. Зато все настоящие боевые сражения он проиграл, и особенно позорное в Польше.

Закончив с ответом о причине своей антикоммунистической позиции, Вадим Валерианович некоторое время пребывал в молчании, как бы давая окружающим возможность осмыслить им сказанное, и вдруг продолжил в

духе того, что вот говорят, большевики предложили программу преобразования России, которая из-за своей утопичности потерпела крах. «Я же думаю, что в сравнении с нею гайдаровская программа реформ — не просто утопия, но блеф чистой воды. Нам предлагают, вернее, навязывают, рыночную экономику, при которой существование каждого предприятия целиком и полностью определяется прибыльностью. Но эта прибыльность в большинстве случаев продиктует совершенно новое расположение производственных хозяйств. Например, все, что будет находиться в аграрной отрасли севернее на 300—500 километров от широты Кубани, окажется убыточным по причине более суровых климатических условий. Кто в этом сомневается, может изучить рыночный опыт Канады, имеющей сходную с нашей протяженность с юга на север в 3000 километров.

Таким образом, упование на прибыльность приведет к обезлюживанию и без того малолюдных территорий страны из-за сворачивания неприбыльных хозяйств и производств, кстати, создававшихся по принципу государственной и народной необходимости. Одним словом, для перехода к рыночной экономике нам понадобится полностью перестроить все наше хозяйство. Во что это выльется?»

Тут Вадим Валерианович обвел своих слушателей долгим испытующим взглядом и продолжил: «Я думаю, вам известно, об этом наши газеты прокричали и телевидение неоднократно с восторгом сообщало, что западно-германское правительство ежегодно вкладывает в Восточную Германию сто миллиардов марок для построения в ней капитализма. Поскольку в бывшей ГДР в десять раз меньше населения, нежели у нас в Российской Федерации, следовательно, нам для такой же цели необходимо ежегодно выделять не менее одного триллиона марок, что абсолютно невыполнимо ввиду отсутствия таких денег, то есть программа рыночной экономики совершенно не способна быть реализованной в наших российских условиях. Ко всему этому, нужно учитывать, что даже кратковременная попытка ее реализовать вызовет, прежде всего у властных чиновников, колоссальный соблазн извлекать прибыли путем спекулятивных и разного рода мошеннических комбинаций. В результате страна окажется в таких дебрях коррупции, из которых ее смогут вывести только самые крайние меры».

Кожинков обратил внимание на то, что так называемые «новые русские», даже близко не создав ничего нового в технике, науке и других областях, тем не менее с маниакальной настойчивостью хотят пользоваться самыми совершенными, самыми роскошными достижениями современной цивилизации. По его мысли, если бы Господь распределял людям эти достижения по их заслугам и значению, то такие деятели, как Авен, Гайдар и Чубайс сразу бы оказались в лучшем случае в сталинских «эмках».

«Вы можете, конечно, рассмеяться или даже сказать, что я говорю чепуху, — упреждал он возможную реакцию своих слушателей, — но я ответственно заявляю, что такие люди, как Гайдар, в экономическом смысле воспитаны не более, чем на 4-й главе Краткого курса истории ВКПб, сочиненной И. В. Сталиным. Чем это выявляется? Прежде всего тем, что эти люди абсолютно и категорически убеждены, что лишь путем изменения производственных отношений все будет достигнуто. Вот надо только их изменить, и у нас будет полное изобилие. Это крайне примитивная, говоря научным языком, — редукционистская точка зрения, которая все сложнейшее развитие

человеческого общества сводит к одной стороне. В данном случае все сводится к изменению исключительно производственных отношений, где будут доминировать капиталисты и бизнесмены с посткоммунистическим оскалом».

Кожинов утверждал, что под маской «новых русских» скрываются модернизированные большевики, и доказательство тому — окружающая нас действительность, стремящаяся к рыночному «ГУЛАГу», где полноценно и безопасно могут питаться, лечиться, учиться и пр. лишь дельцы и спекулятивные бизнесмены, где сельское население заблокировано и не может даже по себестоимости реализовать выращенный своим трудом урожай, а горожане давно потеряли уверенность в том, что завтра не окажутся на улице в результате риэлторских квартирных махинаций. Закончил Кожинов свою речь ироническим прогнозом, что, мол, кто-нибудь из присутствующих доживет до времени, когда Гайдара будут по тому же телевидению позиционировать как незабвенного страдальца и неисправимого романтика перестройки, который якобы страстно желал российскому народу блага, а тот его не понял — стал страшно пить и бомжатничать.

Были вопросы. Женский: «Неужели действительно все так безнадежно?» — «Дело даже хуже, чем вы можете себе представить, — отвечал Вадим Валерианович. — Простите, что не могу вас утешить. Вынужден сказать, что все имеющееся у вас в Крыму, включая и это очень милое охотничье хозяйство, все это не годится с точки зрения прибыли, если его перевести на чисто рыночные отношения». Игорь Маркевич дополнил, что, по его сведениям, ни одно охотничье хозяйство в мире не является сегодня прибыльным. Александр Георгиевич Круглов спросил: «Не получается ли из всего сказанного, что мы вернемся к государственной плановой экономике?» — «Совершенно верно, — ответил Кожинов, — другого выхода у нас нет. Более того, весь мир сегодня в каком-то смысле к этому идет. Но это уже очень сложная проблема, прочно связанная с экологией».

Когда же Кожинова спросили о его отношении к отъединению Белоруссии и Украины от России, он ответил в том смысле, что независимость пройдет, а кровное родство останется: либо мы вернемся на путь действительно единого русского государства, либо погибнем порознь. Об этом говорит не только наша общая история, но и окружающая нас агрессивная реальность. В связи с этим в своем интервью севастопольскому радио он сказал: «Ясно вижу, что российское, московское телевидение не совсем верно характеризует обстановку в Севастополе и старается доказать, что здесь накалены отношения, что город готов взорваться. Но я сразу ощутил спокойную силу флота и спокойную силу севастопольцев».

Город русской славы и его жители произвели на Кожинова неизгладимое впечатление. Оно выражено в следующем признании: «Я увидел в Севастополе место той Отчизны, ради которой стоит жить. Я почувствовал здесь Родину более, чем в Москве, в которой родился и прожил всю жизнь».

Это признание разделила с ним и весьма существенно дополнила и объяснила в своей речи на вечере в охотстанции Елена Владимировна Ермилова. Она сказала: «В Севастополе меня пленила не только красота морской формы, но в целом совершенно удивительное благородство и обаяние ее носителей, то, что нельзя выразить и ни с чем сравнить нельзя. И вместе с этим я испытываю ощущение того, что российский Черноморский флот — это последняя опора, последний пример человеческой и воинской

стойкости в нашей стране. Говорю так потому, что не уверена, есть ли в других флотах такая глубина, такое спокойное сопротивление и самостояние». В этом месте раздался голос: «И на других флотах то же самое!» Елена Владимировна продолжала: «Слава Богу, слава Богу, если так. Тем более я счастлива, что здесь побывала, что я это увидела, потому что мне в Москве казалось, честно вам скажу, что все кончено, что нет уже той силы, которая способна остановить беспредел расчеловечивания. Может быть, вам это не совсем понятно, но мы в столице заложники этого беспредела и находимся как бы в эпицентре какого-то помешательства. Нелегко говорить, но для понимания истинного положения необходимо сказать, что Москва сегодня — это страшная клоака, потому что в ее интерпретации через прессу, телевидение все, даже то, что само по себе глубоко и прекрасно в России, превращается в какую-то низменную пошлость и надругательство над людьми и над страной».

Владимир Николаевич Крупин выразил свою солидарность с этой весьма неожиданной, но совершенно необходимой речью Елены Владимировны, поскольку она внесла ясность о происходящем в Москве, от которой в конечном счете зависела судьба Черноморского флота.

На обратном пути в столицу настроение Вадима Валериановича было достаточно приподнятым. Он охотно говорил, анализировал свои выступления, находил в них даже комические моменты. Например, когда севастьяпольские журналистки пытались с ним полемизировать по поводу стихов Ю. П. Кузнецова и особенно из-за строки «Я пил из черепа отца...» Тут он весело засмеялся, причем над собой, то есть над тем, как он пытался вырваться из их полемических тисков, а это ему не удавалось. Вырывался он потому, что его позиция по отношению к этой строке была со всех сторон уязвимой против выставленных ими аргументов. Смеялся и говорил: «Вот бы их свести с Юрием Поликарповичем». Оказалось, у Кожинова с Кузнецовым был спор об этой строке. Скорее всего, поэт от нее не отказался потому, что она цепляла, сталкивала мнения, а значит, и обеспечивала постоянное внимание к автору. Но я, конечно, могу и ошибаться. Однако, как говорится, нельзя объять необъятного и тем более нельзя рассказать бесконечного.

28 мая того же года Вадим Валерианович пригласил меня к себе домой, как он сказал, «для делового предложения». Я занимался изучением и описанием сел и деревень Московского региона, а Кожинов считал эту тему важнейшей и потому предложил мне по возможности живо и доказательно рассказать о ней в статье для недавно основанного в Москве красочного журнала «Русская провинция». Но с аналогичным названием, только в гораздо более скромном оформлении, в Твери уже выходил журнал. Его главным редактором был тогда (не знаю, выходит ли он теперь) Михаил Григорьевич Петров, крепкий писатель и большой подвижник. Мы друг друга знали, и мне ничем даже косвенно не хотелось его огорчить. Поэтому я спустил кожиновское предложение на тормозах, сославшись на занятость, что на самом деле было правдой.

В дальнейшем еще были беседы, но я хочу закончить эти воспоминания последней встречей. Она состоялась в январе 2001 года, недели за две до его неожиданной кончины. На этот раз Вадим Валерианович решил познакомиться меня с песнями в исполнении Александра Николаевича Васина-Мака-

*В. В. КожинOV выступает на творческом вечере в честь 90-летия писателя
О. В. Волкова. ИМРЛИ, 1990 год*

рова, которого, как я почувствовал, он очень любил. Познакомить с тем, чтобы я каким-то образом помог устроить его концерты в сельских районах Московской области. Для начала он даже был готов, если это понадобится, участвовать в этих концертах в качестве комментатора или разъяснителя русского песенного жанра.

Эта его идея требовала предварительной проработки. Я сказал ему об этом, и он переключился на разговор о Людмиле Викторовне Гладковой, на которую возлагал большие надежды как на переводчицу французских текстов Ф. И. Тютчева, многие из которых оставались еще недоступными. Тютчевская тема, судя по его планам, не отпускала его. Поэтому он радовался, что нашел в ней филологически одаренного соратника. И действительно, в предисловии к подготовленной им книге «Ф. Тютчев. Полное собрание сочинений» (М.: Вече, 2000) он писал: «Нельзя не сказать и о том, что написанные по-французски статьи поэта публиковались до сих пор в не соответствующих, не адекватных тютчевскому языку и стилю, а также в определенной степени неточных и неполных переводах. Представленные в этой книге новые переводы, осуществленные Л. В. Гладковой, значительно более точны и удачны».

Вадим Валерианович называл себя полемическим человеком, но в гораздо большей степени он был человеком всеобщего дела, человеком, обладающим навигационным умом и чувством немедленной ответственности за судьбу Отечества. Задолго до всяких комиссий по противодействию искажениям истории он занимался обезвреживанием заложенных в нее в разные времена мин, которые, как оказалось, способны разъединять целые даже кровно родственные народы.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

*Есть в небе немолчная флейта.
Ей вторит на брэнной земле
Плюющее сердце поэта.*

Виктор Иванов

Евгений ЛУКИН НЕМОЛЧНАЯ ФЛЕЙТА

*О поэзии
Виктора Иванова*

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Виктор Иванов родился в 1945 году. Имя Виктор означает Победа. Но для семьи Ивановых рождение сына было не простым семейным счастьем. В самом начале войны прямым попаданием снаряда были убиты их пятеро детей, спрятавшихся во время артобстрела в окопе, вырытом около дома в Лигово — предместье Ленинграда. А вскоре здесь оказались немцы, и несчастных родителей, едва успевших оплакать погибших, погнали в эстонский концлагерь. Позднее семью переместили в Финляндию, поскольку жена была финкой. В конце войны финские власти выслали Ивановых обратно в Советскую Россию. Скитальцев тут же отправили под конвоем на спецпоселение — в деревню Сидорково Ярославской области. Там и родился долгожданный ребенок. В память об одном из сыновей родители назвали новорожденного Виктором. Это была их личная победа над всеми превратностями судьбы. «Я теперь живу за двоих», — говорит поэт.

Понятно, что такое необыкновенное рождение предполагает в дальнейшем исключительную судьбу. Но поначалу жизненный путь Виктора Иванова мало чем отличался от других: школа, армейская служба, философский факультет Ленинградского университета, аспирантура. Так со временем и получился бы из него заурядный доцент, заунывно талдычащий студентам основы марксизма-ленинизма. Но в 1977 году, накануне своего 33-летия, Виктор Иванов совершает, казалось бы, безумный шаг — уходит из аспирантуры и становится плотником. Конечно, подобный поступок мог быть продиктован только высшими силами. Ведь в его

биографии теперь возникают новые — библейские — мотивы: пророческий возраст Иисуса и строительная профессия Иосифа. Впрочем, об этом событии он сообщает кратко и буднично, словно и не совершал ничего необычного: «бросил аспирантуру и надел крестик».

Воистину Виктор Иванов обратился к высоким духовным исканиям. Его заинтересовали восточные религиозные течения — дзэн-буддизм и даосизм. Одновременно увлекся удивительной культурой Востока, в первую очередь классической японской и китайской поэзией. Стал писать трехстишия — оригинальный вариант японских хайку, придав им русский национальный колорит. Отныне его жизненный путь и путь духовный органично соединились, устремившись к единой цели.

* * *

Как известно, подлинная поэзия несет в себе нескончаемую апофатическую глубину. По словам немецкого философа Фридриха Шеллинга, «поэзия есть бесконечное в конечном». Здесь восточная и западная традиции неизменно совпадают, отражая единую сущность предмета, который всегда таинственен, всегда изменчив, всегда насыщен «отзвуком торжествующих созвучий» (Владимир Соловьев).

В своем трактате «О трехстишии в свете традиции» Виктор Иванов отмечает, что трехстишие, которое он сотворяет, только «приподнимает завесу с предмета, слегка просвечивает его «божественный мрак», его неизреченную тайну». Согласно учению св. Дионисия Ареопагита, «божественный мрак» является главным атрибутом Бога, и поэт отнюдь не случайно использует данную дефиницию для обозначения собственных поэтических исканий.

Определяя трехстишие как асимметрию, как «неправильное» и «неустойчивое» стихотворение, как выражение самого движения, Виктор Иванов сравнивает его сотворение с «озаренным сознанием», которое стремительно входит «в однобытие с миром». В такой трактовке творческого состояния есть нечто, приближающее поэта к практике молитвенной аскетики, известной как «умное делание».

Эта особая духовная практика, начатая еще синайскими отцами-пустынниками (IV век от Р. Х.), совершалась через молитвенный подвиг, прежде всего через непрестанную Иисусову молитву. С ее помощью достигалась «исихия» (мир, безмолвие, покой), этимологическим аналогом которой является буддистская «нирвана». Так первоначальное увлечение даосизмом и дзэн-буддизмом в конце концов привело Виктора Иванова к осознанию собственных православных корней — к византийскому исихазму.

Это коснулось не только мировоззренческих установок поэта в целом, но и непосредственно его поэтического творчества. Именно в краткой Иисусовой молитве он увидел основу для русского классического трехстишия, расположив ее следующим образом:

*Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий,
Помилуй мя, грешного.*

«Трехстрочная молитва проговаривается так же, как и трехстишие: три ровных вдоха-выдоха», — заключает Виктор Иванов. Он, конечно, прав,

ибо психосоматическая техника была необходимым условием молитвенного подвига, направленного на успешное достижение «исихии». При этом поэт не забывает об аллитерационной и ассонансной инструментровке стиха:

*Ноша — небеса в очах.
Славно по Руси пешком
Стежкой предков странничать...*

Здесь первая строка традиционно рифмуется с третьей (*очах — странничать*), где полуударная рифма ослаблена и едва обозначена. В то же время начало первой строки и окончание второй скреплены диагональным созвучием (*ноша — пешком*). Такая утонченная инструментровка была характерна, например, для скальдического стихосложения, которое оказало огромное влияние на древнюю русскую поэзию, в частности на «Слово о полку Игореве».

В общем, Виктор Иванов научился использовать все благозвучие природной русской речи, способной отразить высокую духовную сущность каждого стихотворения. В свое время на это обратил внимание замечательный литературовед Адольф Урбан, который, рекомендуя к печати рукопись поэта, отметил «ее чистое, просветленное, нравственное начало, глубоко человеческое, порой хрупкое, как многое в природе, но неизменно направленное в сторону добра, любви, духовного совершенства». А когда книга «Талая земля» вышла в свет (1990), академик Александр Панченко указал на ее уникальную неповторимость: «В двадцатом веке было много поэтических поисков, но Виктору Иванову удалось создать нечто принципиально новое в каноническом жанре поэзии».

* * *

Это признание, высказанное серьезными учеными мужами, не смутило Виктора Иванова — он не стал почивать на лаврах. Поэт продолжил свой путь, предначертанный свыше. Он поселился в сельской местности и срубил собственными руками дом на кордоне. С радостью занялся привычным сельским трудом — стал возделывать землю, собирать дары лесов и болот. Он и поныне ведет затворнический образ жизни, читая аскетическую литературу — труды христианских мистиков от св. Дионисия Ареопагита до св. Григория Паламы. И конечно же, пишет трехстишия, которые не писать не может — подобно немолчной флейте, которая не может не петь. А недавно поэт собрал свои стихотворения в одну полноценную книгу — книгу его жизни.

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

«СЛУЖИТЬ ЗЕМЛЕ СВОЕЙ»

*О петербургском
живописце
Владимире Смирнове*

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Петербурга, родилась в Ленинграде. Поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения.

Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Творческое стремление, наполняющее душу художника в минуты вдохновения, в часы созидательного труда, не имеет точного выражения, наверное, потому, что это очень сложное, совокупное многих признаков и причин духовное явление глубоко индивидуально. Но гениальный Гоголь собственным творческим опытом все-таки нашел обобщенную причинную формулировку, когда сказал: «Я примирился с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также **служить земле своей**»¹, которой он от рождения жаждал служить и трагически трудно до последнего вздоха служил своим талантом.

Глядя на проникновенные, тонкие пейзажи петербургского художника Владимира Смирнова, воспевающего русскую землю, свой родной Петербург, его окрестности, можно согласиться с определением Гоголя, но трудно представить, что это, на первый взгляд, легкое, поэтичное живописное служение требует изнуряющего усердия и упорства, так ясны, понятны, воздухоносны картины известного нашего современника. И только его рабочая палитра, на которой множество чистых природных цветов и новых сложных оттенков расположены в неожиданном соседстве, в мучительном, проникновенно дополняющем беспорядке, напоминающая поле битвы, свидетельствует о сложнейшем творческом напряжении и художественном поиске мастера, обладающего авторским почерком и узнаваемой живописной гармонией. Еще точнее можно сделать заключение об особенностях творчества Владимира Смирнова, взглянув на коробку с пастелью, излюбленным художественным его сред-

¹ Н. Гоголь. Духовная проза. — М., 1992. — С. 312.

Художник Владимир Смирнов

ством. В ней обращают на себя внимание с одинаковыми углами наклона рабочей поверхности чаще всего используемые мелки белых, небесно-голубых, тепло-золотых цветов и до крупинки раскрошенные черные карандаши. По выбору цветов, по подбору оттенков, даже по характеру нажима на инструмент можно представить, что художник особенно любит и умеет писать.

Выпускник Ленинградского художественного училища им. В. А. Серова 1972 года, Владимир Смирнов свой жизненный путь связал с городом на Неве. Сегодня он признанный, известный мастер, произведения которого находятся во многих частных коллекциях, мастер разносторонний, многоплановый. Его привлекает художественный эксперимент, он пробует себя в различных стилях и направлениях, о чем свидетельствуют картины в его мастерской, среди которых портреты, классические копии, натюрморты, пейзажи, выполненные в технике пастели, акварели, масляной живописи. Очевидно, мастера привлекает различная техника письма. Мاستихином он пишет авангардные работы за один прием, делая акценты на объеме и цвете. Его пастельные работы отличаются уверенной твердостью, эластичностью штриха, яркостью композиции, мягкостью растушевки. Над реалистическими картинами работает он долго, кропотливо, тонко, изящно, прозрачными лессировками создает произведения в классической живописной традиции. Очевидно, что более всего близки художнику пейзажи, в которых полнее раскрываются грани его таланта, сущность его мировоззрения, в основе которого нескрываемое стремление «служить земле своей». И это служение тождественно ее постижению и прославлению.

Наиболее полно свои наблюдения художник, кажется, может выразить в пастельной технике, требующей прикосновения к бумаге не только мелка, но и пальцев, и ладони для тщательности растушевки. Такое физическое

взаимодействие, кажется, позволяет художнику полнее изливать свои чувства и образы, вызревающие в наполненной красотой его душе. Хотя нельзя сказать, что это просто красивая живопись. Несмотря на то что мастер обращается к самым известным видам Петербурга и пригородов, создает яркие, запоминающиеся образы архитектурных шедевров, его художественная миссия заключается не только в том, чтобы напомнить людям о той прекрасной архитектуре, которую оставили нам великие мастера прошлого. В пейзажах Владимира Смирнова мы соприкасаемся с особым авторским мироощущением, с глубинами души, болящей от невозможности противостоять разрушающему времени и находящей в себе силы этому неумолимому времени противостоять. Пейзажи талантливого художника создают сложное настроение одновременно потери и обретения, прощания и встречи, утраты и воскресения. Достигается это особым образным строем. Изображая разные времена года, художник как будто вводит в свои произведения время. Причем наибольшее художественное ощущение его образа достигается в пейзажах, изображающих пограничное время года, когда точно не ясно — это ранняя весна, поздняя осень или зимняя оттепель. Поэтому, наверное, в живописной коллекции Владимира Смирнова много зимних и осенних пейзажей, в которых более всего проявляется закономерность красоты окружающего мира, доступная художественному зрению автора.

Щемящее чувство ранней зимы как ранней потери вызывает картина «Павловский парк. Павильон-мавзолей» (2005). Художественный образ архитектурного шедевра, созданного архитектором Тома де Томоном в 1809 г. как памятник трагически скончавшемуся императору Павлу I по заказу императрицы Марии Федоровны «Супругу благодетелю», расположен в глубине несимметричной художественной композиции, выполненной в неярких, сумеречно-белых тонах, большей частью используемых для изображения влажного, насыщенного тенями раннего снега. Умело изображенный монолит мавзолея, сложенного архитектором из северных пород — гранита и песчаника, как будто бережно прикрыт, нежно окутан окружающими его деревьями. Хотя на переднем плане художник изображает старую

*Павловский парк. Павильон-мавзолей (2005).
Владимир Смирнов*

Екатерининский парк. Зимний пейзаж (2010). Владимир Смирнов

умирающую ель с ярко-черным ровным высоким стволом, с осыпающейся на верхних ветвях хвоей, символизирующую бренность земных красот, это художественное произведение не оставляет чувства безысходности, безвозвратной потери. Бодрые молодые березки на дальнем плане прославляют жизнь и неиссякаемую любовь, яркие цветовые пятна их стряхнувшей снег еще живой зелени наводят на философские размышления и вносят декоративный элемент.

Картина «Екатерининский парк. Зимний пейзаж» (2010) тоже вызывает зябкое ощущение невозвратной потери. Неожиданна точка взгляда художника, изображающего знакомый уголок старинного парка вблизи Камероновой галереи. Саму галерею мы не видим, но узнаем о ее близости по фигуре Геракла, который с непривычного ракурса расположен к нам спиной. Однако не черный схематизированный силуэт этого скульптурного шедевра является смысловым центром пейзажной композиции, а оголенное раскидистое дерево, помещенное художником на передний план. Художник передает мучительное зимнее пленение старинного дуба-исполина, изображая его могучий черный ствол, от которого змеевидно, широко отходят такие же неумолимо черные голые ветви, особенно символично смотрящиеся на фоне окружающего их глубокого, рыхлого снега. Непонятно, какой зимний месяц изображен на картине, но извивающиеся, заключающие в свои объятия большое пейзажное пространство ветви кажутся оживающими после зимнего усновения. Эти змееподобные ветви — запоминающаяся находка ху-

дожника — как будто создают вибрацию, ощущение трепета и дуновения, рождения и возрождения. Так что старый, корявый ствол помнящего многие времена дуба, кажется, тоже дышит и наполняется соками новой весенней жизни. В этой картине много неба, которое как будто просачивается между голыми, не заслоняющими его ветвями дерева, и много снега, ощущаемого художником частичкой неба, сошедшего согреть зимнюю землю.

На большой картине «Весенний Петербург» (2006), изображающей Исаакиевский собор, окруженный тающим весенним снегом, тоже много неба. Художник использует тот же излюбленный свой прием — на передний план помещает деревья с оголенными ветвями, не заслоняющими весенних небес и золотого купола величественного собора, расположенного в глубине композиции. Ощущение освобождения, накатывающегося весеннего тепла достигается мастерским изображением превращающегося в воду снега, которого зимой выпало так много, что еще не видно ни пяди земли, под обширной лужей-озером, разливающейся на подушке нерастающего снега. Похожая композиция наблюдается и в осеннем пейзаже «Троицкий Измайловский собор» (2009), в котором на переднем плане изображена полноводная лужа от недавно, кажется, пролившегося холодного дождя. Так же холодно, четко в ней, обрамленной яркими осенними деревьями, отражаются строгие синие купола старинного собора, тяжеловесный массив которого художник изображает извечной, незыблемой доминантой на фоне предзимнего неба. Вообще, неба много в каждом пейзаже петербургского художника Владимира Смирнова, наверное, потому и любящего изображать холодное время года, что яркие оперения деревьев не отвлекают от созерцания глубины небес, не мешают зрительному проникновению в изображенный ряд. В нарядных полновзвучных летних пейзажах мастер тоже обязательно оставляет место небу, находит свои живописные приемы прикосновения к нему. Чаще всего он использует образ дороги, тропинки, проселка, постепенно просветляющихся и обязательно сливающихся в глубине картин с небом, а во многих пейзажах уходящих к храму, возносящему в небеса православный крест.

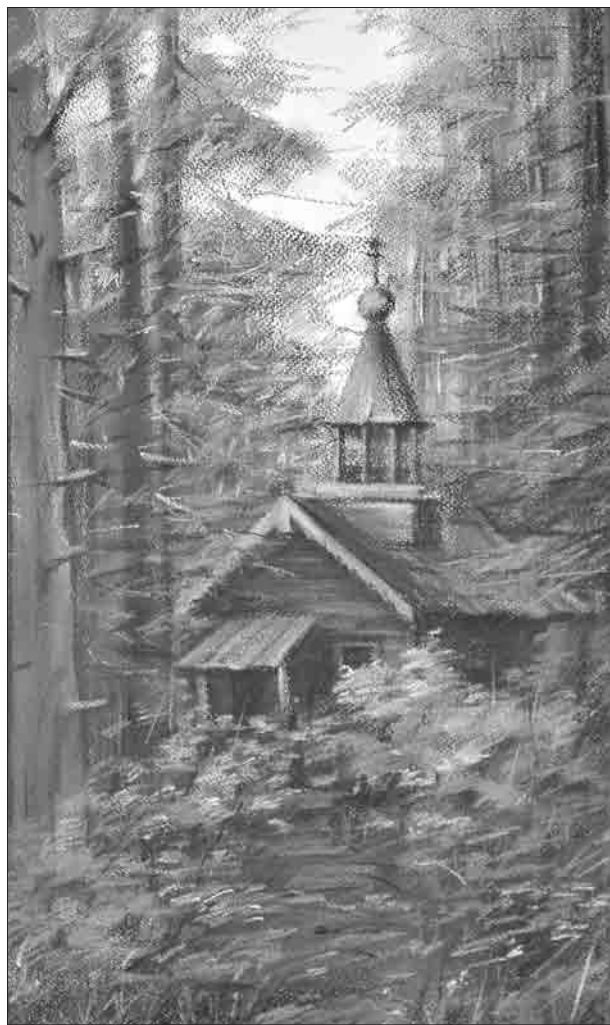
Особенно запоминается пейзаж «Заброшенный скит» (2006). Насыщенная темная серо-зеленая гамма картины, на которой изоб-

*Троицкий Измайловский собор (2009).
Владимир Смирнов*

ражена забытая в лесной глуши часовенка, создает настроение заброшенности, отчужденности. Это настроение усиливается изображением на переднем плане сухих, но ровно стоящих елей. Запущенный, плотной стеной разросшийся вокруг скита кустарник, затеняющий его стены, затрудняющий подход к сооружению, как будто символизирует препятствие, требующее преодоления. Но высоко и свободно в просвете леса возносится в ясное небо скитский шатер, увенчанный крестом.

Обращает на себя внимание, что почти во всех пейзажах художника, написанных в последние годы, присутствуют культовые строения. И большие, известные соборы, и маленькие деревенские церковки не может обойти своим художественным и духовным взором живописец. Кажется созвучно мировоззрению художника цветовое решение картины, созданной в масляной технике «Зимний Петербург». На небольшом полотне изображен заснеженный Исаакиевский собор со стороны Александровского парка. На переднем плане аллея белоснежных деревьев, у подножия их дорога, по-

Заброшенный скит (2006). Владимир Смирнов

крытая почерневшим, смешанным с грязью снегом. Постепенно, от стволов к ветвям, от ветвей к заснеженным капителям собора снег становится все чище, все белоснежнее, как будто очищается, как людские души, по мере приближения взора к кресту, венчающему собор. В этой картине мастерство художника, увидевшего и запечатлевшего сложнейшие, просветляющиеся градации белого цвета, кажется, выходит на более высокий, духовный уровень. Это подтверждается и в беседах с мастером, являющимся прихожанином Никольского храма в Павловске, интересующимся церковной жизнью, надеющимся обрести духовника.

Верится, что основы мастерства Владимир Смирнов постигал у великих художников, как он сам говорит, учился у Брюллова и Серова, у Рубенса и Ван Гога, воспринял от них основы рисунка, методы цветопередачи,

Зимний Петербург. Владимир Смирнов

гармонию композиционной целостности. Но, как известно, лучшие русские живописцы всегда были живописцами слова, мысли, душевного чувства, живописцами темы прославления Творца и созданного им мира, особенно родной земли. Владимир Смирнов, очевидно, находится на том пути, на котором можно достичь особой выразительности художественного языка, приблизиться к высшей степени мастерства на основе христианского духовного опыта. К его постижению постепенно сегодня обращается известный петербургский живописец в обретение нового уровня творчества, во служение своей родной земле.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры Г. А. Ильина, Н. П. Першакова
Дизайн обложки Г. Ю. Алкаева
Компьютерная верстка Т. Б. Макаровой

Подписано в печать 10.12.2010 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1012221.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.